МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Роговцева Александра Сергеевна

Контркультурный протест «долгих шестидесятых» в США как национальный и трансатлантический феномен

Специальность: 5.6.2
Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Журавлева В.И

Москва 2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН АМЕРИКАНСКИХ КОНТРКУЛЬТУР: ИДЕАЛЫ И ПРИОРИТЕТЫ БУНТУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ 54

1.1. Введение в исторический контекст американского контркультурного протеста 1950-х – 1960-х гг. 54
1.2. Анатомия битничества: от литературы до социальных протестов 72
1.3. Как хиппи изменили социальный и политический ландшафт США: от фантазий к реальности 99
1.4. Реакция конформистского общества на контркультурные движения в США 132

ГЛАВА 2. ЭСТЕТИКА БРИТАНСКОГО АНДЕГРАУНДА: РАЗОЧАРОВАНИЕ И БУНТ 155

2.1. Введение в исторический контекст послевоенной Великобритании: особенности социально-экономического развития во второй половине 1940-х – 1960-х гг. и конфликт поколений 155
2.2. Литературное движение «Разгневанных молодых людей» 177
2.3. Тедди-бои и формирование андеграунда 189
2.4. Реакция британского общества на развитие андеграунда 202

ГЛАВА 3. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНТРКУЛЬТУРНЫХ ДВИЖЕНИЙ В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1970-Х ГГ. 210

3.1. Репертуар идей в трансатлантическом дискурсе контркультур: от американских хиппи до британских модов 210
3.2. Сеть национальных и трансатлантических взаимодействий американских контркультур 227
3.3. Наследие американских контркультур от современников к современности 258

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 276

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 282

ПРИЛОЖЕНИЯ 312

Введение

Актуальность исследования. «Долгие шестидесятые» обозначают не столько календарное десятилетие, сколько эпоху масштабных социальных, культурных и политических преобразований, приблизительно с середины 1950-х до начала 1970-х гг. С одной стороны, это было время устойчивого экономического роста в США и странах Европы, а с другой –вызовов существовавшему порядку. В авангарде молодежного протеста стояли нонконформистские течения. Среди них можно выделить представителей контркультуры, которые пытались выстроить альтернативное, идеальное общество вне рамок общепринятой культуры и программы «Новых левых», сосредоточенных на политическом активизме и стремлении изменить существовавшую систему. И хотя никому из представителей контркультурного молодежного протеста не удалось добиться кардинального переформатирования существовавших порядков (особенно в отношении социального неравенства и распределения благ), они проложили путь для многих социальных преобразований по всему миру.

В рамках заявленной темы особое значение имеет трансатлантический контекст, поскольку США, став центром зарождения контркультурных идей, затем оказали заметное влияние на британский андеграунд. В Великобритании американские практики адаптировались к местным социальным реалиям, обретая собственные смыслы. Эта взаимосвязь позволяет говорить о формировании единого англо-американского культурного пространства, связанного с трансфером идей и форм их выражения, а также реверсивными процессами. Параллельно в континентальной Европе, и прежде всего во Франции, контркультурные практики тесно переплетались с политическим радикализмом и студенческими выступлениями мая 1968 г. В отличие от англо-американской модели, где акцент делался на изменении повседневности и культурных кодов, французский случай демонстрировал преимущественно политизированное измерение протеста.

В связи с вышесказанным изучение французского опыта и опыта других стран континентальной Европы представляется автору выходящим за рамки выбраной им контркультурной концепции, поскольку, во-первых, контркультурные практики носили там ярко выраженный политический характер, а во-вторых, собственно контркультурное движение оформилось лишь в начале 1970-х гг., то есть позднее, чем в США и Великобритании.

В настоящее время наблюдается частичное возрождение и популяризация идей и практик, которые ранее использовались представителями контркультуры. И как и прежде они оторваны от политического радикализма и оппозиционных идеологий. Например, забота об окружающей среде теперь поддерживается всеми слоями общества вне зависимости от политических взглядов, хотя в контркультуре она была важной составляющей протеста. Устойчивое развитие стало неотъемлемой частью экономической повестки настолько, что инвесторы отказываются вкладывать средства в компании, не соблюдающие принципы ESG[1]. Многие социальные идеи, изначально продвигаемые контркультурой, такие как либерализация института семьи, признание однополых браков, право на аборты и декриминализация психоделиков в медицинских целях, в настоящее время рассматриваются как важные достижения либеральной демократии, а не как вызов системе.

В данных условиях формируется потребность в понимании истоков контркультурных движений и предпосылок формирования тех или иных социальных принципов нонконформизма в США, а также самой контркультуре как гибкой системе, предполагающей возможность адаптации в меняющемся социальном и культурном ландшафте различных стран и движения от маргинального протеста к нормам, разделяемым большинством общества.

Именно этим обуславливается актуальность изучения контркультурного протеста как социального феномена периода «долгих шестидесятых» в американском и трансатлантическом контекстах. Подобный подход позволит

[1] ESG (Environmental, Social, Governance) - совокупность экологических, социальных и управленческих критериев, применяемых для оценки устойчивости и социальной ответственности компании.

рассмотреть контркультурный нонконформизм в качестве мирового явления и проследить эволюцию социальных и культурных паттернов, возникших в определенном историческом контексте, но сохраняющих актуальность и по сей день.

Степень изученности темы

Тема диссертационного исследования требует погружения в различные исторические контексты: политического и социально-экономического развития США и Великобритании после Второй мировой войны, протестных движений 1960-х гг. в корреляции с внутри- и внешнеполитическими повестками развития стран, становления и трансформации контркультуры как отдельного течения. Именно эти контексты определяют структуру историографического обзора, который выстраивается по проблемно-географическому принципу с учетом специфики американского и британского опыта.

В первую группу включены работы, нацеленные на характеристику динамики исторического развития США и Великобритании в послевоенный период. Хотя во многих трудах о 1960-х гг. присутствуют главы, в которых представлена краткая характеристика причин роста протестной активности в предшествующий период с учетом влияния социальных, политических и экономических факторов, для авторского анализа и решения исследовательских задач диссертации необходимы более проблематизированные исследования, позволяющие переосмыслить «тихие 1950-е».

Говоря об американской составляющей заявленной темы, необходимо отметить обобщающие монографии по истории холодной войны, которые помогли автору в прописывании корреляции между внутри- и внешнеполитическими контекстами. Так в книге Э.А. Иваняна прослеживается динамика российско-американских отношений через призму культурных взаимодействий, что позволяет рассматривать конфликт не только в политико-идеологическом, но и культурном измерении[2]. В свою очередь, Дж. Гэддис, один из ведущих представителей

[2] Иванян Э.А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007.

американской историографии, в книге «Россия, Советский Союз и Соединённые Штаты Америки» рассматривал эволюцию двусторонних отношений в длительной исторической ретроспективе[3], а в «Новой истории Холодной войны» уделил особое внимание политическим и стратегическим интересам США с учетом их ценностей и приоритетов[4].

В корпусе исследований, посвященных отдельным конфликтам эпохи холодной войны, которые способствовали тиражированию страхов и тревог в американском обществе, можно выделить монографию Б. Камингса о Войне в Корее[5], труд Дж. Блайта и Ф. Бреннера о Карибском кризисе[6], а также статью Т. Бишопа о распространении ядерных бомбоубежищ в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в преддверии возможного ядерного катаклизма[7].

В контексте изучения войны во Вьетнаме – внешнеполитического конфликта, который вызвал наибольшую протестную активность среди молодежи, следует обратить внимание на публикации американских историков и журналистов. В то время как Д. Халберстам[8] и Н. Шиэн[9] проанализировали военную стратегию США и политические просчеты военных, С. Де Бенедетти интересовал этический характер тактики «найти и уничтожить», а также применения химического оружия[10]. Для понимания культурно-психологических последствий войны важна монография Р. Лифтона, где содержатся свидетельства о травмах, перенесенных мирным населением Вьетнама, а также о «Вьетнамском синдроме» - психологических проблемах, с которыми сталкивались американские солдаты по возвращении домой[11].

---

[3] Gaddis J. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y.: McGraw-Hill Education, 1990.
[4] Gaddis J. The Cold War. A New History. N.Y.: The Penguin Press, 2005.
[5] Cumings B. The Korean War: A History. N.Y.: Random House Publishing Group, 2011.
[6] Blight J., Brenner Ph. Sad and Luminous Days: Cuba's Struggle with the Superpowers after the Missile Crisis. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2002.
[7] Bishop T. “The Struggle to Sell Survival”: Family Fallout Shelters and the Limits of Consumer Citizenship // Modern American History. 2019. Vol. 2, Iss. 2. P. 117 – 138.
[8] Halberstam D. The Best and the Brightest. N.Y.: Ballantine Books, 1993.
[9] Sheehan N. A Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam. N.Y.: Vintage, 1988.
[10] De Benedetti C. An American Ordeal: The Antiwar Movement of the Vietnam Era. Syracuse University Press, 1991.
[11] Lifton R. Home from the War: Vietnam Veterans, Neither Victims nor Executioners. Simon & Schuster, 1973.

Не менее важным направлением стало изучение влияния войны во Вьетнаме на американское общество. Д. Халлин[12] исследовал трансформацию медиадискурса о войне, в то время как Т. Уэллс[13] – антивоенные движения. Особый ракурс анализа предложил М. Бейтс. Он выделил пять культурных «фронтов» в имагологии Войны во Вьетнаме – фронтирный (восприятие войны как продолжения экспансионистской миссии), расовый (усиление расового самосознания афроамериканцев), классовый (эксплуатация рабочего класса в военной риторике), связанный с маскулинностью (дискуссия о нереализованной мужественности) и поколенческий (конфликт между отцами-ветеранами и сыновьями, сопротивляющимися призыву). Исследователь акцентировал внимание на изучении того, как война во Вьетнаме стала катализатором раскола в американском обществе и привела к усилению критики традиционных ценностей и формированию молодежного протестного движения, что особенно важно для реализации авторской концепции диссертации[14].

Особое место внутри первой историографической группы занимают работы, в которых рассматривается обстановка внутри американского общества в период «долгих шестидесятых», поскольку благодаря этому можно проследить, каким образом внутри- и внешнеполитические события коррелировали друг с другом и стимулировали, во-первых, межпоколенческий конфликт, а во-вторых, изменения в идентичности молодежи, ставшие базой для контркультурных практик.

Среди исследований, посвященных экономическому положению США в послевоенный период, особый интерес для автора диссертации представляет монография М. Харрингтона[15]. Он показал, что даже в условиях «общества изобилия» сохранялась массовая бедность, которая оставалась «невидимой» для большинства американцев и игнорировалась в официальном дискурсе и СМИ. Харрингтон акцентировал внимание на структурных причинах социального неравенства – субурбанизации, деиндустриализации, расовой дискриминации и других недостатках государственной политики. Его монография стала важным

[12] Hallin D. The Uncensored War: The Media and Vietnam. N.Y.: Oxford University Press, 1986.
[13] Wells T. The War Within: America's Battle Over Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1994.
[14] Bates M. The Wars We Took to Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1996.
[15] Harrington M. The Other America: Poverty in the United States. N. Y.: Macmillan, 1997.

вкладом в осмысление внутренних противоречий американского общества, против которых, в том числе, выступали представители контркультур.

Среди внутриполитических вызовов для американского общества особое место занимал маккартизм. Преследования, инициированные сенатором Дж. Маккарти и его сторонниками, охватывали разные группы населения – от коммунистов («красная угроза») до гомосексуалов («лавандовая угроза»)[16]. Если первая проблема получила широкое освещение как в российской[17], так и в американской историографии[18], то вторая стала предметом систематического изучения в США только в начале XXI в. в рамках повестки о правах гендерных меньшинств[19].

Проблема сегрегации и расовой дискриминации в американском обществе стала в послевоенный период центральным вопросом внутриполитической повестки развития. Помимо обобщающих исследований, в которых прослеживается взаимосвязь бедности, преступности и сегрегации, превращавшей афроамериканцев в своеобразный «низший класс»[20], заслуживают упоминания монографии, ориентированные на изучение конкретных контекстов данной проблемы. Так, Р. Ротштейн на основе анализа государственной политики в сфере жилищного строительства и банковской системы продемонстрировал, что расовая сегрегация в США представляет собой прямое следствие четко выверенной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях[21]. К. Андерсон, в свою очередь, охарактеризовал историю борьбы национальных меньшинств за избирательные права, начиная с XIX в[22]. В контексте данного диссертационного

---

[16] «Лавандовая паника» («Лавандовая угроза») – государственная кампания, направленная против представителей гомосексуального сообщества.

[17] Новиков М. Д. Интерпретация политики маккартизма в советской и российской исторической науке. СПб., 2017; Супоницкая И. М. Общество против Джозефа Маккарти // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 135–147; Борзов А. В. Американские церкви и маккартизм // Американский ежегодник. 2017. М., 2018. С. 157–176.

[18] Ren Tan H., Wang T. McCarthyism, Media, and Political Repression: Evidence from Hollywood // NBER Working Paper. 2025. № 32682. 75 p; Schreker E. Many Are the Crimes: McCarthyism in America. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

[19] Fejes F. Gay Rights and Moral Panic: the Origins of America's Debate on Homosexuality. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.

[20] Massey D., Denton N. American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

[21] Rothstein R. The Color of Law: A Forgotten History of How Our Government Segregated America. N.Y.: Liveright, 2017.

[22] Anderson C. One Person, No Vote: How Voter Suppression Is Destroying Our Democracy. London: Bloomsbury Publishing, 2018.

исследования особый интерес представляет представленный автором исторический анализ лишения афроамериканцев избирательных прав в период от окончания Реконструкции[23] до принятия Закона об избирательных правах 1965 г[24]. Отдельно стоит отметить работу Р. Кеннеди о культурных и правовых барьерах межрассовых отношений[25].

Социальное неравенство в США было также связано с господством семейных пуританских ценностей в период «тихих 1950-х» и подчиненным положением женщин в семье, которым отводилась роль образцовых жен, матерей и домохозяек. Изучению патриархальных установок, существовавших в обществе, включая социальные роли в семье, гендерные отношения, вопросы сексуальности и брака, ставшие импульсом для зарождения феминистского движения 1960–1970-х гг., посвящены книги В. Брейнес[26] и Э. Мей[27].

Особую ценность для решения исследовательских задач диссертации представляет монография К. Кеннистона, который на основе анализа интервью и психологических тестов, проведенных со студентами Гарварда, выявил причины молодежной «отчужденности» в американском обществе[28]. Эта работа стала важной теоретической основой для понимания внутренних факторов формирования контркультурных движений в США в 1960-е гг., отраженных в диссертации.

Если говорить о Великобритании, то в первую очередь, следует обратить внимание на обобщающие труды, в которых отдельные главы посвящены послевоенному периоду, а также противостоянию лейбористской партии и консерваторов. Среди таких исследований можно выделить монографии П. Кларка[29], Т. Мэя[30] и Э. Марра[31].

---

[23] Реконструкция (1865–1877) – период после Гражданской войны в США, когда правительство предпринимало меры по интеграции афроамериканцев в общественную и политическую жизнь, включая предоставление им гражданства и избирательных прав (14-я и 15-я поправки к Конституции). Однако с ее завершением начался откат вследствие принятия законов Джима Кроу, создания избирательных барьеров и практики сегрегации.

[24] Voting Rights Act of 1965. URL https://www.archives.gov/milestone-documents/voting-rights-act (дата обращения 12.01.2025).

[25] Kennedy R. Interracial Intimacies: Sex, Marriage, Identity, and Adoption. N. Y.: Pantheon Books, 2003.

[26] Breines W. Young, Neand Miserable: Growing Up Female in the Fifties. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

[27] May E. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. N. Y.: Basic Books, 2008.

[28] Keniston K. The Uncommitted: Alienated Youth in American Society. N. Y.: Harcourt, Brace & World, 1965.

[29] Clarke P. Hope and Glory: Britain 1900-2000. 2nd ed. London: Penguin, 2004.

[30] May T. The Economic and Social History of Britain, 1760–1970. London: Longman, 1987.

[31] Marr A. A History of Modern Britain. London: Pan Macmillan, 2009.

Проблема внешней политики Великобритании, прежде всего процесс деколонизации, нашел отражение как в обобщающих работах П. Тойя[32] и К. Кросса[33], так и в специализированных, посвященных отдельным национальным движениям. Так, А. Сингх анализирует особенности деколонизации в Индии[34], С. Бабу – в странах Африки[35], а К. Лоу уделяет внимание Родезии[36].

Среди публикаций по проблемам общественно-политического развития Великобритании особую ценность представляет коллективная монография «Общество изобилия»[37], в котором рассматриваются ключевые социоэкономические аспекты развития в 1951–1964 гг. В частности, глава М. Пинто-Дашински дает представление о специфике политического ландшафта того времени и об отношении власти к социальным преобразованиям и культуре потребления[38].

Для решения исследовательских задач во второй главе дисертации было необходимо сформировать представление о *положении рабочего класса* в послевоенной Великобритании, поскольку значительная часть представителей андеграунда происходила из бедных рабочих районов и боролась против устоявшихся классовых барьеров.

Значительный вклад в осмысление проблемы трансформации рабочего класса в «обществе изобилия» внесли своей совместной работой социологи Дж. Голтроб и Д. Локвуд, уделив особое внимание феномену «состоятельного рабочего». Исследование нацелено на изучение вопроса о сближении рабочих и среднего класса и его влиянии на изменение системы ценностей тех и других в послевоенное время[39]. В свою очередь, Р. Хоггарт сместил фокус на внутреннюю неоднородность

---

[32] Toye P. Words of Change: the Rhetoric of Commonwealth, Common Market and Cold War, 1961–3 // The Wind of Change: Harold Macmillan and British Decolonization. Basingstoke: Palgrave, 2013. P. 140-158.
[33] Cross C. The Fall of the British Empire. London: Hodder & Stoughton Limited, 1968.
[34] Singh A. Keeping India in the Commonwealth: British Political and Military Aims, 1947-49 // Journal of Contemporary History. 1985.Vol. 20, №. 3. P. 469-481.
[35] Babou C. Decolonization or National Liberation: Debating the End of British Colonial Rule in Africa // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2010.Vol. 632. №1. P. 41-54.
[36] Law K. Pattern, Puzzle, and Peculiarity: Rhodesia's UDI and Decolonisation in Southern Africa // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2017. Vol. 45. №5. P.721-728.
[37] The Age of Affluence / Ed. by Bogdanor V., Skidelsky R. London: Macmillan Papermac, 1970.
[38] Pinto-Duschinsky M. Bread and Circuses: The Conservatives in Office, 1951-64 / The Age of Affluence. / Ed. by Bogdanor V., Skidelsky R. London: Macmillan Papermac, 1970. P. 55-77.
[39] Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. The Affluent Worker in the Class Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

британского рабочего класса и влияние на его идентичность и ценности общества потребления, например, посредством популярной культуры[40]. Эту тему развивил Р. Коул на основе анализа серии радиобаллад, созданных для BBC в период с 1958 по 1961 гг.[41].

Во вторую историографическую группу входят исследования, посвященные «долгим шестидесятым» как эпохе протестов. С учетом заявленной темы особый интерес представляют работы, в которых в качестве единого процесса социокультурной трансформации, охватившего обе стороны Атлантики, рассматриваются протестные движения от борьбы за гражданские права и борьбы против войны во Вьетнаме до феминистского и студенческого активизма.

С учетом господствовавшей в советской историографии традиции изучения истории США сквозь призму конфликта исследователи уделяли особое внимание политическим протестам 1960-х гг. Они интерпретировали антисистемные движения студенчества и рабочего класса как проявление кризиса и упадка буржуазного общества. Первые работы, посвященные данной теме, носили публицистический характер, поскольку большинство авторов были советскими корреспондентами и работали в США, становясь непосредственными свидетелями происходивших там событий. Среди подобных книг стоит отметить публицистический по своему характеру обзор протестной молодежной культуры США, принадлежавший перу М. Стуруа[42]. Автор описывал «турбулентность» западной молодежи и моральный упадок «загнивающего Запада», противопоставляя это устойчивости и идейности советской молодежи. В монографии А. Р. Брычкова «Молодая Америка» на основе данных, полученных из личных поездок автора, анализируется переоценка ценностей среди американской молодежи на фоне кризиса идентичности. Идеологический акцент делался на поисках «другой Америки» и формировании нонконформизма внутри капиталистической системы[43].

---

[40] Hoggart R. The Uses of Literacy. London: Chatto and Windus, 1957.
[41] Cole R. Industrial Balladry, Mass Culture and the politics of Realism in Cold War Britain // The Journal of Musicology. 2017. Vol. 34, №3. P. 354–390.
[42] Стуруа М. Брожение. М.: Молодая гвардия, 1971.
[43] Брычков А. Молодая Америка. М.: Молодая гвардия, 1971.

В более поздней работе «Молодежь США: от нигилизма к политике» Брычков проследил эволюцию молодежных движений от контркультуры к политическому радикализму, противопоставляя этот процесс стабильности и целеустремленности советской молодежи[44].

Среди более поздних советских исследований, в которых предпринимались попытки системного осмысления молодежных движений США 1960-х гг. опредленный интерес преставляют статьи М.Н. Новинской охарактеризовавшей специфику американского молодежного протеста[45] и И.С. Кона[46], рассматривавшего причины нонконформизма в широком социокультурном контексте, а также книги С.Н. Иконниковой, предложившей социальную типологию протестующей молодежи[47], и В. Большакова, в исследовавшего возможность сотрудничества между молодежью и рабочим классом в борьбе с «растленной моралью буржуазного общества»[48]. В фокус внимания советских исследователей попала и политическая философия протеста в ее различных составляющих: в то время как Э.Я. Баталов рассматривал идеи Г. Маркузе в интерпретации «Новых левых»[49], Э.Л. Нитобург[50] и И. Лаврецкий[51] прослеживали их идейную взимосвязь с протестным кредо Мартина Лютера Кинга и Че Гевары.

В современной российской историографии протестные движения 1960-х гг. за редким исключением упоминаются фрагментарно. Так, в монографии А.В. Кубышкина особое внимание обращено на взаимоотношения университетов с институтами гражданского общества, университетскому образованию как таковому и его этическим аспектам. Наибольший интерес для автора диссертационного исследования представляет характеристика протестной активности на территории

---

[44] Брычков А. Молодежь США: от нигилизма к политике. М.: Молодая гвардия, 1974.
[45] Новинская М. «Студенческая революция» в США и кризис буржуазных ценностей // Вопросы философии. 1972. № 2.
[46] Кон И. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений» // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 3. С. 27-39.
[47] Иконникова С.Н. Их судьбы: (социол. заметки о молодежи США). Ленинград: ЛГИК, 1968.
[48] Большаков В. Бунт в тупике? Очерки с идеологического фронта. М.: Молодая гвардия, 1973.
[49] Баталов Э. Л. «Новые левые» и Герберт Маркузе. М.: Знание, 1970.
[50] Нитобург Э. Борец против расизма, за мир и социальную справедливость// Кинг М.Л. Есть у меня мечта. М.: Издательство «Наука», 1970. С. 179–223; Нитобург Э.Л Афроамериканцы США, XX век: этноисторический очерк. М.: Наука, 2009. С. 179 -223.
[51] Лаврецкий И. Эрнесто Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 1973.

университетских кампусов[52]. В свою очередь, изучению студенческих движений посвящена совместная статья О.В. Бодрова и И.Ю. Храмова, в которой рассматривается идейная эволюция организации «Студенты за демократическое общество» (SDS), а также ее роль в формировании идеологии «Новых левых» и антивоенного протеста[53].

Опредленный вклад в изучение политического протеста в трансатлантическом контексте внес О.Ю. Пленков, монография которого на сегодняшний день остается единственным обобщающим русскоязычным исследованием по данной проблематике[54]. В книге затрагиваются политические протестные движения не только в США, Франции, Германии и Италии, но и в других странах, события в которых обычно не освещались – Нидерландах, Японии, Испании и др. Среди прочих проблем Пленков обращает внимание и на развитие битнической и хиппи-культуры, однако основной акцент делает на студенческих протестах. При этом автор опирается на выводы зарубежных исследователей, повторяя их мысли, а не вступая с ними в критический диалог, поскольку не вводит в научный оборот новых источников и не использует междисциплинарной методологии.

В отличие от отечественной историографии, где изучение темы молодежного протеста в основном сводилось к ее политическому измерению, американские исследователи с самого начала демонстрировали интерес к различным аспектам нонконформизма «долгих шестидесятых». Контркультура, наряду с движением за гражданские права, антивоенными протестами и студенческим активизмом, рассматривалась как неотъемлемая часть социокультурной трансформации всего периода «долгих 1960-х».

Среди обобщающих трудов особое внимание заслуживают монографии Д. Фарбера[55] и К. Стрейна[56]. Авторы представили всеобъемлющую харатеристику

---

[52] Кубышкин А. И. Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества: Монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.
[53] Бодров О., Храмов И. Идейная эволюция организации «Студенты за демократическое общество» в США в 1960-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 4 (102). URL: https://history.jes.su/s207987840014384-1-1/
[54] Пленков О. Революция 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СпБ: Владимир Даль, 2023.
[55] Farber D. The Age of Great Dreams: America in the 1960s. N. Y.: Hill and Wang, 1994.
[56] Strain C. The Long Sixties: America, 1954–1973. N. Y.: Wiley-Blackwell, 2016.

общественно-политической и культурной жизни США: от социально-экономических проблем, маккартизма и моральных догм «тихих 1950-х» до массовых социальных движений и их последствий. Однако недостатком подхода Стрейна, по мнению автора диссертационного исследования, является интеграция всех протестных движений, включая контркультуру и политических радикалов в движение «Новых левых».

В свою очередь, Т. Андерсон исследует борьбу за гражданские права, движение против Войны во Вьетнаме и другие формы политического протеста отдельно от контркультурного вызова[57]. Подобного подхода придерживается и Д. Кавалло, однако его анализ более предметен: среди представителей «Новых левых» его интересует организация «Студенты за демократическое общество», а из контркультур – «Диггеры» и музыкальные группы, такие как “The Grateful Dead.”[58] При этом Кавалло не уделяет внимание ранней литературной сцене (например, битникам), чье творчество во многом сформировало идейную основу контркультуры.

Кроме того, автором диссертационного исследования были изучены работы, посвященные определенным течениям протестного движения внутри США. Так, для более глубокого понимания природы студенческого протеста и студенческой среды, из которой вышли многие представители контркультурной элиты, привлекались труды Г. Корна и Дж. Картьера. Они были написаны непосредственно в разгар студенческих волнений, и органично дополняют друг друга. Г. Корн сосредоточился преимущественно на хронологии и этапах борьбы студентов за свободу слова[59], а Дж. Картьер предлагал философскую и психологическую интерпретацию протестного поведения молодежи, уделяя особое внимание причинам недовольства студентов[60].

---

[57] Anderson T. The Movement and the Sixties. Protest in America from Greensboro to Wounded Knee. N. Y.: Oxford University Press, 1995.
[58] Cavallo D. A Fiction of the Past: The Sixties in American History. N.Y.: St. Martin’s Press, 2001.
[59] Korn H. Student Activism and Protest San Francisco. N. Y.: Jossey-Bass, 1970.
[60] Quarter J. The student movement of the sixties. Toronto: The Ontario Institute for studies in education, 1972.

Одной из ключевых работ, позволивших составить развернутое представление о движении за гражданские права афроамериканцев, стала монография А. Морриса, в которой оно рассматривается как результат длительной борьбы темнокожих сообществ против дискриминирующей системы. Моррис особенно подчеркивает роль афроамериканских церквей и местных активистов из негласных сетей мобилизации, тем самым противопоставляя свой анализ теориям, которые объясняли движение как спонтанное восстание, начавшееся в 1950-х гг.[61] А. Мейер и Э. Радвик в своей совместной книге вписали афроамериканский протест в более широкий культурно-исторический контекст, уделив особое внимание развитию черного национализма, трансформации моделей расового насилия, практикам ненасильственного сопротивления, применяемым активистами, а также стратегии, к которой прибегали лидеры афроамериканского движения в борьбе за признание гражданского статуса темнокожих в США[62].

Среди основных трудов, посвященных британским «свингующим шестидесятым», особый интерес для реализации авторской концепции представляет книга Дж. Грина[63]. В ней проанализированы не только студенческие протесты, антивоенное движение, деятельность радикальной организации “Angry Brigade” и явление британского “Black Power,” но и такие проявления контркультуры как «Тропа хиппи»[64], «Британское вторжение», феномен андеграундной прессы и др.

«Долгие шестидесятые» в трансатлантическом контексте также не обделены вниманием зарубежных исследователей. Среди наиболее значимых для написания диссертации исследований необходимо обратить внимание на монографию Р. Вайнена, посвященную анализу протестных движений в США, Великобритании, Франции и Западной Германии[65]. Однако, несмотря на глубину анализа рабочих и студенческих движений, феномен контркультуры в работе практически не

---

[61] Morris A. The Origins of the Civil Rights Movement: Black Communities Organizing for Change. N. Y.: Free Press, 1984.
[62] Meier A, Rudwick E. Along the Color Line: Explorations in the Black Experience. Urbana: Univ. Ill. Press, 1976.
[63] Green J. All Dressed Up: The Sixties and the Counterculture. London: Vintage UK, 1999.
[64] Тропа хиппи (Hippie Trail) – это неформальный маршрут, по которому в 1960–1970-х гг. молодежь направлялась из Лондона, Амстердама, Парижа и Нью-Йорка, через Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан в Индию и Непал в поисках духовности, свободы и альтернативной культуры. Этот маршрут стал символом транснационального движения контркультуры, но исчез к 1980-м гг. из-за политической нестабильности в регионе.
[65] Вайнен Р. Долгий '68: Радикальный протест и его враги. Перевод с англ. А. Захарова, А. Арамяна, К. Митрошенкова. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

представлен. В ней присутствует краткое упоминание о «Движении за свободу сквернословия» которое, по мнению автора диссертации, скорее является радикальным направлением движения «Новых левых», нежели полноценной контркультурной практикой.

В отличие от Вайнена А. Марвик делает акцент на культурных аспектах протестных движений и включает в свой анализ контркультуру[66]. Однако подход Марвика основывается скорее на эмпирических наблюдениях, в чем он сам признается. Кроме того, исследователь ставит Великобританию в центр социальных трансформаций «долгих шестидесятых», что логично, учитывая его британское происхождение, но спорно с учетом доминирующей роли США в формировании как политической, так и социокультурной повестки исследуемого периода.

Отдельно стоит отметить коллективную монографию «Трансатлантические шестидесятые…»[67], в которой представлен широкий спектр сюжетов, раскрывающих взаимосвязь между событиями и движениями 1960-х гг. по обе стороны Атлантики. Среди затрагиваемых авторами тем – влияние американского движения за гражданские права на общественно-политические процессы в ФРГ, развитие феминистских движений и контркультуры в трансатлантическом контексте, особенности восприятия Европы в американской внешней политике, а также отражение Войны во Вьетнаме в европейском документальном кино. Отдельное внимание уделяется исследованию литературных и культурных параллелей между США и Европой, а также изучению механизмов формирования коллективной памяти об эпохе «долгих шестидесятых».

Однако, несмотря на широту охвата, контркультура в данной монографии представлена крайне ограниченно – ей посвящена лишь одна глава. Ее автор – Р. Дункан, дает краткий обзор причин формирования контркультуры и ее основных этапов, лишь упоминая важные вехи, связанные с формированием «аполитичного протестного движения», в силу ограниченного объема главы. Таким образом, при

---

[66] Marwick A. The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy, and the United States, c.1958–c.1974. N.Y.: Oxford University Press, 1998.

[67] The Transatlantic Sixties: Europe and the United States in the Counterculture Decade / Ed. by Kosc G., Juncker C., Monteith S., Waldschmidt-Nelson B. N.Y.: Transcript Publishing, 2013.

всей ценности монографии для понимания общей картины «долгих шестидесятых» в трансатлантическом контексте, контркультурное измерение в ней представлено лишь как один из аспектов эпохи, а не как самостоятельный и сложный исследовательский объект.

В третьей историографической группе объединены исследования, посвященные контркультуре как социальному и культурному протестному феномену.

В советской историографии теме контркультуры как части американского молодежного протеста 1960-х гг. уделялось крайне мало внимания. Исследователи, как правило, обходили стороной «аполитичное крыло протеста», либо трактовали его с позиций советской идеологии, рассматривая как реакционное явление, поддерживаемое правящими кругами буржуазно-капиталистического общества. Сама контркультура не подвергалась теоретическому осмыслению и воспринималась как форма девиантного поведения.

Первым обобщающим исследованием, призванным систематизировать представления о контркультуре, стала монография Ю.Н. Давыдова и И.Б. Роднянской[68]. Авторы, опираясь на ранее опубликованные работы[69], представили обобщенное исследование феномена, интерпретируя его сквозь призму идеологических установок советского времени. Работа И.И. Федоровой также выдержана в духе советского дискурса, однако в ней представлены ценные наблюдения о гедонистической этике, лежащей в основе контркультурных практик[70].

Особый интерес представляет подход И.Б. Громовой и В.Н. Леонтьевой, которые предлагали рассматривать контркультуру как альтернативный механизм социализации молодежи в условиях кризиса традиционных институтов[71]. Наиболее содержательной в исследовании неполитизированного крыла молодежного протеста

---

[68] Давыдов Ю., Роднянская И. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М.: Наука, 1980.
[69] Давыдов Ю. Контркультура и кризис социализации молодежи в условиях «общества потребления» // Социс. 1977. №3. С. 78-87.
[70] Федорова И. Гедонизм как принцип контркультуры// Этика и эстетика. Киев, 1983. Вып. 26. С. 122-128.
[71] Громова И. Леонтьева В.Н. Контркультура как адаптивный механизм трансляции социального опыта // Социс. 1991. № 10. С. 78-87.

стала монография А.М. Байчорова. Используя широкий корпус источников и опираясь на личные наблюдения, автор проследил эволюцию молодежного движения от битников и хиппи до представителей контркультуры 1970-х – начала 1980-х гг. Байчоров объяснял формы протеста особенностями положения молодежи в социальной и классовой структуре американского общества. При этом он подчеркивал, что капитализм в определенной степени поддерживал и даже финансировал контркультурные эксперименты, используя их как способ отвлечения масс от борьбы за подлинные альтернативы капиталистическому строю. В то же время автор допускал возможность перехода молодежи на позиции революционного рабочего движения, связывая это с деятельностью Коммунистической партии США[72].

В современной историографии феномен контркультуры трактуется как цельное философское и социологическое явление, тогда как исследований, посвященных анализу контркультуры в историческом контексте, за последние годы практически не появлялось. Как и в случае с изучением протестных движений, американская историография, посвященная контркультуре, является более репрезентативной по сравнению с российской. При этом особое внимание в зарубежные исследователи уделяют осмыслению самого понятия «контркультура» – вопросу, имеющему важное значение для изучения данной проблематики. Они подвергают критическому осмыслению не только формы выражения и внутреннюю структуру контркультуры, но и ее философскую и идеологическую основу, что позволяет рассматривать контркультуру не как маргинальное ответвление молодежного протеста, а как самостоятельное явление.

Классическим трудом по контркультуре остается книга Т. Роззака (Рошака), в которой впервые была сформулирована концепция данного феномена. По мнению автора, контркультура – критика технократического общества, отказ от ценностей потребления, рациональности и конформизма, а также стремление к поиску

[72] Байчоров А. От «разбитого» поколения к контркультуре: (парадоксы молодежного протеста в США). Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина,1982.

альтернативного образа жизни, построенного на духовности и коммунализме[73]. В свою очередь, социолог Дж. Ингер понимал контркультуру как систему, вступающую в конфронтацию с доминирующими ценностями общества, причем к системным противоречиям добавлялись поведенческие, вследствие чего ключевую роль играли личные факторы и мотивация участников движения[74]. Со своей стороны, историк Д. Россиноу расширил понятие контркультуры, подчеркивая, что она представляла собой конструкт, позволявший описывать и обобщать разнородные проявления молодежного протеста. Он считал, что этот термин охватывал широкий спектр культурных и поведенческих практик, от музыки и моды до политического радикализма, объединенных общим неприятием конформистских ценностей[75].

Отдельной характеристики в контексте становления идейных основ контркультуры заслуживает работа Ч. Райха[76]. В ней автор предложил концепцию «трех сознаний», где контркультура, по его мнению, как раз и была проявлением «третьего сознания». Исследователь связывал его с новым образом жизни, ориентированным на свободу, самовыражение, экологичность и отказ от традиционных иерархий, материалистических ценностей и институтов общества «тихих 1950-х». Таким образом, он концептуализировал контркультуру как социально-философскую альтернативу конформизму. К вопросу разграничения ценностей контркультуры и конформизма обращается также Дж. Спейтс, сравнивая установки, транслируемые конформистами и представителями контркультуры, а также выявляя различия в ценностных ориентирах[77].

Для решения исследовательских задач было важно не ограничиваться знакомством с работами, посвященными теоретическому определению

---

[73] Рошак Т. Истоки контркультуры. М.: АСТ, 2014.
[74] Yinger J. M. Countercultures: The Promise and the Peril of a World Turned Upside Down. N. Y.: The Free Press, 1982.
[75] Rossinow D. The New Left in the Counterculture: Hypothesis and Evidence // Radical History Review. 1997. Vol. 67. P. 79–120.
[76] Reich C. The Greening of America: How the Youth Revolution is Trying to Make America Livable. N. Y.: Random House, 1970.
[77] Spates J. Counterculture and Dominant Culture Values: A Cross-National Analysis of the Underground Press and Dominant Culture Magazines // American Sociological Review. 1976. Vol. 41. P. 868-883.
Spates J., Levin J. Beats, Hippies, the Hip Generation, and the American Middle Class: an Analysis of Values // International Social Science Journal. 1972. Vol. 24, No. 2. P. 326-353.

контркультуры, но и обратиться к публикациям, нацеленным на анализ трансформации контркультурных движений, личностей и образов, которые она породила. В сборнике «Воображая нацию: Американские контркультуры 1960-х – 1970-х гг.» под редакцией П. Браунштейна и М.Дойла собраны статьи, описывающие различные аспекты повседневной жизни и эстетики контркультурных движений[78]. Со своей стороны, М. Мартинес анализировал концепцию протеста и свободы в литературных кругах «долгих шестидесятых»: среди битников, чиканос (Р. Салинас, Х. Монтойя, Л. Вальдес и О. Акоста) и мексиканских писателей-мигрантов (Т. Ривера и Э. Галарса) [79]. Н. Циммерман, в свою очередь, исследовал музыкальные тексты и перформансы, чтобы показать, как музыка становилась важнейшим носителем контркультурных смыслов и отличала их от политического радикализма «Новых левых»[80], а Дж. Силос изучал контркультурный протест в контексте установления прав на общественные пространства[81].

При изучении британского андеграунда необходимо учитывать литературу, акцентирующую внимание на характеристике национального контекста. В русскоязычной научной среде тема британского андеграунда до настоящего времени остается крайне слабо изученной. Между тем в британской историографии сформировалась традиция, в рамках которой андеграунд рассматривался сквозь призму социальных трансформаций, классовой идентичности и молодежного бунта. Особое место в литературе, посвященной британскому андеграунду, занимает коллективная монография Центра современных культурных исследований Бирмингемского университета[82]. Авторы исследовали субкультурную идентичность (а многие британские исследователи называют протестные движения 1950-х – 1960-х гг. именно субкультурами) и интерпретировали молодежный протест как символический акт, направленный на поиск своего места в обществе в условиях

---

[78] Imagine Nation: The American Counterculture of the 1960s and ‘70s. / Ed. by Braunstein P., Doyle M., N.Y.: Routledge, 2002.
[79] Martinez M. Countering the Counterculture: Rereading Postwar American Dissent from Jack Kerouac to Tomas Rivera. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2003.
[80] Zimmerman N. Counterculture Kaleidoscope: Musical and Cultural Perspective on Late Sixties San Francisco. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.
[81] Silos J. "Everybody get together": The sixties counterculture and public space, 1964-1967. Doctoral (Philosophy in History) Dissertation. The University of New Hampshire, 2003.
[82] Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain / Ed. by Hall S., Jefferson T. London: Routledge, 1993.

гегемонии буржуазных норм. Именно эта теоретическая рамка легла в основу работы Д. Хебдиге[83], который расширил границы анализа и включил в исследование не только тедди-боев, модов и скинхедов, но и представителей музыкальных и этнических субкультур, таких как панки, а также регги- и растафарианскую культуру среди вест-индийской общины в Лондоне.

Наиболее пристального внимания заслуживает монография Б. Майлза, одного из наиболее известных исследователей контркультуры, знавшего многих представителей сообщества лично. Его книга представляет собой подробную хронику британской контркультурной сцены[84]. Однако в методологическом плане работа оставляет ряд вопросов. В отличие от своих коллег Майлз не акцентировал внимание на теоретическом различии между понятиями «контркультура» и «субкультура». Кроме того, его работу отличает фрагментарность. Например, подробно рассматривался суд над редакцией журнала “London Oz” и поэтические чтения 1965 г. в Альберт-холле, а демонстрация против Войны во Вьетнаме у посольства США на Гросвенор-сквер оставалась вне поля зрения. Но несмотря на это значимость его исследования трудно переоценить, поскольку в нем наглядно продемонстрирована зависимость британской контркультуры от американской.

В четвертую историографическую группу выделена литература по каждому контркультурному течению в США и в Великобритани, в которой анализируются особенности, логика развития и формы этетического выражения каждого направления в национальном контексте.

Битники как отдельное движение не вызывали в советской историографии особого интереса, поэтому монографий на эту тему не издавалось. Лишь после распада СССР в России началась активная публикация произведений битников на русском языке. Это способствовало популяризации темы и привлекло внимание публицистов и писателей. В частности, примечательна вводная статья к роману У.

---

[83] Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. N.Y.: Routledge, 1991.
[84] Miles B. London Calling: A Countercultural History of London since 1945. London: Atlantic Books, 2010.

Берроуза «Голый завтрак» Я. Могутина и А. Шаталова, в которой авторы кратко очерчивали особенности бит-культуры[85].

На современном этапе изучением битников занимаются в основном филологи – через анализ художественных тропов и тем, затрагиваемых в произведениях. Историко-культурный аспект «битничества» по-прежнему недостаточно изучен. Исключением стали публикации Е.Г. Загвоздкиной, посвященные образу битников в конформистской прессе (на примере журналов “Life”, “Time”, газеты “New York Times”)[86], а также монография Д. Хаустова, в которой он проанализировал философские основы бит-культуры, интерпретируя идеи битников сквозь призму западной и восточной философии – от Г. Маркузе и Т. Адорно до М. Фуко и Ж. Бодрийяра[87]. В своей последней книге Хаустов обратился к биографии У. Берроуза[88], показывая, как биографическая траектория автора связана с историческим контекстом и трансформацией его литературного стиля.

В отличие от российской научной традиции, в США бит-культура признана важной частью национального литературного и культурного наследия, а представители движения стали предметом внимания литературоведов, историков и культурологов. Это объясняет большое количество работ, рассматривающих бит-поколение не только как эстетический феномен, но и как выражение общественных, философских и политических сдвигов в американской культуре середины XX в.в целом.

Стоит начать с обобщающих трудов, посвященных «разбитому поколению», таких как исследование К. Кармоны, в котором автор анализировала бит-культуру как литературный и социальный феномен[89]. Важным дополнением к этой книге стала монография Р. Ли, нацеленная на характеристику деятельности менее

---

[85] Могутин Я., Шаталов А. Битники: История болезни // Берроуз У. Голый Завтрак М.: Глагол, 1994. С. 7-24.

[86] Загвоздкина Е. Репрезентация «Разбитого поколения» в журнале «ЛАЙФ» в конце 1950-х – начале 1970-х гг. // Вестник Московского Университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 1. С. 24-39; Загвоздкина Е. Репрезентация «Разбитого поколения» в журналах «Лайф» и «Тайм» // МедиаАльманах Факультета журналистики МГУ Имени М.В. Ломоносова. 2017. № 1. С. 90-101; Загвоздкина Е. Изменение в ценностной системе американских СМИ 1960-х гг.: на примере репрезентации "разбитого поколения" в журналах LIFE, TIME и газете The New York Times: дис. канд. журн. наук: 10.01.10. МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2017.

[87] Хаустов Д. Битники. Великий отказ или Путешествие в поисках Америки. М.: РИПОЛ классик, 2021.

[88] Хаустов Д. Берроуз, который взорвался. М.: Индивидуум, 2024.

[89] Carmona C. Keeping the Beat: The Practice of a Beat Movement. Doctoral (Philosophy) Dissertation. Texas A&M University, 2012.

известных представителей движения, включая женщин и афроамериканских авторов[90]. Изучению битничества в более широких идейных и культурных контекстах посвящены статья Н. Петерса, связывавшего битников с более ранними традициями американской богемы и литературной сцены Сан-Франциско начала XX в. [91], и монография М. Дэвидсона, вписывавшего битников в «Сан-Францисский Ренессанс»[92]. Особый интерес для изучения трансатлантического вектора американской контркультуры представляет монография Б. Майлза «Бит Отель», в которой рассматривается европейский этап бит-движения, в частности, пребывание битников в Париже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. [93]

Обращаясь к литературе, посвященной движению хиппи, следует отметить, что, несмотря на его бо́льшую известность, в советской и постсоветской историографии интерес к изучению данной контркультуры оказался на удивление ограниченным. Одним из немногих примеров можно считать публицистическую статью Э. Розенталя о хиппи в Швейцарии[94]. Несмотря на то, что описываемые действия происходят в Европе, в тексте прослеживается типичное советское восприятие ключевых черт американской хиппи-культуры: сексуальной революции, борьбы с цензурой, наркотиков и т.д. При этом по своему тону и выводам статья вписывается в идеологическую рамку, характерную для литературы, рассмотренной в третьей историографической группе, посвященной контркультуре в целом, то есть движение опять же трактуется как продукт кризиса буржуазного общества и как идеологическая ловушка для западной молодежи.

В современной российской историографии контркультур 1960-х гг. особого внимания заслуживают статьи О.В. Бодрова в соавторстве с А.В. Закировым. В одной из них, посвященной «Труппе пантомимы Сан-Франциско», в которой театр рассматривается как форма культурного сопротивления и реакции молодежи на социально-политическую реальность США, авторы рассматривали деятельность

---

[90] Lee R. The Beats: Authorships, Legacies. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.
[91] Peters N. The Beat Generation and San Francisco's Culture of Dissent // Reclaiming San Francisco: History, Politics, Culture. San Francisco: City Lights Books, 1998. P. 157–170.
[92] Davidson M. The San Francisco Renaissance: Poetics and Community at Midcentury. N. Y.: Cambridge University Press, 1991.
[93] Майлз Б. Бит Отель: Гинзберг, Берроуз и Корсо в Париже, 1957–1963. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
[94] Розенталь Э. Хиппи и другие // Новый мир, 1971. №7. С. 182-204.

коллектива как одного из центров контркультурного движения[95]. В другой их статье предлагалась интерпретация путешествия «Далше» 1964 г. как символического акта трансформации битнического сообщества в сообщество хиппи[96]. Помимо этого, в поле интересов исследователей попал феномен подпольной прессы. В одной из своих совместных статей они исследуют деятельность Синдиката подпольной прессы, объединявшего такие издания, как “San Francisco Oracle” и “The Berkeley Barb,” и прослеживают не только институционализацию альтернативной прессы, но и ее влияние на формирование антисистемных культурных нарративов в американском обществе 1970-х гг[97].

Обзор американской историографии, посвященной хиппи, следует начать с монографи С. Стоуна[98], в которой рассматриваются ключевые аспекты контркультуры: употребление наркотиков, увлечение астрологией, философские и религиозные поиски, музыкальные предпочтения, а также влияние хиппи на американское общество, начиная с 1960-х гг. до настоящего времени и работы Б. Майлза, посвященной отдельным феноменам контркультуры[99], например, Кислотным тестам, “The Beatles” и ЛСД, деятельности “The Fugs” и др.

Характеристике коммуны «Диггеров»[100] посвящено специальное исследование М. Дойла[101], акцентирующее внимание как на самом протесте, нацеленном на построение системы противоположной той, что была основана на прибыли, собственности и индивидуализме, так и на ключевых направлениях деятельности хиппи: организация бесплатных столовых, пунктов раздачи одежды и убежищ, создание центров занятости и др.

---

[95] Бодров О., Закиров А. Уличный театр «Мим труппа Сан-Франциско» как духовная реакция молодежи на социально-политическую реальность США 1960–1970-х гг. // Диалог со временем. 2024. Вып. 87. С. 309-324.
[96] Бодров О., Закиров А. Путешествие «Далше» летом 1964 года и его значение в процессе смены субкультур США // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 291-304.
[97] Бодров О.В., Закиров А.В. Контркультура 1960-х и рождение Underground Press в США // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 1. URL: https://rusus.jes.su/s207054760014716-4-1/
[98] Stone S. Hippies from A to Z: Their Sex, Drugs, Music and Impact on Society from the Sixties to the Present. Silver City: Hip Inc., 1999.
[99] Miles B. Hippie. N. Y.: Sterling, 2004.
[100] «Диггеры» – это радикальная коммуна, возникшая в Сан-Франциско в 1966 г., представители которой отвергали частную собственность и капитализм, создавая утопическое сообщество на принципах взаимопомощи, бесплатного распределения еды, одежды и услуг. Они сочетали театральный активизм с анархистскими идеями и стали одним из символов хиппи-культуры.
[101] Doyle M. The Haight-Ashbury Diggers and the Cultural Politics of Utopia, 1965-1968. Doctoral (Philosophy) Dissertation. Cornell University, 1997.

Американские исследователи уделяют особое внимание отдельным аспектам движения хиппи. Например, С. Макфарлейн в своей книге пишет о литературном наследии движения и делает объектом анализа не только произведения, традиционно ассоциируемые с хиппи, например, «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» Х. Томпсона[102] и «Электропрохладительный кислотный тест» Т. Вулфа[103], но и тексты битников[104]. Это позволяет проследить идейную и стилистическую преемственность между бит-литературой и более поздней прозой 1960-х гг., продемонстрировав тем самым непрерывность «контркультурного протестного дискурса» в американской культуре второй половины XX в.

Для изучения трансформации контркультуры от радикального протестного движения к эстетике автор диссертации обращался к статьям российских и американских исследователей о влиянии хиппи на моду[105]. Подобные работы позволяют глубже понять процесс коммерциализации и упрощения образа хиппи с конца 1960-х гг. вплоть до настоящего времени, а также осмыслить то, каким образом память о хиппи стала частью популярной визуальной культуры.

«Разгневанным молодым людям» как литературному и андеграундному движению посвящена работа Х. Карпентера[106]. Среди исследований о движении тедди-боев, выделяется коллективная монография Р. Ферриса и Дж. Лорда[107], а также книга М. Дешарне[108], в которых показана эволюция движения от его зарождения в 1950-е гг. до современных форм рецепции. Особую исследовательскую оптику предложила в своей статье М. Циммерман, сделав акцент на визуально-эстетическом аспекте. Через анализ неоэдвардианской моды она проследила то, каким образом элементы элитарного стиля переосмыслялись в

---

[102] Томпсон Х. Страх и отвращение в Лас-Вегасе. М.: АСТ, 2014.
[103] Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест. СПБ: Аркадия, 2018.
[104] MacFarlane S. The Hippie Narrative: A Literary Perspective on the Counterculture. Jefferson. NC: McFarland and Co., Inc., 2007.
[105] Кадошникова Д. Контркультура в моде: влияние культуры хиппи на современную моду // CLIO MODERNA-3: исторический опыт развития стран Запада и Востока в новое и новейшее время: сборник материалов международной научной конференции 18 ноября 2023 г., Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: УрГПУ, 2024. С. 58-63; Jony A., Islam M., Tabassum T., Jhumu M., Nizam M. Influence of 1960's Hippie Counterculture in Contemporary Fashion // International Journal of Textile and Fashion Technology (IJTFT). 2017. Vol. 7. №. 4. P. 11–20.
[106] Carpenter H. The angry young men: a literary comedy of the 1950s. Allen Lane, 2002.
[107] Ferris R., Lord J. Teddy Boys: A Concise History. Wrea Green: Milo Books, 2012.
[108] Décharné M. Teddy Boys: Post-War Britain and the First Youth Revolution. London: Profile Books Ltd, 2024.

андеграунде[109]. Ценный вклад в интерпретацию движения тедди-боев как социального конструкта внес Р. Кросс. Автор пришел к выводу, что негативный образ тедди был в большей степени сконструирован конформистским обществом, впервые столкнувшимся с феноменом андеграунда[110].

Движение модов[111] стало объектом изучения в диссертации К. Фельдмана[112], где оно характеризовалось как феномен, оказавший влияние на формирование молодежных сообществ в странах Европы и в США. Музыкальные предпочтения, стиль одежды и формы досуга исследовались автором как символы культурного сопротивления и одновременно объекты коммерциализации.

Подводя итог историографическому обзору, следует подчеркнуть, что в существующей академической литературе основное внимание уделялось студенческим и рабочим протестным движениям, то есть «Новым левым», тогда как феномен контркультуры, как правило, рассматривался на национальном уровне. В историографии до сих пор отсутствует комплексное исследование контркультуры в трансатлантическом контексте с учетом взаимосвязей США и Великобритании, особенностей трансфера идей и реверсивных процессов, преемственности в формировани конформистской и контркультурной идентичностей в условиях «тихих 1950-х» и «бурных 1960-х» гг. Эту историографическую лакуну призвана заполнить данная диссертация.

Объект исследования – трансфер американской контркультуры в Великобританию как референтной модели повседневного протеста.

Предмет исследования – американо-британский контркультурный дискурс протеста во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг.

Цель исследования – на основе компаративного анализа и исследовательских практик конструктивизма определить степень влияния американской

---

[109] Zimmermann M. Diálogos entre moda e rua: Teddy Boys: de subcultura a cultura de massa // Ponto Urbe. 2012. №. 11. P. 1- 27.

[110]Cross R. The Teddy boy as scapegoat // Men's Fashion Reader. N. Y.: Fairchild Books, 1998. P. 214-230.

[111] Моды – британское молодежное движение, представители которого стремились к стильному, «современному» образу жизни. Их отличали дорогая, аккуратная одежда в духе итальянской моды, любовь к джазу, ритм-энд-блюзу и скутерам марки “Lambretta” и “Vespa”.

[112] Feldman C. ‘We are the Mods’: A Transnational History of a Youth Culture. Doctoral (Philosophy) Dissertation. University of Pittsburgh, 2009.

контркультуры на социально-политические процессы в США и формирование британского андеграунда с учетом исторической повестки развития стран, особенностей кризиса национальной идентичности, культурного трансфера и реверсивных процессов.

Для достижения поставленной цели следовало решить следующие исследовательские **задачи**:

- выявить совокупность политических, социально-экономических и личностных факторов, оказавших влияние на формирование молодежной «отчужденности» в США и Великобритании, которая впоследствии трансформировалась в контркультурное мышление;
- на примере мировоззрения битников и хиппи представить комплексную характеристику американской контркультуры как системы с характерным для нее репертуаром смыслов и символов;
- охарактеризовать британский андеграунд до начала трансатлантического трансфера с целью выявления его особенностей как феномена национальной контркультурной традиции отличной от американского образца;
- исследовать механизмы транснационального влияния американской контркультуры на британское общество с учетом политической и социокультурной специфики развития Великобритании в указанный период и существовавших к тому времени андеграундных движений;
- сформировать контркультурную сеть акторов, вовлеченных в создание, переосмысление и тиражирование идей как внутри США, так и в транснациональном контексте.

Основные **хронологические рамки исследования** охватывают период «долгих шестидесятых». Это достаточно распространенный термин среди исследователей контркультур и «Новых левых». Однако данный термин не имеет единого хронологического обоснования: каждый исследователь устанавливает свои хронологические рамки в зависимости от выбранного контекста и методологии. Похожим по смыслу термином является «долгий ’68-й», заимствованный из

исследований французских историков, акцентировавших внимание на событиях мая 1968 г. Они также предлагают трактовать «1968-й» не как календарный год, а как особый временной и идейный цикл, называя его «шестьдесят восьмые годы» (“les années soixante huit”). По мнению автора, термин «долгий ’68-й» является не совсем подходящим в контексте контркультур, так как он описывает прежде всего радикальные студенческие и рабочие движения. В свою очередь, понятие «долгих шестидесятых» позволяет более точно охватить динамику становления, трансформации и трансатлантического трансфера американской контркультуры.

В рамках данной работы нижней хронологической рамкой выбран 1955 г. – год первых поэтических чтений в галерее “Six Gallery” в Сан-Франциско, ознаменовавших публичное становление битников как контркультуры и условно положивших начало альтернативным культурным и идеологическим ориентирам. Верхняя граница, 1973 г., обусловлена как реальными политическими и социальными изменениями (началом вывода американских войск из Вьетнама после заключения мирного соглашения, спад протестной активности), так и символическим осмыслением завершения эпохи, выраженным, например, Х. Томпсоном в книге «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» в его фразе о том, что «расширение сознания отправилось в отставку»[113].

Однако, для комплексного анализа феномена американской контркультуры и процессов, приведших к ее формированию, автор выходит за рамки «долгих шестидесятых», обращаясь к более ранним проявлениям молодежной «отчужденности» вплоть до 1940-х гг. Так, «нью-йоркский» период развития контркультуры в предложенной в тексте периодизации (1943–1954 гг.) рассматривается не как самостоятельный этап, а как пролог, поскольку в это время движение было немногочисленным, а его идейная программа, позволявшие говорить о контркультуре как о целостном феномене, окончательно не сформировалась. Кроме того, в последнем параграфе последней главы кратко охарактеризованы современные проявления контркультурного наследия, что

[113] Томпсон Х. Страх и отвращение в Лас-Вегасе. М.: АСТ, 2014. С. 310.

позволяет проследить не только становление и трансформацию движения, но и изменения восприятия его идеологического и визуального наследия в актуальных политических и социокультурных контекстах.

Источниковая база диссертации

Диссертационное исследование опирается на опубликованные источники, а также оцифрованные архивные материалы из университетских библиотек и частных фондов. Источники, использованные в диссертации, можно сгруппировать в соответствии с их видовыми характеристиками.

К числу ***источников официального происхождения*** относятся материалы, отражающие ответ государства на нонконформистский вызов. В первую очередь, это законодательные акты, регулирующие социальные отношения в период «долгих шестидесятых». В исследовании автор опирается на нормативные документы которые стали причиной протестных настроений[114], а также те, которые являлись реакцией государства на активизацию и наследие контркультурных движений[115].

В отдельные подгруппы источников официального происхождения можно выделить выступления представителей власти, касающиеся контркультурных движений[116], а также судебные процессы. Последние представляют особую ценность для анализа границ дозволенного в обществе «долгих шестидесятых». Так, были использованы оцифрованные стенограммы дел, непосредственно связанных с представителями контркультур[117], и тех, что стали прецедентными для

---

[114] Билль о правах ветеранов (“G.I. Bill”, “Servicemen’s Readjustment Act of 1944”). 1944. // Национальные архивы США. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/servicemens-readjustment-act#:~:text=Signed%20into%20law%20by%20President,WWII%20and%20later%20military%20conflicts. (дата обращения: 20.02.2024); British Nationality Act of 1948. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted (дата обращения 08.06.2025).

[115] Psychedelic Legalization & Decriminalization Tracker // Psychedelic Alpha URL: https://psychedelicalpha.com/data/psychedelic-laws (дата обращения: 11.02.2025); Race Relations Act of 1965. URL: https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/relationships/collections1/race-relations-act-1965/race-relations-act-1965/#:~:text=The%20Act%20banned%20racial%20discrimination,or%20national%20origins'%20an%20offence. (дата обращения 08.06.2025); U.S. Sentencing Commission Comment Letter // MAPS. URL: https://maps.org/2024/07/18/u-s-sentencing-commission-comment-letter/ (дата обращения: 11.02.2025).

[116] Nixon R. Remarks at the National 4-H Congress, Chicago, Illinois. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-national-4-h-congress-chicago-illinois (дата обращения: 06.02.2025); Ronald Reagan slams the hippies [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: https://youtu.be/yfg9WL6j5V4?si=DrLTZFSGJh2-RTd4 (дата обращения 08.04.24).

[117] The Boston Trial of Naked Lunch URL: https://realitystudio.org/texts/naked-lunch/trial/ (дата обращения 08.04.24); People of the State of California v. Lawrence Ferlinghetti. Howl Obscenity Trial. October 3, 1957; The People of the State of

вышеупомянутых процессов[118]. Эти материалы позволяют реконструировать формы государственной реакции на проявления нонконформизма. Особый интерес в данном контексте представляют изданные правительством методические и пропагандистские материалы, маргинализировавшие такие аспекты контркультурной идентичности, как, например, гомосексуализм[119].

Однако контркультурные движения были ориентированы прежде всего на субъективный опыт и личные траектории, что придает особую значимость ***источникам личного происхождения*** – мемуарам, дневникам, переписке, которые позволяют реконструировать внутренний мир участников событий, выявить мотивацию и идейные основания контркультурного мировоззрения. Обращение к источникам данной видовой характеристики позволяет выйти за рамки традиционной истории, связанной с «Новыми левыми», и проследить феномен контркультуры через призму повседневности и субъективного опыта, а также выявить внутренние конфликты представителей контркультур.

Среди источников американского происхождения особый интерес представляют дневники и эссе А. Гинзберга, в которых он фиксировал не только повседневные события, но и сны, размышления различного характера, тем самым формируя уникальное социально-психологическое повествование[120]. Важным свидетельством эпохи стали мемуары Дж. Денсмора – члена группы “The Doors”[121], а также архивные записи членов коммуны «Диггеры»[122]. Образцом «гонзо-журналистики»[123], совмещающей журналистские приемы, средства выразительности, характерные для художественной литературы, и личный опыт,

---

California vs. Charles Manson, Susan Atkins, Leslie Van Houten and Patricia Krenwinkel. Case No. A253156 // CieloDrive URL: https://www.cielodrive.com/people-v-manson-atkins-van-houten-krenwinkel.php (дата обращения: 28.05.2023).

[118] Beauharnais v. People, 343 U.S. 1952; Roth vs. United States, 354 U.S. 1957; The People of the State of California vs. Ronald Davis, State of California Superior Court, Appellate Department No. 1177. December 27,1966; Winters v. People, 333 U.S. 1948.

[119] Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. American Psychiatric Association, 1952; Homosexuality and Citizenship in Florida. Florida Legislative Investigation Committee, 1964.

[120] Ginsberg A. Journals: Early Fifties – Early Sixties. / Ed. by Ball G. N. Y.: Grove Press, 1977.

[121] Riordan J., Prochnicky J. Break On Through: The Life and Death of Jim Morrison. N.Y.: Avon Books, 1991.

[122] Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_int.html (дата обращения 15.09.2024)

[123] Гонзо-журналистика - это стиль репортажей, в котором журналист становится активным участником событий и пишет от первого лица, сочетая факты с субъективными переживаниями, эмоциями и художественными приемами. Термин был популяризирован Хантером С. Томпсоном в 1970-х гг.

стал текст Т. Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест»[124]. Несмотря на принадлежность к художественной прозе он построен на основе личных воспоминаний.

Среди источников британского происхождения особое значение имеет автобиография К. Ричардса – гитариста группы “The Rolling Stones”[125], а также мемуарный сборник[126], в котором представлены мысли участников группы о становлении музыкальной сцены 1960-х гг. и их личной роли в формировании контркультуры. Важным дополнением к этой группе источников стала антология, посвященная группе “The Beatles”[127], где собрана информация из автобиографий и интервью участников коллектива, охватывающие период от их детства до 1969 г.

Отдельную категорию источников личного происхождения составляет переписка, играющая важную роль в верификации и дополнении информации, содержащейся в мемуарах. Сравнение писем и автобиографических текстов позволяет увидеть фактологические расхождения, уточнить хронологию событий, а также проследить динамику взглядов контркультурой элиты. В силу своей спонтанности и злободневности письма представляют более достоверную и непосредственную форму выражения, нежели мемуары, адресованные потомкам. В рамках диссертационного исследования использованы письма У. Берроуза[128], переписка А. Гинзберга, охватывающая период вплоть до конца 1990-х гг.[129], а также двухтомник писем Дж. Керуака[130]. Особое значение имеет переписка Н. Кэссиди, в том числе его знаменитое письмо Керуаку, которое оказало влияние на формирование стиля спонтанной прозы[131].

Интервью также рассматриваются автором диссертации как отдельная подгруппа источников личного происхождения. В рамках исследования использованы интервью, опубликованные в журнале “Rolling Stone”, в частности, с

---

[124] Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест. СПБ: Аркадия, 2018.
[125] Ричардс К. Жизнь. М.: Corpus, 2012.
[126] The Rolling Stones. According to the Rolling Stones. London: Chronicle Books, 2003.
[127] Антология The Beatles. М.: Росмэн, 2002.
[128] Берроуз У. Письма / Сост. и ред. О. Харрис. М.: АСТ, 2011.
[129] Ginsberg A. The Letters of Allen Ginsberg / Ed. by Morgan B. N.Y.: Da Capo Press, 2008.
[130] Kerouac J. Selected Letters, 1940–1956 / Ed. by Charters A. N.Y.: Viking, 1995; Kerouac J. Selected Letters, Volume 2: 1957–1969 / Ed.by Charters A. N.Y.: Viking, 1999.
[131] Cassady N. Collected Letters, 1944–1967 / Ed. by Moore D. N.Y.: Penguin Books, 2005.

Х.Томпсоном, Дж. Моррисоном, Дж. Ленноном и др[132]. Отдельный интерес представляют интервью с У. Берроузом[133], А. Гинзбергом[134] и другими битниками[135], в которых фиксируется не только жизнь героев, но и их реакция на контркультурные движения в целом. Также заслуживают особого внимания интервью в видеоформате, получившие широкое распространение благодаря популярности телевизионных шоу в США и Великобритании в рассматриваемый период. В качестве источников были привлечены видеозаписи интервью с Дж. Керуаком[136], Т. Лири[137] и К. Кизи,[138] а также интервью с представителями движения тедди-боев[139]. Эти материалы не только документируют публичные выступления ключевых фигур, но и позволяют проанализировать визуальные коды, интонации и риторику, характерные для репрезентации контркультур в медиа.

Важную для решения исследовательских задач группу источников представляют ***публицистика и труды современников***, куда включены тексты и эссе участников событий. Эти материалы позволяют проследить ключевые этапы развития контркультурных движений и реконструировать субъективное восприятие эпохи, а также выявить внутреннюю динамику общественных мировоззрений и ценностных ориентиров. Данные тексты были написаны не самими представителями контркультурных движений, как в случае с источниками личного происхождения, а теми, кто находился в непосредственной близости к контркультурным сообществам, но не принадлежал к ним. Книга Т. Гитлина[140], с одной стороны, является интеллектуальным трудом исследователя, а с другой – личным свидетельством главы организации «Студенты за демократическое

---

[132] Веннер Я., Леви Дж. Великие интервью журнала Rolling Stone за 40 лет. М.: Пальмира, 2019.
[133] Одье Д. Интервью с Уильямом Берроузом. Владимир: АСТ; Астрель, 2011.
[134] Могутин Я. Интервью с Алленом Гинзбергом // Могутин Я. 30 интервью. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 11-40; Allen Ginsberg with Allen Young, Gay Sunshine Interview. Bolinas. CA: Grey Fox, 1974.
[135] Meltzer D. San Francisco Beat: Talking with the Poets. San Francisco: City Lights Publishers, 2001.
[136] Firing Line with William F. Buckley Jr.: The Hippies. [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=BYgv7ur8ipg (дата обращения 27.01.25).
[137] Тимоти Лири про LSD. [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=fNhi-wZdzbI (дата обращения 08.10.24).
[138] Ken Kesey takes the Grateful Dead on a field trip. [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=COEcwtnr5Gc&feature=youtu.be (дата обращения 08.10.24).
[139] Teddy Boys – Interview with Teddy Boys – 25/3/1956. [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=vhFPSMd9F5w&t=4s&ab_channel=psycledelic67 (дата обращения: 06.02.25).
[140] Gitlin T. The Sixties: Years of Hope, Days of Rage. N. Y.: Bantam Books, 1993.

общество». Благодаря такой позиции автору удается передать динамику протестных движений, от энтузиазма и идеализма к разочарованию и ярости и проследить ее не только в среде «Новых левых», к которой он непосредственно относился, но и внутри контркультуры.

Среди публицистических работ, посвященных британскому андеграунду, для настоящего исследования была важна книга Дж. Наттала[141], об истории развития субкультурных и контркультурных движений 1950–1960-х гг. с позиции свидетеля происходившего. Это делает текст ценным не только как нарратив эпохи, но и как отражение внутреннего самовосприятия сообществ. Еще одним источником является сборник эссе представителей движения модов[142], позволяющий проследить стилистические, поведенческие и ценностные ориентиры британских нонконформистов.

К группе публицистических источников и трудов современников также отнесены некрологи и мемориальные издания, посвященные деятелям контркультуры. Эти тексты, написанные не самими участниками движения, а о них теми, кто был с ними знаком, как правило вписывались социокультурные контексты эпохи и зачастую содержали критическую рефлексию. Это позволяет рассматривать их как источник для выявления различного отношения к тем или иным представителям контркультуры. В данном исследовании использованы следующие некрологи: «Посвящение Алану Харрингтону…»[143] и «Тимоти Лири. Искушение будущим»[144].

Важной для решения исследовательских задач группой источников стали ***периодические издания***.

Среди британских изданий были использованы публикации из “Birmingham Daily Post”, “Daily Mirror”, “Evening Standard”, “Peterborough Advertiser”, “Shields Daily News”, “The Sphere”, “Sussex Agricultural Express”, “The Times” и “The

---

[141] Nuttall J. Bomb Culture. London: Paladin, 1970.
[142] Hewitt P. The Sharper Word: A Mod Anthology. London: Helter Skelter Publishing, 2010.
[143] A Tribute to Alan Harrington. The Author of 'The Immortalist' Failed to Defeat Death, But He Left Behind a Legacy of Love and Respect. URL: https://www.tucsonweekly.com/tw/07-03-97/feat.htm (дата обращения 31.05.2025).
[144] Форте Р. Тимоти Лири. Искушение будущим. М.: Ультра. Культура, 1999.

Spectator”. Отдельно следует отметить газету “The Guardian”, которая в 1950–1960-х гг. занимала умеренно-либеральную позицию, однако с конца 1960-х гг. начал сдвигаться в сторону более прогрессивной риторики. Среди британских нонконформистских изданий особый интерес представляют журналы “Honey” (женский журнал, ориентированный на моду и молодежную культуру) и “London OZ” (радикальное андеграундное издание).

В диссертации были использованы публикации ведущих американских журналов “Life” и “Time”, газет “New York Times”, “Washington Post”, “Los Angeles Times”, “San Francisco Chronicle”, “San Francisco Examiner”, “Saturday Review”, “The Reporter”, “Forbes”, “Business Insider”. Эти источники важны для анализа способов конформистского ответа на контркультурные протестные движения. Среди американских нонконформистских изданий особое место занимаю “Mad Magazine” (сатирический журнал), “Ramparts” (леворадикальное издание, связанное с «Новыми левыми»), “National Screw” (радикальная пресса), “Playboy” (либеральный журнал, публиковавший прогрессивных авторов и эссеистов, в том числе битников), а также “San Francisco Oracle” – одно из ключевых контркультурных изданий района Хейт-Эшбери.

Для решения исследовательских задач были также важны материалы ***социологических опросов***, проводимых в период 1950–1970-х гг. Эти данные позволяют реконструировать общественные настроения, уровень доверия к государственным институтам, восприятие молодежью ключевых ценностей своего времени, а также уровень распространения контркультурных установок. В американском контексте особое внимание уделяется общественному мнению по вопросам международной политики (Война в Корее[145], Карибский кризис[146], Война

[145] Crabtree S. The Gallup Brain: Americans and the Korean War // Gallup. February 4, 2003. URL: https://news.gallup.com/poll/7741/gallup-brain-americans-korean-war.aspx (дата обращения 04.05.2025); Saad L. Gallup Vault: Americans Not Keen on A-Bomb During Korean War // Gallup. August 17, 2017. URL: https://news.gallup.com/vault/216317/gallup-vault-americans-not-keen-bomb-during-korean-war.aspx (дата обращения 04.05.2025).

[146] Kennedy Library Releases New Report on Cuban Missile Crisis- Study Documents Impact of Crisis on American Public Opinion // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. October 16, 2002. URL: https://www.jfklibrary.org/about-us/news-and-press/press-releases/kennedy-library-releases-new-report-on-cuban-missile-crisis-study-documents-impact-of-crisis-on-amer (дата обращения 04.05.2025).

во Вьетнаме[147]), а также по проблемам, напрямую связанным с контркультурной повесткой – «войне с наркотиками»[148], легализации марихуаны[149] и популярности музыкальных фестивалей[150]. Что касается Великобритании, то социологические опросы охватывали широкий круг вопросов: от внутриполитических дебатов (партийная борьба, реформы) до внешнеполитической проблематики (отношения с США, роль Содружества)[151]. Эти данные представляют ценность как для анализа социально-политического климата эпохи, так и для выявления различий в восприятии молодежью процессов либерализации и протестной активности по обе стороны Атлантики.

Отдельную категорию источников в данном исследовании составляет ***художественная литература***, созданная самими участниками контркультурных движений. Несмотря на художественную форму, такие тексты представляют значительную историческую ценность, поскольку основаны на автобиографическом материале и отражают опыт и мировоззрение авторов, тесно связанных с контркультурной средой. Часто лирический герой в них выступает в роли авторского альтер эго, а сюжет строится вокруг реальных событий и личных переживаний. Характерное для этих произведений стирание границ между вымыслом и документальностью сближает их с эстетикой «гонзо-журналистики» и делает их важным источником для изучения субъективного восприятия эпохи, внутренней логики контркультурного протеста и представлений о свободе, сообществе и идентичности. В рамках данного исследования рассматриваются

---

[147] Saad L. Gallup Vault: 1969 College Students' Resistance to Vietnam // Gallup March 16, 2018. URL: https://news.gallup.com/vault/230501/gallup-vault-1969-college-students-resistance-vietnam.aspx (дата обращения 12.01.2025).

[148] Poll Results on American Attitudes Toward War on Drugs // ACLU. June 9, 2021. URL: https://www.aclu.org/documents/poll-results-american-attitudes-toward-war-drugs (дата обращения: 11.02.2025).

[149] Swift A. Support for Legal Marijuana Use Up to 60% in U.S. // Gallup URL: https://news.gallup.com/poll/196550/support-legal-marijuana.aspx (дата обращения: 14.02.2024).

[150] BRC Census Population Analysis, 2013-2019. URL: http://blackrockcitycensus.org/index.html#whatis (дата обращения: 24.12.2021).

[151] Gallup International Public Opinion Polls, Great Britain, 1937-1975 V1. Greenwood.

ключевые произведения представителей бит-поколения[152], литература хиппи[153], а также произведения, созданные представителями «разгневанных молодых людей»[154].

Тексты песен не являются основными источниками для данного исследования, однако в ряде случаев они были привлечены как вспомогательный источниковый материал. Особый интерес в данном случае представляют отдельные композиции групп “The Beatles”[155] и “Grateful Dead”[156], чье творчество является отражением контркультуры 1960-х гг. Помимо этого в анализ был включен текст песни “An Open Letter to My Teenage Son”[157], в данном случае рассматривающейся как пример конформистского ответа на протестные музыкальные произведения конца 1960-х гг.

Визуальные источники – графика и комиксы представляют собой важный материал для анализа репрезентации контркультуры и способов ее восприятия в популярной культуре. Визуальные материалы нередко играли роль посредника между контркультурными сообществами и массовой аудиторией, однако при этом зачастую способствовали упрощению и маргинализации образов. В рамках данного исследования особый интерес представляют комиксы, в которых формируется карикатурный и ироничный образ битников – лентяев и асоциальных элементов, что становилось механизмом культурной маргинализации[158].

---

[152] Берроуз У. Голый завтрак. М.: АСТ, 2017; Берроуз У. Гомосек // Джанки. Письма Яхе. Гомосек: Романы. М.: АСТ, 2005.С. 273-381; Берроуз У. Джанки. М.: АСТ, 2018; Берроуз У. Письма Яхе // Джанки. Письма Яхе. Гомосек: Романы. М.: АСТ, 2005. С. 201 -270; Керуак Дж. Бродяги Дхармы // Видения Жерара. Бродяги Дхармы. Биг-Сур. М.: Просодия, 2002.С. 103-290; Керуак Дж. В дороге. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016; Cassady N. The First Third and Other Writings. San Francisco: City Lights Books, 1971; Ginsberg A. Howl // Howl and Other Poems. San-Francisco: City Lights Pocket Poets, No. 4. 1959. P. 9-21; Ginsberg A. Kaddish // Kaddish and Other Poems. San Francisco: City Lights Books, 1961. P. 7-37; Ginsberg A. The Green Automobile. URL: https://cafebeatnik.wordpress.com/2012/08/02/allen-ginsberg-the-green-automobile/ (дата обращения 13.05.2024); Prima D. Memoirs of a Beatnik. San Francisco: Last Gasp, 1988.

[153] Кизи К. Пролетая над гнездом кукушки. М.: Эксмо, 2022; Томпсон Х. Страх и отвращение в Лас-Вегасе. М.: АСТ, 2014.

[154] Amis K. Lucky Jim. London: Penguin Books, 1954; Osborne J. Look Back in Anger. London: Penguin Books, 1982; Sillitoe A Saturday Night and Sunday Morning. London: W. H. Allen, 1958.

[155] The Beatles. Tomorrow Never Knows, 1966; The Beatles. Come Together, 1969; The Beatles. She Said She Said, 1966; The Beatles. Lucy in the Sky with Diamonds, 1967.

[156] Grateful Dead, American Beauty, New York: Warner Brothers Records, 1970; Grateful Dead. The Golden Road (To Unlimited Devotion). 1967; Grateful Dead. The Eleven, 1969.

[157] Lundberg V. An Open Letter to My Teenage Son, 1967.

[158] A Date with Judy #78. Aug/Sept 1960; The Adventures of Jerry Lewis #58. May/June 1960; #59. July/Aug 1960; #62. Jan/Feb 1961; The Adventures of Bob Hope #72. Dec 61/Jan 62; The Many Loves of Dobie Gillis #1. May/June 1960; #4. Nov/Dec 1960.

В отдельную группу источников выделены ***аудиовизуальные материалы***, прежде всего архивные записи поэтических чтений[159] и художественные фильмы. В их числе – картины о хиппи и тедди-боях, снятые как в 1960–1970-х гг.[160], так и в более позднее время[161]. Они позволяют проследить, каким образом визуальные клише (например, длинные волосы, психоделическая эстетика или дэнди-пиджаки и прическа «утиный хвост») становились маркерами идентичности и «заметности». В дополнение использовались классические контркультурные фильмы, например, «Беспечный Ездок»[162], «Трип»[163] или «Волшебное таинственное путешествие»[164], в которых художественными средствами передается мировоззрение поколения «долгих шестидесятых».

Наконец, в качестве вспомогательных источников в исследовании были использованы ***статистические материалы***, а именно, британские данные, отражающие динамику уровня благосостояния населения в послевоенный период[165].

Теоретико-методологическая база диссертации

Диссертационное исследование имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, находясь на пересечении истории, социологии, филологии, культурологии и культурной антропологии. В методологическом плане оно опирается на общенаучные методы анализа в сочетании с историко-описательными методами и

---

[159] Allen Ginsberg reading Howl, San Francisco, 1956 // Allen Ginsberg papers, 1937-2017 // Stanford University. URL: https://searchworks.stanford.edu/view/wn480hx4227 (дата обращения 19.09.2024).

[160] The Blue Lamp, dir. Basil Dearden 1950; Cosh Boy, dir. Lewis Gilbert, 1953; Hair, dir Miloš Forman, 1979; Rock Around the Clock, dir. Fred Sears, 1956; Taxi Driver, dir. Martin Scorsese, 1976; Violent Playground, dir. Basil Dearden, 1958.

[161] The Big Lebowski, dir. Joel Coen, 1998; Friends, dir David Crane, Martha Kauffman. USA: Warner Bros. Television; NBC, 1994–2004; Let Him Have It, dir. Peter Medak, 1991; Once Upon a Time in... Hollywood, dir. Quentin Tarantino 2019; South Park. Die Hippie, Die. TV-series episode. Season 9, episode 2. Dir. Trey Parker. Originally aired March 16, 2005. Comedy Central.

[162] Easy Rider, dir. Dennis Hopper, 1969.

[163] The Trip, dir. Roger Corman, 1967.

[164] Magical Mystery Tour, dir. The Beatles, 1967.

[165] House of Commons. Communities and Local Government Committee: Local Government Finance. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmselect/cmcomloc/173/17305.htm (дата обращения 08.11.24); ICAEW. The Future of Tax and Public Spending: Graphic - 70 Years of Public Spending. URL: https://www.icaew.com/insights/insights-specials/the-future-of-tax-and-public-spending/Graphic-70-years-of-public-spending (дата обращения 08.11.24); Journal of Social Policy. Public Spending and Social Policy: The United Kingdom 1950–1977. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-social-policy/article/abs/public-spending-and-social-policy-the-united-kingdom-19501977/4BE47C25A881F27F6995E0AFACCF28DD (дата обращения 08.11.24); Parliamentary Research Briefings. The Welfare State. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-111/RP99-111.pdf (дата обращения 08.11.24); The Cambridge Economic History of Modern Britain. The Welfare State, Income and Living Standards. URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/the-cambridge-economic-history-of-modern-britain/the-welfare-state-income-and-living-standards/36F8A01E01C065BF996ECF99255FEE90 (дата обращения 08.11.24).

принципом историзма, что позволяет рассматривать контркультуру в историческом контексте эпохи «долгих шестидесятых». Кроме того, применение конструктивистского подхода дает возможность интерпретировать контркультуру как систему со своими внутренними правилами, структурами и механизмами воспроизводства смыслов.

К ***историко-описательным методам*** относятся историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный и историко-системный. *Историко-генетический метод* используется для прописывания эволюции контркультурных движений в США и Великобритании в контексте исторического нарратива «долгих шестидесятых». Поскольку контркультура не была однородной, *историко-типологический метод* используется для описания ее фрагментации. В диссертации предложено условное деление контркультурного сообщества на «элиту» и «остальных» участников, различавшихся по роду деятельности, степени вовлеченности, функциям и положению внутри изучаемой альтернативной системы. *Историко-системный метод*, в свою очередь, позволяет рассматривать контркультуру как сложную систему, обладающую внутренней логикой развития, определенными принципами построения и способностью адаптироваться к различным социальным и культурным условиям. Такой подход делает возможным ее анализ как формы альтернативного общественно-политического устройства, а не только стихийного молодежного протеста. *Историко-сравнительный метод* служит основным инструментом для компаративного анализа американской контркультуры и британского андеграунда, позволяющим выявлять их сходства и различия с учетом национальных особенностей развития по обе стороны Атлантики.

Конструктивистский теоретико-методологический подход позволяет автору диссертации рассматривать взаимоотношение доминировавшего и контркультурного сообществ на основе дихотомии Я-Другой. С одной стороны, идентичность представителей контркультур выстраивалась на основе противополагания конформистским нормам, а с другой – сами конформисты задавали рамки «приличия» и патриотизма, формировавшие их идентичность, глядя на маргинальных хиппи, битников или тедди-боев. Таким образом,

конструктивистский подход позволяет рассматривать контркультуру не как объективное социальное явление, а как результат взаимодействия различных дискурсов, через которые формируется и меняется не только идентичность самих участников сообщества, но и образ типичного конформиста. Это оказало влияние как на логику построения текста, так и на принцип отбора источников.

В рамках конструктивистского подхода была использована *теория «установки и окружающей среды»* или *«установки и обстановки»* (“Set and setting”), основанная на переживании психоделического опыта[166]. Автором классической версии считается Т. Лири[167], отец психоделической культуры. Согласно этой теории восприятие психоделического опыта зависит, от индивидуальных факторов – «установки» (“set”), включающей психологическое и физическое состояние человека на момент психоделической сессии[168] и от коллективных – «окружающей среды» (“setting”), включающей физическую и эмоциональную среду, отношения между пациентом и исследователем[169], а также социокультурный контекст (например, уровень девиантности и патологизации наркотиков в обществе). Со своей стороны, автор диссертационного исследования уверена, что за появление нонконформистских идей отвечают не столько коллективные страхи перед холодной войной, Войной во Вьетнаме, ядерным Апокалипсисом, сколько индивидуальные – опасность быть призванным на военную службу, утрату близких в вооруженных конфликтах, одиночество и др. Поэтому применение данной теории позволяет, во-первых, более точно определить социальные и психологические предпосылки формирования нонконформизма как такового, во-вторых, объяснить, почему реакция на одни и те же кризисы была разной в зависимости от личной биографии и субъективного опыта представителей контркультур, в-третьих, дополнить ее анализ новым личностным измерением, раскрывающим ее как пространство личной травмы, поиска и протеста.

---

[166] Zinberg N. Drug, Set, and Setting: The Basis for Controlled Intoxicant Use. New Haven: Yale University Press, 1984.
[167] Leary T. The Politics of Ecstasy. N.Y.: Ronin Publishing, 1998. P. 78.
[168] Hyde R. Psychological and social determinants of drug action // The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy, 1st ed / Ed. by Sarwer-Foner G. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1960. P. 297-315.
[169] Dimascio A., Klerman G. Experimental human psychopharmacology: The role of non-drug factors // The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy, 1st ed / Ed. by Sarwer-Foner G. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1960. P. 56–97.

Диссертационное исследование также проводится в диалоге с конструктивистской *концепцией «поколения»*. Как аналитическая категория она имеет глубокие исторические корни: так, К. Мангейм затрагивал идеи о классовой позиции и классовом сознании, которые позволили ему теоретизировать условия формирования социального поколения, как такового, и его фрагментации[170], а философы Ф. Ментре[171] и Х. Ортега-и-Гассет[172], в свою очередь, установили связь между поколениями и семьями. Сегодня термин «поколение 1960-х» или, более точно, «поколение 1968 г.» занимает важное место во французской социологии. Социолог Ж. Може интерпретирует это явление как череду разочарований, приведшую вчерашних левых к неолиберализму[173]. В свою очередь, двухтомник Хамона и Ротмана популяризировал термин «поколение '68», но одновременно способствовал упрощению и унификации опыта его участников, создав миф о «мечтателях», которые по мере интеграции в общество превратились в успешных представителей среднего класса[174]. Таким образом, акцент сместился с разнообразия опыта к созданию образа единого поколения, который не всегда точно отражает сложность пути членов движения. Основной вклад в изучение долгосрочных последствий американского активизма внес американский исследователь Д. Макадам, продемонстрировавший как опыт протеста во время «Лета свободы» трансформировал личные и профессиональные траектории активистов, раскрывая их жизненные изменения в контексте политической и социальной борьбы[175].

Однако, по мнению автора диссертации, ключевой работой в контексте изучения «поколения ‘68» является исследование Дж. Пажи[176]. Опираясь на теоретические подходы К. Мангейма, П. Бурдье[177] и Д. Макадама, автор анализирует

---

[170] Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000.
[171] Mentre F. Les générations sociales. Paris: Éditions Bossard, 1920.
[172] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ, 2008.
[173] Mauger G. Gauchisme, contre-culture et néo-libéralisme: pour une histoire de la génération de Mai 68’// L’identité politique, Paris: PUF, 1994. P. 216-217.
[174] Hamon H., Rotman P. Génération tome 1: Les années de rêve, Paris: Seuil, 1987; Hamon H., Rotman P. Génération tome 2: Les années de poudre, Paris: Seuil, 1988.
[175] McAdam D. Freedom summer. N. Y.: Oxford University Press, 1988.
[176] Pagis J. May ’68: Shaping Political Generations. Protest and Social Movements. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018.
[177] См. Bourdieu P. Classement, déclassement, reclassement // Actes de la recherche en sciences sociales. 1978. Vol. 24. P. 2-22; Bourdieu P. L’Illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. № 62/63. P. 69-72.

то, как исторические события формируют идентичнось и создают поколенческие связи, в том числе и внутри семей. Исследовательница указывает на упрощение понятия «поколения», особенно применительно к маю 1968 г. Используя концепцию Мангейма, который утверждал, что поколения формируются в периоды значительных социальных изменений, она демонстрирует, как май 1968 г. объединил различные группы – студентов, рабочих, женщин и религиозных активистов в особое политическое поколение. Однако это поколение не было однородным, и каждая из групп воспринимала события по-разному. В свою очередь, теория Бурдье позволила Пажи продемонстрировать, как ранняя социализация (в семье, школе или через религию) предрасполагала участников к активизму. Хотя теория нисходящей мобильности Бурдье объясняла протесты студентов как реакцию на угрозу снижения социального статуса, исследовательница указывает на случаи восходящей мобильности, которая также вызывала отчуждение и радикализацию через непринятие сверстниками. Наконец, концепция Макадама о «биографических последствиях», дала Пажи возможность выделить три типа социализации: усиление прежних убеждений, углубление активности и трансформация жизненных ориентиров. Применяя ретроспективный анализ, исследовательница показывает, как события мая 1968 г повлияли на идентичность участников.

Однако несмотря на то, что Пажи реконструировала прошлое и предлагала переосмыслить роль социального активизма, который Требиш считал «отчуждением» поколения 1968 г.[178], он, по мнению автора диссертации, не ограничивался университетскими кампусами и политическими митингами. В него можно включить и трансформацию повседневной жизни, семьи, гендерных ролей, то есть не только изменение системы, но и тот самый “dropping out” – уход от конформистского мира, чтобы создать свой собственный, который был характерен для представителей контркультур.

Именно этот повседневный, внутренний протест, направленный на создание альтернативного пространства за пределами доминировавшей системы,

[178] Trebitsch M. Voyages autour de la revolution. Les années 68. Le temps de la contestation. / Ed. by Dreyfus-Armand G., Frank R., Lévy M., Zancarini-Fournel M. Brussels: Éditions Complexe, 2000.

представляет собой лакуну в приведенных выше работах, посвященных преимущественно движению «Новых левых». Автор диссертации, в свою очередь, стремится реконструировать коллективную траекторию «поколения долгих шестидесятых» через призму контркультуры, включая анализ трансатлантического взаимодействия (личного и идейного) американской и британской культурных сцен. Подобная перспектива позволяет сместить фокус с чисто политических форм протеста к практикам сопротивления в повседневности и новым формам построения нонконформистской идентичности.

Важное значение для понимания исходной историко-культурной среды, условий, каналов и форм распространения культурных элементов и артефактов имеет *теория культурного трансфера*, разработанная французским историком М. Эспанем[179]. Исследование может осуществляться на трех уровнях: исходной культуры, культуры-реципиента и культурных артефактов. Сам процесс трансфера представляет собой динамичное явление, включающее три ключевые стадии: отбор, передачу и восприятие[180]. На этапе отбора определяющее значение имеют не только особенности самих идей, но и специфика, культурные лакуны и потребности принимающего общества. В процессе передачи задействованы как отдельные личности, так и организации, выступающие в роли посредников и активных участников-акторов. Рецепция – это финальная стадия, предполагающая адаптацию заимствованных элементов к новой среде, вследствие чего они могут приобрести черты, существенно отличающиеся от оригинала. Лишь в самых простых случаях происходит их точное воспроизведение, то есть заимствование в чистом виде. Однако чаще всего культурные элементы трансформируются под влиянием ценностных и эстетических норм принимающего общества, что ведет к их переосмыслению и адаптации. Важно отметить, что даже идеи, не укоренившиеся в новой среде, являются значимой частью процесса: в таких случаях речь идет о

[179] Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
[180] Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 24.

социальном, психологическом или культурном сопротивлении, отсутствии рецепции либо о ее замедленном характере[181].

В диссертационном исследовании теория культурного трансфера используется для изучения процесса переноса американских контркультурных идей в британское общество. Ее применение позволяет рассматривать контркультуру не как продукт экспорта, а как динамичную дискурсивную систему, постоянно меняющуюся от актора к актору.

Для построения поколения «долгих шестидесятых» и изучения культурного трансфера автором была использована конструктивистская *акторно-сетевая теория* Б. Латура[182], согласно которой культурные и научные феномены рассматриваются как результат взаимодействия широкой сети акторов, в которую входят не только люди (исследователи, журналисты, политики, преподаватели и др.), но и non-human actors. Подход Латура позволяет показать, как новые идеи распространяются через множество формальных и неформальных связей между участниками сети. Согласно этой теории, идеи не существуют сами по себе, они становятся значимыми в результате их распространения разными акторами. Таким образом, главным становится не вопрос «Верно ли это?», а вопрос «Готовы ли люди в это верить?». В этом смысле акторно-сетевая теория сближается с теорией импликатур Г. Грайса[183]. Последняя строится на разграничении между сказанным и подразумеваемым, то есть смысл высказывания формируется не столько через явное содержание, сколько через скрытые ожидания участников коммуникации. В теории импликатур значение оценивается не только по критерию истинности, но и по степени соответствия так называемым максимам общения – количеству (не больше и не меньше информации, чем нужно), качеству (не говорить того, что считаешь ложным), отношению (быть уместным) и способу (быть ясным и однозначным). Грайс подчеркивает, что импликатура может быть воспринята как успешная, даже

---

[181] Там же. С. 25.

[182] Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014; Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

[183] Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.

если она ложная в силу того, что она соответствует запросам собеседников. В этом смысле, как и в акторно-сетевой теории, значимость идеи определяется не столько ее истинностью, сколько степенью ее признания в рамках сообщества.

Акторно-сетевая теория используется в данном диссертационном исследовании как инструмент для анализа контркультуры как сети взаимосвязанных акторов: личностей, коммун, музыкальных коллективов, литературных сообществ, объединенных как формальными, так и неформальными связями. Контркультурные идеи в данном случае не статичны, они изменяются и адаптируются в зависимости от контекста и конкретного участника. Поэтому источники личного происхождения, написанные представителями контркультурной «элиты» (писателями, музыкантами, теоретиками), интерпретируются не как продукты рефлексии или наблюдения, а как тексты, внутри которых осуществляется конструирование сети и трансформация идей. В них фиксируется не только личный опыт, но и транслируются контркультурные идейные установки, причем у каждого актора разные.

Среди методов текстологического анализа, использованных в диссертационном исследовании, особое место занимает дискурс-анализ. Понятие «дискурс» опирается на работы М. Фуко, в особенности – на его труд «Археология знания»[184], где дискурс понимается как совокупность высказываний и событий, связанных с определенной темой[185]. В рамках данного исследования особое место занимает американо-британский контркультурный дискурс протеста в исследуемый период, в рамках которого формировались новые языки самовыражения, модели поведения и системы ценностей. Также можно условно выделить конформистский (доминирующий) и нонконформистский (альтернативный) дискурсы. Первый формируется в пространстве государственной риторики и СМИ, ориентированных преимущественно на старшее поколение и на поддержание статуса-кво. Второй возникает в среде молодежной протестной культуры и представляет собой

---

[184] Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. См. также обобщающую работу, которая разбирает разные определения дискурса и методики проведения дискурс-анализа: Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2008.

[185] Уэйд С. Мишель Фуко в Долине Смерти. Как великий философ триповал в Калифорнии. М.: Рипол Классик, 2020. С. 155.

альтернативную систему высказываний, ценностей и структур повседневности в целом. Эти дискурсы отличаются друг от друга не только содержанием, но и условиями формирования, степенью институциональной поддержки и типом дискурсивных практик. Поскольку объектом дискурса может стать любое социальное или культурное явление, в диссертации наряду с макродискурсами выделяются и микродискурсы, например, о наркотиках, о религии, о сексуальности, о семье и т.д. Применение дискурс-анализа в диссертации позволяет выявить репертуар смыслов, высказываний и риторических стратегий, характерных для всех типов дискурса, даже в том случае, если они встречаются в текстах разных жанров и адресованы разным аудиториям.

Терминологический аппарат исследования. В рамках данного исследования, опираясь на методологические и историографические дискуссии, автор считает необходимым уточнить собственное понимание ключевых терминов, которые используются в тексте диссертации.

О*тчужденность.* В данном случае под «отчужденностью» подразумевается состояние внутреннего раскола между личностью и социальным окружением – глубокое неприятие реальности, в которой живет человек. Отчужденность проявляется в ощущении фальши повседневности, в недоверии к институтам, в стремлении к подлинному «Я», которое, как кажется, невозможно раскрыть в рамках привычного уклада. Это опыт, с которым сталкивались как будущие участники контркультурных движений, так и политические активисты, разочарованные в «американской мечте». У многих она начиналась в семье (в условиях дефицита внимания, непринятия со стороны родителей или в обстановке авторитарного воспитания) и усиливалась в подростковом возрасте под воздействием социальной изоляции или травматичного опыта взаимодействия со сверстниками. Со временем эта внутренняя отчужденность перерастала из личной травмы в источник экзистенциального протеста, побуждающего к поиску иных конституирующих основ для построения общества. Таким образом, отчужденность становилась важным фактором мотивации участия как в контркультурных, так и в политических движениях, например, у «Новых левых».

Нонконформизм. В данном исследовании нонконформизм (протестный дискурс) рассматривается как собирательное понятие, охватывающее различные формы сопротивления господствующим нормам американского общества 1950–1960-х гг. Это и контркультура с ее отказом от «нормальной жизни» в пользу духовного поиска, и «Новые левые» с их требованием социальной справедливости и свободы слова. Все эти движения объединяло стремление к иной, более свободной реальности: политической, культурной, социальной. Нонконформизм в этом контексте мог выражаться как в форме уличных протестов и манифестов, так и в выборе жить иначе: в коммуне, без работы, без планов на будущее. Он обозначает протест в целом, и внешний, и внутренний, одновременно политический и экзистенциальный.

Конформизм. В данном исследовании под конформизмом (обществом “squares”) понимается доминировавшая культура повседневности, возникшая в США в 1950-е гг. Это мир «приличных людей», живших по заданному сценарию: стабильная работа, дом в пригороде, семья, телевизор по вечерам и вера в непогрешимость системы. Конформизм не допускал отклонений ни в мыслях, ни во внешнем виде, ни в образе жизни, и любая попытка выйти за рамки воспринималась как угроза общественному порядку. При этом и само американское «белое конформистское большинство» не было монолитным: внутри него существовали различия по социальному положению, религиозным установкам, региональным и культурным традициям, что порождало отчужденность и внутренние противоречия. Именно против этой формы социального давления, поддерживавшегося внешней видимостью единства, выступили представители американской контркультуры. Их целью было не реформирование существующего порядка, а осознанный выход за его пределы и создание собственной, альтернативной модели общественного устройства

«Новые левые». В рамках данного исследования термин «Новые левые» используется как собирательное понятие, обозначающее широкий спектр политических движений и инициатив, возникших в 1960-е гг. и нацеленных на радикальное преобразование существующей системы. То есть это синоним политического активизма, включающего в себя движение за гражданские права,

студенческие протесты, антивоенные кампании и феминистское движение. В отличие от контркультуры, которая выражала преимущественно экзистенциальный и моральный протест через стиль жизни и отказ от социальных норм, «Новые левые» стремились к изменению самой системы власти и институтов общества. Их участники формулировали политические программы, организовывали уличные акции, создавали объединения и организации, требующие равенства, справедливости и расширения демократических прав. Социальная база «Новых левых» была более разнообразной, чем у контркультуры: в ней важную роль играли женщины, афроамериканцы, студенты и рабочие, то есть группы, которые действительно ощущали дискриминацию и социальное неравенство. Именно поэтому их протест имел более инклюзивный характер, чем протест контркультуры, сохранявшей социальную избирательность и элитарность.

Контркультура. Под термином «контркультура» автор подразумевает создание новой, альтернативной, универсалистской, антирациональной и монистической системы для общества, культуры и личности, направленной на замену привычного уклада жизни. Новизна сводилась к стремлению выйти за рамки консервативного порядка 1950-х гг., не решавшего проблему кризиса идентичности. Альтернативность проявлялась в протесте против доминирующих норм и стремлении выстроить иную повседневность – новые магазины, юридическая[186] и философская практика и т.д. Универсализм в контексте контркультуры предполагал стремлении установить единые для всех нормы и ценности: представители контркультуры полагали, что освобождение сознания, отказ от социальных условностей и поиск подлинного опыта были единственными целями, обязательными для каждого, кто желает принадлежать к движению. Это обеспечивало целостность движения на первых порах, но подавляло разнообразие. Антирациональность проявлялась в критике прагматической и технократической

[186] Решение Верховного суда по делу «Роу против Уэйда» - Лицо может сделать аборт до тех пор, пока плод не станет жизнеспособным, на основании права на неприкосновенность частной жизни, содержащегося в пункте о надлежащей правовой процедуре 14-й поправки. Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/ (Дата обращения: 28.05.2023); Решение Верховного суда 1962 г., отменившее молитву в государственных школах. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/engel_v._vitale_(1962) (Дата обращения: 28.05.2023).

культуры США, установлении культа психоделического опыта и духовных практик. Монизм[187] выражался в стирании границ между мужским и женским, духовным и телесным, что вело к разрушению традиционных ролей и форм семьи. Системность сводилась к идее создания альтернативных сообществ, хотя на деле они воспроизводили конформистскую иерархию в новой форме. В целом, контркультура являлась радикальной, но неполитизированной формой повседневного протеста, заключавшегося в отказе от ценностей общества потребления и создании собственной отличающейся во всех смыслах реальности.

При трактовке понятия *«субкультура»,* автор опирается на теоретическое разграничение между субкультурами и контркультурами, предложенное британскими исследователями Дж. Кларком, С. Холлом, Т. Джефферсоном и Б. Робертсом[188]. По их мнению, субкультуры возникают в молодежной среде рабочего класса и представляют собой сплоченные группы, деятельность которых ограничена сферой досуга и отделена от таких институтов, как школа, работа или семья. Эти группы часто формируются в рабочих кварталах и выражают протест через девиантное поведение – хулиганство или кражи. Главное отличие субкультур от контркультур – не только социальное происхождение, но и степень символического и ценностного отграничения от господствующей культуры. В рамках данного диссертационного исследования понятие «субкультура» используется лишь применительно к британскому обществу 1950-х гг. и описывает такие молодежные движения, как тедди-бои.

В данном исследовании под термином «*андеграунд»* автор подразумевает широкое объединение неполитизированных протестных форм – субкультур, контркультурных сообществ и литературных течений, сформировавшихся в Великобритании. Речь идет о целом спектре сообществ, выражавших недовольство существующим порядком. Несмотря на социальные различия, молодежь среднего и

---

[187] Монизм — это философская концепция, согласно которой все существующее в мире происходит из одного начала, единой сущности или принципа. В контексте контркультуры монизм проявлялся в стремлении стереть границы между личным и общественным, между телесным и духовным, между психологией и религией, а также в идее целостности человека с природой, Вселенной и другими людьми.

[188] Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Subcultures, Cultures and Class: A theoretical overview // Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain / Ed. by Hall S., Jefferson T. London: Routledge, 1993. P. 60-61.

рабочего классов подвергалась воздействию одних и тех же факторов: от послевоенного конформизма до давления потребительской культуры. Уже в субкультурах конца 1950-х гг. (тедди-бои) можно обнаружить паттерны, которые проявятся в более яркой форме в контркультуре 1960-х гг., а также у «разгневанных молодых людей». Поэтому автор рассматривает субкультурные, контркультурные и литературные движения как составляющие британского андеграунда – альтернативной культурной среды, в которой формировался коллективный образ британского нонконформиста.

Научная новизна диссертациии обуславливается ее источниковой базой, междисциплинарным характером, избранной методологией и ракурсом исследования.

1. Междисципинарная методология с опорой на историко-описательные методы исследования способствовала разведению «Новых левых» и контркультуры, что дало возможность вывести ее из «тени» политического активизма и придать ей самостоятельный протестный статус в опредленную историческую эпоху.
2. Конструктивистский подход позволил определить роль контркультурных сообществ как «внутренних Других», принимавших участие в конструировании не только нонконформистского, но и конформистского дискурсов идентичности в США и Великобритании в конкретный исторический период.
3. Использование междисциплинарной постпозитивистской методологии помогло представить контркультуру как повседневную протестную практику, отличающуюся от политических форм активизма, но при этом сохраняющую реальное влияние на реформирование общества и переосмысление его Я-концепции.
4. Привлечение теории «установки и окружающей среды» обеспечило выявление объективных и субьективных причин возникновения контркультурного протеста в период «долгих шестидесятых» в американском и британском обществах.

5. Концепция поколения «долгих шестидесятых» легла в основу предложенной автором матрицы трансатлантических контркультурных паттернов в США и Великобритании.
6. Теория культурного трансфера дала возможность объяснить причины принятия и отторжения американских контркультурных моделей протеста в качестве референтных в инонациональных контекстах и влияние реверсивных процессов.
7. Применение акторно-сетевого анализа использовалось для создания авторской карты взаимодействий между контркультурными акторами по обе стороны Атлантики в период «долгих шестидесятых».

Положения, выносимые на защиту

Во-первых, конформистское общество в США использовало образ контркультуры как «внутреннего Другого» для закрепления доминирующей идентичности в качестве «нормальной», патриотичной и социально приемлемой.

Во-вторых, будучи целостной системой с характерной для нее идентичностью американская контркультура формировалась на основе выработанных «элитой» нормативно-ценностных установок и особой поведенческой эстетики

В-третьих, в отличие от «Новых левых» представители американских контркультурных движений смещали фокус протеста с политического активизма к протестным поведенческим практикам в повседневной жизни, с коллективного и массового на субъективное и внутриличностное, оказывая тем самым влияние на эволюцию форм репрезентации протеста в целом и внося свой вклад в эволюцию культуры реформизма в национальном и трансатлантическом контекстах.

В-четвертых, американскано-британский контркультурный протестный дискурс формировался благодаря взаимодействию индивидуальных и коллективных акторов, объединенных формальными и неформальными связями в единую сеть. Контркультурные идеи в данном случае не оставались статичными, изменяясь в зависимости от национального и инонационального контекста и конкретного участника.

В-пятых, в то время как американская контркультурная «элита» стремилась к созданию альтернативной повседневности в качестве формы протеста, представители британского андеграунда действовали в логике выборочного неприятия доминировавшей культуры большинства.

В-шестых, в результате культурной переработки в британском обществе были восприняты лишь нейтральные аспекты американской контркультуры в качестве продукта трансфера, например, стиль и музыка, поскольку сама контркультура как целостная альтернативная система оказалась уникальным национальным опытом США.

Обоснование структуры как обоснование логики построения текста

Диссертационное исследование состоит из трех глав, введения, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений, включающих авторские схемы и таблицы.

Первая глава посвящена анализу американских контркультурных движений как гибкой системы, способной трансформироваться в ответ на изменения социальных норм. В первом параграфе анализируется политический и социокультурный ландшафт развития США в 1950-х – 1960-х гг. и акцентируется внимание на изменениях в психологическом самовосприятии молодежи, функционировании механизма социальных ожиданий и возникающем на основе этого протесте против общества конформистского большинства. Во втором параграфе рассматривается «новое видение» битников, описанное в их художественных текстах, и характеризуется их отношение к вопросам сексуальности, войне, употреблению психоактивных веществ и духовному поиску. В третьем параграфе рассматриваются ключевые идеи сообщества хиппи в историческом контексте 1960-х гг., начиная с их представлений об идеальном обществе, построенном по принципу «некоммерческих религиозных организаций», и заканчивая конкретными социальными практиками его конструирования с учетом идейной преемственности с бит-поколением. В результате анализа, проведенного в первых трех параграфах, автором формируется репертуар ключевых идей и постулатов контркультурного движения в США, ставший объектом

трансатантического трансфера в Великобританию. Четвертый параграф посвящен анализу конформистского ответа на контркультурный протест на трех уровнях – семейном, медийном и государственном. Такой подход позволяет не только выявить механизмы сопротивления доминирующей культуры, но и проследить то, каким образом в противостоянии с контркультурой формировалась собственная идентичность конформистов.

Вторая глава посвящена Великобритании как обьекту трансатлантического контркультурного трансфера с целью проследить причины принятия и отторжения американских контркультурных образцов в британском обществе в качестве референтных. Для этого британский андеграунд рассматривается как самостоятельная система с внутренними противоречиями и национальной спецификой. В первом параграфе представлена характеристика социально-политического и экономического контекстов развития Великобритании всего периода «долгих шестидесятых», включая феномен «общества изобилия» и четко выраженную классовую структуру, а также индивидуальные психологические факторы, которые легли в основу «отчужденности» британской молодежи. Во втором параграфе с учетом внутреннего деления британского андеграунда на «национальный» и «трансатлантический» рассматривается движение «разгневанных молодых людей» в качестве первой формы «национального» андеграундного протеста в рамках «долгих шестидесятых», а в третьем – тедди-бои как пример массового молодежного андеграундного движения с ярко выраженной визуальной и поведенческой идентичностью. На основе исследования, проведенного в данных параграфах, выделяется комплекс характеристик британского андеграунда, что позволяет сделать вывод о том, почему часть американских контркультурных идей не была адаптирована к британским реалиям развития. Четвертый параграф, как и в первой главе, нацелен на изучение конформистского общественного ответа на андеграундный протест.

В третьей главе внимание сосредоточено на формировании коллективного портрета контркультурного трансатлантического поколения «долгих шестидесятых», т.е. группы акторов, объединенных общими ценностями,

распространявшимися по обе стороны Атлантики. В первом параграфе проанализировано, какие именно идеи американской контркультуры были восприняты в Великобритании, в какой форме это произошло, как на процесс заимствования повлияли местные условия и уже существовавшие британские андеграундные движения и каким образом это отразилось на новом движении модов, ставшем продуктом трансфера, а также на британских битниках и хиппи. Авторский анализ сосредоточен на изучении того, какие идеи адаптировались и переосмысливались в Великобритании, проходя через фильтры локального восприятия, что превращало трансфер из прямого заимствования в процесс культурной переработки. Второй параграф посвящен тому, как американские контркультурные идеи распространялись внутри и за пределами США через взаимодействие акторов – писателей, музыкантов, художников и других участников контркультурной сцены. Это позволяет автору проследить основные каналы трансфера, а также воссоздать сеть участников, вовлеченных в формирование общего трансатлантического контркультурного пространства. В третьем параграфе обозначена двойственность образа хиппи в современном восприятии: с одной стороны, сохраняется маргинализация и стереотипизация, с другой – отдельные практики интегрированы в повседневность и переосмысливаются в американском обществе. Эта двойственность восприятия берет начало ещё в конформистском восприятии 1960-х гг., когда хиппи изображались, как маргиналы и преступники. Подробное изучение этих процессов выходит за рамки настоящей диссертации, но их обозначение позволяет наметить перспективы дальнейшего исследования.

Глава 1. Феномен американских контркультур: идеалы и приоритеты бунтующей молодежи

1.1. Введение в исторический контекст американского контркультурного протеста 1950-х – 1960-х гг.

Нонконформистские движения столь же разнообразны по форме и практике, как и общепринятая культура, против которой они боролись[189]. Однако, когда речь заходит об американских протестах, в первую очередь вспоминаются события «долгих шестидесятых»: студенческие сидячие забастовки, сожжение призывных повесток, Марш на Вашингтон в 1963 г. Эти эпизоды стали символами эпохи и до сих пор воспринимаются как отправная точка для последующего протеста. Современные движения, такие как “Black Lives Matter”[190], климатические марши, студенческие выступления против насилия с применением оружия, а также феминистские инициативы являются наследниками 1960-х гг. как в тактике, так и в идейной составляющей. Наследие контркультуры, в свою очередь, проявляется в формах повседневного протеста, стремлении к альтернативным моделям социальной организации, в акцентах на самовыражении, телесности, экологичности и поиске новых культурных форм, которые остаются важной частью современных протестных практик.

Нонконформистские или протестные настроения в американском обществе во многом были вызваны глубоким кризисом идентичности, обусловленным различными факторами. В соответствии с теорией «установки и окружающей среды» целесообразно рассматривать отчужденность[191] как комплексное явление,

---

[189] Yinger J. Op. cit. P. 3.

[190] Black Lives Matter – движение по борьбе с системным расизмом и неравенством, затрагивающими чернокожее население.

[191] В данном случает «отчужденность» является синонимом «кризиса идентичности» и появления протестных настроений.

затрагивающее все аспекты жизни человека. В данном случае автор делит их на «коллективные» и «индивидуальные» и изучает их вместе, что впоследствии позволит выстроить общую траеторию поколения «отчужденных молодых людей». Однако, прежде чем перейти к анализу личных биографий – детства, семейных моделей и воспитания, сформировавших будущих представителей контркультуры, необходимо очертить макроуровень, ту самую «окружающую среду», то есть *вызовы эпохи, которые определяли исторический контекст* и формировали характерный для поколения «ореол тревожности», приведший к появлению протестных настроений.

Начать, по мнению автора диссертационного исследования, необходимо с анализа общего экономического состояния США в послевоенный период, поскольку именно экономический подъем стал важнейшей основой для социальных трансформаций 1950-х – 1960-х гг.

Нет сомнений в том, что Соединенные Штаты в послевоенный период переживали экономический расцвет. Так, с 1945 по 1960 г. ВНП США увеличился на 250%, а средний доход американских рабочих в 1960 г. вырос на 35 % по сравнению с 1947 г[192]. Вслед за общим ростом национального богатства произошли значительные сдвиги в структуре его распределения, и впервые американская культура стала строиться вокруг расширяющегося и укрепляющегося среднего класса.

Это заложило основу для масштабной географической миграции населения. К 1953 г. его численность достигла 17,9 миллионов человек по сравнению с 5,5 миллиона в 1929 г. Именно представители среднего класса все чаще переезжали в пригороды, где формировалась новая повседневность[193]. Одновременно с расцветом пригородной культуры происходило и переосмысление самого понятия «американской мечты» и представлений об успехе.

Хотя американцы, переезжавшие в пригороды, не составляли большинство населения, именно они задавали тон национальной нормативно-ценностной

---

[192] Breines W. Op. cit. P. 5.
[193] Hine T. The Luckiest Generation // A History of Our Time: Readings on Postwar America / Ed. by Chafe W., Sitkoff H., Bailey B. N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 69.

культуре. С ростом влияния пригородов усиливалось и влияние образа «идеальной» семьи, вокруг которого выстраивалась обновленная версия американской мечты. Переехав в новые места, жители стремились отождествить себя с новым сообществом, в котором они оказались. Так, лишенные прежних социальных связей, они все чаще ориентировались на визуальные образы из рекламы и рекомендации «экспертов», формируя стандарты для себя и для соседей[194]. Постепенно внешние источники стали восприниматься как авторитет, а американское общество двигалось к все большей культурной унификации: «белая, гетеросексуальная, нуклеарная семья, две машины и двухэтажный дом»[195]. Таким образом, можно сделать вывод, что изобилие и массовая культура потребления породили конформизм.

Конформизм 1950-х гг. во многом являлся следствием современных экономических и профессиональных ориентиров, отражавших переход от доминирования индустриальной модели к экономике, основанной на технологиях и услугах. Около 1 млн. ветеранов Второй мировой войны получили возможность поступить в колледжи благодаря «Биллю о правах ветеранов»[196], а по завершении учебы искали работу уже не на заводах, а в офисах, в сфере управления и продаж[197]. Бизнес стал одной из доминирующих форм занятости, а задачи, выполняемые сотрудниками, становились все более однотипными. Так появился организационный человек («офисный человек»), описанный в книге У. Уайта[198] и получивший художественное осмысление в «Человеке в сером фланелевом костюме» С. Уилсона[199], где путь к успеху выстраивался вокруг офисной карьеры и наличия жены-домохозяйки, которая всегда поддержит главного героя.

В пригородах, где к 1960-м гг. проживало более половины американского населения[200], жители стремились воплотить образ идеальной американской семьи.

---

[194] Ibid. P. 70
[195] Breines W. Op. cit. P. 49.
[196] Билль о правах ветеранов - закон предоставил ветеранам Второй мировой войны средства на обучение в колледжах, страхование по безработице и жилье. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/servicemens-readjustment-act#:~:text=Signed%20into%20law%20by%20President,WWII%20and%20later%20military%20conflicts. (Дата обращения: 20.02.2024).
[197] Brinkley D. America in the Truman and Eisenhower Years // Beat Culture: the 1950s and Beyond / Ed. by Van Minnen C., Van der Bent J., Elteren M. Amsterdam: VU University Press, 1999. P. 26.
[198] Уайт У. Организационный человек (пер. В. Г. Николаев) // Личность, культура, Общество. 2002. № 3–4.
[199] Wilson S. The Man in the Gray Flannel Suit. N. Y.: Simon and Schuster, 1955.
[200] Breines W. Op. cit. P. 26.

Типичная семья состояла из работающего отца, домохозяйки-матери и детей-отличников, чья жизнь была предопределена: школа, университет, семья и работа в крупной корпорации. В свою очередь, технологии как движущая сила американского изобилия, изменили отношение людей к работе и деньгам. Мужчины послевоенного поколения, жившие в пригородах, были ориентированы на карьерный рост, так как их убеждали, что счастье невозможно без финансового благополучия[201]. Работа становилась все более отстраненной и ассоциировалась с недостаточной самореализацией, тогда как семья предоставляла убежище от стрессов работы и внешних угроз, например, Холодной войны[202].

Холодная война действительно стала одним из ключевых факторов формирования эмоционально напряженной атмосферы страха в американском обществе в период «долгих шестидесятых». Несмотря на отсутствие боевых действий непосредственно на территории США, рост напряжения между двумя сверхдержавами, гонка ядерных вооружений и серия международных кризисов формировали у американцев ощущение нестабильности и постоянной угрозы.
Особую тревогу вызывали конфликты на «периферии», которые воспринимались не как изолированные локальные инциденты, а как потенциальные спусковые механизмы Третьей мировой войны, в которой, как предупреждал ученый и создатель атомной бомбы Р. Оппенгеймер, неизбежно будет применено ядерное оружие[203].

Одним из первых примеров подобных столкновений стала Война в Корее (1950–1953). Несмотря на отсутствие прямой военной конфронтации между СССР и США, война рассматривалась как первое серьезное противостояние идеологических систем[204]. Американский историк Дж. Гэддис подчеркивал, что Южная Корея сама по себе не представляла стратегической ценности в глобальном балансе сил, однако сам факт пересечения 38-й параллели: границы, признанной ООН, воспринимался в качестве вызова всей конструкции послевоенной системы коллективной

---

[201] Hine T. Op. cit. P. 73.
[202] May E. Op. cit. P. 24.
[203] Bird K., Sherwin M. American Prometheus: The Triumph and Tragedy of J. Robert Oppenheimer. N.Y.: Knopf, 2005. P. 348.
[204] Cumings B. Op. cit. P. 8.

безопасности[205]. На раннем этапе конфликта участие США в войне получило поддержку населения, чему способствовала общая антикоммунистическая риторика и «принцип домино»[206]. Так согласно опросу “Gallup”[207] в августе 1950 г. 65 % американцев считали отправку войск в Корею оправданной мерой, и лишь 20 % воспринимали ее как ошибку. Однако уже в январе 1951 г. картина изменилась: 49 % респондентов назвали вмешательство ошибочным, и только 38 % продолжали его поддерживать[208]. Отдельным предметом напряженных дискуссий стало возможное применение ядерного оружия. Страх перед ядерным уничтожением прочно укоренился в коллективном сознании американцев, поэтому, когда летом 1950 г., после военных неудач ООН, “Gallup” задал американцам вопрос о допустимости использования атомной бомбы в Корее, большинство – 60 % выступило против, и лишь 28 % поддержали эту меру[209].

Дискуссии о допустимости применения ядерного оружия велись и на уровне политического руководства. В условиях формировавшегося ядерного паритета укоренилось представление о том, что полномасштабная война между СССР и США неизбежно приведет к катастрофическим последствиям. Д. Эйзенхауер отмечал, что «война предполагает столкновение, но о каком столкновении может идти речь, если его исход – уничтожение противника ценой собственного самоубийства?». К 1959 г. его риторика стала еще более мрачной: в случае начала войны «остается лишь выйти на улицу, застрелить всех, кого увидишь, а затем покончить с собой»[210].

Пик антиядерных дисскуссий и общественной тревожности приходится на Карибский кризис. Размещение ракет средней дальности на Кубе – острове, находящемся всего в 150 км. от Флориды, воспринималось как неизбежная угроза

---

[205] Gaddis J. Op. cit. P. 33.

[206] Принцип домино – теория, согласно которой попадание одной страны под влияние коммунизма неизбежно повлечет за собой аналогичные процессы в соседних странах. Эта идея легла в основу внешнеполитических решений США в годы холодной войны, особенно в Азии.

[207] “Gallup” – это американская компания, специализирующаяся на проведении общественных опросов и социальных исследований.

[208] Crabtree S. The Gallup Brain: Americans and the Korean War // Gallup. February 4, 2003. URL: https://news.gallup.com/poll/7741/gallup-brain-americans-korean-war.aspx (дата обращения 04.05.2025).

[209] Saad L. Gallup Vault: Americans Not Keen on A-Bomb During Korean War // Gallup. August 17, 2017. URL: https://news.gallup.com/vault/216317/gallup-vault-americans-not-keen-bomb-during-korean-war.aspx (дата обращения 04.05.2025).

[210] Цит по: Gaddis, J. Op. cit. P. 48.

ядерного удара по территории США. К этому моменту Ф. Кастро находился у власти на Кубе, а провал операции США в заливе Свиней по свержению социалистического режима[211] лишь способствовал сближению Кубы с Советским Союзом как в политическом измерении, так и на уровне общественной поддержки[212]. Карибский кризис стал прямым отражением новой геополитической реальности, в которой ядерные ракеты могли достичь территории США всего за несколько минут. Это воспринималось как серьезный провал американской внешнеполитической стратегии, усиливало общественную тревожность и еще больше подрывало доверие «отчужденной» молодежи к государственным институтам.

Так согласно данным социологических опросов, оцифрованным Президентской библиотекой им. Дж. Ф. Кеннеди, в течение недели после обращения президента от 22 октября 1962 г., в котором была обнародована информация о размещении советских ракет на Кубе и о введении военно-морской блокады острова[213], доля граждан, веривших в возможность ядерной войны, увеличилась с 27 % (данные от весны того же года) до 65 %. Этот показатель стал самым высоким в истории исследований общественного мнения по вопросам внешней политики США, уступая лишь всплеску паники, во время нападения японцев на Перл-Харбор в декабре 1941 г[214].

Рост общественной тревоги сопровождался изменением повседневных практик: люди скупали продукты длительного хранения, а также материалы для строительства убежищ. Владелец чикагской компании “Atomic Shelter Corporation” Ф. Нортон в интервью журналу “Time” признал, что прибыль его фирмы достигла беспрецедентных цифр: «Мои лучшие продавцы – это Хрущев и Кеннеди»[215].

---

[211] Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН: Фонд “Предизентский центр Б.Н. Ельцина”, 2011. С. 215.
[212] Blight J., Brenner Ph. Op. cit. P. 63.
[213] Kennedy J. Cuban Missile Crisis Address. October 22, 1962. URL: https://loveman.sdsu.edu/docs/1962Kennedy_missilecrisisspeech.pdf (дата обращения 04.05.2025).
[214] Kennedy Library Releases New Report on Cuban Missile Crisis- Study Documents Impact of Crisis on American Public Opinion // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. October 16, 2002. URL: https://www.jfklibrary.org/about-us/news-and-press/press-releases/kennedy-library-releases-new-report-on-cuban-missile-crisis-study-documents-impact-of-crisis-on-amer (дата обращения 04.05.2025).
[215] “Civil Defense: Boom to Bust” // Time, May 18, 1962. P. 20.

Ядерные убежища позиционировались в США не только как места для выживания, но и как символ защищенности в условиях биполярной идеологической конфронтации. Так, один из продавцов на выставке товаров для дома в Чикаго в 1961 г. рекламировал бомбоубежища как способ «бороться с коммунистами» и одновременно «пережидать радиационную опасность в удовольствии, комфорте и расслаблении». Так же высказывался и дизайнер из штата Мичиган: «Почему конец света не должен быть комфортным?»[216]. По данным “Consumer Reports”, только за 1961–1962 гг. было реализовано около 200 000 комплектов для самостоятельного строительства домашних противоатомных убежищ[217].

Параллельно с личной подготовкой населения к возможному ядерному конфликту велась масштабная государственная кампания, направленная на формирование «общественного сценария реагирования на ядерную атаку». Особое внимание уделялось детям: в учебных заведениях показывали мультфильмы, наиболее известным из которых стал “Duck and Cover”[218], где черепаха по имени Берт рассказывал школьникам, как правильно защитить себя при ядерном ударе. Наряду с этим распространялись официальные брошюры, например, “Survival Under Atomic Attack”[219], в которых давались инструкции касательно поведения в случае ядерной атаки. Ядерная тревожность отражалась и в массовой культуре: так, в романе Ф. Уайли “Tomorrow!”[220] была представлена картина жизни американцев в преддверии ядерного удара и в первые дни после него: в центре повествования хаос, разрушение, борьба за выживание, радиационное заражение и постепенное угасание жизни как таковой.

Таким образом, в условиях распространения страхов, вызванных угрозой ядерного катаклизма, культ стабильности, предсказуемости и защищенности, воплощенный в образе «типичной конформистской семьи», становился для старшего поколения не просто социальной нормой. Он воспринимался как условие

---

[216] Bishop T. Op. cit. P. 118.
[217] Ibid. P. 130.
[218] Duck and Cover. Bert The Turtle. 1951. [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=IKqXu-5jw60&t=45s&ab_channel=NuclearVault (дата обращения 04.05.2025).
[219] The Official U.S. Government Booklet. Survival Under Atomic Attack. Washington: Government Printing Office, 1950.
[220] Wylie P. Tomorrow! (Beyond Armageddon). Ca: Bison Books. 2009.

необходимое для психологического равновесия и поддержания контроля над хаотичной и непредсказуемой действительностью. Послевоенный бэби-бум (1946–1964 гг.) еще больше укрепил роль семьи и сделал общество демографически моложе. Дети, воспитанные в условиях «пригородного конформизма», во взрослой жизни стали основными участниками протестных движений[221], поскольку мнимое благополучие, основанное на стандартизации быта и нормативности поведения, порождало у молодого поколения чувство отчужденности и недоверия к доминирующим институтам.

Так, в условиях, когда любое отклонение – будь то политические взгляды, академическая позиция, эстетические предпочтения или сексуальная ориентация, трактовались как угроза национальной безопасности и американской идентичности, антикоммунистическая риторика 1950-х гг., связанная с именем республиканского сентаора Дж. Маккарти, приобретала характер не просто политической кампании, а формы подавления инаковости как таковой. Показательно, что сам термин «маккартизм» впервые появился в политической карикатуре глашатая послевоенного либерализма Г. Блока, опубликованной в газете “Washington Post” 29 марта 1950 г[222]. Принятие в том же году «Закона о внутренней безопасности»[223] на законодательном уровне закрепило существующее в обществе представление о Коммунистической партии как о внутренней угрозе, действующей в интересах СССР и стремящейся к проникновению во все государственные сферы США[224]. Эта риторика была институционализирована и со стороны судебной власти: решение Верховного суда США по делу “Dennis vs. United States”[225], подтвердило законность обвинений в отношении руководителей Коммунистической партии Ю. Денниса и У. Фостера. Это

---

[221] Brinkley D. Op. cit. P. 26

[222] Block H. “You mean I'm supposed to stand on that?” // Washington Post. March 29, 1950.

[223] Закон о внутренней безопасности – это федеральный закон США, направленный на выявление и ограничение деятельности организаций и лиц, подозреваемых в подрывной или коммунистической деятельности. Закон предусматривал обязательную регистрацию таких организаций, создание Совета по контролю за подрывной деятельностью и предоставлял правительству широкие полномочия по ограничению гражданских свобод в условиях предполагаемой угрозы национальной безопасности. Internal Security Act of 1950 (McCarran Act) // U.S. Statutes at Large, 81st Cong., II Sess., Chp. 1024. P. 987-1031.

[224] «В 1946 г. около 49% респондентов Gallup считали, что американцы, принадлежащие к Коммунистической партии, лояльны СССР, а не Америке; к 1947 году этот показатель вырос до 61%, отражая повсеместное недоверие в то время». Цит по: Ren Tan H., Wang T. Op. cit. P. 6.

[225] Dennis v. United States, 341 U.S. 494. 1951.

имело значение не только как юридический прецедент, но и как отражение новой волны «красной паники», а также как пример готовности американцев поступиться гражданскими свободами в обмен на защищенность[226].

Хотя объектами внимания Маккарти и его соратников изначально были политики и госслужащие, вскоре круг подозреваемых сильно расширился, а в сенатском Комитете по антиамериканской деятельности были инициированы десятки слушаний, в рамках которых представители разных социальных групп обвинялись в подрыве основ американского строя. Среди них можно выделить три направления расследований: настроения внутри Голливуда, университетского сообщества и деятельность гомосексуалов.

Показательной стала кампания против университетских профессоров, что ставивило под вопрос само существование академической свободы. На слушаниях в Гарварде и Колумбийском университете, Маккарти подвергал сомнению лояльность преподавателей, обвиняя их (по большей части безосновательно) в пропаганде коммунистических идей[227].

Не менее жестким оказалось давление на работников индустрии развлечений. Уже в 1947 г. Комитет по расследованию антиамериканской деятельности провел кампанию против представителей Голливуда. В ходе судебных слушаний были допрошены работники кинокомпаний, которые ранее были связаны с левыми политическими организациями. Десять человек, отказавшихся отвечать на вопросы, сославшись на Первую поправку к Конституции[228], были обвинены в неуважении к Конгрессу («Голливудская десятка»)[229]. Верховный суд отказался рассматривать их апелляции, фактически подтвердив невозможность ссылаться на Первую поправку в условиях акнтикоммунистического преследования. С этого момента единственным

---

[226] Schreker E. Op. cit. P.190.
[227] Heineman jr. B. The University in the McCarthy Era // The Harvard Crimson. June 17, 1965.
[228] Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу слова, печати, религии, мирных собраний и право обращаться к правительству с петициями о возмещении обид. В данном случае обвиняемые ссылались именно на нее, утверждая, что их принуждают раскрывать личные убеждения, на которые они имеют конституционное право. Constitution of the United States // The United States Senate. URL: https://www.senate.gov/about/origins-foundations/senate-and-constitution/constitution.htm (дата обращения 04.05.2025).
[229] Ren Tan H., Wang T. Op. cit. P. 7.

легитимным способом избежать обвинений становилась Пятая поправка[230], дающая право не свидетельствовать против себя. Подсудимые часто пользовались этой возможностью, вследствие чего Маккарти называл их «коммунистами Пятой поправки»[231]. Последствием этих судебных процессов стало формирование так называемого «черного списка» – неофициального реестра представителей Голливуда, замеченых в симпатии к левой идеологии и подлежавших увольнению. Так, исследователи Х. Рен Тань и Т. Ван, на основе анализа правительственных отчетов, предприняли попытку реконструировать реальный масштаб преследований в Голливуде, составив список обвиняемых, включавший 130 актеров, 119 сценаристов и 24 режиссера[232].

Особую разновидность маккартистского давления представляла собой так называемая «лавандовая паника» – государственная кампания, направленная против представителей гомосексуального сообщества. Увольнения с работы, преследования и публичное порицание гомосексуалов осуществлялись под предлогом их уязвимости к шантажу со стороны коммунистов[233]. Таким образом, по мнению конформистов, не только идейная, но и сексуальная инаковость подрывала устои «нормального» американского общества и, более того, трактовалась как форма нелояльности государству.

Более подробно влияние «лавандовой паники» будет рассмотрено в следующих разделах диссертационного исследования, в частности, применительно к бит-движению. В этой среде, противопоставлявшей себя конформистским моделям поведения и идентичности, наблюдалось осознанное нарушение норм маскулинности и сексуальности. Переосмысление телесности, отказ от конформистского семейного сценария – все это позволяет рассматривать битников как неявных, но значимых оппонентов маккартизму.

---

[230] Constitution of the United States // The United States Senate. URL: https://www.senate.gov/about/origins-foundations/senate-and-constitution/constitution.htm (дата обращения 04.05.2025).
[231] Portraits in Oversight: Senator Joe McCarthy's Oversight Abuses // Levin Center. URL: https://www.levin-center.org/joe-mccarthys-oversight-abuses (дата обращения 04.05.2025).
[232] Ren Tan H., Wang T. Op. cit. P. 10.
[233] Schreker E. Op. cit. P. 288.

Хотя в 1950-е гг. протестные практики оставались маргинальными, уже с начала 1960-х гг. все больше молодых американцев присоединялись к нонконформистским движениям. На фоне усиливающегося социального давления становилось очевидным, что в «обществе изобилия» скрываются внутренние противоречия, порождающие отчуждение, тревожность и стремление к культурному разрыву с господствующими нормами.

Так, еще в 1958 г. Дж. Гэлбрейт отмечал, что рост американского благосостояния происходит преимущественно в частном секторе, благодаря чему закрепляется неравенство[234]. М. Харрингтон в 1962 г. писал о существовании «другой Америки» – сорока-пятидесяти миллионах бедняков, исключенных из потребительской парадигмы[235]. Их «невидимость» стала предметом возмущения у представителей среднего класса. Примечательно, что в конце 1960-х гг. молодежь выбрала жизнь в добровольной бедности, повторяя действия французских интеллектуалов, таких как члены Парижского клуба Хашишинов[236] ,чтобы избежать «духовной нищеты»[237].

Наиболее остро несовершенства общества проявились в расовом вопросе. Несмотря на формальную отмену рабства, в южных штатах до середины 1950-х гг. охранялись законы Джима Кроу, представляющие собой институционализированную дискриминацию афроамериканцев. Они были лишены базовых гражданских прав, сталкивались с повсеместным унижением и социальной изоляцией, что приводило к глубокому отчуждению[238].

Хотя бороться с системой афроамериканцы начали гораздо раньше (например, бойкоты трамваев в 1900-х гг[239] или деятельность женских клубов[240]), именно бойкот автобусов в Монтгомери в 1955 г. стал поворотным моментом. Это событие

---

[234] Galbraith J. The Affluent Society. Boston: Houghton Mifflin, 1998.
[235] Harrington M. Op. cit. P. 1-12.
[236] «Парижский клуб хашишинов» – парижский литературно-художественный салон 1840-х гг. Был организован по инициативе психиатра Жака Жозефа Моро де Тура, проводившего опыты по воздействию гашиша на психику. Место, где собиралась французская богема.
[237] Harrington M. Op. cit. P. 86; Kamieński L. Shooting Up: A Short History of Drugs and War. Oxford University Press, 2016. P. 86–90.
[238] Morris A. The Origins of the Civil Rights Movement: Black Communities Organizing for Change. P. 2.
[239] Meier A., Rudwick E. Op. cit. P. 267-289.
[240] Collier-Thomas B. Black Women Organized for Social Change 1800-1920. Washington DC: Bethune Mus. Arch, 1984. P. 35-53.

ознаменовало начало нового периода борьбы за гражданские права, основанной на принципах ненасильственного протеста, центральной фигурой которого стал Мартин Лютер Кинг-младший. Его идеи о гражданском неповиновении и необходимость действовать «здесь и сейчас», изложенные в «Письме из Бирмингемской тюрьмы»[241], перекликались с контркультурной идеей немедленного личного освобождения.

Принципы личной ответственности за сообщество и ненасильственного действия, лежавшие в основе движения за гражданские права, также оказали влияние на рост нонконформизма в молодежной среде. Молодые люди, стремившиеся к освобождению личности от рамок конформистского общества, искали в этом движении союзников, считавших политическую систему, а также культурные, социальные и моральные нормы устаревшими и репрессивными. Белая «отчужденная» молодежь активно включалась в борьбу с расовой сегрегацией, участвовала в гражданских кампаниях, сидячих забастовках, регистрациях избирателей в южных штатах и других инициативах, направленных на поддержку темнокожего населения.

Принятие «Закона о гражданских правах»[242] и «Закона об избирательных правах»[243] стало не только юридическим шагом к отмене сегрегации, но и имело символическое значение. Эти события ознаменовали начало новой эпохи, в которой отчуждение и коллективное ненасильственное сопротивление стали важными элементами культурной идентичности[244].

Наиболее мощным коллективным фактором, способствовавшим возникновению отчужденности среди молодого поколения, по мнению автора, стала Война во Вьетнаме. Несмотря на географическую удаленность театра военных действий, конфликт воспринимался американским обществом как национальная трагедия[245]. Он вызывал растущее недоверие к государственным институтам,

---

[241] Luther King M. Letter from Birmingham Jail. Aug. 1963. URL: https://www.csuchico.edu/iege/_assets/documents/susi-letter-from-birmingham-jail.pdf (дата обращения 12.01.2025).
[242] Civil Rights Act of 1964. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act (Дата обращения 12.01.2025).
[243] Voting Rights Act of 1965. URL https://www.archives.gov/milestone-documents/voting-rights-act (Дата обращения 12.01.2025).
[244] Gitlin T. Op. cit. P. 138,168.
[245] Sheehan N. Op. cit. P. 695.

подрывая уверенность в моральной правоте администрации США[246] а также в выборе стратегии ведения войны[247]. Особенно остро это проявилось после принятия Тонкинской резолюции 1964 г. и начала массированных бомбардировок в рамках операции “Rolling Thunder”[248].

Одной из наиболее резонансных тем стало использование американцами напалма – вязкого горючего вещества, применявшегося в бомбах и огнеметах[249]. На самом деле, напалм применялся еще во время войны в Корее, где это также вызывало осуждение со стороны отдельных военных из-за негуманности данного способа ведения боя. Так, ветеран Корейской войны Ч. Фаулер вспоминал: «Самым ужасным было, когда наши самолеты начали стрелять напалмом. Люди, в которых он попадал, сразу сгорали. Однажды мы по ошибке попали [в одно из наших подразделений – *прим. – А. Р.*] и уничтожили почти половину из них»[250]. Однако печальную известность вещество приобрело именно в контексте Войны во Вьетнаме, так как в отличие от Кореи, где военные действия освещались ограниченно, во Вьетнаме присутствие журналистов на передовой и ежедневная трансляция новостных сводок способствовали мгновенному распространению информации о происходящем в Индокитае[251]. Фотографии обожженных напалмом детей и кадры разрушений появлялись в СМИ, усиливая общественное недовольство внутри США[252].

Не менее катастрофическим стало использование дефолиантов, например, «Агента Оранж». Это вещество распылялось над джунглями для уничтожения растительного покрова, где укрывались северовьетнамские партизаны[253]. Однако его применение обернулось экологической и гуманитарной катастрофой, нанеся

---

[246] Schaller M., Schulzinger R., Anderson K. Present Tense: The United States Since 1945. Third Edition, Boston: Houghton Mifflin, 2003. P. 265-266.
[247] Опрос “Gallup” показал, что 69% студентов выступают за замедление или прекращение боевых действий во Вьетнаме, в то время как лишь 20% выступают за эскалацию. Saad L. Gallup Vault: 1969 College Students' Resistance to Vietnam // Gallup March 16, 2018. URL: https://news.gallup.com/vault/230501/gallup-vault-1969-college-students-resistance-vietnam.aspx (дата обращения 12.01.2025).
[248] Halberstam D. Op. cit. P. 539,567.
[249] De Benedetti C. Op. cit. P. 208.
[250] Charles Fowler about the war URL: https://www.youtube.com/watch?v=OMnSlP-Kero&t=395s&ab_channel=KWLF (Дата обращения 12.01.2025).
[251] Hallin D. Op. cit. P.111.
[252] Wells T. Op. cit. P. 84.
[253] DeBenedetti C. Op. cit. P. 88.

непоправимый вред как окружающей среде, так и здоровью людей по обе стороны конфликта[254].

Помимо физических травм, американские солдаты, принимавшие участие в Войне во Вьетнаме, сталкивались с серьезными психологическими последствиями: постоянный стресс, вызванный нестабильной военной обстановкой, страх перед внезапными нападениями северовьетнамцев, неопределенность целей конфликта и огромный разрыв между официальной риторикой правительства США и реальностью происходящего на фронте – все это приводило к посттравматическому стрессовому расстройству, депрессии и другим психическим нарушениям, получившим название «Вьетнамский синдром»[255].

После возвращения домой многие ветераны испытывали серьезные трудности с интеграцией в гражданскую жизнь. Отсутствие необходимой медицинской и психологической помощи, равнодушие со стороны государства и общества, а также стигматизация участников конфликта (особенно в условиях, когда война воспринималась как позорная страница американской истории)[256], способствовали нарастанию чувства отчужденности и появлению протестных настроений.

На этом фоне усиливалась волна общественного недовольства, охватившая широкие слои населения. Студенты, подлежавшие призыву, сжигали повестки и устраивали демонстрации. К ним присоединялись и более умеренные группы, например, организация «Ветераны Вьетнама против войны»[257]. Антивоенные взгляды тиражировались известными людьми: например, боксеру М. Али был запрещен выход на ринг за отказ от призыва[258], а первая женщина-конгрессвумен Ж. Рэнкин организовала марш к Капитолию[259].

---

[254] Lifton R. Op. cit. P. 41.
[255] Ibid. P. 157.
[256] Halberstam D. Op. cit. P. 661.
[257] «Ветераны Вьетнама против войны» – это организация, основанная в 1967 г. американскими военнослужащими, принимавшими участие в войне во Вьетнаме. Представители VVAW выступали против продолжения конфликта, проводили публичные акции, рассказывали о военных преступлениях и требовали социальной и медицинской поддержки для ветеранов.
[258] Romero J. Muhammad Ali refused to be drafted during the Vietnam War. This is why his protest happened in Houston // Houston Chronicle. April 29, 2025. URL https://www.houstonchronicle.com/explained/article/muhammad-ali-draft-vietnam-war-20300163.php (дата обращения 12.01.2025).
[259] McQuirter M. 15 jan 1968 & anti-war march // DC1968 project: 365 stories re Washington DC in 1968. Jan 15. URL https://www.dc1968project.com/blog/2018/1/15/15-jan-1968-anti-war-march (дата обращения 12.01.2025).

Учебные заведения стали эпицентрами протестной активности: отмена отсрочек от службы для аспирантов затронула около 650 000 студентов[260]. В Гарварде юрист А. Дершовиц читал курсы по законному сопротивлению призыву[261], а в Рэдклиффском и Бостонском университетах студенты принимали участие в антивоенных голодовках[262]. Протестующие также выражали несогласие с участием университетов в оборонных проектах и с инвестициями в военную промышленность, например, финансирование компании “Dow Chemical”, производившую напалм[263].

Стоит отметить, что некоторые формы антивоенного протеста выходили за рамки мирных демонстраций. Так, активисты организовывали поджоги и совершали налеты на призывные пункты. Например, католический священник Д. Берриган и его соратники ворвались в офис «Службы выборного призыва» в Мэриленде, похитили сотни призывных карточек и сожгли их[264]. Аналогичную акцию провела группа “Milwaukee 14”, уничтожившая около 4000 карточек.

Тем не менее, как уже отмечалось, причины протестных настроений не сводились исключительно к глобальным политическим или социальным вызовам. Существенную роль в формировании отчужденности среди молодежи, позднее примкнувшей к нонконформистским движениям, играли и внутренние, психологические факторы, в частности, так называемая «установка», то есть совокупность индивидуальных реакций, сформированных в процессе воспитания, общения с семьей, друзьями и другими личными переживаниями.

Социальный психолог К. Кенистон в своей работе исследовал феномен нонконформизма с точки зрения социального и психологического ландшафта. В качестве источника он использовал интервью и результаты тематических

---

[260] Selective Service and Graduate Enrollments // ERIC. URL: https://eric.ed.gov/?id=ED027817 (дата обращения 12.01.2025).

[261] Levy D. Behind the Anti-War Protests That Swept America in 1968 // Time. January 19, 2018. URL: https://time.com/5106608/protest-1968/ (дата обращения 12.01.2025).

[262] Harvard Students End Fast to Protest the Vietnam War // New York Times. February 16, 1968, Page 4 URL: https://www.nytimes.com/1968/02/16/archives/harvard-students-end-fast-to-protest-the-vietnam-war.html (дата обращения 12.01.2025).

[263] DOW Chemical // Resistance and Revolution: The Anti-Vietnam War Movement at the University of Michigan, 1965-1972. URL: https://michiganintheworld.history.lsa.umich.edu/antivietnamwar/exhibits/show/exhibit/military_and_the_university/dow_chemical (дата обращения 12.01.2025).

[264] Peters S. Dan Berrigan: The Priest Who Burned Draft Cards and Taunted the FBI // The Progressiva Magazine. May 6, 2016. URL https://progressive.org/latest/dan-berrigan-priest-burned-draft-cards-taunted-fbi/ (дата обращения 12.01.2025).

апперцепционных тестов[265], в которых приняли участие 70 студентов Гарварда – группа «отчужденных молодых людей». Среди проявлений нонконформизма Кенистон выделил пессимизм по отношению к любым социальным, политическим или «гражданским» обязательствам, «предполагаемый» экзистенциализм (некоторые участники эксперимента не были знакомы с экзистенциалистами, но формулировали похожие постулаты), чувство постоянной тревоги и озлобленности на весь мир, которое в процессе подавления превращается в презрение, что ведет к потребительскому отношению к людям.

Кенистон уделял внимание внутрисемейным и школьным проблемам, которые повлияли на мировоззрение и дальнейшее развитие «отчужденной» молодежи. Интересен тот факт, что многие испытуемые давали похожие ответы касательно образа матери, отца, отношений со сверстниками и вопросов сексуальности в подростковом возрасте. Анализ имеющихся данных позволяет выделить ряд сходств в биографиях студентов-нонконформистов или «отчужденных молодых людей» [266].

Исследования показывают, что предположение о том, что «отчужденные молодые люди» в детстве проявляли бунтарское поведение, нарушали школьные правила и часто конфликтовали с родителями, оказалось неверным. Наоборот, они отличались склонностью к уединению, ранней интеллектуальной зрелостью и предпочитали индивидуальное самовыражение (Приложение 1. Схема 3. Школьные годы), а не открытое провоцирование окружающих на нарушение правил. Немногие, упоминавшие о юношеских проступках, делали это с такой гордостью, что возникает подозрение, будто эти воспоминания скорее мотивированы их нынешней отчужденностью, чем реальными событиями прошлого. Особенно важна сильная связь с матерью (Приложение 1. Схема 1. Семья), которая стала основой их инфантильности. Психологически оставаясь в состоянии «мать-ребенок», они испытывали потребность в заботе и искали в каждой женщине образ матери

[265] Тематический апперцепционный тест - вид психологического тестирования, состоящий из двадцати карточек с различными изображениями. Испытуемому необходимо придумать связный рассказ по каждому из изображений. Результатом тестирования являются двадцать импровизированных историй, и эти фантазии дают богатую основу для выводов о личностных качествах испытуемого.

[266] Стоит отметить, что все данные о детстве могут быть искажены восприятием. Также люди склонны преувеличивать и преуменьшать значимость некоторых моментов, или добавлять самооправдательные факты, поэтому к словам нужно относиться с долей скептицизма. Keniston K. Op. cit. P.104-130.

(Приложение 1. Схема 4 Пубертатный период и отношения с противоположным полом). Это проявлялось в отказе от мужской роли в обществе, что вызывало постоянный дискомфорт из-за несоответствия установленным социальным ролям.

Фигура отца в воспоминаниях таких респондентов либо отсутствует, либо наделяется негативными чертами: холодностью, пассивностью, безразличием. Часто он изображался как человек, утративший жизненные ориентиры, разочарованный в себе, ведущий однообразную жизнь, не нашедший призвания и променявший амбиции на «бездуховную» карьеру в корпоративной системе. Нонконформисты испытывали по отношению к нему не столько враждебность, сколько глубокую обиду за упущенные возможности (Приложение 1. Схема 1. Семья).

Действительно, можно найти множество примеров, подтверждавших прямую корелляцию уровня отчужденности с вышеупомянутыми факторами. При этом, они подходили не только под американские реалии. Так, например, в этом списке можно упомянуть Дж. Леннона, который говорил об отсутствии в его детстве мужской фигуры, так как он жил с тетей и сводными сестрами, а отец-матрос почти все время проводил в море. Он также указывал, что считал себя достаточно умным ребенком, даже прирожденным мыслителем, однако близких друзей в детстве у него не было[267]. Подобная ситуация в детстве сложилась и у К. Кричардса – гитариста группы “Rolling Stones”, отец которого участвовал в боевых действиях[268], а также у представителей американских контркультур – поэта А. Гинзберга, чувствовавшего б*о*льшую связь с матерью из-за ее недуга, а также музыканта Дж. Моррисона, также практически не видевшего своего отца, так как тот был военным моряком[269].

Таким образом, протестные движения 1960-х гг. представляли собой реакцию как на глобальные вызовы, так и на внутреннюю неудовлетворенность и психологические травмы, переживаемые отдельными представителями. Контркультура, являясь частью более широкой традиции нонконформизма, тем не менее, в меньшей степени зависела от коллективных факторов и потому была менее

[267] Антология The Beatles. С. 2-6.
[268] Ричардс К. Ук. соч. С 9-33.
[269] Хопкинс Дж., Шугерман Д. Никто из нас не выйдет отсюда живым. Спб.: Амфора. 2008. С. 18-40.

политизирована. Ее участники не стремились к трансформации системы через участие в формальных политических процессах и выдвижение своих представителей во власть. Главной целью контркультуры становился выход из системы, как форма повседневного, личного протеста: отказ от ценностей и норм доминирующей культуры, выраженный в образе жизни, эстетике, языке, телесности и новых формах общности.

1.2. Анатомия битничества: от литературы до социальных протестов

В конце 1930-х гг., писатель Ф. Фицджеральд понимал под «потерянным поколением» «ту реакцию против отцов, которая, кажется, происходит примерно три раза в столетие. Оно отличается набором идей, унаследованных в измененной форме от безумцев и преступников предыдущего поколения; у него есть свои лидеры, и оно вовлекает в свою орбиту тех, кто родился непосредственно перед ним и сразу после него, чьи идеи менее четкие и вызывающие»[270]. Это определение не менее актуально, когда речь идет об анализе мировоззрения битников – группы писателей и поэтов, появившихся в США в 1940–1950-е гг., в период, когда американское общество во многом определялось господством консервативных идеалов.

Под консервативными идеалами автор диссертационного исследования подразумевает веру в надежность и моральный авторитет государственных институтов, поддержку населением внешнеполитического курса страны, заключавшегося в сдерживании коммунизма и поддержку концепции американской исключительности[271]. Повседневная жизнь американцев была ориентирована на укрепление традиционной семьи как основы социального порядка: брак рассматривался как обязательный жизненный этап, а гендерные роли были четко закреплены[272]. Высоко ценились трудовая дисциплина, материальная обеспеченность и собственный дом в пригороде[273]. Таким образом, «спокойная жизнь», против идеализации которой будут впоследствии бороться представители контркультуры, включала в себя избегание радикальных перемен, доверие к власти и ориентацию на стабильность как в частной, так и в общественной сфере.

---

[270] Fitzgerald F. My Lost City & Other Autobiographical Essays: My Lost City, The Crack-Up, Pasting It Together, Handle with Care, Afternoon of an Author, Early Success & My Generation. Musaicum Books. 2017. P 37.
[271] Whitfield S. The Culture of the Cold War. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. P. 51.
[272] May E. Op. cit. P. 99.
[273] Ibid. P. 22.

Дать определение «разбитому поколению» проблематично. По словам поэта А. Гинзберга, битник – это «изможденный, находящийся на дне мира, но смотрящий вверх, бессонный, широкоглазый, проницательный, отвергнутый обществом»[274]. В 1980-х гг. поэт Г. Снайдер определил «разбитое поколение» как «особое состояние ума в определенный период времени, где-то с начала 1950-х до середины 1960-х, когда джаз сменился рок-н-роллом, а марихуана – ЛСД»[275]. По мнению автора, здесь Снайдер описывает не просто смену культурных атрибутов он описывает то, как эти атрибуты стали символами молодости, дерзости и повседневного протеста. Этот протест определял стиль общения нонконформистов, восприятие искусства, формировал чувство общности и причастности к чему-то новому.

Стоит упомянуть, что некоторые представители контркультуры пришли к выводу, что битники не могут считаться не только контркультурным, но и литературным движением. Так, например, Г. Снайдер заявлял, что никакого «разбитого поколения» не существовало, поскольку нельзя назвать поколением группу из трех человек – А. Гинзберга, Дж. Керуака и У. Берроуза[276].

Помимо этого, битников зачастую сравнивают с другими молодежными «бунтарскими» движениями, возникшими ранее, в частности с «потерянным поколением» 1920-х гг. Стоит сказать, что нонконформистская молодежь 1950-х гг. преклонялась перед поколением, бросившим вызов гендерным ролям и социальным ожиданиям в 1920-х гг. Однако, как заявил Дж. Холмс, романист и друг писателей-битников, в отличие от литературной богемы 1920-х гг., «дикие мальчики сегодня не потеряны»[277].

Изучение «разбитого поколения» в отрыве от личностных характеристик каждого из представителей движения, а также исторического контекста, представляется автору диссертации неверным. Более того, она не согласна с мнением о четком размежевании между битниками и хиппи, поскольку «разбитое поколение» заложило основу мировоззрения, которое впоследствии отразилось в философии

---

[274] Carmona C. Op. cit. P.2.
[275] Ibid. P.2.
[276] Charters A. The Portable Beat Reader. N. Y.: Penguin Books, 2003. P. 1.
[277] Holmes J. This is the Beat Generation // The New York Times. November 16, 1952.

последующих контркультурных движений, а многие битники остались значимыми фигурами в культурном ландшафте второй половины XX в. Поэтому в рамках протестного дискурса имеет смысл охарактеризовать «битничество» как набор ориентиров, которых придерживались представители движения, чтобы понять впоследствии степень трансформации этих принципов внутри США, а также в трансатлантическом контексте.

По мнению автора диссертационного исследования, анализ принципов, лежащих в основе «разбитого поколения» имеет смысл проводить на основе произведений трех «отцов-основателей» – А. Гинзберга, Дж. Керуака и У. Берроуза, которые сами по себе представляли условный бит-канон и могли бы составить отдельное целостное литературное направление, разнообразное как по жанрам литературы, так и по избираемым темам[278].

В ранних письмах и мемуарах «отцы-основатели» бит-движения постоянно апеллировали к некому «новому видению», хотя четкого определения этого понятия так и не было сформулировано. По словам Д. Хаустова, «новое видение» у битников понималось скорее как отрицание старого, чем как четкий план действий: наблюдая упадок жизни в 1950-е гг., они стремились сформулировать нечто подлинное и верное[279]. Из этого следует, что «новое видение» – обобщенное понятие, обозначающее сопротивление битников существующему порядку: цензуре, литературной иерархии, пуританской морали, трудовой этике и другим элементам конформизма. По сути, оно представляло собой разновидность «контркультурного протестного дискурса», но было характерно только для бит-поколения.

Изначально «разбитое поколение» было прежде всего литературным сообществом и лишь к середине 1960-х гг. трансформировалось в полноценное культурное движение, затрагивающее все сферы жизни. Именно это обуславливает структуру дальнейшего анализа: в первую очередь автор диссертации считает

---

[278] Гинзберг говорил: «Каждый из нас был специалистом в какой-то области: Берроуз - в полицейской и государственной системе, наркотиках, гомосексуализме; Керуак был знатоком деревенской жизни американского мидл-класса; я был специалистом по русской, еврейской и американской литературе, по Уильяму Блейку, интересовался мистицизмом и немного политикой». Могутин Я. Ук. соч. С. 24-25.

[279] Хаустов Д. Битники. Великий отказ или Путешествие в поисках Америки. С.69.

необходимым разобрать «новое видение» в литературной сфере, а затем перейти к мировоззренческим характеристикам и влиянию на контркультурное сообщество в целом.

Самым главным принципом «нового видения» можно считать борьбу за *свободу литературного самовыражения*, поскольку, по словам А. Гинзберга, битники хотели «придумать новое расположение слов на странице, которое бы отражало развитие живого разговорного настоящего языка, а не старого литературного»[280]. Они были заинтересованы в создании новых форм прозы и поэзии, способных передать аутентичный жизненный опыт. Для этого они использовали особые литературные приемы – вольное стихотворение[281] у Гинзберга, рутины[282] и метод нарезок[283] у Берроуза, джазовый, импровизационный стиль у Керуака и Кессиди[284].

Сама идея «нового видения» в литературе, возникла у Гинзберга и Керуака во второй половине 1940-х гг. Это была попытка превратить идеи, которые битники обсуждали в барах в «Гринвич Виллидж», в философию, которая наделяла бы искусство мощной психологической и протестной ролью. В противопоставление теории, пропагандируемой преподавателями Колумбийского университета Л.

---

[280] Могутин Я. Ук. соч. С. 23.

[281] Вольное стихотворение – форма поэзии, в которой отсутствует строгая система рифм и метрических размеров, а ритм создается за счет интонации, синтаксиса и пауз.

[282] Метод литературного построения текста, когда в произведении встречается отдельный эпизод, который никак не связан с основным повествованием. См. Рутина «Рузвельт после инаугурации». Берроуз У. Письма Яхе. С. 242-246.

[283] Также встречается перевод «метод нарезок». «В сущности метод был очень простым. Бралась напечатанная на машинке или в типографии страница, разрезалась на две половинки по вертикали, а потом - по горизонтали, таким образом, получалось четыре небольших куска текста. Они менялись местами, и получалась новая страница. Часто это было похоже на оригинал, но вскоре Билл с Брайоном поняли, что, если, к примеру, это был политический текст, это помогало читать между строчек, они резали слова и понимали, что же на самом деле имели в виду политики, говоря то или иное. Они поняли, что, разрезая знакомые страницы, принадлежащие перу Шекспира или Рембо, тексты которых утратили свой первоначальный смысл из-за того, что их постоянно приводили в пример, дают произведениям второе дыхание». Майлз Б. Ук. соч. С. 240.

[284] Одним из самых важных документов поколения битников было «Письмо Джоан Андерсон», написанное Н. Кэссиди. На короткое время Нил поверил, что сможет стать писателем, как его друзья Керуак и Гинзберг. В качестве упражнения он сочинил длинное письмо, рассказывающее об одной из своих романтических историй. Это было написано в спонтанной, свободной манере, очень похожей на его собственную речь, и это произвело огромное впечатление как на Джека, так и на Аллена. Это стало ядром стиля, который Керуак назвал бы «Спонтанной боп-просодией». Вскоре он адаптировал этот стиль к своей новой редакции «На дороге». Ginsberg A. The Letters of Allen Ginsberg. P. 98.

Триллингом[285] и М. Ван Дореном[286], согласно которой текст ставился выше всего остального и исключалась роль автора или социальных условий в процессе его написания, «новое видение» позволяло авторам «жить на страницах своего произведения».

Частью «контркультурного протестного дискурса» был, в том числе и язык литературных произведений, поскольку специфика отражения аутентичного опыта во всем его многообразии предполагала использование определенной лексики, ранее подверженой цензуре. Так, зачастую в работах битников можно заметить слова и выражения, далекие от литературного языка, например, «гомосек» (“queer”)[287], «джанки» (“junkie”)[288], «плановые» (“tea heads”)[289], а также «плевать ватой» (“spitting cotton”)[290], «чистить дыры» (“work the hole”)[291], «коновалы-выписчики» (“writing croakers”)[292]. Более того, сам термин «бит» (“beat”) заимствован из лексикона джазовых музыкантов и означает бедного, потерянного и уставшего человека[293]. Это позволяло сократить дистанцию между автором, героями и читателями, превращая тексты битников не в произведения классической литературы, а в нечто близкое к гонзо-журналистике – субъективной, эмоционально насыщенной и нередко переходящей границу между реальностью и вымыслом.

---

[285] Лайонел Триллинг – американский литературный критик, эссеист и профессор Колумбийского университета, один из наиболее влиятельных интеллектуалов середины XX в. Он был преподавателем А. Гинзберга и оказал заметное влияние на его литературное развитие.

[286] Марк Ван Дорен — американский поэт, писатель, критик и профессор Колумбийского университета.

[287] На данный момент слово “queer” («квир») не несет никакой негативной коннотации, и означает спектр негетеросексуальных и нецисгендерных идентичностей. Однако, в 1960-х гг. это слово считалось оскорблением и было чуть более цензурным аналогом слова “faggot”, поэтому здесь приведен перевод, аналогичный названию романа Берроуза “Queer”, написанного в 1951 -1953 гг, который в России печатался издательством АСТ, под названием «Гомосек».

[288] Под «джанки» в данном исследовании понимаются лица, употребляющие опиаты; использование данного варианта перевода соответствует официальному русскоязычному изданию (переводчик – А. Керви). Берроуз У. Джанки. С. 12.

[289] Под «плановыми» здесь понимаются лица, курящие марихуану; использование данного варианта перевода соответствует официальному русскоязычному изданию (переводчик – А. Керви). Берроуз У. Джанки. С. 35-37.

[290] Под «плевать ватой» здесь понимается процесс сплевывания больших сгустков слюны, скапливающихся во рту после приема бензедрина; использование данного варианта перевода соответствует официальному русскоязычному изданию (переводчик – А. Керви). Берроуз У. Джанки. С. 32.

[291] Под «чистить дыры» здесь понимается процесс воровства денег и ценных вещей из карманов у людей, спящих в метро; использование данного варианта перевода соответствует официальному русскоязычному изданию (переводчик – А. Керви). Берроуз У. Джанки. С. 52.

[292] Под «коновалы-выписчики» здесь понимаются врачи, выписывающие поддельные рецепты на болеутоляющие (опиаты); использование данного варианта перевода соответствует официальному русскоязычному изданию (переводчик – А. Керви). Берроуз У. Джанки. С. 39.

[293] Charters A. Op. cit. P. xvii.

Помимо смысла и формы пересмотру подвергся и способ тиражирования поэзии «разбитого поколения», что сделало искусством не только сам текст и жизнь автора, но и процесс создания и транслирования произведения. Действительно, поэтические чтения в форме перформанса стали важнейшим инструментом, с помощью которого битники преобразовали литературную сцену Сан-Франциско. Первое подобное мероприятие прошло 7 октября 1955 г. в галерее “Six”, а среди его участников были поэты Ф. Ламантия, М. Макклюр, А. Гинзберг[294], Ф. Уэйлен и Г. Снайдер. Дж. Керуак сыграл роль виночерпия, а поэт К. Рексрот выступил в качестве церемониймейстера[295]. Почти столь же интересной была и аудитория этого мероприятия – собрание «мистиков», отвергавших материализм и искавших альтернативный образ жизни[296]. Позже Дж. Керуак расскажет об этом поэтическом чтении в своем романе «Бродяги Дхармы»: «Я последовал за галдящей толпой поэтов на вечер в Галерее Шесть – вечер, который, кроме всего прочего, стал вечером рождения Сан-Франциского Поэтического Ренессанса. Там были все. Это был совершенно безумный вечер. А я все это раскручивал: раскрутил довольно, в общем-то, стылую галерейную публику на мелкую монету, сбегал за вином, притащил три галлоновых бутылки калифорнийского бургундского и пустил по кругу, так что к одиннадцати часам, когда Альва Голдбук [А. Гинзберг – А.С. Роговцева] пьяный, раскинув руки читал, вернее, вопил свою поэму «Вопль», все уже орали: «Давай! Давай!» как на джазовом джем-сейшне и старина Рейнольд Какоутес [К. Рексрот – А.С. Роговцева] – отец поэтической тусовки Фриско [Сан-Франциско – А.С. Роговцева] утирал слезы от восторга. Сам Джефи [Г. Снайдер – А.С. Роговцева] читал славные стихи о Койоте, боге североамериканских индейцев (по-моему) во всяком случае боги северо-западных индейцев квакиутль и все такое прочее»[297].

Чтения стали важным этапом становления контркультурного литературного движения, поскольку именно на таких выступлениях впервые произошло

---

[294] Allen Ginsberg reading Howl, San Francisco // Allen Ginsberg papers, 1937-2017 // Stanford University. URL: https://searchworks.stanford.edu/view/wn480hx4227 (дата обращения 19.09.2024).
[295] Davidson M. Op. cit. P. 3.
[296] McNally D. Desolate Angel: Jack Kerouac, the Beat Generation, and America. N. Y.: Random House, 2003. P. 203-204.
[297] Керуак Дж. Бродяги Дхармы. С.113.

объединение авторов, стремившихся к новым формам самовыражения, и аудитории, жаждавшейей свежего визуального и вербального опыта. Чтения стали отправной точкой популярности битников: именно после этих выступлений они познакомились с представителями ведущих американских издательств, таких как “New Directions Publishing”, “City Lights” и “Grove Press”, что впоследствии обеспечило им признание и широкую известность по всей стране.

Также стоит отметить, что музыка, в первую очередь джаз, играла ключевую роль в формировании поэтического перформанса 1950-х гг. Центрами такой культурной активности становились джазовые клубы – “Havana Club” в районе Филлмор, “Coffee Gallery” и “The Cellar” рядом с районом Норт-Бич. Между поэтами и музыкантами складывались тесные и доброжелательные отношения: джазмены охотно аккомпанировали, поддерживая стремление поэтов к расширению границ[298]. Как отмечал поэт Ф. Ламантия «Сан-Франциско был уникален открытыми и дружескими отношениями между черными и белыми... Черные принимали белых поэтов-хипстеров»[299], издатель Л. Ферлингетти утверждал, что именно слияние поэзии и джаза придало перформансам особую привлекательность и сделало их важным элементом контркультурной сцены[300].

Данную тенденцию к сближению белой и афроамериканской богемы можно рассматривать как часть повседневного протеста битников против системы расовой дискриминации и сегрегации, закрепленной в законах Джима Кроу. Это было не только юридическим, но и социальным механизмом, который отделял афроамериканцев от остального общества, навешивая на них клеймо «низшей расы»[301].

Сегрегация проявлялась на всех уровнях: афроамериканцев обязывали пользоваться отдельными туалетами, посещать разные школы, сидеть на задних сиденьях автобусов и поездов; приносить присягу на разных библиях в зале суда; покупать одежду без примерки; есть отдельно от белых даже в одном заведении;

---

[298] Peters N. Op. cit. P. 209.
[299] Ibid. 203.
[300] Meltzer D. Op. cit P. 75.
[301] Morris A. The Origins of the Civil Rights Movement: Black Communities Organizing for Change. P. 2.

отказываться от ночлега в отелях, где действовала политика «только для белых»[302]. Через политическую и экономическую сегрегацию темнокожие лишались равного доступа к избирательным правам (путем введения тестов на грамотность и подушных налогов)[303], вытеснялись из определенных районов через практику “redlining”[304], что впоследствии ограничивало контакты афроамериканцев с белыми[305]. Даже в северных и западных штатах, где не действовали сегрегационные законы, сохранялись сильные предубеждения и неформальные правила, нарушение которых могло привести к потере работы, угрозам или физическому насилию[306]. Запреты на межрасовые браки и свидания (“anti-miscegenation laws”)[307] в большинстве южных штатов дополнительно закрепляли расовую изоляцию[308].

На этом фоне дружба с афроамериканскими музыкантами и межрассовые отношения, как в случае Дж. Керуака и А. Ли, описанные в романе «Подземные»[309], имели мощный протестный заряд и воспринимались как серьезный вызов устоявшимся социальным нормам, вызывая шок у консервативной публики.

Однако битники эпатировали конформистскую публику не только использованием обсценной лексики и солидарностью с афроамериканскими музыкантами: в ряде случаев поэты выходили на сцену полностью обнаженными. Подобные практики, по мнению автора диссертации, следует рассматривать как осознанный жест, отражающий новое телесное сознание, характерное для битнической культуры. В противоположность традиционному «строгому» и дисциплинированному образу тела, битники утверждали телесность в ее материально-физиологическом измерении, через акцент на сексуальности, испражнениях и еде. Эти мотивы прослеживаются как в текстах (наиболее

---

[302] Morris A. Retrospective on the Civil Rights Movement: Political and Intellectual Landmarks. P. 518-519.
[303] Anderson C. Op. cit. P. 13.
[304] “Redlining” – метод «картирования» городов, при котором районы, где проживало много афроамериканцев, помечали красным цветом и автоматически считали неблагоприятными для инвестиций. В результате темнокожие семьи системно вытеснялись в бедные районы и лишались возможности улучшить жилищные условия.
[305] Rothstein R. Op. cit. P. 13.
[306] Massey D., Denton N. Op. cit. P. 37.
[307] “Anti-miscegenation laws” – это законы, запрещавшие браки и отношения между представителями разных рас, прежде всего между белыми и афроамериканцами. В США такие запреты действовали главным образом в южных штатах и служили инструментом поддержания расовой сегрегации до их отмены решением Верховного суда по делу Loving v. Virginia в 1967 г. // Loving v. Virginia, 388 U.S. 1. 1967.
[308] Kennedy R. Op. cit. P. 267.
[309] Керуак Дж. Подземные. С. 8.

радикально в «Голом завтраке» У. Берроуза[310]), так и в перформативных актах, где демонстрация наготы служила формой публичного отказа от норм пуританской морали. В 1950-е гг. они заключались в строгой регламентации сексуального поведения, сохранении девственности до брака, запрете на открытое выражение сексуальности, а также подчинении телесности религиозным и общественным предписаниям, воспринимаемым как основа личной добродетели и социальной стабильности[311]. Однако данные, опубликованные в «Докладах Кинси», под названием “Sexual Behavior in the Human Male” и “Sexual Behavior in the Human Female” подорвали представления о том, что американское общество строго соблюдало установленные им же самим нормы, продемонстрировав, что фактическое сексуальное поведение значительно расходится с заявленными моральными установками[312].

А. Гинзберг, по выражению писателя и журналиста Я. Могутина, стал своего рода «пионером мужского стриптиза»[313]. В подтверждение этого тезиса он приводит выступление поэта 30 октября 1956 г. на поэтическом вечере в Лос-Анджелесе, где Гинзберг появился обнаженным. Можно предположить, что этот образ Гинзберга оказал влияние на выступления рок-звезд последующих лет, в частности перформанса Дж. Моррисона, за что он получил обвинения в подстрекательстве к беспорядкам и публичном непристойном поведении[314]. Моррисон лично знал Гинзберга и восхищался творчеством битников[315].

В данном контексте «новое видение» битников заложило основы демократизации поэзии, так как в 1950-х гг. это было элитарным занятием, т.е. никто не устраивал чтений в кофейнях или перестроенных гаражах, как галерея “Six”, а

---

[310] Берроуз У. Голый завтрак. С.182 -184.

[311] Мюшембле Р. Оргазм, или любовные утехи на Западе. История наслаждения с XVI века до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 355-357.

[312] В двух докладах Альфреда Кинси -“Sexual Behavior in the Human Male”, вышедшем в 1948 г. и “Sexual Behavior in the Human Female”, вышедшем в 1953 г. были опубликованы результаты масштабных интервью о сексуальной жизни более 18 000 американцев. Так, среди прочего выяснилось, что 46% мужчин имели сексуальный опыт с лицами обоих полов, 37% - хотя бы один гомосексуальный опыт; 10% мужчин и до 6% женщин в возрасте от 20 до 35 лет переживали период, когда считали себя гомосексуалами. Kinsey A. Sexual Behavior in the Human Male. Indiana University Press. 1998; Kinsey A. Sexual Behavior in the Human Female. Indiana University Press. 1998.

[313] Могутин Я. Ук. соч. С. 23.

[314] Riordan J., Prochnicky J. Op. cit. P. 295.

[315] Хопкинс Дж., Шугерман Д. Ук. соч. С. 34.

читал в университетских залах и библиотеках. Чтения до появления битников проводились известными поэтами, которые либо читали в одиночку, либо нанимали актеров, чтобы те читали их стихи за них. По мере того, как в поэтических чтениях стали принимать участие неизвестные поэты, а не признанные в литературных кругах авторы, идея о том, что каждый может стать творцом, становилась все более реальной.

Основой «нового видения», как *стиля жизни битников* стало *желание отделиться от общества.* Каждый из представителей «разбитого поколения» в той или иной степени мог считать себя «отчужденным» и обладал отличительными чертами, в основе которых лежало чувство *«инстинктивной индивидуальности»* – недоверия к обществу, которое возникло в результате чувства собственной неполноценности, подавленных эмоций, тревоги и нереализованности. Молодежь, которая считала себя частью этого поколения, намеренно старалась не соответствовать ожиданиям конформистского общества, будь то родители, учителя, правительство или правоохранительные органы. Вместо этого она стремилась жить отдельно, по своим собственным правилам, без вмешательства тех, кто их не поддерживал[316], создавая свой небольшой мир, где процесс и сиюминутное удовольствие было важнее достижения цели[317].

Поэтому мир контркультуры был пронизан *чувством коллективной общности*, т.е. битники всей душой любили то сообщество, которое они создали сами и делали все возможное для его процветания. Одним из проявлений этой солидарности стало создание альтернативных издательств, таких как “City Lights”, которое воспринималось как крупный центр притяжения для людей с радикальными идеями и стремлением к культурным изменениям[318]. Параллельно освещение судебных процессов по делам о публикации «Вопля» и «Голого завтрака» как непристойных произведений в независимой прессе служило не только защитой свободы

---

[316] Holmes J. This is the Beat Generation // The New York Times. November 16, 1952.
[317] Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. С. 675.
[318] Benson H., Ganahal J., Hamlin J., Sullivan J. And the Beat Goes On: City Lights and the Counterculture // The San Francisco Chronicle. June 9, 2003, URL: http://www.sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?f=/c/a/2003/06/09/DD158147.DTL&ao=all. (дата обращения: 14.02.2024).

самовыражения, но и способом мобилизации сообщества. Даже поэтические чтения выполняли как эстетическую, так и практическую функцию: они способствовали формированию прочных сетей взаимодействия, укрепляли чувство принадлежности и обеспечивали финансовую поддержку через рост интереса к публикациям авторов.

Одной из особенностей «разбитого поколения» часто называют его *инклюзивность*, которую можно рассматривать как своеобразный ответ на расизм и сегрегацию, характерные для американского конформистского общества середины XX в. Однако при более внимательном анализе становится очевидно, что эта инклюзивность имела достаточно жесткие границы: гендерные и расовые.

С одной стороны, битники действительно отличались социальным, этническим и культурным разнообразием, что во многом объяснялось самим контекстом их среды. Сан-Франциско, особенно район Норт-Бич, с его мультикультурным населением, кафе и литературными барами, стал пространством притяжения для поэтов, писателей и молодых интеллектуалов, ищущих новые формы опыта и самовыражения. С другой стороны, ядро движения в основном составляли белые мужчины среднего класса. Среди афроамериканских авторов в бит-поколении можно назвать лишь Т. Джоанса[319] и Б. Кауфмана[320] и на первых порах А. Бараку (Л. Джонса)[321]. Гендерный баланс был еще более ограничен: женщины не воспринимались равными участницами движения и чаще всего оставались в роли спутниц битников, что предопределяло их творчество – мемуары и воспоминания о поколении[322]. Исключение составляла поэтесса Д. ди Прима, активно участвовавшая в более поздней бит-культуре[323] и впоследствии примкнувшая к хиппи-коммуне «Диггеры».

---

[319] Тед Джоанс - американский поэт, художник и джазовый музыкант, один из первых афроамериканских авторов бит-литературы.

[320] Боб Кауфман – афроамериканский поэт, один из ключевых представителей бит-поколения, которого называли «черным Рембо».

[321] Амири Барака (настоящее имя – Лерой Джонс) – американский поэт, драматург, эссеист, критик и активист. Начинал как представитель бит-поколения, но в конце 1960-х гг. отошел от него, став одной из ключевых фигур движения «Black Arts» и «Black Power», сочетая литературное творчество с политическим активизмом.

[322] См., например, Kerouac J. Nobody's Wife: The Smart Aleck and the King of Beats. N.Y.: Creative Arts Book Co, 2000: Cassady C. Heart Beat: My Life with Jack and Neal. Berkeley, CA: Creative Arts Book Co,1978.

[323] Folder 1024: Interview with Diane Di Prima: Scan 5 // University Libraries URL: https://dc.lib.unc.edu/cdm/singleitem/collection/12002/id/59/rec/5 (дата обращения 10.09.2024).

Таким образом, говоря об этническом и социальном разнообразии битников, приходится уточнять, что речь в первую очередь идет о представителях белого среднего класса, включая американцев еврейского происхождения, которые вместе с тем, бесспорно, представляли разный культурный и социальный опыт, но были частью единого контркультурного сообщества.

А. Гинзберг, возможно, в большей степени, чем другие писатели поколения битников, существовал вне консервативного конформистского образа жизни практически во всех мыслимых и немыслимых отношениях. Его гомосексуальность поставила крест на его карьере в армии. «Я чувствую себя более виноватым и неполноценным из-за педерастии, чем это может признать интеллигентность» – писал он У. Берроузу[324]. Дополнительным фактором отчуждения для Гинзберга стало его еврейское происхождение, усиливавшее ощущение инаковости в консервативной среде[325].

В традиционном литературном мире он также чувствовал себя чужим, а его эксперименты по исследованию сознания вызывали неоднозначную реакцию профессоров Колумбийского университета. В поисках интеллектуального и личностного убежища он сблизился с У. Берроузом, Л. Карром[326] и другими представителями будущего бит-поколения, с которыми в 1944 г. сформулировал концепцию «нового видения»[327]. Его близкий друг Дж. Керуак, а затем Н. Кэссиди[328], стали важными людьми в его жизни на следующие двадцать лет.

Гинзберг посвятил себя созданию литературного сообщества и движения, основанного на творческих и новаторских формах самовыражения. Он также неустанно работал над коммерческим успехом «разбитого поколения»: выступал в качестве агента Керуака, Берроуза и других, передавая их романы от издателя к издателю, сталкиваясь с постоянными отказами, но продолжая пытаться, пока они не были опубликованы[329]. Помимо этого, он играл важную роль в защите их интересов

---

[324] McNally D. Op. cit. P. 80.
[325] Ibid.
[326] Люсьен Карр – журналист, редактор, один из основоположников «бит-поколения». Он познакомил А. Гинзберга, Дж. Керуака и У. Берроуза, однако никогда не занимался серьезной литературной деятельностью.
[327] Ibid. P. 76.
[328] Ibid. P. 94.
[329] Майлз Б. Ук. соч. С.86.

в судебных разбирательствах, выступая не только как соратник, но и как публичный защитник контркультурной литературы[330].

Битники, как литературное сообщество и как сообщество друзей и единомышленников, были невероятно важны для Гинзберга, причем как для развития его поэзии, так и для продолжения его духовных поисков[331]. В 1954 г. он писал в своем дневнике: «К счастью, искусство – это работа небольшого, но избранного сообщества, живущего в одухотворенном мире, пытающегося истолковать войны и одиночество плоти»[332]. Для него сублимация своих внутренних переживаний посредством поэзии была важнейшим способом самоисследования и поиска своего места в мире[333].

Поэма «Вопль» наглядно отражала то, насколько, по мнению Гинзберга, было ужасающим конформистское общество для битников. Автор превозносил таких, как он сам – «лучшие умы моего поколения»[334]. Он заявлял о своей принадлежности к особому, отвергнутому сообществу, противопоставляя его существовавшим нормам и одновременно утверждая ценность этого маргинального опыта. В существовавшем обществе он видел только зависимость и насилие. И будучи тем, «кто прошел свои университеты с дерзким сиянием в глазах»[335], он стремился к настоящей свободе – убежать, дабы «остаться наедине со своим безумием»[336]. Бегство само по себе принимало разные формы – от физического избегания, чаще всего отраженного в дихотомии «дом – улица», «земля – небо/крыша», «оседлость – путешествия автостопом», до психологического – алкоголь, секс и наркотики.

Для более яркой демонстрации «контркультурного протестного дискурса» и актуализации отрицательных характеристик общества “squares” как аут-групп и положительных особенностей битников как ин-групп[337], Гинзберг использовал в том числе религиозные образы. В поэме можно проследить четкое разделение

---

[330] Берроуз У. Голый завтрак. С.5-33.
[331] Ginsberg A. Journals: Early Fifties – Early Sixties. P. 52.
[332] Ibid. P. 78.
[333]McNally D. Op. cit. P. 103.
[334] Ginsberg A. Howl. P.9.
[335] Ibid. Гинзберг родился в семье поэта и преподавателя филологии и учился в Колумбийском университете.
[336] Ibid. P. 15.
[337] Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ 2013. С.22.

религиозных коннотаций Гинзберга по отношению к своим собратьям, с одной стороны, и всему остальному обществу, противостоящему им, с другой. Конформистское общество у Гинзберга передано через иудейский образ – Молоха[338], представавшего перед читателями «сфинксом из цемента и алюминия»[339], который «разворотил им черепа и сожрал их мозги и воображение»[340]. Слово «Молох» во второй части поэмы повторялось 38 раз, посредством чего автор демонстрировал, насколько активно насаждаются консервативные традиции через институт семьи[341], институт образования[342] и моду на бездумное потребление[343]. Читатель видел презрение автора к материализму общества того периода, переданное через следующие метафоры: «Молох чей разум идеальный механизм! Молох чья кровь денежные реки! Молох чьи пальцы суть десять армий!»[344], «Молох чья любовь – нескончаемые нефть и камень! Молох чья душа – электричество и банки!»[345]. В этих словах раскрывалось отношение Гинзберга к американскому обществу, от которого нужно бежать, и неважно куда, потому что в погоне за американской мечтой можно «переломать себе позвоночники вознося Молоха в Небеса!»[346].

По мнению автора диссертации, битники стремились пересмотреть социальные иерархии, которые сложились под влиянием христианства. Гинзберг же считал святыми тех, кого общество, согласно принятым нормам, таковыми не считало. Так, автор часто употреблял слова «святой», «ангел», описывая самих битников, причем, если в начале работы он использовал метафоры: «ангелоголовые хипстеры»[347] или «белокурый, нагой ангел»[348], то в послесловии переходил к прямому перечислению: «Святой Питер Святой Аллен Святой Соломон Святой Люсьен Святой Керуак Святой Ханк Святой Берроуз Святой Кэссиди»[349].

---

[338] Семитское божество, требующее множества человеческих жертв, чаще всего младенцев.
[339] Ginsberg A. Howl. P. 17.
[340] Ibid.
[341] Ibid.
[342] Ibid.
[343] Ibid. P. 18.
[344] Ibid. P. 17.
[345] Ibid. P. 17.
[346] Ibid. P. 18.
[347] Ibid. P. 9
[348] Ibid. P. 12.
[349] Ibid. P. 21.

Переходя к следующему из тройки «отцов-основателей» бит-поколения, Дж. Керуаку, следует отметить, что если Гинзберг изначально родился с определенным уровнем отчужденности в силу национальных и культурных факторов, то у Дж. Керуака, отчужденность, по мнению автора диссертационного исследования, была «приобретенная». Он вырос на окраине США и с подросткового возраста постепенно отдалялся от существовавшего общества, в котором он никогда не чувствовал себя по-настоящему комфортно. Проявив талант в одном из наиболее популярных видов спорта в США – американском футболе, Керуак получил стипендию в Колумбийском университете. Однако диплом колледжа и успехи в спорте не привлекали Керуака, и с началом Второй мировой войны он счел продолжение учебы и занятий футболом бессмысленными, найдя другой способ самовыражения – литературное творчество[350]. Его романы отражали стремление *найти свое место в мире* – процесс, в целом свойственный мировоззрению битников. Успех в поисках напрямую зависел от количества попыток, поэтому они *стремились быть в постоянном движении*, чтобы попробовать как можно больше.

Роман Керуака «В дороге» считается самым популярным произведением «разбитого поколения» и самым ярким примером «жизни в постоянном движении». Главные герои Д. Мориарти и С. Парадайз стали олицетворением «разбитого поколения» – образ оказался понятен как для критиков, так и для читателей. Прообразом Дина был Н. Кэссиди, который также стремился постоянно находиться в движении, в поисках нового опыта и демонстрировал вопиющее пренебрежение правилами, бросая вызов американскому конформизму[351]. Поэт Г. Снайдер трактовал образ Дина как «энергию архетипического Запада, энергию фронтира... Кэссиди [Дин] – ковбой, терпящий крушение»[352].

События романа, основанного на совместном путешествии Керуака и Кэссиди в 1947 г., являются наглядным примером стремлением к подлинному опыту, что заставляет их находиться в постоянном движении-поиске. Прочитав «На дороге»,

---

[350] McNally D. Op. cit. P. 6-8, 46.
[351] Cassady N. Op. cit. P. 22, 38, 105.
[352] Charters A. Introduction to On the Road, by Jack Kerouac. N. Y.: Penguin Books, 1991. P. xxviii.

миллионы «отчужденных» нашли пример для подражания и понимание того, как использовать собственный нонконформизм в качестве стимула для личностного роста. Один из героев романа С. Парадайз способствовал новому прочтению американской мечты среди молодежи, которое заключалось в обещании неограниченной свободы – мечты, которую Дин уже достиг[353].

Будучи экспериментаторами не только в литературе, битники искали различные способы получить аутентичный опыт, однако чаще всего в их работах был отражен поиск свободы посредством сексуальных связей и употребления наркотиков.

На самом деле, в 1950-е гг. отношение к наркотическим веществам было специфическим, потому что многие из них тогда официально не считались наркотиками. Героин уже имел репутацию опасного вещества, и быть героиновым наркоманом («джанки») означало находиться на самом дне без шансов вернуться к нормальной жизни[354]. Однако в то же время барбитураты использовались домохозяйками в качестве антидепрессанта и противотревожного средства[355]. Амфетамины назначали детям для лечения гиперактивности[356], взрослым – для повышения работоспособности, а студентам – улучшения концентрации[357]. Психоделические наркотики (ЛСД, псилоцибин), синтезированные еще в конце 1930-х гг., в 1950-е активно исследовались как средство лечения алкоголизма и депрессии и использовались в рамках психиатрических экспериментов.

Одним из самых известных проектов по изучению психоделиков стал «Гарвардский проект псилоцибина» (1960–1962 гг.), инициированный профессорами Т. Лири и Р. Алпертом (позднее известным как Р. Дасс). Это был первый в США крупный немедицинский психоделический эксперимент, нацеленный на изучение возможностей расширения сознания и лечения психических растройств[358]. Участие в

---

[353] Керуак Дж. В дороге. С. 78-79.
[354] Newmeyer J., Johnson R. The heroin epidemic in San Francisco: estimates of incidence and prevalence // Int J Addict. 1976. Vol. 11(3). P. 417-438.
[355] Фридан Б. Загадка Женственности. М.: Прогресс, Литера, 1993. С.10.
[356] Bradley C. The Behavior of Children Receiving Benzedrinen // American Journal of Psychiatry. November 1937. №. 94. P. 577–581.
[357] Heal D., Smith S., Gosden J., Nutt D. Amphetamine, past and present - a pharmacological and clinical perspective // J Psychopharmacol. 2013. Vol. 27, № 6. P. 479-496.
[358] Leary T., Alpert R. Letter to the Editor // The Harvard Crimson. December 13, 1962.

исследовании допускалось только при наличии медицинского подтверждения психического здоровья; использование психоделиков без предварительной подготовки и сопровождения опытного проводника исключалось[359]. По регламенту Гарварда, участие студентов университета в подобных экспериментах было запрещено, однако есть подтвержденные случаи нарушения этого правила: Лири и Алперт давали психоделики старшекурсникам, и в 1961 г. двое студентов были госпитализированы в психиатрическую клинику. Это стало поводом для вмешательства администрации, которая отозвала разрешение на проведение проекта[360]. Конфликт с университетом поставил Лири перед выбором между академической карьерой и миссией популяризации психоделиков. В итоге он склонился к последнему, перенес исследования за пределы Гарварда и стал главным психоделическим гуру в США.

Что касается марихуаны, то в 1960-е гг. она уже была запрещена - принятие “Marihuana Tax Act”[361] способствовало общему снижению оборота вещества, а поправки, принятые в рамках “Boggs Act”[362] и “Narcotics Control Act”[363], приравняли наказание за хранение и распространение марихуаны к мерам, применявшимся в отношении героина. Однако это не мешало ее широкому распространению среди молодежи, музыкантов, художников и участников контркультурных движений. Несмотря на жесткую риторику властей, данные “Gallup” показывают, что отношение общества к каннабису постепенно менялось: уже в 1969 г., когда впервые был проведен опрос на тему легализации марихуаны, 12 % американцев поддержали эту меру[364].

---

[359] Метцнер Р. Из Гарварда в Сихуатанехо // Форте Р. Ук. соч. С. 80.

[360] Weil A. The Strange Case of the Harvard Drug Scandal // Look Magazine. November 5, 1963. URL: http://www.psychedelic-library.org/look1963.htm (дата обращения 11.02.20).

[361] “Marihuana Tax Act” – федеральный закон США, принятый в 1937 г., установивший систему налогообложения и строгого контроля за оборотом каннабиса, фактически приведший к его запрету. Marihuana Tax Act of 1937. URL: https://www.druglibrary.org/schaffer/hemp/taxact/mjtaxact.htm (дата обращения: 14.02.2024).

[362] “Boggs Act” – это закон, принятый в 1951 г, который значительно ужесточил наказания за незаконное хранение, употребление и распространение наркотиков, включая опиаты и кокаин. Boggs act // Encyclopedia of drug policy / Ed. by Kleiman M., Hawdon J. 2011. Vol. 2, P. 96-97.

[363] “Narcotics Control Act” – федеральный закон США, принятый в 1956 г. Он расширил полномочия правоохранительных органов и ввел более строгие минимальные сроки заключения, укрепляя политику жесткой борьбы с наркотиками в 1950-х гг. The Narcotic Control Act of 1956. URL: https://komornlaw.com/the-narcotic-control-act-of-1956/ (дата обращения: 14.02.2024).

[364] Swift A. Support for Legal Marijuana Use Up to 60% in U.S. // Gallup. URL: https://news.gallup.com/poll/196550/support-legal-marijuana.aspx (дата обращения: 14.02.2024).

“Controlled Substances Act”[365] окончательно закрепил в США систему контроля над оборотом наркотических веществ, установив правовые рамки, которые определяли политику в данной сфере на протяжении второй половины XX в. Вещества были разделены на пять «списков» (“Schedules”), где в “Schedule I”[366] добавили опасные вещества с «высоким потенциалом злоупотребления», которые не применимы в медицине. Именно в этот перечень были внесены марихуана, ЛСД, МДМА и героин. Амфетамины были отнесены к “Schedule II”,[367] что допускало их ограниченное медицинское использование (в частности, при лечении нарколепсии, СДВГ и ожирения). Добавление марихуаны и ЛСД в “Schedule I” имело не только правовое, но и символическое значение для «отчужденной» молодежи, так как употребление данных веществ, воспринималось нонконформистами как форма протеста против господствующих норм.

Именно в этом контексте стремление представителей «разбитого поколения» получить наркотический опыт обретало дополнительный смысл: оно было не только поиском вдохновения, но и актом культурного несогласия. Чаще всего битники употребляли марихуану и бензедрин (производные амфетаминов). Марихуана, по их мнению, помогала им в процессе самоанализа, поскольку наркотик создавал ментальное пространство, позволяющее сделать паузу в бешеной активности жизни, чтобы заняться вдумчивым поиском ответов на вопросы бытия. Кроме того, марихуану часто употребляли в группах, что создавало чувство общности для молодежи, которая была недовольна своей изоляцией в конформистском обществе[368].

Бензедрин (или «бенни», как его тогда называли) – это, напротив, стимулятор, стимулировавший работу мозга и повышавший уровень энергии, делая человека невероятно продуктивным. Книга Дж. Керуака «В дороге» была написана именно под воздействием данного вещества. Однако битники экспериментировали и с другими веществами: У. Берроуз употреблял героин в течение 15 лет, а его книги, например,

---

[365] Controlled Substances Act – это основной федеральный закон США, принятый в 1970 г., регулирующий производство, распространение и использование наркотических и психотропных веществ. См.: Controlled Substances Act. URL: https://www.naabt.org/documents/controlled-substances-act.pdf (дата обращения: 14.02.2024).
[366] Drug Scheduling // United States Drug Enforcement Administration. URL: https://www.dea.gov/drug-scheduling (дата обращения 07.04.2020).
[367] Там же.
[368] Davidson M. Op. cit. P. 61.

«Джанки», были полны упоминаний о всевозможных наркотиках[369]. Он даже путешествовал по Южной Америке в поисках наркотика яхе[370]. В свою очередь, А. Гинзберг употреблял ЛСД с целью расширить сознание[371]. Каждый из битников отрицал наличие у него зависимости, а причиной считал любопытство и стремление к самоисследованию, расширению своих личных границ. Однако впоследствии они были вынуждены признать, что наркотики все-таки влияли на их когнитивные способности.

Таким образом, экспериментируя с запрещенными веществами, битники стремились к внутренней трансформации и освобождению от социальных ограничений, однако их поиски часто пересекались с другими формами нарушения конформистских норм, в том числе в сфере сексуальности. Именно эта взаимосвязь наркотического опыта с сексуальными экспериментами во многом и сформировала устойчивый образ битников в массовом сознании как предвестников сексуальной революции 1960-х гг.

Во многом такое восприятие связано с публикацией в 1969 г. книги Д. ди Примы «Мемуары битника», в которой откровенно описываются ее отношения с известными представителями бит-среды[372]. Однако, по мнению автора диссертации, данное произведение скорее иллюстрирует типичное для битников отношение к сексуальности как к категории, лишенной однозначной моральной оценки. В рамках данного подхода сексуальные предпочтения не рассматривались как этический маркер, а сама сексуальность представала как текучее, изменчивое явление, часто связанное с политическими, социальными и культурными высказываниями. В данном случае социальный и политический протест битников проявлялся в выборе партнеров: в отношениях У. Берроуза и Дж. Воллмер дружба ставилась выше сексуальных предпочтений, уже упомянутые отношения Дж. Керуака и А. Ли бросали вызов предрассудкам американского расизма, когда белый мужчина

---

[369] Берроуз У. Джанки. С. 21
[370] Берроуз У. Письма Яхе. С.221.
[371] Allen Ginsberg Interview // Allen Ginsberg papers, 1937-2017 // Stanford University. URL: https://searchworks.stanford.edu/view/hc400xz5743 (дата обращения 07.04.2024).
[372] Prima D. Memoirs of a Beatnik. P. 130– 133.

встречался с чернокожей женщиной, а гомосексуализм, так или иначе присущий большинству представителей движения, был частью протеста против института семьи. Это помогало разрушать барьеры в расовых и социальных отношениях, существовавшие в структурах повседневности американского общества.

В 1940–1950-х гг в США нетерпимость к гомосексуалам была не просто одним из общественных предрассудков – она была закреплена на законодательном уровне. Гомосексуальность рассматривалась как пример морального разложения и прямая угроза национальной безопасности. Эта риторика особенно усилилась в период холодной войны. Так, в рамках «маккартизма» проводилась отдельная государственная кампания по выявлению гомосексуальных сотрудников и их увольнению из федеральных ведомств – т.н. «лавандовая паника»[373].

Юридической основой проводимых репрессий стала Исполнительная директива № 10450[374], подписанная президентом США Д. Эйзенхауэром в 1953 г. Согласно данной директиве, гомосексуальность считалась «сексуальной извращенностью» и являлась достаточным основанием для увольнения с федеральной службы. В результате с 1947 по 1959 гг. было уволено более 5 000 человек, подозреваемых в нетрадиционной сексуальной ориентации[375]. Кампании по выявлению и преследованию гомосексуалов также проходили и на уровне штатов. Так наиболее известной стала инициатива Комитета Джонса, занимавшегося рейдами в клубах и университетах Флориды[376], а также публикацией отчетов, например, брошюры “Homosexuality and Citizenship in Florida” (т.н. «Пурпурный буклет»)[377]. В ней гомосексуалы изображались как растлители малолетних и распространители венерических болезней. Однако вместо ожидаемого успеха публикация вызвала скандал из-за откровенных фотографий, была признана непристойной и больше не переиздавалась.

---

[373] Eaklor V. Queer America: A GLBT History of the 20th Century. London: Greenwood. 2008. P. 87.
[374] The provisions of Executive Order 10450 of Apr. 27, 1953, appear at 18 FR 2489, 3 CFR, 1949-1953 Comp., p. 936, unless otherwise noted. URL: https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/10450.html (дата обращения 07.04.2024).
[375] Documenting Discrimination in State Employment // A Williams Institute School of Law. September 2009. P. 3. URL: https://williamsinstitute.law.ucla.edu/wp-content/uploads/ENDA-5-History-Sep-2009.pdf (дата обращения 07.04.2024).
[376] Fejes F. Op. cit. P. 63.
[377] Homosexuality and Citizenship in Florida. Florida Legislative Investigation Committee.1964.

Особенно остро эта проблема стояла в армии, где гомосексуальность считалась серьезной угрозой боеспособности войск. Согласно статье 125, раздела 839(a), главы 10, свода законов США (§ 925), солдаты, подозреваемые в гомосексуализме или уличенные в «гомосексуальных актах» попадали под военный трибунал[378]. Проверки проводились систематически: военнослужащих могли допрашивать, подвергать медицинским осмотрам и использовать доносы сослуживцев как основание для подозрений. Тысячи солдат и офицеров были уволены без права восстановления, а увольнение по «позорной статье» (“dishonorable discharge”)[379] означало крест на карьере в государственной службе и лишение льгот ветерана[380].

В таких условиях многие гомосексуалы предпочитали не выделяться: вступали в фиктивные браки, жили с женщинами и поддерживали видимость «нормальной» семейной жизни, чтобы избежать подозрений. Любая огласка означала не только увольнение и потерю социальной репутации, но и риск попасть за решетку.

Особое давление оказывала медицинская и психиатрическая система. В первой версии классификатора под названием «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам», выпущенной в 1952 г.[381] гомосексуальность была официально отнесена к «психопатическим личностным расстройствам». Это способствовало популяризации так называемой «конверсионной терапии», включавшей психоанализ, гормональное лечение, гипноз, а также более жесткие методы –электросудорожную терапию и аверсивное кондиционирование (сочетание изображений обнаженных мужчин/женщин с электрическим разрядом или рвотным препаратом)[382]. Помимо психиатрических клиник подобные процедуры применялись и в центрах при религиозных

---

[378] 10 U.S. Code § 925 - Art. 125. Sodomy URL: http://web.archive.org/web/20140103034229/http://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/925 (дата обращения 07.04.2024).

[379] “Dishonorable discharge” - термин в американском военном праве, обозначающий наиболее тяжелую форму увольнения из вооруженных сил США, применяемую за серьезные нарушения устава или закона. Такой статус влечет за собой лишение всех военных льгот, запрет на трудоустройство на государственную службу и серьезные ограничения в гражданской жизни.

[380] Theisen T., Absher J. Dishonorable Discharge: Everything You Need to Know // Millitary.com. June 09, 2023 URL: https://www.military.com/benefits/military-legal/dishonorable-discharge-everything-you-need-know.html (дата обращения 07.04.2024).

[381] Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. American Psychiatric Association. 1952. P. 38-39.

[382] Haldeman D. The practice and ethics of sexual orientation conversion therapy // J Consult Clin Psychol. 1994. Vol. 62, № 2. P. 221-227.

учреждениях, куда родители нередко отправляли несовершеннолетних гомосексуалов «на перевоспитание». В ряде случаев это давало временный «положительный» эффект. Так, А. Гинзберг прошел подобную терапию в Колумбийском пресветарианском центре психического здоровья, начал встречаться с девушкой и думал, что действительно «излечился» от гомосексуальности. Однако впоследствии прежние чувства вернулись[383].

Пережитый опыт дискриминации по признаку сексуальной ориентации, общий для многих представителей контркультуры, усиливал их отторжение навязанных норм сексуальности и побуждал открыто бросить им вызов.

В исследовании сексуальности в литературе битников К. Стимпсон утверждал, что писатели увековечили «свободную, неподцензурную, возрождающуюся сексуальность», граничащую с утопией[384], а также посредством своей ориентации боролись против мира нуклеарных семей и белых воротничков. Об этом также писали многие философы и социальные критики «долгих шестидесятых». Например, психолог В. Райх утверждал, что «Кардинальная задача семьи – та, из-за который ее чаще всего и защищают консервативная наука и консервативное право – заключается в свойстве быть фабрикой авторитарных идеологий и консервативных структур, она образует аппарат через который должен пройти едва ли не каждый член общества со своего первого вздоха»[385].

В качестве примера можно привести поэзию А. Гинзберга и одно из самых известных его стихотворений раннего периода, «Зеленый автомобиль», написанное в 1953 г. В нем, по мнению филологов, поэт представлял *гомосексуальность как идеализированную альтернативу браку*. Стихотворение отсылало к реальным отношениям между А. Гинзбергом и Н. Кессиди, который в то время был женат и имел детей. Поэт описывал утопический мир, где гомосексуальная любовь становилась выражением духовной преданности и товарищества как в радости, так и

[383] Берроуз У. Письма. С. 453.
[384] Stimpson C. The Beat Generation and the Trials of Homosexual Liberation // Salamagundi 58 fall/winter 1982– 1983. P. 374.
[385] Райх В. Сексуальная революция. М.: Профит стайл; Серебряные нити. 2016. С. 58,105.

в горе[386]. Противоположностью этой фантазии становились конформистские ценности – дом, жена и дети[387]. Эта оппозиция очевидна уже в самом начале стихотворения, когда лирический герой завлял, что, если бы у него был волшебный зеленый автомобиль, он бы поехал к своему другу домой[388].

Психологические конфликты, лежавшие в основе «отчуждения» поколения битников, часто проявлялись в их сексуальной жизни. Темы подавленных желаний, семейных травм и поисков сексуальной идентичности находят яркое отражение в их творчестве. Особенно заметен этот аспект в опыте А. Гинзберга, для которого характерна проявленный в его поэзии эдипов комплекс. В своих произведениях он неоднократно возвращался к травматическим воспоминаниям детства, которые оказали глубокое влияние на его восприятие сексуальности[389]. В этом контексте для Гинзберга гомосексуальность не была просто актом протеста, она стала естественным ответом на детскую травму. В результате он испытывал сложные чувства по отношению к женскому телу, в то время как отношения с мужчинами приносили ему подлинное удовлетворение, что находило отражение в его поэзии[390].

Сексуальность Берроуза также сформировалась на основе детской травмы, связанной с его няней[391]. Однако в отличии от Гинзберга, у него не было отвращения к женщинам как такового: он был женат на своей подруге Дж. Воллмер, и у них даже родился сын.

Однако автор диссертации полагает, что Берроуз не был ни гетеросексуальным, ни гомосексуальным. Она согласна с мнением Лиденберг, которая утверждала, что романы Берроуза – это была скорее «новая пансексуальность», отстраненная и безличная форма сексуальности, которая так же однообразна, как потребность наркомана[392]. Подтверждение этому можно найти на страницах «Голого завтрака», также оно отражено в концепции «тела без органов»,

---

[386] Ginsberg A. Gay Sunshine Interview // College English. November 1974. P. 392- 400.
[387] Ibid.
[388] Ginsberg A. The Green Automobile. URL: https://cafebeatnik.wordpress.com/2012/08/02/allen-ginsberg-the-green-automobile/ (дата обращения 13.05.2024).
[389] Ginsberg A. Kaddish. P. 7-37
[390] Могутин Я. Ук. соч. С. 35.
[391] Майлз Б. Ук. соч. С. 114- 115.
[392] Lydenberg R. Word Cultures: Radical Theory and Practice in William S. Burroughs' Fiction. Urbana: University of Illinois Press, 1987. P. 109.

созданной философами Ж. Делезом и Ф. Гватари на основе творчества Берроуза[393]. Их трактовка связана с протестом против подавления индивидуальности вследствие диктата авторитарной системы[394].

В свою очередь, сексуальность в трактовке Дж. Керуака сопрягалась с тем, что его биограф М.Теадо обозначил как стремление «доводить себя до края опыта, будь то сексуальность, наркотики, быстрые машины, боп, религиозные и духовные прозрения или безумие, и записывать ощущения, которые испытывает»[395]. В большинстве биографий Керуака встречаются яркие и подробные отчеты о его сексуальных отношениях[396]. Однако они мало что говорят о его отношении к идеалу сексуальности и его значению для бит-поколения. После анализа романа «В дороге» становится понятно, что настоящую интимность Керуак видел в единении душ[397], *а секс являлся для него способом к духовному соединению*, что символически проявилось в эпизоде с Терри, которая из тела с «бедным животом», «кесаревым шрамом», узкими бедрами и ногами, похожими на палки, превращается в ангела, нашедшего покой вместе со своим возлюбленным[398].

Как показал анализ, границы сексуальной идентичности битников подвижны, изменчивы и адаптируемы и коррелируют с современным пониманием бесексуальности/пансексуальности, а не с нормами консервативных 1950-х гг. Важным элементом идентичности битников становится не только их понимание сексуальности, но и отношение к религии, исповедуемой ими с рождения (иудаизм у Гинзберга и католицизм у Керуака) или в рамках созданного ими течения – бит-дзен.

Для битников *обращение к буддизму* было не просто духовным поиском, оно становилось формой протеста против ценностей христианской Америки 1950-х гг. В условиях, когда религия служила опорой консервативного порядка и закрепляла существующие нормы, восточная философия предлагала иной путь: обращение внутрь себя, отказ от идеологий, самостоятельный поиск смысла и гармонии. Т.

---

[393] Делез Ж., Гваттари Ф. Ук. соч. С.153
[394] Lydenberg R. Op. cit. P. 109-113.
[395] Theado M. Understanding Jack Kerouac. Columbia: University of South Carolina Press, 2000. P. 170.
[396] Jones J. Use My Name: Jack Kerouac's Forgotten Families. Ontario: ECW Press, 1999.; Maher P. Kerouac: The Definitive Biography. N. Y.: Taylor Trade, 2004.
[397] Керуак Дж. В дороге. С. 385.
[398] Там же. С. 112.

Роззак в своем комплексном определении американской контркультуры подчеркивал роль восточного мистицизма и дзен-буддизма в создании контркультурной идентичности, указывая, что в центре восточных религий находился самоанализ и взгляд внутрь себя, что было важно для представителей американской контркультуры[399].

Дж. Керуак стал одним из первых проводников восточных идей в бит-среде. Его знакомство в 1954 г. с «Библией буддиста»[400] вдохновило его на создание «Бродяг Дхармы», где буддизм показан как альтернатива шуму городов, давлению социума и ханжеской морали. Для Керуака, воспитывавшегося в католической среде, восточная философия стала способом выйти за пределы навязанных религиозных рамок. Под влиянием Керуака А. Гинзберг, изначально воспринимавший буддизм как культурную и поэтическую моду, постепенно углубился в его практику. Ключевым событием стала встреча в 1971 г. с Чогьямом Трунгпа[401], после которой Гинзберг посвятил значительную часть жизни медитации, даже получил титул «Лев Дхармы»[402]. Однако наиболее последовательным и «аутентичным» буддистом среди битников был Г. Снайдер. Годы, проведенные в японских монастырях, изучение восточных языков и перевод китайской поэзии сделали его живым примером того, как буддийские ценности могут органично интегрироваться в западную культуру, сохраняя при этом свою глубину и подлинность.

В итоге буддизм для битников стал не просто экзотическим увлечением, а культурным и духовным протестом против американского христианского конформизма, способом выстроить идентичность вне рамок традиционной морали и институциональной религии. Это стремление выйти за пределы привычных форм мышления, исследовать внутренний мир и достичь нового уровня самопонимания перекликалось с тем, что Ч. Райх называл «Сознанием III». По его теории, это третья

---

[399] Рошак Т. Ук. соч. С. 82.

[400] Далай-Лама, Калу Р., Сидней Г. Библия буддиста. Мудрость буддийских мастеров. М.: ИПЛ, 2022.

[401] Чогьям Трунгпа – тибетский буддийский учитель, мастер медитации и философ, один из первых, кто привез учение тибетского буддизма в Западный мир. Он сыграл ключевую роль в распространении буддизма в США и Европе, основал несколько буддийских центров, в том числе и “Naropa Institute” в Колорадо.

[402] «Лев Дхармы» - титул в тибетском буддизме, который символизирует сильного, смелого и стойкого защитника учения Будды (Дхармы). Образ льва часто используется как метафора силы, храбрости и непоколебимой решимости в защите и распространении буддистских учений. Такой титул мог получить выдающийся учитель или мастер, который проявляет исключительную мудрость и смелость в духовной практике и наставничестве.

стадия в эволюции общественного сознания, возникшая как реакция на два предыдущих этапа: «Сознание I» отражало ценности XIX в., в котором люди конкурировали за ресурсы, а прогресс измерялся исключительно экономическим ростом[403]. «Сознание II» описывало XX в., когда конкуренция между отдельными людьми на рынке сменилась соперничеством между крупными организациями, а успех индивида стал зависеть от преданности их целям[404]. Оба этих уровня фокусировались на материальных ценностях и стабильности, что, по мнению Райха, привело к формированию конформистского, управляемого общества. В отличие от них, представители «Сознания III» стремятся к личной свободе и отказу от авторитетов[405]. Райх рассматривал конфликт между конформистами и представителями контркультуры не просто как разницу во взглядах, а как столкновение разных типов сознания. Поскольку протест был направлен не против отдельных элементов системы, а против самой ее основы, выход из нее воспринимался как единственно возможная стратегия.

Все вышеупомянутые принципы «разбитого поколения», безусловно, заложили основу контркультурного мировоззрения. Однако исследование влияния контркультуры «разбитого поколения» на Сан-Франциско не должно ограничиваться исключительно изучением литературы и писателей, прославившихся тем, что расширили границы дозволенного. Поскольку они заложили основы более масштабного движения поколенческого бунта за пределами небольшой группы писателей.

К этому движению примкнули молодые люди, которые составляли значительную часть аудитории битников – слушателей на чтениях в кофейнях и джаз-клубах на Норт-Бич. И именно благодаря им возникло мифологизированное представление о битниках, носивших черный берет, черную водолазку, черные очки и козлиную бородку (показательно что ни один из известных битников так не выглядел). Это были те, кого называли «богема выходного дня» или «фальшивки,

[403] Reich C. Op. cit. P. 29-62.
[404] Ibid. P. 63-170
[405] Ibid. P. 171-344.

пытающиеся казаться битниками, болтаясь на периферии литературного движения, возглавляемого Гинзбергом и Керуаком»[406]. Эти молодые люди, придерживавшиеся альтернативного образа жизни, пропагандируемого битниками, доказали, что существует более широкое пространство для контркультуры, которая не ограничивается только литературой. Благодаря молодежи, окружавшей битников, определенные общественные пространства стали неотъемлемой частью культуры «разбитого поколения», т.е. местом, где молодые люди бросали вызов консервативным семейным институтам, профессиональным ожиданиям и сексуальным нормам, пропагандируемым американским обществом “squares”[407].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что влияние «разбитого поколения» на американскую контркультуру было значительным и долгосрочным. Битники предложили ключевые контркультурные маркеры, будь то свободная любовь или интерес к восточным религиям. Многие битники, такие как А. Гинзберг и Г. Снайдер, стали частью движения хиппи: Гинзберг жил в Хейт-Эшбери, а Г. Снайдер и М. Макклюр часто выступали на сцене главных рок-фестивалей.

Трансформация «битничества» в культуру хиппи сопровождалась постепенным размыванием границ между двумя движениями. Эта интеграция битников в движение хиппи способствовала преемственности идей и практик между двумя поколениями контркультуры, создавая единое пространство протестного альтернативного мышления и образа жизни в американском обществе 1950-х и 1960-х гг.

---

[406] Starr C. “I Want to Be with My Own Kind”: Individual Resistance and Collective Action in the Beat Counterculture, in Reconstructing the Beats / Ed. by Skerl J. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2004. P. 42-45.
[407] Ibid. P. 45-46.

1.3. Как хиппи изменили социальный и политический ландшафт США: от фантазий к реальности

В 1960-е гг. контркультурные движения стали более массовыми из-за роста привлекательности альтернативного образа жизни среди «отчужденной» молодежи[408]. Они не хотели жить с родителями в пригородах и стремились к поиску свободы и нового опыта. Конечной точкой в их странствиях чаще всего становился Сан-Франциско – город, считавшийся центром нонконформизма, творческих экспериментов и социальной терпимости.

Исторически Сан-Франциско существовал как пространство «на периферии Америки», во-первых, благодаря географической удаленности, во-вторых, из-за того, что в городе практически не было выходцев из Новой Англии. Уже в XIX в. сюда приезжали те, кто стремился не к стабильности, а к приключениям, риску и свободе: золотоискатели, авантюристы, поэты и изгнанники[409].

Золотая лихорадка 1849 г. во многом сформировала городскую мифологию Сан-Франциско: здесь успех ассоциировался не с кропотливым трудом и дисциплиной, а с дерзостью, удачей и авантюризмом[410]. Одним из ярких примеров подобного мировоззрения служат «Десять заповедей старателей», написанные Дж. Хатчингсом в 1853 г. Эти заповеди стали едва ли не единственным «законодательным» ориентиром для золотоискателей. Особенно показательной в этом контексте является пятая заповедь: «V. Не думай о золоте своем и о том, как его добыть, больше, чем о том, как ты будешь наслаждаться им. Не думай о наставлениях своих добрых родителей, чтобы ни в чем себя не упрекать, когда ты останешься ОДИН в стране, где благословение отца и любовь матери покинули тебя»[411].

---

[408] Рошак Т. Ук. соч. С. 5.
[409] Davidson M. Op. cit. P. 11.
[410] Brands H. The Age of Gold: The California Gold Rush and the New American Dream. N. Y.: Anchor, 2003. P. 442.
[411] The miner's Ten Commandments // Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/item/2011661688/ (дата обращения 15.03.2024).

Этот иллюстрирует отношение к деньгам как к средству достижения целей, а также особую установку на гедонизм и индивидуализм. Богатство в данном случае воспринималось не как инструмент накопления для обеспечения безбедной старости, а как возможность немедленного получения удовольствия и отрыва от семейных традиций. Можно сказать, что подобная установка предвосхищает идеи, которые позднее станут определяющими для контркультуры XX в.: отрыв от родительских моделей поведения, отказ от традиционной морали и культ свободы.

Уникальные природные и городские условия Сан-Франциско лишь укрепляли его статус как пространства «не для всех». В городе практически не было запасов пресной воды[412], там часто происходили землетрясения и пожары, а холмистый рельеф препятствовал созданию единого городского центра[413]. В результате в районах города сформировались различные сообщества, независимые друг от друга. Особенно это проявилось в Хейт-Эшбери – районе, где в 1960-е гг. обосновались хиппи, и Норт-Бич –традиционном центре битников. Эти районы привлекали богему, поэтов, художников, студентов, представителей ЛГБТ[414] и расовых меньшинств – всех, кто искал пространство для альтернативного образа жизни и самовыражения.

Стоит отметить, что в Сан-Франциско существовала культура сопротивления по отношению к государственному регулированию и коммерческой застройке. Так, в 1950–1960-х гг. жители массово протестовали против строительства автострады через Хейт-Эшбери, отстаивая «один из немногих приятных и хорошо интегрированных районов Сан-Франциско». Подобные инициативы стали продолжением духа свободы времен золотой лихорадки, когда старатели отвергали навязанные нормы и жили по собственным законам.

Культурное и интеллектуальное разнообразие, толерантность и любовь к экспериментам, способствовали созданию среды, в которой могли свободно

---

[412] Brechin G. Imperial San Francisco, with a New Preface: Urban Power, Earthly Ruin. Berkeley: University of California Press, 2006. P. 78.
[413] Godfrey B. Urban Development and Redevelopment in San Francisco // Geographical Review. 1997. Vol. 87, No. 3. P. 319.
[414] Организация, признанная экстремиссткой на территории РФ.

сосуществовать представители разных сообществ. Белые и темнокожие поэты выступали на одной сцене, джаз и ритм-н-блюз звучали в тех же барах, где читались стихи, а тема сексуальной ориентации стала частью частью нормы задолго до того, как это стало возможным в других частях США.

Таким образом, история города, социальная структура, культурная политика и мифология создали условия, в которых альтернативные сообщества становились культурной нормой. Именно поэтому Сан-Франциско стал идеальным местом для битников, хиппи и других бунтарей, единственной средой обитания, где контркультуры могли развиваться.

Следует отметить, что в эпоху «разбитого поколения» термин «хиппи» носил уничижительный характер. Он применялся для обозначения «маленьких хипстеров» – людей, придерживающихся пацифистских взглядов и являющихся частью альтернативной культуры, но не следовавших всецело принципам нонконформизма.

Как и битники, хиппи отличались от американской общепринятой культуры тем, что они в основном боролись против лицемерия и того, что писатель и гонзо-журналист Х. Томпсон называл «пластиковым притворством», характерным для американской культуры XX в. По его словам, хиппи «знали», что на самом деле происходит в США, и могли отвергнуть это, живя «естественной жизнью», свободной от потребительства и конформизма, которые они наблюдали в господствующей культуре[415].

Социолог Ш. Каван, проживавшая в районе Хейт-Эшбери и поддерживавшая дружеские отношения со многими представителями сообщества, выделила ключевые ценности, которые стали основополагающими для их образа жизни:

1. ... человек свободен;
2. ... сознание человека может освободить его;
3. ... наркотики могут освободить сознание человека;
4. ...ни один свободный человек не может действовать таким образом, чтобы поставить под угрозу свою свободу;

[415] Thompson H. The ‘Hashbury’ Is the Capital of the Hippies // New York Times. May 14, 1967.

5. ...красота и свобода – это одно и то же;
6. ...реализация всего вышеперечисленного – это духовный путь;
7. ...все люди, осознающие вышесказанное, образуют духовное сообщество;
8. ...это духовное сообщество является идеалом;
9. ...все вышесказанное – правда;
10. ...те, кто считает иначе, заблуждаются[416]

Таким образом поиск свободы стал главной целью в жизни любого члена сообщества. При этом свободы можно было достичь разными способами: путем употребления наркотиков (свобода от границ сознания), через свободную любовь (сексуальная свобода) и различные религиозные практики (духовная свобода). Профессиональная деятельность как способ достижения финансовой свободы и независимости из контркультурного дискурса была исключена, что отдаляло представителей хиппи от общепринятой культуры. Каван отметила, что эта дистанция между хиппи и “squares”, которых в период хиппи называли “straights”, привела к необходимости создания замкнутого сообщества, где конфликты были бы сведены к минимуму и хиппи могли бы «просто существовать» [417].

Вопреки распространенному мнению, хиппи не были однородным сообществом: оно состояло из множества мелких сегментов, которые разделяли общие фундаментальные ценности и сотрудничали между собой, создавая прочное чувство коллективной привязанности.

Так, историк Дж. Ховард предлагает следующую типологию хиппи[418]:

- «Визионеры» – утописты, стремящиеся к построению альтернативного общества. Большую часть этой группы составляет элита контркультурного движения.
- «Фрики и головы» (“freaks and heads”) – хиппи, эстетизирующие и мифологизирующие употребление наркотиков;

[416] Cavan S. Hippies of the Haight. St. Louis, MO: New Critics Press, Inc., 1972. P. 57-58.
[417] Ibid. P. 52, 94.
[418] Howard J. The Flowering of the Hippie Movement // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1969. Vol. 382. P. 43-55.

- «Полуночные хиппи» – люди старшего возраста (более тридцати лет), которые, сохранив внешнюю принадлежность к конформистскому обществу, внутренне принимали идеалы контркультуры;
- «Пластиковые хиппи» – молодежь, воспринимавшая хиппи как стиль, без погружения в идеологическое содержание сообщества.

Более сложную типологию движения хиппи предложила Ш. Каван, выделившая семь основных категорий[419]:

- «Популяризаторы наркотиков» (“the intensified drug scene”) - люди, так или иначе связанные с “using and optaining drugs”. То есть помимо тех, кто употреблял наркотики и пропагандировал расширение сознания с помощью психоделиков, к числу «популяризаторов» также относились те, кто занимался их производством и распространением;
- «Политические активисты по случаю» (“the political occasional-activists”) – участники социальных движений (антивоенного, феминистского, за гражданские права), которые, в отличие от представителей «Новых левых», демонстрировали высокий уровень индивидуализма и психологической «отчужденности». Их активизм отличался избирательностью и нередко принимал формы провокационного поведения;
- «Мистики» (“the mystics”) – сторонники религиозного и мистического поиска, вдохновленные «Нью Эйдж» и оккультными практиками. Большую популярность в этой группе приобрела книга К. Кастанеды «Учение дона Хуана»[420], которая позиционировалась как руководство к просветлению и перерождению посредством употребления мескалина, дурмана и других психоделиков;
- «Ищущие себя» (“the intensified self-seekers”) – люди, которые всеми способами стремились найти свое предназначение, можно сказать, они вобрали в себя наиболее яркие черты предыдущих трех групп;

---

[419] Cavan S. Op. cit. P. 33.
[420] Кастанеда К. Ук. соч.

- «Те, кто просто жил» (“the simply living ones”) – гедонисты, лишенные конкретной цели, которые просто наслаждались свободой и всеми возможностями, предоставленными им в Сан-Франциско;
- «Диггеры» (“The Diggers”) – группа, которую Х.Томпсон назвал «трудящимися-в-миру-священниками» движения хиппи[421]. Они организовывали бесплатные общежития, столовые и центры раздачи одежды. В определенной степени их можно считать ответственными за приток маргиналов и преступников в район Хейт-Эшбери к концу 1960-х гг;
- «Ангелы Ада» (“Hell’s Angels”) – представители наиболее агрессивной и радикальной формы нонконформизма. Их образ жизни, характеризуемый как «беспредельщик» (“outlaw”)[422], был противопоставлен конформистским ценностям. По воспоминаниям фотографа “Life” Б. Рэя, байкеры презирали доминирующие нормы, отвергали трудовую этику и создали замкнутое сообщество с собственным кодексом[423].

Отдельного внимания заслуживает тип «политических активистов по случаю», традиционно вызывающий дискуссии о том, кого следует относить к контркультуре, а кого – к «Новым левым». На основе анализа контркультурных источников, многие из которых будут упомянуты далее, можно отметить характерное нежелание представителей движения бороться с изъянами системы легальными методами: через забастовки или участие в местных органах власти. Вместо этого они рассматривали массовый политический протест как бессмысленный[424] и делали выбор в пользу сознательного «выпадания из системы». Именно поэтому в диссертации тип «политических активистов по случаю»

---

[421] Thompson H. The Hippies. (Перевод Н. Сосновского) URL: https://dimaberkut.livejournal.com/314216.html (дата обращения 15.03.2024).

[422] Термин “outlaw”, нередко применяемый к Ангелам Ада, традиционно переводится как «вне закона», однако в контексте контркультуры он обозначает более радикальное отвержение не только юридических, но и моральных и социальных норм. В связи с этим более точным, хотя и нестандартным, представляется использование термина «беспредельщик», заимствованного из жаргона н. 2000-х гг., применительно к криминальной молодежи. Несмотря на его маргинальное происхождение, данный термин позволяет передать крайнюю степень нонконформизма, что и было характерно для мировоззрения и поведения членов группы.

[423] Cosgrove B. LIFE Rides with Hells Angels, 1965 // Time. November 8, 2014. URL: https://time.com/3506839/life-rides-with-hells-angels-1965/ (дата обращения 18.03.24).

[424] San Francisco Oracle. Vol. 1. № 7. February 1967. P. 6.

интерпретируется как часть «Новых левых», а не контркультуры (в отличие от трактовки Ш. Каван).

Наряду с идейными различиями заметными оставались и социальные – расовый и гендерный состав участников. Несмотря на отсутствие точных данных, например, из переписей хиппи, анализ личных свидетельств позволяет предположить, что афроамериканцы в период борьбы за гражданские права чаще присоединялись именно к этому движению. Те же, кто вступал в контркультурные сообщества, нередко вскоре их покидали по своей воле или принудительно. Так, один из жителей коммуны «Утренняя звезда» описывает, что большинство афроамериканцев воровали, вступали в насильственные отношения и провоцировали драки под действием ЛСД, поскольку переживали сильные негативные эмоции, обусловленные длительным опытом дискриминации[425]. Многие афроамериканцы переезжали в Хейт-Эшбери, чувствуя себя исключенными из Лета Любви, так как не могли «остыть» под воздействием психоделиков[426], что подрывало доверие к ним среди хиппи.

Женщины также в ограниченной степени входили в хиппи-сообщества. Феминистки предпочитали политический активизм, видя в нем более действенный инструмент борьбы за свои права, тогда как внутри коммун женщины в основном выполняли традиционные роли – занимались бытом, воспитанием детей и были неотъемлемой частью «свободной любви».

Таким образом, ключевое различие между хиппи и «Новыми левыми» заключалось не столько в формах активности, сколько в целях: «Новые левые» стремились реформировать существующую систему, тогда как контркультура пыталась выстроить альтернативную модель, которая, однако, во многом воспроизводила структуру и нормы конформистского общества. Данный тезис будет подтвержден в дальнейшем.

---

[425] Chapter 10. First Ridge Settlers //Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_10.html (дата обращения 18.09.2024).

[426] Chapter 6. Ye Olde Doublecross//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes.URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_06.html (дата обращения 18.09.2024).

Возвращаясь к хиппи как социальному движению стоит отметить, что они признают преемственность между ними и битниками. В своей вводной статье к сборнику интервью с представителями хиппи писатель Л. Вулф утверждал: «Движение хиппи – это битники с крыльями»[427]. В свою очередь, профессор английского языка из Сан-Франциско П. Глисон, причислявший себя к хиппи, подчеркивал, что «движение хиппи существовало в Сан-Франциско благодаря битникам, потому что они создали условия для сотен людей, чтобы жить «мифом Н. Кэссиди»[428], то есть постоянно искать новый «подлинный опыт».

Однако в стиле поведения и ценностных установках хиппи можно заметить отличия от их предшественников. По словам Вулфа, в отличие от некоторых битников и других представителей богемы, которые, были в основном «мрачными, молчаливыми, угрюмыми и одинокими», хиппи в подавляющем большинстве являлись «яркими, живыми, любящими толпу и радостными»[429]. П. Макканесс, будучи директором “Hip Job Co-op”, также отмечал позитивную атмосферу, царившую в сообществе[430].

Эта атмосфера возникала в силу юного возраста большинства представителей сообщества и их детского восторга по отношению ко всему, что происходило вокруг. Журналист Т. Вулф с иронией называл их «прекрасными людьми». Он использовал этот термин, потому что в письмах, которые они отправляли своим родителям после «побега» из дома в пригороде, они часто повторяли фразу «Здесь прекрасно». Эти письма обычно выглядели следующим образом:

> «Дорогая мама,
>
> Я хотела написать тебе до этого и надеюсь, что ты не беспокоилась. Я нахожусь в [Сан-франциско/ Лос-Анджелесе/ Нью-Йорке/ Мексике], и здесь прекрасно. Здесь прекрасно... Я очень старалась, потому что знала, что ты этого хочешь, но у меня ничего не вышло [со школой/ с колледжем/

[427] Voices from the Love Generation / Ed. by Wolf L. Boston: Little, Brown and Company, 1968. P. XX.
[428] Ibid. P. 66.
[429] Ibid. P. XXI.
[430] Ibid. P.10-12.

с работой], поэтому я приехала сюда, и здесь прекрасно. Я не хочу, чтобы ты беспокоилась обо мне. Я встретила несколько прекрасных людей и...»[431]

Эти письма вызывали тревогу у консервативных родителей, опасавшихся, что их дети отказались от безопасной жизни в пользу наркотиков и беспорядочных связей. Однако, покинув родительские дома и среду среднего класса, молодые люди, переехавшие в Сан-Франциско, чтобы стать частью контркультуры, считали, что вносят в свою жизнь прогрессивные и «прекрасные» изменения.

К похожему выводу пришла и писательница Дж. Дидион, проводившая весной 1967 г. интервью в районе Хейт-Эшбери. По ее мнению, хиппи стремились не к политическому реформированию общества, а к бегству от всего того, что у них ассоциировалось с жизнью американцев среднего класса. Так, молодой человек по имени Макс объяснял свой переезд в Сан-Франциско желанием освободиться от «старых фрейдистских заморочек» и отпраздновать «триумф над запретами»[432]. Подростки Джефф и Дебби, шестнадцати и пятнадцати лет, говорили о стремлении избавиться от давления чрезмерно строгих родителей[433]. Несмотря на очевидную иронию, а, порой, и презрение, сквозящее в тексте Дидион, ее материалы отражают искреннее стремление этих молодых людей к иной, более свободной форме существования.

Таким образом, хиппи, подобно битникам, не пытались изменить общество политическими методами, они намеревались создать альтернативный конформистскому образ жизни – экспериментальный, вне социальных ожиданий и норм, навязанных обществом “squares”. Именно это стремление к жизни «вне системы» как повседневная форма протеста становится общей основой для обоих контркультурных движений.

Теория «альтернативного общества хиппии»: конструируя социальную утопию

---

[431] Вулф Т. Ук. соч. С. 135.
[432] Didion J. Slouching Towards Bethlehem. N. Y.: Dell Publishing, 1968. P. 87-88.
[433] Ibid. P. 91.

Руководством по контркультурному образу жизни стала газета “San Francisco Oracle”, выходившая с сентября 1966 г. по февраль 1968 г. Материалы, которые в ней публиковались, служили путеводителем по новым состояниям сознания, достигнутым хиппи через медитацию и ЛСД, а также помогали в исследовании новых структур повседневности, необходимых для изменения общества в соответствии с философией хиппи[434]. Во втором номере, который в отличие от первого[435] вышел уже под названием “San Francisco Oracle”, авторы так обозначили свою миссию: «Мы находимся в самом динамичном периоде перемен в истории Запада. Мы надеемся вызвать желание участвовать в происходящей сейчас революции»[436].

За время существования издания было выпущено двенадцать номеров. В них публиковались материалы по восточной философии, защите окружающей среды и улучшению психоделического опыта. На страницах “Oracle” было представлено множество примеров психоделического искусства, а также дайджесты основных событий, происходивших в Хейте, таких как “Human Be-In” и “Houseboat Summit” с А. Гинзбергом, Т. Лири, Г. Снайдером и А. Уоттсом, описанных в статье “Changes”.

В этом периодическом издании «лидеры» движения описывали социальную утопию – идею общества, отвечавшего потребностям и запросам «отчужденных молодых людей» – от экономики до семейного уклада. Создание альтернативного общества, призванного заменить конформистское большинство, казалось им неизбежным, так как все больше людей разочаровывалось в существующем образе жизни, а употребление психоделиков подталкивало к поиску радикально иного пути развития цивилизации.

Так, подтверждая необходимость перемен в обществе А. Уоттс критиковал «линейный тип интеллекта», заменивший «первоначальный разум», основанный на просветлении и интуиции[437], а Т. Лири предсказывал, что люди неизбежно

---

[434] San Francisco Oracle: Facsimile Edition, xxiii-xxviii.
[435] Первый выпуск был назван “P.O. Frisco”, где “P.O.” означало «Психоделический оракул».
[436] San Francisco Oracle: Facsimile Edition, 18.
[437] San Francisco Oracle. Vol.1. №. 7. February 1967.P. 12.

откажутся от искусственного, навязанного телевидением, образа жизни[438]. В их представлении человек по природе добродетелен и стремится к освобождению, но его развращает политическая система и культура потребления. Они верили, что при выборе между «истинной свободой» и «порабощающим конформизмом», люди в итоге выберут первое и «добровольно решат потреблять меньше <…>, поскольку то, что их волнует, это не вещи, а состояние души»[439].

Хотя автор диссертационного исследования называет их «лидерами», сами хиппи отвергали всякую иерархию[440], признавая лишь «факторов энергии» – организаторов, временно берущих на себя технические задачи, такие как проведение мероприятий, заказ музыкального оборудования, транспорта, или же покупка ЛСД. Такие люди не должны считать себя выше сообщества или ограничивать свободу других[441]. Однако уже на этом этапе их концепция сталкивалась с противоречиями, связанными как с практической реализацией идеалов, так и с взаимодействием с государственными структурами, что только подтверждает ее утопический характер.

Для представителей контркультуры образцом социального устройства служили племена коренных американцев. Этот выбор был обусловлен не только тем, что образ жизни индейских племен воплощал все идеалы, к которым стремились члены сообщества, но и ощущением глубокой связи с коренными народами Америки. Они, подобно индейцам, чувствовали себя чужаками на своей родной земле и подвергались преследованиям со стороны конформистского большинства. Таким образом, «племенное общество индейцев» стало для них самым простым и понятным объяснением того, к чему они стремились, а также предоставляло наглядный образец для начала “dropping out”[442].

Лидеры хиппи предлагали разные модели будущих «племен»: сельские, занимающиеся земледелием и скотоводством; дикие, живущие охотой и

---

[438] Ibid. P. 8.
[439] Ibid. P. 11.
[440] Ibid. P. 15.
[441] Ibid. P. 6.
[442] “Dropping out” – процесс «выпадания из общества», то есть разрыв связей со всеми конформистскими институтами (семьи, образования, трудоустройство и т.д.) и жизнь в соответствии с идеалами хиппи. Появилось это выражение после фразы Т. Лири «Включись. Настройся. Выпадай» (“Turn on. Tune in. Drop out.”).

собирательством[443]; городские, обитающие в четко ограниченных зонах, где они могли бы использовать все доступные на тот момент технологии. Так, Т. Лири предлагал создать подземный город, где «городские племена» могли бы «играть» с металлом и электричеством, поднимаясь на поверхность только для жизни в гармонии с природой[444]. Г. Снайдер придерживался схожей точки зрения, представляя себе «очень сложную и изощренную кибернетическую технологию, окруженную густой изгородью из деревьев... где-то в окрестностях Чикаго. А остальная часть страны – пастбище для буйволов...»[445]. Хотя в целом движение критиковало технологический прогресс как символ общества 1950-х гг., «лидеры» признавали необходимость техники в «переходный период» для обеспечения базовых потребностей[446]. Однако, в идеальных условиях, по их замыслу, люди будут заниматься лишь тем, что приносит радость и творческое удовлетворение (не связанное с технологиями). Для описания видов деятельности, которые не являются необходимыми, но приносят эстетическое удовольствие или удовлетворение от самого процесса, лидеры хиппи использовали метафору «изготовление наконечников для стрел». Примером стала история о шурине Г. Снайдера. Он был грузчиком, потерявшем работу и решившим заняться охотой с самодельным луком, поскольку это было его истинным призванием[447].

Религиозная составляющая «идеального общества» хиппи представляла собой синтез духовных практик коренных народов Америки, с их ритуальным употреблением галлюциногенных растений, буддийских традиций и бит-дзен. Общим для этих верований было стремление к внутреннему преображению, достигаемому через психоделики, медитации и аскетические практики[448]. По мнению Г. Снайдера и А. Уоттса, подобные переживания помогали осознать иллюзорность социальных норм и перейти к «выпаданию» из системы[449], становясь

---

[443] Т. Лири, например, предлагал категорию «пляжные люди», которые будут жить на побережье океана и заниматься рыбной ловлей.
[444] San Francisco Oracle. Vol. 1. № 7. February 1967. P. 9.
[445] Ibid. P. 11.
[446] Ibid. P. 11.
[447] Ibid. P. 10.
[448] San Francisco Oracle. Vol. 1, №. 10 October 1967. P. 12.
[449] San Francisco Oracle. Vol. 1. № 7. February 1967. P. 11.

важным этапом «просветления» человека, вследствие чего он сможет построить здоровое и гармоничное сообщество[450].

В утопическом проекте хиппи религия рассматривалась как инструмент объединения «племен» и способ избежать «межплеменных распрей». «Лидеры» предлагали создавать «негосударственные религиозные организации», чтобы получать средства от государства на нужды движения и официально закрепить право на свои духовные практики.

«Лидеры» хиппи подвергли пересмотру также и институт брака, считая нуклеарную семью пережитком аграрно-патриархальной эпохи, служившим интересам системы и воспитывавшим покорных «винтиков»[451]. Вместо этого они предлагали модель «расширенной семьи» – сообщества, объединяющего несколько неродственных семей сообщество с целью совместного зарабатывания денег, ведения быта, воспитания детей, а также творчества и получения нового опыта[452]. Следует уточнить, что любой человек извне, изъявивший желание вступить в «расширенную семью», становился ее полноправным членом.

Моногамный брак был отвергнут хиппи как пережиток конформистской культуры и ненужная связь с государством. Они считали, что моногамия ограничивает личную свободу и препятствует развитию истинных духовных и эмоциональных связей между людьми. Вместо этого хиппи стремились к более свободным и разнообразным формам отношений, которые способствовали бы созданию тесных и взаимоподдерживающих сообществ. Как подчеркивал Г. Снайдер, мужчина и женщина должны давать друг другу «полную свободу» и не связывать себя обязательствами[453].

Таким образом, для хиппи семья была не кровным родством, а духовным союзом, укрепляемым общим бытом и психоделическим опытом. Подобная модель отражала их утопическую мечту о свободном и равноправном сообществе,

---

[450] Ibid.
[451] Ibid. P. 16-17.
[452] Ibid. P. 15.
[453] Ibid. 17-18.

противопоставленном консервативной культуре, которая на самом деле имела множество внутреннимх противоречий.

Экономическая модель хиппи, как и их духовные взгляды, строилась на критике «общества потребления» и капиталистической системы, основанной на эксплуатации. В утопическом племенном сообществе не предусматривалось существование денег и связанных с ними экономических практик – покупки, продажи, кредитов или наемного труда: материальные блага распределялись бы через обмен или дарение, обеспечивая самодостаточность, взаимопомощь и устранение социального неравенства[454].

Однако, для подготовки к “dropping out” признавалась необходимость стартового капитала, но даже в этом случае рекомендовалось свести контакты с конформистской экономикой к минимуму. Вместо офисной работы поощрялись сезонные и временные занятия, ремесла и уличная торговля. Получение еды и других товаров бесплатно[455] или путем воровства[456] рассматривалось как достойный протестный поступок, а не признак бедности.

Вслед за социальной и экономической системой, по мнению «лидеров» хиппи изменениям должно было подвергнуться и образование. Дело в том, что, в 1950-е гг. американская система высшего образования была оплотом политического конформизма. Студенты, ставшие свидетелями Великой депрессии и Второй мировой войны, в большинстве своем были лояльны к государству и стремились стать частью общества потребления, а любые протесты купировались социальными реформами и инфраструктурными проектами в кампусах, например, в Колледже Уильяма и Мэри[457]. Ситуация осложнилась в годы Корейской войны, когда нарушителей правил университета могли призвать на фронт, что служило неким подавляющим и дисциплинирующим фактором[458].

---

[454] Ibid. P. 14.
[455] San Francisco Oracle. Vol. 1. № 7. February 1967. P. 7.
[456] Ibid. P. 14.
[457] Речь идет о строительстве Нового кампуса в 1950-х гг. - учебных корпусов и общежитий.
[458] Кубышкин А. И. Ук. соч. С. 124.

Атмосфера «Холодной войны», маккартизма и милитаризации кампусов усиливала «отчужденность» и способствовала росту протестных настроений. Университеты из пространства свободной мысли превращались в структуру, тесно связанную с государственным аппаратом. К середине 1960-х, на фоне массового характера высшего образования, когда даже в еще недавно небольших кампусах сконцентрировались десятки тысяч молодых людей поколения «бэби бума», эта система столкнулась с кризисом: война во Вьетнаме, борьба за гражданские права, сексуальная революция и постколониальные дискуссии вывели кампусы из состояния «политической спячки»[459].

Противостояние между студентами и властями усилилось после принятия в 1965 г. нового закона о высшем образовании[460], и как следствие – попыток федерального правительства сделать университеты политически лояльными через финансовую поддержку и прямое вмешательство – от заказов Пентагона в лабораториях до присутствия агентов ФБР в аудиториях[461].

Для представителей контркультуры это стало примером того, что американская система образования 1950-х была не площадкой для самореализации в академической среде, а инструментом поддержания конформистского социального порядка, против которого нужно было бороться.

Так, лидеры хиппи резко критиковали американскую систему образования, считая ее бесполезной для реальной жизни. Т. Лири заявлял, что предпочел бы дать детям героин, чем отправить их в первый класс в США[462], А. Гинзберг оставлял на стенах общежитий дерзкие надписи об университетской администрации[463], а А.

---

[459] Там же. С.124-125.

[460] Закон о высшем образовании 1965 года - это ключевой федеральный законодательный акт США, направленный на расширение доступа к высшему образованию и поддержку образовательных учреждений. Закон установил программы финансовой помощи студентам из малообеспеченных семей, а также обеспечил федеральное финансирование колледжей и университетов для улучшения их инфраструктуры и учебных ресурсов. Higher Education Act of 1965. P.L. 89–329. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-765/pdf/COMPS-765.pdf (дата обращения 18.03.24).

[461] Кубышкин А. И. Ук. соч. С. 124.

[462] Форте Р. Предисловие. // Форте Р. Ук. соч. С. 33.

[463] В 1945 г., в возрасте девятнадцати лет, Гинзберг был отстранен от занятий за то, что написал на окне своей комнаты «У Батлера нет яиц» и за то, что оставил ночевать у себя Керуака (поступившего в Колумбийский университет в 1939 г., бросившего учёбу в 1942 г. и к тому времени уже ставшего persona non grata в кампусе). Ginsberg A. Journals: Early Fifties – Early Sixties. P. XIII.

Уоттс указывал, что школы и вузы готовят лишь «продавцов страховых полисов» и «бюрократов», но не учат готовить, строить дома или заниматься ремеслом [464].

В представлении хиппи, в «идеальном» обществе племен имеет место лишь изучение практикоориентированных дисциплин, связанных с охотой, земледелием и ремеслами. Предлагалось создать специальные учебные заведения, где бы работали «потенциально прекрасные преподаватели» – религиозные и психоделические гуру, распространяющие контркультурные идеи[465]. При этом «лидеры» хиппи признавали важность точных наук, таких как астрономия, но математику, биологию, физику и химию вообще не упоминали[466].

Критика существующей системы сочеталась с экологическим мышлением: именно поэтому технологии следовало перенести под землю, сократить перепроизводство, предотвратить перенаселение и поставить заботу о планете в основу общественного устройства. Эти идеи отражали стремление хиппи к созданию устойчивого и гармоничного общества, которое бы жило в согласии с природой и минимизировало негативное воздействие на окружающую среду.

Таким образом, идеал хиппи был прежде всего утопическим социальным проектом, попыткой построить новое общество, основанное на принципах свободы, равенства, гармонии с природой и творческого самовыражения, в противовес так называемому “Final City” – образу перенаселенного, «отчужденного» и экологически разрушающегося мегаполиса, символизирующего тупик индустриальной цивилизации[467].

«Лидеры» объединили традиции коренных народов Америки, буддистскую философию, опыт «разбитого поколения» и радикальный отказ от ценностей потребительской культуры. Однако несмотря на осознание того, что эта модель вряд ли будет реализована в полной мере, они верили: даже частичное воплощение данного плана, с ее самодостаточными «племенами», экологическим образом жизни и альтернативной системой ценностей, способно трансформировать общество,

---

[464] San Francisco Oracle. Vol. 1 № 7. February 1967. P. 8.
[465] Ibid.
[466] Ibid. P. 8-9.
[467] San Francisco Oracle. Vol. 1 № 7. 1968. P. 2-3.

разрушить конформизм и приблизить людей к подлинной духовной и социальной свободе.

В качестве примера реального приближения к идеальному обществу «лидеры» хиппи приводили небольшое поселение в Биг-Суре, малонаселенном районе побережья центральной Калифорнии, члены которого самостоятельно добывали морскую соль, находили съедобные растения и заменяли блага цивилизации дарами природы[468]. Однако автор диссертационного исследования уверена, что экономическая самостоятельность отдельно взятой коммуны не является достаточным показателем успешности утопического проекта в целом. История знает примеры полностью автономных сообществ, обеспечивавших все свои потребности, например, коммуна «Семья» Ч. Мэнсона, жившая в Долине Смерти. Ее члены строили дома, шили одежду, выращивали продукты или добывали их на помойках у супермаркетов[469] и даже ремонтировали машины без посторонней помощи. Однако это не помешало им впоследствии совершить резню на Голливудских холмах, что наглядно показывает: экономическая самодостаточность, хотя и является одной из самых сложных задач утопии хиппи, не является ее главным и определяющим условием.

Ключевое различие между успешным примером коммуны в Биг-Суре и трагическим опытом «Семьи» Ч. Мэнсона, по мнению автора исследования, заключалось в понимании и реализации принципа «лидерства». Хотя А. Уоттс, А. Гинзберг, Г. Снайдер и Т. Лири публично провозглашали идеи полной свободы и отсутствия иерархии, на практике влияние харизматичных лидеров на молодых участников движения было огромным. В случае с «Семьей» это влияние приобрело деструктивный характер: Ч. Мэнсона считали едва ли не новым Иисусом[470] и беспрекословно подчинялись его решениям, что привело к катастрофическим последствиям.

---

[468] San Francisco Oracle. Vol. 1. № 7. February 1967. P. 11.

[469] The People of the State of California VS. Charles Manson, Susan Atkins, Leslie Van Houten and Patricia Krenwinkel // Cielodrive Archives. Vol 1. P. 24. URL: https://www.cielodrive.com/people-v-manson-atkins-vanhouten-krenwinkel/01-grand-jury/Vol01.pdf (дата обращения 18.09.2024).

[470] Chamberlain S. Charles Manson ex-lover calls him 'the closest thing to Jesus' // FOX News. March 31, 2019. URL: https://www.foxnews.com/us/charles-manson-ex-lover-calls-him-the-closest-thing-to-jesus (дата обращения 18.09.2024).

Наиболее примечателен тот факт, что «лидеры» контркультуры, осознавая свое влияние, фактически брали на себя право управлять действиями последователей, что противоречило их риторике о свободе и равенстве. Пропагандируя идею “droping out” – выхода за пределы системы, отказа от конформистских социальных ролей, образования и наемного труда, многие сами не спешили следовать собственным призывам. А. Гинзберг прямо указывал Т. Лири на этот парадокс, напоминая, что тот лишь сменил должность преподавателя Гарварда на серию платных лекций и фестивалей, продолжая взаимодействовать с государственными структурами и финансовой системой[471].

Таким образом, «идеальное общество» хиппи в представлении их лидеров выглядело как некоммерческая религиозная организация с племенным укладом и одновременно с государственной поддержкой и защитой. Именно эта зависимость от структур, против которых они выступали, и стала главным признаком утопичности их проекта: выросшие в культуре потребления, хиппи не могли полностью отказаться от благ цивилизации, даже если это шло вразрез с их главной целью – полным разрывом с конформистскими принципами.

Тем не менее, отдельные элементы утопического проекта, например, переосмысление семейных структур или практика психоделических опытов как способа духовного роста, оказались более жизнеспособными, поскольку требовали минимальных ресурсов и не зависели от государства. Таким образом, план хиппи остался скорее идеалом, чем реальным социальным порядком, но именно он продолжал вдохновлять их и формировать контркультурную повестку.

От теории к практике

Реальное положение дел в сообществе хиппи заметно расходилось с их утопическим замыслом. Концепция «лицензированного религиозного культа» под защитой государства так и осталась фантазией Т. Лири, которой он продолжал придерживаться даже в бегах от ФБР в Мексике и Швейцарии. Тем не менее, отдельные элементы «идеального общества» были воплощены на практике.

---

[471] San Francisco Oracle. Vol. 1 Vol. 1. № 7. February 1967. P. 7.

Одним из наиболее заметных маркеров контркультуры стала возрастающая роль психоделических наркотиков. Хотя они и раньше ассоциировались с бунтарством (битники, например, употребляли бензедрин и марихуану)[472], доступность и легальность препаратов с ЛСД[473] сделала их настоящей «визитной карточкой» движения. Помимо академических экспериментов вроде Гарвардского проекта псилоцибина, проводились и «полевые исследования», когда сторонники ЛСД обменивались личным опытом, утверждая, что психоделики помогают глубже познать себя, ощутить единство с другими людьми и живыми существами[474], формируя нечто вроде «коллективного бессознательного» [475].

Однако использование наркотиков не ограничивалось только групповыми терапевтическими сессиями. Хиппи использовали полученный психоделический опыт в искусстве, превращая перформанс в инструмент протеста[476].

Перформансы действительно стали важным элементом формирования сообщества. Их использовали не только для самовыражения, но и для побуждения к политическим преобразованиям. Труппа пантомимы Сан-Франциско была одной из первых, совместившей политический активизм и театральные представления, что нашло широкий отклик среди молодежи. Их спектакли, частично срежиссированные, частично импровизационные и предполагающие участие зрителей, стирали границы между актерами и зрителями, а также между искусством и жизнью[477].

Несмотря на то, что труппу пантомимы причисляют к контркультуре, они не поддерживали теорию «выпадания из общества», о которой говорили «лидеры» контркультурного движения. Напротив, они считали, что для приближения общества

---

[472] Wrobel D. Movement and Adjustment in Twentieth-Century Western Writing // Pacific Historical Review. 2003. Vol. 72, № 3. P. 403.

[473] До 24 октября 1968 г. ЛСД в США не подпадал под федеральный запрет и не регулировался как наркотическое вещество. Более того, компания Sandoz свободно распространяла его под торговым названием Делизид, в том числе через аптеки, позиционируя как средство для психотерапевтических исследований. H.R.14096 - An Act to amend the Federal Food, Drug, and Cosmetic Act to prescribe penalties for the possession of LSD and other hallucinogenic drugs by unauthorized persons. URL: https://www.congress.gov/bill/90th-congress/house-bill/14096/text (дата обращения 18.03.24).

[474] Chapter 2: First Arrivals // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes.URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_02.html (дата обращения 18.09.2024).

[475] Grof S. The way of the psychonaut, Vol. 1, 2: Encyclopedia for inner journeys. Santa Cruz, CA, Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies. 2019.

[476] Reich C. Op. cit. P. 355.

[477] Бодров О., Закиров А. Уличный театр «Мим труппа Сан-Франциско» как духовная реакция молодежи на социально-политическую реальность США 1960–1970-х гг. С. 311.

к идеалу нужно не создавать новое, а менять уже существующее. Тематика их перформансов была направлена на разоблачение лицемерия американского общества и побуждения государства к реализации пропагандируемых идеологических установок: демократии, равенства возможностей и соблюдение прав человека как внутри страны, так и во внешней политике. Шоу труппы часто имели политический подтекст. Например, в их «Шоу менестрелей»[478] использовались особые театральные элементы, например, “black face” с целью продемонстрировать расовую дискриминацию в США[479]. Их политическая активность и общая идея изменения существующего общества, а не создания нового, делала их, по мнению автора диссертации, ближе не столько к контркультуре, сколько к «Новым левым».

Зарождение «перформанса как стиля жизни», по большей части, было связано с К. Кизи и коммуной «Веселые проказники»[480]. Их ЛСД-эксперименты стали первыми коллективными психоделическими сессиями, проведенными не с целью научного исследования, а ради удовольствия. Журналист Т. Вулф писал, что это происходило «за целых два года до того, как мама, папа и их приятели услышали о страшных буквах [ЛСД – А.С. Роговцева] и кудахтали, что доктора Т. Лири и Р. Алперт поджаривали на нем мозги гарвардских мальчиков»[481].

Самыми яркими примерами таких мероприятий по популяризации психоделиков являлись путешествия «Проказников» в автобусе «Далше»[482] и проведение «Кислотных тестов». Эти фестивали проводились в 1965 г. и 1966 г. и подняли идею коллективного наркотического опыта на новый уровень. Рекламные плакаты зазывали всех желающих словами: «Пройдешь ли ты кислотный тест?» (Приложение 2).

Атмосфера на «Кислотных тестах» создавалась при помощи освещения, проекций, световых шоу, инфракрасного света, стробоскопов и живой музыки.

---

[478] Менестрель-шоу – форма американского народного театра XIX в., в котором загримированные под афроамериканцев белые актеры разыгрывали комические сцены из жизни темнокожих, играли стилизованную музыку и исполняли танцы африканских рабов.
[479] Coyote P. Sleeping Where I Fall. Washington D.C.: Counterpoint, 2009. P. 39.
[480] Ibid. P. 68.
[481] Вулф Т. Ук. соч. С. 43.
[482] Бодров О., Закиров А. Путешествие «Далше» летом 1964 года и его значение в процессе смены субкультур США. С. 293.

Самый крупный из этих тестов был «Фестиваль полетов», прошедший в январе 1966 г.[483]. Музыка, танцы и световые шоу были призваны имитировать «ЛСД-опыт без ЛСД». Теоретически это было возможно, поскольку все, что было увидено и постигнуто во время наркотического опыта, можно было воспроизвести и без использования веществ[484].

К. Кизи, как один из лидеров движения, осознавал свою роль в популяризации ЛСД среди молодежи Сан-Франциско и в октябре 1966 г. призвал выйти «за пределы кислоты». Это стало основой для «Выпускного кислотного теста», – события, направленного на прекращение увлечения ЛСД среди хиппи. Кизи не считал ЛСД опасным, но полагал, что психоделическое движение готово перейти к другим методам изменения сознания, например, медитации или искусству. Однако, идея о прекращении употребления ЛСД не нашла широкого отклика среди аудитории, которая наслаждалась контркультурным образом жизни[485].

Одним из самых значимых решений Кизи стало сотрудничество с рок-группой “Grateful Dead”, которая выступала на «Кислотных тестах». Группа стала основоположником «кислотного рока» – особого жанра музыки, зародившегося во время психоделической революции. Отличительной особенностью кислотного рока стало использование электрических усилителей, формировавших характерное искаженное «кислотное» звучание. Создание музыки и текстов зачастую сопровождалось приемом ЛСД, что усиливало психоделический эффект. Концерты чаще всего проводились в зале «Филлмор», который стал культовым пространством для реализации концепции “Mixed Media” – перформанса, направленного на создание всеобъемлющего художественного или психоделического опыта, оказывавшего длительное воздействие на чувства и расширявшего сознание[486].

Социолог Дж. Ховард, вспоминая свое первое «кислотное» шоу, говорил: «В этот вечер был представлен новый культурный стиль. Рок-группа выводила свой звук

---

[483] Вулф Т. Ук. соч. С. 250-263.
[484] Одье Д. Ук. соч. С.179 – 180.
[485] Вулф Т. Ук. соч. С. 363.
[486] Format Team. The Beginner’s Guide to Making Mixed Media Art // Format. September 20, 2018. URL: https://www.format.com/magazine/resources/art/beginners-guide-mixed-media-art (дата обращения 08.10.19).

через многочисленные усилители, децибелы били по залу, как гневные волны... На огромном киноэкране воспроизводился меланж цветов и изображений... Изображение и цвет то сливались, то расплывались, то таяли. Общий эффект был таким, к которому стремились дадаисты в начале 1920-х гг., это было разрушение традиционных линейных привычек мышления, отрыв сенсорного аппарата от традиционных категорий восприятия»[487].

Песни “Grateful Dead” отражали стремление контркультуры к новым формам самовыражения. Их ранние композиции, например “The Golden Road (To Unlimited Devotion)”[488] представляют собой гимн контркультуры. Они сочетали элементы фолка, блюза и кантри, символизируя возвращение к истокам, от которых, по мнению музыкантов, общество отошло в технологичном мире. Важность сообщества и его роль в переоценке приоритетов очевидны в строках «Так что снимай обувь, дитя, и снимай шляпу. Примерь свои крылья и узнай, где они»[489]. Любопытно, что это песня длилась лишь 2 мин., с самой минимальной разницей между студийной записью и концентными исполнениями, что делало ее самой короткой записью в карьере группы.

Впоследствии музыка “Grateful Dead” все больше подвергалась влиянию психоделической культуры. Например, песня “The Eleven”[490] создавала ощущение дезориентации благодаря кольцевой композиции текста и использованию ритма в одиннадцать битов вместо стандартных четырех, что делало начало и конец песни неопределенными[491]. Таким образом эволюция музыки “Grateful Dead” от бодрых мелодий о сообществе до психоделических и рефлексивных композиций шла параллельно с развитием контркультуры в целом.

Помимо «Кислотных тестов» площадками для таких групп, как как “Grateful Dead” служили и другие фестивали, продвигавшие идеи контркультуры – самовыражение, перформанс как стиль жизни, расширение сознания и др. Одним из

---

[487] Howard J. The Flowering of the Hippie Movement // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1969.Vol. 382: Protest in the Sixties. P. 44.
[488] Grateful Dead. The Golden Road (To Unlimited Devotion). URL: https://genius.com/The-grateful-dead-the-golden-road-to-unlimited-devotion-lyrics (дата обращения 15.03.2024).
[489] Ibid.
[490] Grateful Dead. The Eleven. URL: https://genius.com/The-grateful-dead-the-eleven-lyrics (дата обращения 15.03.2024).
[491] Zimmerman N. Op. cit. P. 113.

наиболее знаковых событий стал фестиваль “Human Be-in”, прошедший 14 января 1967 г. и объявленный «великим собранием племен, готовых к началу новой эпохи». В оформлении постеров использовались образы коренных американцев, что позволяло представить хиппи как нечто подлинно американское.

Мотив «племен» был устойчивым элементом контркультурного дискурса, так, например, на афишах «Кислотных тестов» можно было увидеть лозунг «Америке нужны индейцы»[492]. Эта идея, продвигаемая «лидерами» движения, прижилась среди «обычных» хиппи: непринятие их конформистами они воспринимали также, как и ранние столкновения между европейскими колонистами и коренными жителями Америки. Хиппи утверждали, что «белые видели лишь грязных, вонючих дикарей, лишенных права на землю, на которой они жили многие поколения»[493]. На “Human Be-In” под «племенами» подразумевались политические радикалы из Беркли и «популяризаторы кислоты» из Хейт-Эшбери. Несмотря на успех мероприятия, прочного союза между ними достичь не удалось[494].

Апогеем контркультурных движений США «долгих шестидесятых» стало «Лето любви» 1967 г. Писательница Дж. Дидион писала об этом: «Сан-Франциско был местом, где проявлялось социальное кровотечение. В Сан-Франциско собирались пропавшие дети и называли себя “хиппи”»[495]. По ее мнению, даже несмотря на огромную численность сообщества, коллективная идентичность хиппи была очень сильной именно потому, что даже когда их число перевалило за сотни тысяч они консолидированно противопоставляли себя жизни американцев среднего класса, которому следовали их родители, и демонстрировали стремление к новому опыту повседневности.

Чувство родства, которое влекло молодежь в Сан-Франциско, наглядно предемонстрированны в интервью и социологических исследованиях о хиппи. Так, С. Батлер, одна из представительниц сообщеста, описывала Сан-Франциско как

---

[492] Вулф Т. Ук. соч. С. 127.
[493] Chapter 6. Ye Olde Doublecross//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_06.html (дата обращения 18.09.2024).
[494] Gitlin T. Op. cit. P. 208.
[495] Didion J. Op. cit. P. 85.

«место, где можно быть самим собой», а ее возлюбленный Панчо активно стремился быть рядом с «другими людьми типа Хейт-Эшбери», потому что чувствовал себя похожим на них. Таким образом, лето 1967 г. стало воплощением «рюкзачной революции», которую Керуак предсказал еще в «Бродягах Дхармы», а любовь, которую испытывали хиппи друг к другу и ко всему миру, сделали сообщество по-настоящему привлекательным для тех людей, которые не получили этого от привычного окружения и родителей.

Помимо взаимной заботы и понимания, рожденного из общего опыта, которое и собрало молодых людей в сообщество, неотъемлемой частью социальных взаимодействий хиппи стало проявление любви вне контекста обычных романтических отношений и брака, получившее название «свободная любовь». Основу философии свободной любви заложила поэтесса Л. Кандель, знакомая со многими писателями поколения битников в 1950-х гг., в своем сборнике «Книга любви», стихи из которого она читала на “Human Be-In”. В этой книге она писала о чистой радости от любви и сексуальных фантазий[496]. В интервью Л. Вулфу Кандель подчеркивала, что сексуальное освобождение хиппи стало одним из самых фундаментальных и, по мнению консервативной части Америки, шокирующих различий между контркультурой и представителями традиционного общества[497]. В сочетании с ЛСД и восточным мистицизмом «свободная любовь» способствовала созданию новых рамок восприятия мира и социальных взаимодействий.

Как уже упоминалось, контркультурные «лидеры» предложили концепцию «расширенной семьи», которая предполагала отказ от традиционных представлений о браке. Она представляла собой сообщество, состоящее из нескольких людей или семей, объединенных для совместного заработка, ведения хозяйства и получения удовольствия.

В том, что касалось воспитания детей и ведения хозяйства, эта модель имела определенные преимущества, и была по-своему привычна людям того времени,

---

[496]Johnson R. Lenore Kandel’s the Love Book: Psychededlic Poetics, Cosmic Erotica, and the Sexual Politics in the Mid-Sixties Counterculture // Reconstructing the Beats / Ed. by Skerl J. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2004. P. 95-96.
[497] Voices from the Love Generation. / Ed. by Wolf L. Boston: Little, Brown and Company, 1968. P. 33.

поскольку традиционные семьи включали не только родителей, но и бабушек, дедушек, дядь, теть и даже работников, которые помогали заботиться о детях. Часто дети получали больше любви и заботы от других взрослых, чем от родителей. В такой семье давление, связанное с воспитанием детей, уменьшалось для матери и распределялось между большим количеством взрослых[498]. Хиппи, в свою очередь, пытались воспроизвести контекст большой семьи или племенной деревни, где маленькие дети могли свободно бегать, а родители были уверены, что о них заботятся другие любящие люди.

Однако в контексте отношений между мужчинами и женщинами, учитывая собственнические наклонности людей[499] и глубоко укорененные моногамные традиции, теория «расширенной семьи» оказалась менее успешной, чем ожидалось. Основной проблемой был дисбаланс, при котором мужчины, чаще всего инициаторы полиаморных отношений, считали себя вправе заводить связи на стороне, тогда как женщинам это не позволялось[500]. Хотя были примеры успешных групповых браков, они были редкими. Например, один из постояльцев «Ранчо Уиллера» считал, что для успешного группового брака необходимо равное количество представителей обоих полов, описывая свой четырехсторонний брак, в котором партнеры менялись каждую ночь[501].

Таким образом, попытки создания новых форм ведения быта, как и идеи альтернативной экономики и расширенных семей, были неотъемлемой частью хиппи-эксперимента. Эти принципы находили отражение и в повседневности, прежде всего в городской среде, в которой в первую очередь и формировались контркультурные сообщества.

---

[498] Chapter 20. Relationships & Sol Ray's Birth // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_20.html (дата обращения 18.09.2024).

[499] «Диггеры» говорили, что отказывались проводить свадьбы, так как считали это просто знаком «Посторонним вход воспрещен», а не символом настоящей любви. Chapter 20. Relationships & Sol Ray's Birth // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_20.html (дата обращения 18.09.2024).

[500] Chapter 20. Relationships & Sol Ray's Birth // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes.URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_20.html (дата обращения 20.09.2024).

[501] Chapter 19. The Halloween Raid // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_19.html (дата обращения 18.09.2024).

Говоря об условиях жизни в Хейт-Эшбери – районе Сан-Франциско, стоит отметить низкую арендную плату, которая делала жилье доступным для неработающих молодых людей[502], а также отсутствие коммерциализации в местных заведениях[503], что соответствовало идеологии хиппи. Однако к концу «долгих шестидесятых» ситуация в корне изменится, о чем пойдет речь ниже.

В рамках борьбы с экономической системой США хиппи, как и призывали «лидеры», стремились минимизировать свои расходы, получая бесплатный кров, еду и другие необходимые вещи. Деньги они тратили только на то, что было связано с государством, например, на оплату залога, бензин и услуги юристов[504]. А заключать их под стражу было за что.

Помимо публичной непристойности и строительства жилья, которое не соответствовало законам, в вину хиппи вменялось производство и продажа алкоголя и наркотиков, а также организация фестивалей, где распространялись запрещенные вещества – для них это было не только частью заработка, но и показателем их нонконформизма и, как следствие, предметом гордости.

Говоря о сообществе хиппи, как о системе, стоит обратить внимание на то, что старые институты были просто заменены другими (о чем автор диссертации говорила при расшифровке понятия «контркультура»). Среди различных институтов, созданных для решения проблем как внутри сообщества, так и в отношениях с конформистами, следует выделить следующие:

- «Дом Гекльберри» (“Huckleberry House”): приют для подростков-беглецов. Хиппи считали ювенальную юстицию одной из проблем американского общества. Они были возмущены тем, что взрослые присвоили себе право решать, что лучше для ребенка, и верили в «Движение за освобождение детей». Одним из известных сторонников этой идеи был Дж. Холт, известный педагог и

[502] Voices from the Love Generation / Ed. by Wolf L. Boston: Little, Brown and Company, 1968. P. 174.
[503] Fallon M. Bohemia’s New Haven // San Francisco Examiner. September 7, 1965.
[504] Chapter 2. First Arrivals // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_02.html (дата обращения 18.09.2024).

автор, который признался, что пришел к своим радикальным выводам после посещения государственных детских домов[505].

- «Совместная работа для хиппи» (“Hip Job Co-Op”). Именно эта организация предоставляла вакансии для хиппи на временную работу в полях, в доках и т.д., что, порой, становилось единственным способом для хиппи заработать деньги или получить продукты, оставаясь верными своим антикапиталистическим убеждениям и идеалам взаимопомощи[506].
- «Коммуникационная компания» (“Communication Company”) помогала издавать периодические издания, такие как “San Francisco Oracle”, а также памфлеты сообщества, что расширяло возможность для заработка. Например, бестселлер «Жизнь на Земле» – информационный бюллетень, в котором были прописаны практические навыки для жизни в изолированном сельском сообществе, был частично финансирован «Коммуникационной компанией». В данном случае можно провести параллель с издательством Л. Ферлингетти “City Lights”, которое на меценатских началах издавало книги, отчисления от которых покрывали расходы на жизнь их авторов, что отражает дух взаимопомощи и поддержки, характерный для контркультурных движений «долгих шестидесятых».

Наиболее известной и влиятельной коммуной, занимавшейся созданием нового общества в рамках контркультурного протеста, были «Диггеры»[507]. Они стремились сделать жизнь бесплатной, предлагая бесплатную одежду, еду, медицинское обслуживание и другие услуги всему сообществу Хейт-Эшбери[508]. Их цель заключалась не в помощи нуждающимся, а в демонстрации жизни без денежных ограничений и критике капитализма[509].

---

[505] Chapter 15. Ridge Summer & An Interview with Tex // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_15.html (дата обращения 18.09.2024).
[506] Chapter 3. The Digger Farm // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_03.html (дата обращения 18.09.2024).
[507] Cavan S. Op. cit. P. 163.
[508] Zimmerman N. Op. cit. P. 99
[509] Gitlin T. Op. cit. P. 222.

Однако, «Диггеры» представляли собой нечто большее, чем просто коммуну. Последние исследования подчеркивают сложные и часто противоречивые идеи, которые они воплощали, стремясь заменить капиталистические ценности и культуру идеологией «свободы», основанной на отказе от денег. Они считали, что деньги как основа капитализма, блокируют свободный человеческий обмен и ограничивают личную свободу.

По мнению исследователей Дж. Говарда и М. Говард, «Диггеры» были визионерами, которые отвергали идею использования денег для удовлетворения основных человеческих потребностей, что нашло отражение в их листовках:

«Деньги – ненужное зло.

Это вызывает привыкание.

Это искушение для слабых (большинство насильственных преступлений в нашем городе так или иначе связаны с деньгами).

В рамках городской кампании по борьбе с насилием «Диггеры» Сан-Франциско объявляют 30-дневный период, в течение которого всем ответственным гражданам предлагается сдать свои деньги. Никаких вопросов задаваться не будет.

Принесите деньги местному «Диггеру» для бесплатной раздачи всем желающим. Затем «Диггеры» высвободят их энергию»[510].

Эта листовка, которая воспринимается как пародия на более поздние городские программы по сбору оружия, на самом деле содержит серьезное послание, в основе которого лежит идея о том, что деньги развращают и способствуют насилию в городах. «Диггеры» призывали к созданию мирных, безопасных и свободных сообществ, предполагая, что каждый человек может отвергнуть ценности, порождающие насилие и социальное неравенство. Отсюда и происхождение их максимы «делай свое дело»[511]. Идея о том, что общество строится на личной ответственности каждого человека, является центральной в идеологии «Диггеров» и

[510] The San Francisco Diggers, “Money Is an Unnecessary Evil” in ed., Noble, Digger Archives.
[511] Doyle M. Op. cit. P. 106.

лучше всего выражена в их заповеди «Откажись от работы. Будь с людьми. Защищай собственность»[512].

Другим важным компонентом философии «Диггеров» была вера в то, что бюрократический аппарат правительства и законы, регулирующие повседневную жизнь, направлены на ограничение свободы человека. В одной из своих листовок они писали:

«Вы рождаетесь гражданином страны.

В школе вас будут бесплатно обучать до шестнадцати лет.

Вы свободны, чтобы стать солдатом.

Вы свободны, чтобы платить шестьдесят процентов налогов в военный бюджет.

Вы свободны, чтобы вступать в законный брак.

Вы свободны, чтобы работать за минимальную зарплату.

Вы свободны, чтобы голосовать, когда вам исполнится двадцать один год.

Вы свободны, чтобы голосовать за демократическую или республиканскую партию по своему выбору.

Вы свободны, чтобы покупать одежду, еду и имущество у 200 корпораций, на долю которых приходится 45% всей американской промышленности в 1966 году.

Вы свободны, чтобы подчиняться комендантскому часу.

Свобода в том, что ваша свобода регулируется офицерами, которые являются вашими друзьями и защищают вас.

Защищают вас от непристойностей.

Защищают вас от наготы.

Защищают себя от мятежа и подрывной деятельности.

Защищают вас от марихуаны, ЛСД и наркотиков

Защищают вас от азартных игр.

Защищают вас от гомосексуальности.

Защищают вас от изнасилования.

---

[512]Ibid.

Защищают вас от гражданских браков.

Защищают вас от абортов.

Защищают вас от своих мыслей.

Защищают вас от демонстраций против ваших защитников.

Так что не беспокойтесь о поверхностной реальности. Терренс О'Флаэрти в сегодняшней "Кроникл" говорит, что вы – обычный уличный дурак и не имеете права говорить за себя. Поэтому доверьтесь обществу. Доверяйте специалистам. И доверяйте торговцам, особенно членам "Психоделического магазина", "Фронта освобождения художников" и "Я/Ты" Они ведут диалог с защитниками, которые радушно приветствовали вас в 8:15 вечера четверга, ради вашей же безопасности и своей частной собственности.

Полиция – ваши друзья. Но ни в коем случае не спрашивайте Джорджа Метевски[513].

Его ответом было бы попурри из бессвязных криков ярости»[514].

Эта листовка хорошо отражает поэтический стиль «Диггеров» и их антиэлитарные убеждения. Их критика касалась таких вопросов, как брак, сексуальность и употребление наркотиков, что подчеркивало их стремление к освобождению сообщества от культурных и правовых ограничений.

В конечном итоге, стремление к изоляции от остального мира вызвало негативное отношение к контркультуре хиппи даже среди тех групп, которые разделяли их идеи. Так, «Новые левые», влияние которых также росло в 1960-е гг., были солидарны со взглядами хиппи на американскую культуру и с их антивоенными настроениями. Однако представители хиппи не смогли объединиться с активистами «Новых левых». Т. Гитлин, бывший президент организации «Студенты за демократическое общество», критиковал жителей Хейт-Эшбери за неспособность к компромиссу, необходимому для создания более влиятельного движения[515]. Даже

---

[513] Джордж Метески был известен благодаря серии взрывов в Нью-Йорке, направленных против телефонной компании в 1960-х гг; такое преступное поведение, направленное против крупной корпорации, вдохновило многих представителей контркультуры

[514] The San Francisco Diggers, excerpt from "A-Political or, Criminal or Victim or...," in ed., Noble, Digger Archives.

[515] Gitlin T. Op. cit. P. 225.

Дж. Керуак, которого многие хиппи считали лидером контркультуры, в итоге стал ярым критиком «безответственного» образа жизни, который пропагандировали хиппи. Он опасался, что его идеи будут способствовать развитию коммерциализированной контркультуры, лишенной подлинности и полной правонарушителей[516].

С практической точки зрения, идеал общинного образа жизни, лежавший в основе контркультуры хиппи, было невозможно реализовать в широком масштабе. Культура Хейт-Эшбери не могла быть воспроизведена где-либо еще, а общинный образ жизни оказался несостоятельным в долгосрочной перспективе даже в Сан-Франциско. Представители контркультуры, стремившиеся создать альтернативный образ жизни, постепенно превращались в меньшинство, поскольку образ жизни хиппи становился модным и всячески эксплуатировался в коммерческих целях[517]. Контркультурный эксперимент в Хейт-Эшбери начал распадаться в 1969 г. и окончательно завершился к 1973 г.

Музыкальный фестиваль в Альтамонте, состоявшийся 6 декабря 1969 г. и запланированный как общинное событие с акцентом на психоделическую музыку и свободную любовь, стал началом конца. Охрана, предоставленная бандой «Ангелы Ада», вступила в конфликт с разъяренной толпой, что привело к насилию и кровопролитию[518]. К. Ричардс вспоминал: «Никакой службы безопасности, кроме «Ангелов ада», если, конечно, считать, что с ними безопасней. Но на дворе стоял 1969-й, время некоторого разгула анархии... Мередита Хантера убили. Еще трое погибли по случайности. Для шоу таких масштабов иногда счет трупам доходит до четырех-пяти задохнувшихся или задавленных. Но в Альтамонте вылезла темная сторона человеческой натуры – что может произойти в сердце тьмы, откат до пещерного уровня в считанные часы, спасибо Сонни Барджесу и его присным “Ангелам”. А также крепленному красненькому. Все эти “Thunderbird” и “Ripple”, самые мерзотные сорта бормотухи на свете, плюс некачественная кислота. Для меня

[516] Martinez M. Op. cit. P. 111.
[517] Zimmerman N. Op. cit. P.166-172.
[518] Ibid. P.163.

это был конец великой мечты»[519]. В свою очередь, П. Койот выразил общее настроение сообщества хиппи после фестиваля в Альтамонте, заявив: «После этого вечеринка определенно закончилась, и то, что последовало за ней, на улицах, в «Ангелах Ада» и по всей Америке, было более жестким, холодным и деловым» [520]. Популярность хиппи привела к тому, что в Сан-Франциско, особенно в район Хейт-Эшбери, приезжало множество людей, желающих их увидеть. Однако, прибыв на место, они часто разочаровывались, не найдя там «тех самых хиппи».

Представители контркультуры, которые продолжали жить в коммунах, сталкивались не только с конформистами, которые смотрели на хиппи с любопытством и отвращением[521] и государственным аппаратом[522], который после убийства на Голливудских холмах[523] все меньше доверял таким соседям, но и с внутренними проблемами – алкоголизмом[524], болезнями[525] и наркоманией. Но большинство хиппи повзрослели и вновь стали частью общества, которое когда-то презирали: они закончили университеты, нашли работу, создали семьи и лишь изредка вспоминали о своей нонконформистской молодости. Историки выделяют эту ностальгию по «долгим шестидесятым» как отдельное культурное движение, существовавшее наряду с «похмельем 1970-х».

Таким образом, можно сказать, что контркультурный протест был попыткой радикального пересмотра американских ценностей середины XX в., основанных на конформизме, потребительстве, милитаризме и жесткой иерархии. Опираясь на духовное и культурное наследие битников, хиппи отвергали культ материального и социальные рамки, предлагая утопические проекты нового общества, где главным

---

[519] Ричардс К. Ук. соч.С. 389-396.
[520] Coyote P. Op. cit. P. 124.
[521] Chapter 6. Ye Olde Doublecross // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_06.html (дата обращения 18.09.2024).
[522] Р. Рейган – губернатор калифорнии провозгласил, что «утренних звезд» больше не будет. Chapter 9. Early Days on the Ridge & The Naked Cop // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_09.html (дата обращения 18.09.2024).
[523] Atkins S. Susan Atkins' Story of 2 Nights of Murder. // Cielodrive. December 14, 1969. URL: https://www.cielodrive.com/archive/susan-atkins-story-of-2-nights-of-murder/ (дата обращения 16.04.20).
[524] Chapter 4. Early Problems//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes.URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_04.html (дата обращения 23.09.2024).
[525] Жители коммун страдали от стафилококка, стригущего лишая, острицы, чесотки, педикулеза и простуды, которые не проходили. Chapter 12. The Ridge Raid & John Butler Is Murdered // Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_12.html (дата обращения 23.09.2024).

была личная свобода, духовное развитие, жизнь в гармонии с природой и уважение к людям, отличающимся от них.

Хиппи, в отличие от «Новых левых», не были политизированным движением и принципиально дистанцировались от партийных форматов борьбы. Хотя они выступали против Войны во Вьетнаме, осуждали расовую дискриминацию и поддерживали права меньшинств, делали это не через политический активизм, а через трансформацию повседневности, искусства, музыки и общения. Кроме того, их движение отличалось по социальному составу: хиппи формировались в основном из белой молодежи среднего класса и ниже, тогда как «Новые левые» включали более широкий спектр участников особенно с учетом расы и пола, связанных с университетской и политической средой.

Так, протест в целом (и политический и неполитический) дал молодежи ощущение реальной силы и возможность влиять на общественную жизнь, что, в частности, выразилось в расширении избирательных прав (26-я поправка к Конституции)[526]. В социальной и культурной сферах он закрепил ценность свободы взглядов и права на инакомыслие. Хотя утопический проект хиппи не был реализован полностью, многие его идеи – личная свобода, толерантность, культурное разнообразие, творческая самореализация и забота об экологии, стали частью американской либеральной идентичности.

В итоге протест хиппи – это не просто эпизод молодежного бунта, а попытка предложить новую модель общественного устройства, основанную на солидарности и духовном богатстве, а его наследие продолжает влиять на культурный и политический ландшафт США, сделав контркультуру признанной частью национальной истории.

---

[526] 26-я поправка к Конституции США, ратифицированная 1 июля 1971 г., снизила минимальный возраст для участия в федеральных и местных выборах с 21 до 18 лет. Ее принятие было во многом связано с движением против войны во Вьетнаме, когда звучал лозунг: «Достаточно взросл, чтобы воевать — достаточно взросл, чтобы голосовать». Constitution of the United States // The United States Senate. URL: https://www.senate.gov/about/origins-foundations/senate-and-constitution/constitution.htm (дата обращения 04.05.2025).

1.4. Реакция конформистского общества на контркультурные движения в США

В период «долгих шестидесятых», как уже говорилось выше, общество оказалось условно разделено на две группы (хотя автор полагает, что фрагментация была более сложной, но для данной части исследования это упрощение оправдано): на тех, кто, пользуясь метафорой К. Кизи, был «в автобусе» и «вне автобуса» – то есть представителей контркультуры и конформистов[527].

Изучение ответа “squares” на представителей контркультуры: их поведение, внешний вид, идеи, обусловлено процессом конструирования идентичности, как конформистской, так и нонконформистской. Согласно концепции Вайнена идентичность нонконформистов, независимо от того, относились ли они к контркультуре или к «Новым левым», строилась по принципу не «за что мы боремся», а «против чего»[528]. Хаустов, в свою очередь, рассматривал «новое видение» битников как концепцию, «не столько видения, сколько нового» [529]. Поэтому для битников было важно отделиться от общества и сформировать что-то свое, даже если в этом будет мало логики и здравого смысла.

Однако конформисты в данном отношении не сильно отличались от представителей контркультуры. Как заметила писательница и теоретик визуальной культуры И. Рогофф: «Цивилизованность и буржуазная респектабельность нуждаются в стереотипных непокорных *“Других”* <…>, чтобы определить несуществующие коды того, что является “приемлемым поведением”»[530]. Таким образом, конформистское общество и контркультура формировали свою идентичность через противопоставление друг другу. Для контркультурных движений таким антагонистом выступали представители общепринятой культуры,

---

[527] Вулф Т. Ук. соч. С. 42.
[528] Вайнен Р. Ук. соч. С.19.
[529] Хаустов Д. Битники. Великий отказ или Путешествие в поисках Америки. С.69.
[530] Rogoff I. Terra Firma. London: Routledge. 2000. P. 35.

тогда как конформисты идентифицировали себя через дистанцирование от «маргиналов» – людей, ассоциируемых с употреблением наркотиков, беспорядочными половыми связями и отказом от традиционных норм. Это способствовало укреплению образа конформистов как «законопослушных» и «порядочных» граждан.

В период «долгих шестидесятых» в общественном сознании существовало определенное восприятие нонконформизма как такового. Поэтому франгментация внутри протестного сообщества представителями большинства вообще не учитывалась. Контркультура, как и сам протест, была для них единым явлением. И образ битников в свитерах и с бонго[531] со временем уступил место более яркому и стериотипизированному образу хиппи.

Чтобы структурировать анализ реакции конформистской части американского общества, автор представит его в виде пирамиды, состоящей из трех взаимосвязанных уровней: семьи, общества (в том числе критику в СМИ и литературных кругах, если речь идет о битниках) и государства. Однако, несмотря на столь четкое разделение, эти уровни не функционируют автономно, а находятся в постоянном взаимодействии. Так, журналисты брали интервью у обеспокоенных родителей, опираясь на их мнение при формировании общественного дискурса, а также цитировали политических деятелей, определявших официальную позицию по отношению к контркультуре. В то же время присяжные, присутствовавшиеие при рассмотрении дел, связанных с представителями нонконформистского движения, зачастую, сами были родителями ровесников обвиняемых, что неизбежно влияло на их восприятие и судебные решения.

Как уже отмечалось, семья зачастую становилась не только первопричиной подростковой отчужденности, но и первым институтом, сталкивавшимся с проявлениями контркультуры. Именно негативная реакция родителей на изменения в поведении и мировоззрении своих детей сыграла ключевую роль в формировании

---

[531] “Тут появляется красавчик: атташе-кейс и все такое прочее, всегдашний возмущенный взгляд и туфли - начищенные до блеска! - да кто они такие, эти дурацкие битники!..». Вулф Т. Ук. соч. С. 1-2.

общественного осуждения контркультуры, что позволяет автору диссертации поставить ее в основу данной «пирамиды».

При этом следует подчеркнуть, что реакция родителей на протест, в котором принимали участие их дети, не всегда была исключительно негативной. Так, например, некоторые родители битников всячески поддерживали своих детей в их богемном образе жизни и регулярно высылали им деньги, что позволяло тем находиться в творческом поиске и работать над своими произведениями, не заботясь о поиске заработка[532]. Более того, среди родителей поклонников «разбитого поколения», первое время не наблюдалось массового неприятия или агрессивного отторжения. Причины такой сравнительно мягкой реакции можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, возрастным составом: к моменту чтений в галерее “Six” битникам было 25–30 лет, а их поклонникам немногим меньше. Несмотря на определенную несамостоятельность, они были совершеннолетними, что снижало уровень родительского контроля и давления. Во-вторых, деятельность битников, несмотря на провокационный характер их перформансов, ассоциировалась с интеллектуальной сферой – литературой, поэзией, а позднее и живописью. Этот статус причастности к интеллектуальной элите (писатели и поэты традиционно так воспринимались, независимо от содержания их произведений) на первых порах смягчал семейные конфликты и снижал уровень тревожности у родителей.

Однако в общественном дискурсе подобная толерантность проявлялась значительно реже, что способствовало постепенному изменению родительского восприятия битников. Критические статьи в СМИ, обращавшие внимание на проблемы битников с алкоголем, наркотиками, использование нецензурной лексики в произведениях и в целом маргинальный образ жизни приводили к тому, что родители позднее осознавали, чем именно занимаются их дети, и какие идеи они

[532] Берроуз У. Письма. С. 247.

продвигают, что усилило их беспокойство и углубляло разрыв между поколениями[533].

Говоря о втором уровне – общественном, стоит подчеркнуть, что критика битников началась не в СМИ, а в литературных кругах. Пока газеты и журналы пестрели статьями о новом и ни на что не похожем литературном движении, в том числе и авторства самих битников[534], признанные писатели, поэты и критики разбирали их произведения с целью понять, что действительно под собой скрывает новизна и перформативность данного движения. Чаще всего их исследования приводили к выводу, что литература битников представляет собой лишь эффектную и провокационную «жвачку», не содержащую глубокой интеллектуальной основы.

Так теоретик хипстеризма Н. Мейлер в «Поверхностных размышлениях о хипстере» говорил о недостатке интеллекта среди, тех, кто называет себя хипстерами: «Большинство хипстеров едва ли вообще что-то читают, причем не потому, что не умеют (ведь почти все они оканчивали школу, кроме того, среди них, как это ни удивительно, есть довольно много белых выпускников наших лучших университетов), а потому, что не хотят. <…> Что же до тех немногих из них, кто читает более или менее регулярно, то они отворачиваются не только от ужасов прошлого, но и от его величайших достижений, ограничивая свои читательские горизонты современной литературой, к тому же самой дрянной ее частью, и поэтому предпочитают забивать себе головы салатом из Рексрота, Рембо, Генри Миллера и Сартра, приправленного комиксами из “Mad”, всевозможной научной фантастикой, порнухой и журналами о джазе. Их собственное творчество скудно объемами и, <…> не представляет никакой литературной ценности <…> Таким образом, жалкая писанина американских хипстеров не идет ни в какое сравнение с работами таких хип-патриархов современной европейской литературы, как Селин и Жене, не говоря уже о творчестве целого ряда писателей нехипстерского толка»[535].

---

[533] См., например, Blame These 4 Men for Beatnik Horror // The Sunday People. August 7, 1960. P. 6-7; O’Neil P. The Only Rebellion Around // Life, 30 November 1959. P. 114-130.

[534] См., например, Kérouac J. The Origins of the Beat Generation // Playboy. June 1959.

[535] Мейлер Н. Белый негр. Поверхностные размышления о хипстере. М.: Ад Марнингем Пресс, 2015. С. 82 – 83.

Критика Н. Подгорца в статье «Незнайки из богемы» подводит читателей к похожим выводам. Признавая привлекательность нового типа бунтарей, он заявлял, что битники – прежде всего глупые люди: «Изъясняться внятно – значит признать, что вы лишены чувств (разве подлинные чувства можно изложить грамматически правильным языком?), и что вы не в состоянии ни на что реагировать (сам Керуак реагирует на все восклицанием «Ого!»), и что вы, вероятно, импотент»[536].

В сатирической рецензии на роман Дж. Керуака «В дороге», опубликованную в мартовском номере журнала “Mad” за 1959 г.[537], роман назывался «худшим» произведением года, а сам Керуак примером «недоделанной половины» общества. Автор статьи с иронией заявлял, что книга Керуака стала «библией поколения битников», описывая их так: «Поскольку эти кошки[538] никогда не высыпаются, вы можете догадаться, почему они “разбитые”»[539]. Рецензия сопровождалась иллюстрацией стереотипизированного образа битника, изображенного в захламленной комнате с громоздкой стереосистемой, абстрактной картиной на стене и стопкой философских книг (Приложение 3).

Таким образом, объектом насмешки стал не только сам роман и литературные амбиции Керуака, но и аспекты «заметности» битников – внешний облик, поведение, привычки и мировоззрение, что способствовало формированию стереотипов, сохранившихся в общественном сознании по сей день. Это впоследствии было характерно и в отношении хиппи.

Говоря о формировании стереотипов, нельзя не упомянуть комиксы как визуальные источники, связанные с популярной культурой. «Серебряный век» комиксов, длившийся с 1956 г. по 1970 г., оказал влияние не только на развитие жанра супергероики, но и на бытовые комиксы, которые отражали актуальные социальные проблемы и вызовы времени[540]. Эти произведения часто использовали

---

[536] Подгорец Н. Незнайки из богемы // Керуак Д. На дороге. Мэгги Кэссиди. Эссе. Иваново: Просодия, 2002 г. С 20.
[537] “‘Worst’ Novel of the Year” in the article “The First Annual Mad Awards for ‘Worsts’ of 1958” // Mad №45. March, 1959. P.2.
[538] Хипстеры и джазмены называли себя “cats”, этот лексикон был перенят битниками.
[539] “Worst’ Novel of the Year” in the article “The First Annual Mad Awards for ‘Worsts’ of 1958” // Mad. March, 1959. P.2.
[540] Duncan R., Smith M. The Power of Comics: History, Form and Culture. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2009. P. 178.

сатиру и юмор для осмысления явлений, вызывавших тревогу или непонимание в обществе.

Одной из таких «проблем» в массовом сознании стали битники. Авторы комиксов формировали образ представителей «разбитого поколения», создавая упрощенные представления о нем[541]. Художники представляли их одетыми в мешковатые свитера или свободные рубашки, обтягивающие брюки и определенную обувь (как Ник в комиксе М. Друкера (Приложение 4)[542]. Они увлекались игрой на бонго и тяготели к джазовой культуре, подобно Нервусу из серии комиксов «Свидание с Джуди» (Приложение 5)[543]. Битники декламировали стихи к месту и не к месту, как Мейнард из «Успеха Добби Гиллиса» (Приложение 6) [544] и проявляли интерес к дзен-буддизму, как герой комиксов о Б. Хоппе (Приложение 7) [545]. А еще они использовали характерную лексику, например, выражения “bread”, “dad” или “daddio”, “the craziest”, “the most”, “into orbit”, “cool cat”, “dig”, “crazy” и “chick”. Этот упрощенный и нарочито отрывистый язык нередко становился объектом сатиры. Чтобы подчеркнуть различия в речевом стиле, журналисты издания “Mad” даже перевели Геттисбергское обращение Линкольна на «язык битников» (Приложение 8)[546].

Еще одной темой в конформистском дискурсе стала неспособность битников найти свое место в обществе. Как уже упоминалось ранее, в этот период США переживали экономический подъем, а рынок труда остро нуждался в квалифицированных специалистах – выпускниках престижных университетов. Поэтому тот факт, что представители контркультуры не были трудоустроены, связывался именно с нежеланием брать на себя ответственность, а не с отсутствием предложений. Примером подобной риторики может служить один из выпусков комикса «Успеха Добби Гиллиса» (Приложение 9)[547], содержащий послание о том,

---

[541] Shakouchi Y. The Stereotypes of the Beatniks and Hip Consumerism: A Study of Mad Magazine in the Late 1950s and 1960s // The Journal of Popular Culture. 2015. № 48(6). P. 1270–1286.
[542] The Adventures of Jerry Lewis.1960, May/June. № 58; 1960, July/Aug, № 59, 1961, Jan/Feb, №62.
[543] A Date with Judy. 1960, Aug/Sept, № 78.
[544] The Many Loves of Dobie Gillis. 1960, Nov/Dec, №4.
[545] The Adventures of Bob Hope Dec 1961/Jan 1962, №72.
[546] Mad, 1959, September, №49.
[547] The Many Loves of Dobie Gillis, 1960, May/June №1.

что битники, могут считать себя «*Другими»*, если хотят, но, если они не соответствуют определенным общественным нормам, это вызовет негативную реакцию. Этот нарратив отражал представления о битнике, как о человеке, отчаянно пытавшемся найти свою идентичность, но неспособном соответствовать социальным ожиданиям. Вследствие чего он воспринимался просто как неудачник или бездельник.

Вопрос мировоззрения битников и сравнение их образа жизни с конформистскими ценностями регулярно становился предметом обсуждения в прессе, при этом тон публикаций, как правило, был негативным. Но только поначалу. Например, М. Брейди в статье, опубликованной в “Harper's Magazine” в 1947 г, охарактеризовала зарождавшуюся контркультуру как «новый культ секса и анархии», выражая обеспокоенность ее влиянием на традиционные ценности. Автор критиковала представителей «новой богемы», за то, что те гордятся своим «статусом меньшинства», а также за то, что они сознательно выбирали жизнь в «сообществах любителей лачуг»[548]. Особое возмущение у Брейди вызывало отношение представителей контркультуры к сексуальности. По ее мнению, они утратили «возвышенную внутреннюю цель, превращавшую каждый сексуальный акт в нечто, сродни религиозному обряду», и превратили любовь и брак в «современную версию древних культов плодородия». Брейди осуждала их открытость в сексуальных практиках и была потрясена тем, как, по ее мнению, секс становился источником вдохновения для искусства. Ответственность за подобные взгляды она возлагала на В. Райха, чьи работы (и в частности «Функция оргазма»[549]), были очень популярны среди хиппи и битников. Даже те аспекты, которые не вступали в прямое противоречие с традиционными американскими ценностями, такие как открытие книжных магазинов и кофеен, вызывали у Брейди тревогу. Она рассматривала эти пространства как потенциальные очаги «распространения мистицизма» и «отказа от рационализма» среди молодежи[550]. Своей критикой Брейди подчеркивала,

[548] Brady M. The New Cult of Sex and Anarchy // Harpers Magazine, 1947. April. P. 1-2.
[549] Ibid. P. 4-5.
[550] Ibid. P. 12.

насколько ценности и образ жизни битников противостояли традициям конформистского общества, еще раз подтверждая их роль в культурной трансформации американского социума середины XX в.

Похожие взгляды демонстрировали и авторы публикаций в журнале “Life”. Согласно исследованию Е.Г. Загвоздкиной, посвященному контент-анализу репрезентаций битников в этом периодическом издании за период с 1958 г. по 1972 г., отмечается, что в 1958–1962 гг. количество негативных оценок значительно превышало число позитивных упоминаний. В статьях битников называли «мухами на фруктах» и «жалкими грязными оборванцами, которые понимают свободу как дезорганизацию, беспорядок и хаос». Их характеризовали как «болтунов, бездельников, пассивных мелких мошенников, одиноких эксцентриков, которые ненавидят матерей и полицейских, эксгибиционистов с кривыми улыбками и закладными на барабаны бонго; писателей, которые не умеют писать, художников, которые не умеют рисовать, и танцоров со сломанными ногами»[551].

Также она ссылается в качестве примера на единственный социологический опрос, в котором у американцев спрашивали об их отношении к битникам. Он был проведен в 1965 и 1969 гг. компанией “Harris” и опубликован в газете “New York Post”. Вопрос звучал следующим образом: «В Америке живут разные люди. Как вы считаете, данные социальные группы скорее вредны или полезны для американского общества?» (другими группами, о которых спрашивалось, были проститутки, геи и женщины в бикини). В 1965 г. битников «скорее вредными» назвали 52%, в 1969 г. – 54%[552].

Однако несмотря на то, что по данным социологического опроса отношение к битникам ухудшилось с течением времени, в общем медиадискурсе к концу 1960-х гг. наблюдается заметный сдвиг в репрезентации битников: негативные оценки постепенно уступали место более положительным. В статьях все чаще подчеркивалась их популярность и высокое значение их творчества. А. Гинзберга и У. Берроуза начали упоминать в одном ряду с такими фигурами как Э. Уорхол, Дж.

---

[551] O’Neil P. The only rebellion around // LIFE. 1959. № 22. P. 114.
[552] Загвоздкина Е. Репрезентация «Разбитого поколения» в журнале «ЛАЙФ» в конце 1950-х – начале 1970-х гг. С. 27.

Кейдж, С. Дали и М. Маклюэн[553]. В заключении своего исследования Е. Загвоздкина отмечает, что невозможно с полной уверенностью сказать, были ли эти изменения следствием внутренних трансформаций в интеллектуальной среде и культурном сообществе, или же они отражали более широкие сдвиги в общественных настроениях. Однако автор диссертационного исследования склонна полагать, что изменение в восприятии битников оказались связаны со смещением общественного внимания на еще более маргинализированную группу – хиппи. На их фоне битники начали восприниматься менее радикальными, а их литературная деятельность, учитывая традиционно высокий статус писателей и поэтов в культурной иерархии, способствовала их реабилитации в глазах общественности.

Государственный уровень реакции на нонконформизм выражался в официальных заявлениях политических деятелей, правительственных инициативах, судебных процессах и законодательных мерах, способствуя формированию четкой границы между «нормальностью» и «девиантностью». Эти меры институционализируют статус контркультур как *«внутреннего Другого»*, работающего на идентичность конформистского *Я*.

Несмотря на общее негативное отношение к «разбитому поколению» в обществе, обусловленное его вызовом традиционным устоям, на федеральном уровне это движение не вызвало особого интереса. Анализ материалов “The American Presidency Project” не выявил ни одного упоминания контркультуры или битников в речах президентов США в период 1950–1960-х гг.[554]. То же самое касается выступлений государственных и политических деятелей, что объясняло малочисленностью движения и доминированием иной внешне- и внутриполитической повестки.

Тем не менее, на уровне штатов, а именно в Калифорнии, реакция на «разбитое поколение» была более заметной. Некоторые исследователи полагают, что битники были предметом негласной гордости калифорнийского истеблишмента[555]. Однако,

---

[553] Там же. С. 36.
[554] The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/ (дата обращения: 06.02.2025).
[555]Silos J. Op. cit. P. 155.

по мнению автора диссертации, битники все же становились объектом как правовых, так и социальных ограничений вследствие обеспокоенности руководства штата их девиантным поведением и влиянием на подрастающее поколение.

Апогеем государственной реакции на деятельность и творчество представителей «разбитого поколения» можно считать признание книг «Вопль» (А. Гинзберга) и «Голый завтрак» (У. Берроуза) аморальными, что делало их распространение незаконным в ряде штатов. Эти обвинения сопровождались арестами, включая задержание Л. Ферлингетти, издателя «Вопля», а также временным закрытием книжного магазина “City Lights”, который стал важным центром контркультурной активности[556]. Последовавшие за этим судебные разбирательства над «Воплем» и «Голым завтраком»[557] по обвинению в непристойности вызвали большой резонанс в литературном сообществе Сан-Франциско, сделав данные произведения бестселлерами.

В центре обоих судебных разбирательств оказались понятия «свобода слова» и «непристойность». И если гарантом свободы слова становилась первая поправка к Конституции США[558], то термин «непристойность» требовал разъяснения в каждом конкретном судебном деле. Безусловно, А. Гинзберг и У. Берроуз не были первыми, кого обвинили в непристойности и распространении порнографии. Так в первой половине XX в. в США уже существовал прецедент Рота[559], заменивший британский кейс Хиклина и еще несколько судебных дел, указывавших на конституционность законодательства о непристойности[560]. На эти прецеденты опиралась как сторона защиты, так и сторона обвинения. По оцифрованным записям материалов этих дел известно, что данный термин в обоих случаях понимался как «произведение,

---

[556]The Beats: Authorships, Legacies / Ed. by Polley J. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P.13.

[557] The Boston Trial of Naked Lunch. URL: https://realitystudio.org/texts/naked-lunch/trial/ (дата обращения: 28.05.2023).

[558] The Fourteenth Amendment to the Federal Constitution prohibits any State from encroaching upon freedom of speech and freedom of the press to the same extent that the First Amendment prevents the Federal Congress from doing so. Commonwealth v. Gordon, 66 Pa. D. & C. 101, 138–39 (1949).

[559] Тест, который использовали для определения непристойных материалов: «Непристойность - материал, «доминирующая тема которого, взятая в целом, апеллирует к похотливым интересам» «среднего человека, применяющего современные общественные стандарты». Только материал, отвечающий этому тесту, может быть назван “непристойным” и запрещен». Roth vs. United States, 354 U.S. 476 (1957).

[560] Beauharnais v. People, 343 U.S. 250, 255-257, 266 (1952); Winters v. People, 333 U.S. 507, 510 (1948); и др.

основной целью которого является намеренное эротическое соблазнение и возбуждение сексуального желания»[561].

Во время судебных разбирательств по поводу произведений битников эксперты стороны защиты подчеркивали, что они обладали бесспорными литературными достоинствами и являлись искренней попыткой авторов представить определенную социальную картину, а используемый язык соответствовал заявленной теме. По словам профессора М. Шорера, в «Вопле», как и в любом литературном произведении, была предпринята попытка интерпретировать человеческий опыт таким образом, как видит его автор[562].

В обоих случаях решение было принято в пользу авторов и Л. Ферлингетти – владельца издательства “City Lights”. Суд не принял обвинения в умышленном развращении читателей с целью побуждения к антисоциальным или аморальным действиям. Более того, он постановил, что произведения имеют социальное значение, а поэтому защищены Первой и Четырнадцатой поправками к Конституции США, а также Конституцией Калифорнии[563]. После этого стало ясно, что особая форма творческого выражения и социальной критики, присущая битникам, была признана как законная в американской культуре[564], а сами судебные решения способствовали росту авторитета битников в литературных кругах. Их творчество начало восприниматься не просто как вызов устоям, но и как значимый вклад в развитие современной американской литературы. В результате они смогли интегрироваться в культурное пространство, завоевав признание как среди контркультуры, так и среди представителей конформистского общества.

К моменту трансформации битников и их аудитории в хиппи, контркультурное движение приобрело массовый характер. Эта массовость, наряду со снижением порога входа в контркультуру, как возрастного, так и интеллектуального, существенно изменила общественное восприятие. В данных условиях принятие

---

[561] Commonwealth v. Gordon, 66 Pa. D. & C. 151 (1949).
[562] People of the State of California v. Lawrence Ferlinghetti Decided October 3, 1957 // Howl Obscenity Trial. P 4.
[563] People of the State of California v. Lawrence Ferlinghetti Decided October 3, 1957 // Howl Obscenity Trial. P. 10.
[564] Peters N. Op.cit. P.160 -164.

контркультуры со стороны конформистского общества стало практически невозможным.

В основе этой реакции лежал ответ на отчуждение и нонконформизм. Страхи, связанные с отказом молодежи следовать нормам, а также уже устоявшаяся в обществе к тому моменту ассоциация контркультурных движений с употреблением наркотиков и анархией, способствовали восприятию контркультуры как прямой угрозы репутации родителей, благополучию семей и как следствие – благополучию всей нации. Особую обеспокоенность на всех уровнях вызывал тот факт, что под влияние контркультурных лидеров мнений попадали несовершеннолетние дети. К середине 1960-х гг. поколение бэби-бума, родившееся в конце 1940-х–начале 1950-х гг., охватывало возрастной диапазон от 15 до 25 лет.

Что касается родителей, то для них любая форма молодежного бунта ассоциировалась с хиппи, независимо от фактической принадлежности детей к тому или иному протестному течению. Родители, и в целом представители старшего поколения, часто заявляли, что под категорию хиппи попадают все, кто восстает против авторитетов, нарушает общественные правила или просто вызывает у них отвращение[565]: «Их одежда, их музыка, их эксперименты с сексом и наркотиками, их неряшливые квартиры и коммуны, их оскорбительные выражения – все это было трудно игнорировать»[566], говорили они. «Вы не можете отличить мальчиков от девочек – грязные, мерзопакостные, вонючие хиппи»[567].

Для старшего поколения американского общества наиболее оскорбительным представлялось отношение к общепринятым нормам, ценностям и символам. Ярким примером подобной реакции стала рабочая демонстрация в мае 1970 г., в ходе которой участники напали на участников антивоенного митинга, в том числе и на хиппи, сжигавших в знак протеста американский флаг. Один из участников рабочий демонстрации так обосновал свою позицию: «Когда они пытаются разрушить страну и оскверняют флаг, я не могу этого вынести»[568].

---

[565] Anderson T. Op. cit. P. 34.
[566] Bates M. Op. cit. P. 185.
[567] Anderson T. Op. cit. P. 34.
[568] Bates M. Op. cit. P. 88.

О подобном оскорблении национально-государственной символики говорилось и в популярной песне «Открытое письмо моему сыну-подростку»[569], исполненной в 1967 г. американским радиоведущим В. Лундбергом и написанной на основе музыки к «Боевому гимну республики» – неофициальному гимну северян в годы Гражданской войны в США. Само по себе это является символом глубокого социального раскола в американском обществе 1960-х гг., с одной стороны, и уверенности в победе над врагами внутренними и внешними, с другой. Текст композиции, написанный Р. Томпсоном на основе его личного письма сыну, представлял собой монолог отца, обращенный к подростку, который считал себя представителем контркультуры. В нем затрагивались ключевые вопросы, волновавшие молодежь того времени: «Почему никому не нравятся длинные волосы и бороды?», «Какой смысл в войне во Вьетнаме?», «Есть ли Бог?» и другие.

В песне отчетливо прослеживалась приверженность отца традиционным американским ценностям – уважение к государству, конституционным свободам и памяти отцов-основателей. Отец признавал право молодежи на самовыражение через внешний вид, поскольку Джордж Вашингтон и Авраам Линкольн тоже носили длинные волосы и бороды, а также соглашался с тем, что идеи равенства и свободы заслуживают внимания, обещал судить сына не по внешнему виду, а по его поступкам. Однако в ответ он требовал того же – уважения к старшему поколению и государству, которое, по его мнению, предоставляет каждому возможность добиться успеха: «Если ты сомневаешься, что каждый свободный человек в этой великой стране должен получать награды, соизмеримые только с его собственными усилиями, тогда сомнительно, что ты здесь на своем месте»[570]. Поддержку войны во Вьетнаме отец связывал с патриотизмом: «Все прошлые войны были грязными, несправедливыми, безнравственными, кровавыми и предвзятыми, однако история показала, что большинство из них были необходимы»[571]. Завершалась композиция

---

[569] Lundberg V. An Open Letter to My Teenage Son [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=gBU6GkseD1w&ab_channel=futykoolz (дата обращения 08.04.24).
[570] Ibid.
[571] Ibid.

ультимативным заявлением: «Если ты решишь сжечь свою повестку, тогда сожги и свое свидетельство о рождении заодно. С этого момента у меня больше нет сына!»[572].

Журналисты, в свою очередь, также не могли не освещать трансформации, происходившие внутри контркультурного движения, которое эволюционировало от литературного протеста против цензуры к тотальному неприятию всех аспектов конформистского общества. Несмотря на явные различия в уровне и частоте освещения контркультуры в СМИ, с 1955 г. по 1969 г. архив газеты “New York Times” выдает 259 статей по ключевому слову «хиппи»[573], а в период с 1955 г. по 1975 г. их количество увеличивается почти до 2000[574], медиариторика остается по большей части негативной.

Примером тех немногих положительных упоминаний хиппи можно считать статью о коммуне «Утренняя звезда» в журнале “Time”. Там рассказывалось, что участники не употребляли наркотики, а занимались полезной работой: выращивали овощи, шили, рисовали[575]. Также подчеркивалось, что «ответственность, проявленная в этом эксперименте – одно из самых обнадеживающих проявлений философии хиппи»[576]. В то же время, журналисты из “San Francisco Chronicle” относились к контркультурному эксперименту более негативно. В статье под названием «Куда подевались все хиппи?» М. Зейн описывал жизнь хиппи с долей скептицизма, но без явного осуждения[577].

Так, жизнь в коммунах с одной стороны вызывала неподдельный интерес, с другой – критику. Людям не нравились внешний вид хиппи, запах, антисанитария и нарушение строительных норм[578]. Полиция ссылалась на нормы безопасности, хиппи

---

[572] Ibid.

[573] Подборку статей в газете “New York Times” за 1955-1969 гг. см: URL: https://www.nytimes.com/search?dropmab=false&endDate=1969-12-31&lang=en&query=&sort=best&startDate=1955-01-01 (дата обращения 23.09.2024).

[574] Подборку статей в газете “New York Times” за 1954-1975 гг. см: URL: https://www.nytimes.com/search?dropmab=false&endDate=1975-12-31&lang=en&query=&sort=newest&startDate=1955-01-01 (дата обращения 23.09.2024).

[575] Chapter 3. The Digger Farm//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_03.html (дата обращения 18.09.2024).

[576] Chapter 3. The Digger Farm//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_03.html (дата обращения 18.09.2024).

[577] Chapter 13. County Inspection & God Receives a Present//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_13.html (дата обращения 18.09.2024).

[578] Chapter 6. Ye Olde Doublecross//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_06.html (дата обращения 20.09.2024).

же считали, что эти меры были направлены против бедных и ради выгоды строительной индустрии. Например, Б. Уиллер утверждал, что законы ограничивают свободу людей строить дома по своему вкусу, навязывают шаблонные решения и мешают бедным вырваться из гетто[579]. Владельцев коммун штрафовали, их дома сносили и сжигали, а жителей задерживали.

В целом репрезентация хиппи мало чем отличалась от репрезентации битников в 1950-х гг. Всех представителей контркультуры описывали как «грязных, наряженных протестующих», акцентируя внимание на их внешнем облике, девиантном образе жизни, и маргинализировали их психологическое состояние, описывая их как людей, неспособных адаптироваться к общественным реалиям. При этом в этот период представители контркультуры характеризовались не просто как маргиналы, но и как угроза для общества в моральном и социально-экономическом плане. Им в вину даже ставили снижение стоимости недвижимости в Хейт-Эшбери и ухудшение экономического положения района в целом[580]. Так, журнал “Time” цитировал психиатра из Лос-Анджелеса С. Коэна, который утверждал, что хиппи – это «неудачники по жизни, люди неудовлетворенные и беспокойные, обремененные проблемами, с которыми они не могут справиться. <…> Многие из них пребывают в жалости к себе и очерняют тех, кто добился успеха в мире “squares”»[581].

Однако главным аргументом журналистов в формировании негативного восприятия хиппи стало употребления марихуаны и психоделиков. СМИ активно подключились к «войне с наркотиками», распространение которых связывалось с ростом наркомании, что позволяло воздействовать на массовое сознание и создавать панику среди населения, в том числе и среди родителей.

Журналисты “Los Angeles Times” завляли, что марихуана является «основным продуктом питания хиппи»[582], а в “Time” сравнивали психоделический трип с «побегом на ковре-самолете от реальности, в ходе которого восприятие обостряется,

---

[579] Chapter 11. The Ridge Tribalizes & Lou Finds His Guru//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_12.html (дата обращения 20.09.2024).
[580] Youth: The Hippies // Time Magazine. July 7, 1967. P.1.
[581] An Epidemic of Acid Heads; Essay: LSD // Time Magazine. June 17, 1966.
[582] Anderson T. Op. cit. P.59.

чувства искажаются, а воображение постоянно ослеплено видениями идеологической истины»[583]. В свою очередь, журналист “Chicago Daily News” Н. фон Хоффман утверждал: «Если это слово (хиппи – *прим А.Р.*) что-то значит, то оно означает, что хиппи – это наркоторговец»[584].

В СМИ активно освещался весь спектр негативных последствий употребления наркотиков, наиболее тяжелыми из которых считались самоубийства – в газетах писали истории о людях, которые думали, что могут летать, и разбивались насмерть или пытались остановить движение на оживленной дороге, вследствие чего попадали под колеса[585], «переход» с марихуаны на более тяжелые наркотики, такие как ЛСД и героин[586], а также долгосрочные последствия, например, хромосомные заболевания у детей[587]. Последний кейс был наиболее часто встречающимся, в том числе и в более позднем медиадискурсе, касательно наркотиков (опиаты, метамфетамин), так как демонстрировал опасность не только для самого индивида, но и для его потомства, а значит и для всего общества в целом.

Бесспорно, целью большинства публикаций было формирование негативного отношения старшего поколения к контркультуре и предостережение молодежи от участия в подобных движениях. Однако восприятие этих материалов молодыми людьми часто не соответствовало ожиданиям журналистов. К концу 1960-х гг. контркультура стала настолько популярной[588], что СМИ просто не могли обойти вниманием масштабные фестивали, проходившие как на западном, так и на восточном побережьях, описывая их как «шумные, многолюдные, хаотичные и совершенно сюрреалистичные» мероприятия. Внимание акцентировалось на внешнем облике участников: яркой одежде, аксессуарах, расписанных лицах, цветочных лепестках, бумажных звездах и зеркалах, что, вопреки намерениям

---

583 Youth: The Hippies // TIME Magazine. July 7, 1967, 2.
584 Anderson T. Op. cit. P.59-60.
585 Nelson H. Psychosis Peril Seen in Marijuana // Los Angeles Times. February 11, 1966. P. 4.
586 Nelson H. Educated Youths Face Danger // Los Angeles Times. February 11, 1966.
587 Tyler A. The Cooling of America: Out of Tune and Lost in the Counterculture // TIME Magazine. February 22, 1971.
588 Life. 1 сентября 1967г. URL: https://books.google.ru/books?id=UFYEAAAAMBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (Дата обращения 03.02.20).

критиков, лишь усиливало интерес к контркультуре – яркой и запретной, но от этого еще более желанной для молодежи[589].

Для многих политиков, как и для широкой общественности, различия между движениями «долгих шестидесятых» часто стирались. В итоге все, кто выражал несогласие с установленным порядком и демонстрировал экстравагантный внешний вид, странное поведение или протестные настроения автоматически классифицировались как хиппи. Хотя термин «контркультура» впервые прозвучал в официальных президентских речах лишь в 1971 г., когда Р. Никсон заявил, что эпоха молодежного радикализма подходит к концу[590], отношение к представителям движений было негативным еще задолго до этого.

Так, например, президент Л. Джонсон находил контркультуру 1960-х гг. отталкивающей, но, несмотря на это, проявлял к ней любопытство: на следующий день после Марша на Пентагон 21 октября 1967 г. он проехал мимо Мемориала Линкольна, чтобы «посмотреть, как выглядят хиппи»[591]. Настороженное отношение к контркультуре демонстрировалось и в период инаугурации президента Р. Никсона в январе 1969 г., когда Национальная гвардия и армия США патрулировали участки маршрута парада, где собиралась «молодежь, похожая на хиппи», что свидетельствовало о восприятии их как потенциальной угрозы[592].

Одним из наиболее ярких критиков контркультурных движений был губернатор Калифорнии Р. Рейган. Он не проводил четких различий между группами нонконформистов и часто высказывался о них в уничижительном тоне. Так, в одной из своих речей он спутал битников с участниками движения за свободу слова, высмеивая их внешний вид и образ жизни[593]. В отношении хиппи он саркастически замечал, что они «одеваются как Тарзан, волосы как у Джейн, а пахнут как гепард»

---

[589] Weinraub B. 10,000 Chant ‘L-O-V-E // New York Times. March 27, 1967.
[590] Nixon R. Remarks to the National 4-H Congress in Chicago, Illinois. December 1, 1971 // The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-national-4-h-congress-chicago-illinois (дата обращения 23.09.2024).
[591] Small M. The impact of the antiwar movement on Lyndon Johnson, 1965-1968: a preliminary report // The Vietnam Antiwar Movement / Ed. by Hixson W. N. Y.: Garland, 2000. P. 8.
[592] Beamish T., Molotch H., Flacks R. Who supports the troops? Vietnam, the Gulf War, and the making of collective memory // Social Problems. 1995. Vol. 42, №3. P. 352.
[593] Reagan Demands Berkely Inquiery; 'Beatniks' and 'Radicals' Scored at G.O.P. Rally // The New York Times. May 14, 1966. URL: https://www.nytimes.com/1966/05/14/archives/reagan-demands-berkeley-inquiry-beatniks-and-radicals-scored-at-gop.html (дата обращения 23.09.2024).

[594]. Однако, несмотря на остроту риторики, никаких системных инициатив по «перевоспитанию» молодежи не предлагалось. Ограничивались лишь публичным осуждением и порицанием.

Исключением стал сенатор Ю. Маккарти, который во время избирательной кампании 1968 г. предложил альтернативный подход к взаимодействию с молодежью, вовлеченной в контркультурные движения. Организаторы его кампании в Нью-Гэмпшире разработали стратегию “(Get) Clean for Gene”, в рамках которой студентов, прибывших со всей страны для поддержки Маккарти, призывали изменить внешний вид: подстричь волосы и сбрить бороды[595]. Поскольку Маккарти выступал против участия США в Войне во Вьетнаме, его сторонники, преимущественно молодежь, рисковали оттолкнуть избирателей-конформистов своим нетрадиционным обликом[596].

Однако наиболее значимыми проявлениями конформистского ответа, оказавшими серьезное воздействие на контркультуру, как и в случае с битниками, стали аресты и судебные процессы, поскольку такому закрытому и «обращенному внутрь» себя сообществу, каковым были в 1960-е гг. битники и хиппи, практически не было дела до высказываний журналистов и политиков. Среди множества судебных дел, связанных с коммуной «Свободная земля»[597] и с другими участниками контркультурных движений, стоит выделить два, кардинально противоположных по степени тяжести обвинений и по статусу фигурантов. В первом случае обвиняемым была всемирно известная рок-звезда, чья популярность привлекла внимание общественности и СМИ к процессу, что превратило его в своего рода символическое противостояние между конформизмом и контркультурой. Второе дело касалось представителя безымянной толпы хиппи, однако само преступление, в котором он оказался замешан, сделало его всемирно известным, превратив в олицетворение «темной стороны» контркультурных движений.

---

[594] Lee M., Shlain B. Acid Dreams. N. Y.: Grove Press. 1992. P. 163.
[595] Pugmire T. Getting ‘Clean for Gene.’ Minnesota Public Radio, November 20, 2006. URL: http://minnesota.publicradio.org/display/web/2006/11/20/mccarthy2a (дата обращения 23.09.2024).
[596] Lee M., Shlain B. Op. cit. P. 163.
[597] Chapter 7. Beginnings//Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_07.html (дата обращения 18.09.2024).

Фигурантом первого дела (а точнее, двух почти идентичных процессов) стал Дж. Моррисон – вокалист группы “The Doors”. В обоих случаях ему были предъявлены обвинения в подстрекательстве к беспорядкам и публичной непристойности. Первый инцидент произошел за кулисами, когда Дж. Моррисон был замечен полицейским в душевой кабинке с девушкой. Полицейский потребовал, чтобы они покинули помещение, но Моррисон отказался, за что был подвергнут физическому воздействию со стороны полицейского. Позже полицейский извинился, узнав, что перед ним был фронтмен группы “The Doors.” На сцене Моррисон выступил с резкой критикой в адрес полицейского, назвав его «маленьким синим человечком в маленькой синей шляпе» и «маленькой синей свиньей», которая его ударила. Он также предупредил, что подобное может случиться с каждым. В результате полиция вмешалась, арестовав Моррисона и предъявив ему обвинения в подстрекательстве к беспорядкам, публичном непристойном поведении и использовании нецензурной лексики[598].

Второй эпизод оказался еще более резонансным: Моррисон публично обнажился и имитировал акт самоудовлетворения прямо на сцене во время исполнения композиции “Touch Me”, сопровождая это словами: «Люби меня. Я больше не могу терпеть это без любви. Мне нужно немного любви.… Давайте посмотрим на свою кожу, давайте разденемся» [599]. Если первый случай можно трактовать как прямое оскорбление представителя власти, то второй представляет собой пример музыкального перформанса, характерного для контркультурных движений того времени, где границы между искусством и провокацией были предельно размыты, однако именно второй эпизод оказался более резонансным и практически стоил всем членам группы карьеры[600].

Фигурантами еще одного дела, которое символизировало крах свободного общества хиппи, стали глава коммуны “Семья” Ч. Менсон и ее члены. Тогда были зверски убиты 9 человек. Среди них была и беременная Ш. Тейт-Полански. На месте

---

[598] Хопкинс Дж., Шугерман Д. Ук. соч. С. 211-213.
[599] Riordan J., Prochnicky J. Op. cit. P. 295.
[600] Jim Morrison Hearing transcript. P. 55. URL: https://www.slideshare.net/slideshow/jim-morrison-hearing-transcript/10065685#52 (дата обращения 16.04.24).

убийства кровью жертв было написано «Смерть свиньям». Обвинения предъявили после того, как одна из девушек согласилась быть свидетелем, а С. Аткинс, член коммуны, описала участие в убийствах своим соседкам по тюремной камере. Она сравнила Ч. Мэнсона с Иисусом, и сказала, что он обладает такой харизмой, что может заставить любого совершить убийство.

29 марта 1971 г. суд приговорил Ч. Менсона, С. Эткинс, П. Кренвинкель и Л. Ван Хаутен к смертной казни. Однако после того как Верховный суд Калифорнии в 1972 г. временно отменил смертную казнь, наказания были заменены на пожизненное заключение с возможностью условно-досрочного освобождения. В дальнейшем проводились попытки апелляций и пересмотров отдельных эпизодов дела, из-за чего процессуальная история тянулась вплоть до середины 1970-х гг[601].

Эта история шокировала общество, после чего хиппи стали ассоциироваться с убийцами, которые постоянно носят с собой оружие. О главных героях писали в статьях «Две ночи убийств» в газете “Los Angeles Times”[602] и журнале “Time”. Так, в статье «Демон Долины Смерти» было сказано о существовании «мистического, полурелигиозного культа хиппи под предводительством бородатого, демонического Махди, члены которого употребляют наркотики и убивают людей»[603]. В другой статье под названием «Хиппи и насилие», журналист “Time” процитировал врача, который подтвердил опасения многих конформистов: «Всегда существовала возможность убийства. Многие хиппи социально почти мертвы внутри. Некоторым требуются сильные эмоции, чтобы чувствовать что-либо. Им нужны причудливые, интенсивные действия, чтобы чувствовать себя живыми – сексуальные акты, акты насилия, нагота, все виды дионисийского трепета»[604].

Таким образом, различия в конформистской реакции на битников и хиппи были очевидны: уровень негативного отношения со стороны общества находился в прямой зависимости от возраста участников и масштаба вызова, который они бросали

---

[601] The People of the State of California VS. Charles Manson, Susan Atkins, Leslie Van Houten and Patricia Krenwinkel // Cielodrive. Archives. Vol 209, P. 28269 – 28307. URL: https://www.cielodrive.com/people-v-manson-atkins-vanhouten-krenwinkel/04-trial/Vol209.pdf (дата обращения 16.04.24).

[602] Цит. по: Atkins S. Susan Atkins’ Story of 2 Nights of Murder // Cielodrive. December 14, 1969. URL: https://www.cielodrive.com/archive/susan-atkins-story-of-2-nights-of-murder/ (дата обращения 16.04.20).

[603] The Demon of Death Valley // Time. December 12, 1969. P. 22, 25.

[604] Hippies and Violence // Time. December 12, 1969. P. 25.

господствующим ценностям. Если битники, несмотря на свою маргинальность, воспринимались преимущественно как литературное и художественное движение, то хиппи, радикализировавшие протест и затронувшие более широкий спектр общественных институтов, вызывали значительно более жесткую реакцию.

***

Подводя итоги первой главы, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, контркультурные движения «долгих шестидесятых» в США стали выражением молодежного протеста против господствующей технократической модели общества, милитаризма и ограничений свободы слова. Они сыграли важную роль в распространении новых форм искусства, развитии сексуальной и психоделической революции, а также в укреплении значения Первой поправки к Конституции США, гарантирующей свободу слова и собраний. Одним из значимых политических результатов этого периода стало принятие Двадцать шестой поправки к Конституции, которая снизила возрастной ценз для участия в выборах с 21 до 18 лет, признав право молодежи, активно вовлеченной в протестное движение, на участие в политической жизни страны. Всё это стало возможным благодаря культурному и социальному диссидентству молодых американцев.

Во-вторых, наряду с внешнеполитическими и общественными факторами (война во Вьетнаме, холодная война, страх перед ядерной угрозой) важную роль в формировании контркультурных настроений имели психологические и внутрисемейные факторы: отчуждение отцов, гиперопека матерей, эмоциональная изоляция и кризис идентичности, особенно остро переживаемый поколением, родившимся в конце 1930-х – начале 1940-х гг.

В-третьих, именно из этих «отчужденных молодых людей», интеллектуально развитых, но социально и эмоционально уязвимых, сформировались «отцы-основатели» бит-поколения и активисты «Новых левых». Между «Новыми левыми» и контркультурой, однако, существовали заметные социальные и идейные различия: первые объединяли широкий в социальном и расовом плане круг представителей (женщины, расовые меньшинства, интеллектуалы, рабочие), нацеленных на политический активизм, тогда как контркультура складывалась преимущественно

из белой молодежи среднего класса примерно до 25 лет, ориентированной на преобразование повседневных практик, искусства и стиля жизни, а не политических институтов.

Университеты, особенно входящие в «Лигу плюща», стали пространствами, где происходил выбор между политическим и культурным протестом и формировались первые сети распространения нонконформистских идей.

В-четвертых, битники сформировали базовые элементы контркультурного дискурса:

1. самовыражение, свободное от цензуры, как основа творчества;
2. перформативность как способ превратить свою жизнь в объект искусства;
3. отмена диктата общепринятой морали;
4. чувство глубокой коллективной общности, компенсирующее разочарование в родителях и в их окружении;
5. расширение сознания с помощью наркотиков, галлюцинаторных состояний и медитаций;
6. гомосексуальность (или скорее пансексуальность) как протест против нуклеарной семьи;
7. обращение к восточным религиям как пересмотр протестантской этики.

Это поколение дало начало «кругу идей», которые вдохновляли следующие поколения.

В-пятых, движение хиппи стало самой массовой формой протестной контркультуры XX в. Хиппи унаследовали многие идеи битников, но встроили их в свой дискурс с характерным для него репертуаром саморепрезентаций, символов и смыслов:

1. преобладание визуальности и перформативность, как способ шокировать конформистское общество;
2. принятие и пропаганда принципов пацифизма;
3. эксперименты с психоактивными веществами для расширения сознания;
4. создание коммун и коллективное проживание;

5. интерес к восточным философиям и духовным практикам;
6. музыка и искусство как основные средства самовыражения и протеста;
7. экологическое сознание и стремление к гармонии с природой;
8. «идея племени» – связь с индейцами, как способ показать свою истинно американскую суть;
9. «свободная любовь».

В-шестых, массовость хиппи-дискурса привела к его внутреннему расслоению: с одной стороны – философски ориентированные лидеры (Кизи, Моррисон, Лири), с другой – широкая аудитория, не всегда готовая к глубокому осмыслению идей, но активно воспроизводившая внешние формы протеста. Именно эта часть движения способствовала формированию устойчивых стереотипов о хиппи как о поверхностной и маргинальной культуре.

В-седьмых, идеи хиппи представляли собой радикальный утопический проект, несовместимый с политическим устройством США, поэтому он не был реализован в полном объеме. Тем не менее даже отдельные их установки – протест против традиционных моральных норм, легитимация употребления наркотиков, новое осмысление телесности и свободной любви, оказались достаточными, чтобы в конформистском дискурсе (на уровне государства, семьи и медиа) закрепить за контркультурой статус маргинального движения. Параллельно шел процесс постепенной реабилитации образа битников как более «приемлемых» интеллектуалов, занятых художественным и философским осмыслением действительности.

Однако кризис идентичности, лежавший в основе американского протестного движения, имел транснациональный характер и был в равной степени актуален и в британском контексте. Это обеспечило его культурный трансатлантический трансфер, в рамках которого американская контркультура оказывала влияние на европейскую и, вместе с тем, идейно подпитывалась от нее, способствуя появлению новых форм альтернативного мышления и протестных практик в обоих культурных пространствах.

Глава 2. Эстетика британского андеграунда: разочарование и бунт

2.1. Введение в исторический контекст послевоенной Великобритании: особенности социально-экономического развития во второй половине 1940-х – 1960-х гг. и конфликт поколений

Историк П. Кларк отмечал, что послевоенное британское восприятие мира отражается через два ключевых образа: «железный занавес, опускающийся по всей Европе, и Британию, находящуюся на пересечении трех взаимосвязанных пространств – Европы, империи и трансатлантического партнерства/взаимовлияния»[605].

Эти образы связаны не только с политикой и экономикой, но и с культурой, поскольку такие связи между США и Великобританией существовали уже давно. Еще в XIX в. американские писатели и поэты, такие как Дж. Лондон, Т. С. Элиот и другие регулярно путешествовали через океан с целью получения нового опыта. Это способствовало развитию их литературных подходов и навыков, а также постижению культурных традиций принимающей страны, порождая новые направления и стили.

При этом важно отметить, что британский андеграунд никогда не существовал в полной изоляции от трансатлантических культурных процессов. Джаз и культура хипстеров (“hi-cats”) оказали заметное влияние как на американскую, так и на британскую культуру «долгих шестидесятых», формируя основу для будущих идейных пересечений. В связи с этим особое значение приобретает анализ исторического контекста, который не только способствовал формированию «национального» британского андеграунда, но и подготовил почву для последующего контркультурного трансфера из США в Европу.

[605] Clarke P. Op. cit. P. 232.

Исследователи субкультур Дж. Кларк, С. Холл, Т. Джефферсон и Б. Робертс анализируя послевоенную Британию, выделяют три ключевых фактора, способствовавших росту нонконформистских настроений: «изобилие», «консенсус» и «обуржуазивание» [606]. Их подход во многом основан на теориях классовой идентичности[607], поскольку в центре внимания находятся молодежные субкультуры, происходившие из рабочего класса (тедди-бои, скинхеды и пр.). В данном диссертационном исследовании предпринимается попытка расширить рамки этой концепции и применить ее к более широкому историческому контексту, чтобы объяснить не только зарождение субкультур 1950-х, но и формирование андеграунда «долгих шестидесятых» в целом.

«Изобилие». После Второй мировой войны страна оказалась в крайне тяжелом положении – экономика была на грани коллапса, поэтому правительству пришлось обращаться за помощью к США и получать заем в размере 3750 млн. долларов[608]. Однако уже к началу 1950-х гг. экономическая ситуация постепенно стабилизировалась[609]. Этот процесс породил феномен «общества изобилия», который Дж. К. Гэлбрейт определял как переход от борьбы за удовлетворение базовых потребностей к обществу, нацеленному на потребление и досуг[610].

Послевоенный рост покупательной способности населения – главное проявление «изобилия», действительно не вызывал сомнений, причем с течением времени эта тенденция усиливалась. Историк Т. Мэй приводит статистику, демонстрирующую динамику бытового и социального уровня развития в Великобритании: «В 1951 г. в Великобритании насчитывалось 2,5 млн. частных автомобилей и около 1 млн. телевизоров. К 1964 г. – более 8 млн автомобилей и 13 млн телевизоров. В 1956 г. только 8% домохозяйств имели холодильник, в 1962 г. уже 33%. В 1951 г. 1,5 млн домохозяйств имели частный телефон, а к 1966 г. эта цифра возросла до 4,2 млн. В 1964 г. около 5 млн. человек отправились на отдых за

---

[606] Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Op. cit. P.20-24.
[607] Формируя теорию молодежной классовой идентичности, авторы ссылаются на работы К. Маркса, например, Marx K. The German Ideology. Lawrence and Wishart. 1970.
[608] Clarke P. Op. cit. P. 228.
[609] May T. Op. cit. P. 394.
[610] Galbraith J. Op. cit. P. 243.

границу, что в три раза больше, чем было в 1951 г. В 1951 г. средний недельный заработок мужчин старше двадцати одного года составлял 8,6 фунтов стерлингов в день. Десять лет спустя эта цифра почти удвоилась и равнялась 15,7 фунтов стерлингов в день. В 1966 г. она составляла 20,6 фунтов стерлингов в день. Даже с учетом инфляции средний уровень жизни вырос более чем на 30% за время пребывания консерваторов у власти»[611]. Историк М. Пинто-Душински также отмечал, что рост в этот период был «более устойчивым и гораздо более быстрым, чем в любое другое время в этом столетии»[612].

Действительно, если сравнить значимые показатели общего уровня жизни в 1947, 1957 и 1968 гг. – уровень доходов, продолжительность жизни, уровень образования, жилищные условия и социальная защита, то можно увидеть стабильный рост:

Таблица № 1

Показатель	**1947 г.**	**1957 г.**	**1968 г.**
Уровень доходов	Восстановление после войны, доходы оставались низкими	Доходы увеличивались ежегодно на 2.4%[613].	Средняя заработная плата в неделю составила около £38.1 для мужчин (manual workers), и £21.4 для женщин[614].
Продолжительность жизни	Мужчины – около 56 лет, женщины – около 60 лет[615] (Приложение 10)	Мужчины – около 59 лет, женщины – 65 лет[616].	Мужчины – около 67 лет, женщины – 75 лет[617].

[611] May T. Op. cit. P. 395.
[612] Pinto-Duschinsky M. Op. cit. P. 56-57.
[613] The Cambridge Economic History of Modern Britain. The Welfare State, Income and Living Standards. URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/the-cambridge-economic-history-of-modern-britain/the-welfare-state-income-and-living-standards/36F8A01E01C065BF996ECF99255FEE90 (дата обращения 08.11.24).
[614] Подробнее см. Dataset: Earnings time series of median gross weekly earnings from 1968 to 2023 // Office for National Statistics, 01 November 2023. URL: https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/earningsandworkinghours/datasets/earningstimeseriesofmediangrossweeklyearningsfrom1968to2022 (дата обращения 23.02.2024).
[615] Parliamentary Research Briefings. The Welfare State. P. 8. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-111/RP99-111.pdf (дата обращения 08.11.24).
[616] Ibid.
[617] Ibid.

Жилищные условия[618]	Построено около 40,000 временных домов и начата программа строительства постоянного социального жилья (“prefabs”)[619] (Приложение 11)	Построено около 260,000 домов[620].	Построено около 350,000 домов[621].
Доступ к образованию	Количество учеников на одного учителя достигло пика в 23 человека. Это было вызвано повышением установленного законом возраста посещения занятий до 15 лет[622] (Приложение 12).	Количество учеников на одного учителя – 20 человек[623].	Количество учеников на одного учителя – 18 человек[624].
Социальная защита	Расходы на социальное обеспечение	Государственные расходы на социальные	Государственные расходы на социальные нужды

[618] Государственная жилищная программа сама по себе представляла достаточно спорное начинание: для достижения запланированного уровня строительства в 300 000 домов в год были отложены другие социальные инициативы. Тем не менее, даже при таком приоритете Великобритания отставала от намеченных целей и показывала более низкие результаты по сравнению с большинством других крупных индустриальных стран. Фактически, скромные темпы очистки трущоб не выделялись среди других показателей. Как пишет Майкл Пинто-Душинский: «Лишь немногие из домов, построенных в аккуратных рядах в 1950-е годы, предназначались для жителей Степни или Горбалса» // May T. Op. cit. P. 396.

[619] Prefabs (производственные дома) – жилые дома, изготовленные на заводе и собранные на месте. Популярные в Великобритании после Второй мировой войны, они использовались для быстрого и дешевого жилья для пострадавших от бомбардировок и в условиях жилищного дефицита. Преимущество префабов заключалось в скорости и низкой стоимости строительства, но со временем они подверглись критике из-за низкой долговечности и требовали ремонта или замены. House of Commons. Communities and Local Government Committee: Local Government Finance. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmselect/cmcomloc/173/17305.htm (дата обращения 08.11.24).

[620]Parliamentary Research Briefings. The Welfare State. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-111/RP99-111.pdf (дата обращения 08.11.24).

[621] Ibid.

[622] Ibid. P. 10.

[623] Ibid. P. 10.

[624] Ibid.

	составляли около 10% ВВП, создание системы государственного страхования[625] (Приложение 13).	нужды составляли примерно 12.35% от ВВП. Туда входили пенсии (2.31%), социальное обеспечение (3.02%), здравоохранение (3.15%) и образование (3.87%)[626].	составляли примерно 17,62 % от ВВП. Туда входили пенсии (3.73%), социальное обеспечение (5%), здравоохранение (3.79%) и образование (5.1%)[627].

Влияние «общества изобилия» особенно ярко проявилось в молодежной среде. Именно становление молодежи как потребителя стало причиной трансформации экономики и популярной культуры. Т. Мэй выделяет два главных фактора появления «молодежного рынка». Первый связан с демографическим фактором (послевоенный беби-бум) и увеличением длительности обязательного школьного образования (до 15 лет). В результате подростки дольше находились под опекой родителей, имели больше свободного времени и были ориентированы на потребление и развлечения. Второй фактор заключался в росте их покупательной способности[628] – к 1957 г. работающие юноши зарабатывали в среднем 5 фунтов 11 шиллингов в неделю, девушки – 4 фунта 11 шиллингов, при этом с них брался минимальный налог. Это означало, что б*о*льшая часть дохода могла тратиться по собственному усмотрению – зачастую на музыкальные пластинки, выпивку, походы в кино и другие виды досуга[629].

Кино и телевидение были неотъемлемой частью молодежного досуга и важным фактором распространения «общества изобилия» в Британии «долгих

[625] Journal of Social Policy. Public Spending and Social Policy: The United Kingdom 1950–1977. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-social-policy/article/abs/public-spending-and-social-policy-the-united-kingdom-19501977/4BE47C25A881F27F6995E0AFACCF28DD (дата обращения 08.11.24).
[626] ICAEW. The Future of Tax and Public Spending: Graphic – 70 Years of Public Spending. URL: https://www.icaew.com/insights/insights-specials/the-future-of-tax-and-public-spending/Graphic-70-years-of-public-spending (дата обращения 08.11.24).
[627] Ibid.
[628] May T. Op. cit. P. 405.
[629] Ibid. P. 406.

шестидесятых». Стоит отметить, что кино как вид времяпрепровождения стало популярно в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Согласно П. Кларку «пик посещаемости кинотеатров (635 млн.) был достигнут в 1946 г., т.е. каждый человек старше пятнадцати лет ходил в кинотеатр в среднем не реже одного раза в неделю»[630]. В кинотеатрах популярностью пользовались голливудские фильмы, которые предлагали зрителям «новый мир, где не было ни продовольственных рационов, ни дефицита нейлонов»[631], что формировало новые стандарты потребительских запросов в рамках «общества изобилия». Среди популярных голливудских фильмов стоит отметить кинокартины с М. Монро – «Джентльмены предпочитают блондинок»[632], «В джазе только девушки»[633], фильмы с Э. Пресли – «Тюремный рок»[634] и фильмы с О. Хепберн – «Римские каникулы»[635], «Завтрак у Тиффани»[636], «Моя прекрасная леди»[637]. Однако в 1960-х гг. кинотеатры стали стремительно терять свою аудиторию (примерно на четверть от своего пикового уровня)[638] из-за повсеместного распространения телевидения.

По телевизору показывали не только национальные события, например, коронацию королевы Елизаветы II в 1953 г., ставшую «уникальным предложением для продажи новых телевизоров»[639], но и молодежные программы. В качестве примера можно провести создание в 1967 г. музыкального канала BBC Radio One[640] и рост популярности ITV[641]. Особое внимание в этом контексте стоит уделить спортивным телетрансляциям, которые также вписались в новую модель досуга. Если в 1949 г. футбол Английской лиги на стадионах смотрели более 40 млн. человек,

---

[630] Clarke P. Op. cit. P. 250.
[631] Ibid. P. 248-249.
[632] Gentlemen Prefer Blondes, dir. Howard Hawks, 1953.
[633] Some Like It Hot, dir. Billy Wilder, 1959.
[634] Jailhouse Rock, dir. Richard Thorpe, 1957; Премьера в Великобритании состоялась 17 января 1958 г., через месяц фильм вышел в массовый прокат.
[635] Roman Holiday, dir. William Wyler, 1953.
[636] Breakfast at Tiffany's, dir. Blake Edwards, 1961.
[637] My Fair Lady, dir. George Cukor, 1964. Премьера в Великобритании состоялась 21 января 1965 г
[638] Clarke P. Op. cit. P. 250.
[639] Ibid. P. 251.
[640] BBC Radio One – это одна из национальных радиостанций Великобритании. Она была запущена в 1967 г. и ориентирована на молодую аудиторию, там проигрывались современные поп- и рок-хиты, а также транслировались музыкальные чарты, развлекательные программы и интервью с артистами.
[641] ITV (Independent Television) – это национальная коммерческая телевизионная сеть Великобритании, запущенная в 1955 г. как конкурент BBC и показывавшая сериалы, игровые и ток шоу для массовой аудитории. «В 1961 году почти две трети населения старше шестнадцати лет утверждали, что регулярно смотрят его». Clarke P. Op. cit. P. 252.

то в 1960-х гг. треть этой аудитории смотрела ее по телевизору. Ключевым моментом стал чемпионат мира 1966 г., когда Англия организовала и выиграла турнир: «популярность телевизионного футбола была подтверждена»[642], а спорт окончательно стал частью массового медийного потребления.

Так кино и телевидение не только отражали изменения в сфере досуга, но и активно формировали ценности «общества изобилия», превращая молодежь в новую целевую аудиторию культурного производства. Это открыло дорогу коммерческому развитию поп-культуры и формированию андеграундных течений, объединявших «отчужденных молодых людей» британского происхождения. Их роль в становлении контркультуры будет рассмотрена далее.

Однако стоит отметить, что эта внешняя динамика «общества изобилия», роста уровня потребления имела серьезные противоречия. Дело в том, что социальная структура страны менялась крайне медленно, а положение классов оставалось практически неизменным. Более того, по сравнению с другими индустриально развитыми государствами темпы экономического роста Великобритании были заметно ниже. Так, в 1951–1962 гг. общий объем производства в стране увеличился на 40%, в то время как во Франции он удвоился, в Западной Германии и Италии вырос в два с половиной раза, а в Японии – в четыре раза. Показатели британского экспорта также выглядели неутешительно: рост составил лишь 29%, тогда как во Франции верос на 86%, в Западной Германии – на 247%, в Италии – на 259%, а в Японии – на 378%. Уровень потребления в Великобритании превышал темпы производства, что после привело к кризису платежного баланса в 1964 г. Как отмечал журналист и писатель С. Бриттан, «Британия – страна, такая же материалистичная, как и любая другая из стран Запада <…> но менее эффективная в своём материализме» [643].

Шаткость «общества изобилия» усугублялась экономической политикой государства. В 1950–1960-е гг. правительство делало ставку на фискальные

[642] Ibid. P. 253 – 254.
[643] Ibid.

инструменты[644], постоянно меняя политику в налоговой сфере. Официально это считалось частью борьбы с экономическими спадами и подъемами, но на практике делало экономику еще менее устойчивой: предприниматели отказывались инвестировать в свои предприятия, опасаясь новых корректировок. Меры, связанные с кредитованием и контролем за выпускаемыми деньгами, также не обеспечивали стабильного положения: колебания кредитной политики и ставок оказывали слишком медленное воздействие на экономику[645]. Попытки компенсировать слабость этих инструментов с помощью планирования («Национальная корпорация экономического развития» (“Neddy”)[646], «Национальный план»[647]) также оказались неэффективными[648].

По мнению историка Т. Мея, особенно уязвимым звеном оставалась инвестиционная база. Средства в модернизацию британской промышленности практически не вкладывались: в 1960-е гг. на инвестиции приходилось около 22% ВВП, тогда как во Франции и ФРГ — 24–26%, а в Японии — более 30%[649]. К началу 1960-х гг. почти 60% использовавшихся производственных зданий и более трети оборудования были произведены еще до войны[650]. «Stop-go policy»[651] лишь усиливала неопределенность и препятствовала долгосрочным вложениям. В результате формировался «порочный круг»: краткосрочные попытки стабилизации подрывали инвестиции, что влекло замедление производительности, снижение

---

[644] Фискальные инструменты – это совокупность методов государственного регулирования экономики через налогообложение и расходование бюджетных средств. Они используются для стабилизации экономической ситуации, стимулирования или сдерживания определённых отраслей и перераспределения доходов населения.

[645] May T. Op. cit. P. 399.

[646] Национальная корпорация экономического развития (National Economic Development Council) была создана в 1961 г. для координации политики промышленного роста и экономического планирования. Она объединяла представителей правительства, бизнеса и профсоюзов для разработки стратегий повышения производительности и стимулирования национальной экономики.

[647] Национальный план 1965 г. представлял собой государственную стратегию экономического развития, направленную на стимулирование промышленного производства и модернизацию ключевых отраслей. План включал прогнозы роста, меры по увеличению занятости и инвестиции в технологии с целью повышения конкурентоспособности экономики страны. The National Plan. URL: https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/sixties-britain/national-plan/ (дата обращения 23.03. 2024)

[648] May T. Op. cit. P. 400.

[649] Ibid. P. 410.

[650] Ibid. P. 411.

[651]Политика “stop-go” в Великобритании представляла собой чередование мер экономического стимулирования (“go”) и ограничения (“stop”) для управления инфляцией и безработицей. Она использовалась в 1950–1960-х гг. правительствами Консервативной и Лейбористской партий для поддержания макроэкономической стабильности при колебаниях промышленного производства и спроса.

конкурентоспособности и утрату экспортных позиций[652]. Таким образом, «экономическое чудо» Британии в отличие от успехов ее европейских и азиатских конкурентов держалось на весьма шатком фундаменте. Оно зависело от благоприятной конъюнктуры и временных обстоятельств[653], а консервативная политика «хлеба и зрелищ» (стимулирование потребления за счет краткосрочных мер)[654] не решала структурных проблем.

В итоге британское «общество изобилия» можно оценивать двояко: с одной стороны, оно обеспечивало доступность товаров, рост заработка, досуга и потребления, с другой – скрывало фундаментальные слабости экономики.

«Консенсус». Под «консенсусом» исследователи Дж. Кларк, С. Холл, Т. Джефферсон, Б. Робертс понимали согласие политических партий и рабочих касательно мер послевоенного восстановления: смешанной экономики, роста доходов и развития системы социальной защиты. То есть он трактовался как объединение классов ради стабильности и благосостояния[655].

Однако сами авторы подчеркивали его хрупкость: за фасадом политической стабильности скрывалась внутрипартийная борьба[656], а успехи консерваторов во многом обеспечивались краткосрочными шагами вроде «раздаточного бюджета»[657] 1955 г., а после – дефляцией и застоем[658]. Социологи также ставили под сомнение подлинность консенсуса: многие рабочие по-прежнему поддерживали лейбористов, а их «лояльность» скорее была выжидательной позицией, чем принятием консервативного курса[659].

В то же время автор диссертационного исследования считает, что консенсус 1950–1960-х гг. нельзя сводить лишь к социально-экономическому согласию между властями и рабочими. Его также можно объяснить, как «самоуспокоенность» и

---

[652] Ibid. P. 410.
[653] The Age of Affluence. Ed. by Bogdanor V., Skidelsky R. London: Macmillan Papermac.1970. P. 8.
[654] Pinto-Duschinsky M. Op. cit. P. 59.
[655] Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Op. cit. P. 22-23.
[656] Pinto-Duschinsky M. Op. cit. P. 69.
[657] «Раздаточный бюджет» (“Giveaway Budget”) - это фискальная политика, проведтнная правительством Р. Батлера (Консервативной партией) в 1955 г. В рамках политики были снижены налоги, увеличены социальные выплаты. Целью бюджета было стимулирование экономического роста и укрепление популярности партии перед парламентскими выборами.
[658] May Op. cit. P. 395.
[659] Goldthorpe J. H., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. Op. cit. P. 190-195.

конформизм британского общества, подобно тому, как это было в США, где доверие к государственным институтам среди старшего поколения сочеталось с готовностью принимать основные направления внутренней и внешней политики. Иными словами, консенсус выражался в согласии населения с политическим курсом правительства, независимо от того, возглавляли его консерваторы или лейбористы. В британских условиях это согласие означало поддержку главных приоритетов британского внешнеполитического курса: сохранение «особых отношений» с США и поиск своего места в Европе. Это обеспечивало видимость единства и устойчивости политической системы, даже несмотря на уже намечавшиеся социальные противоречия.

Именно в этой атмосфере конформизма и доверия к правительству формировалось отношение общества к ключевым вызовам холодной войны. Центральным достижением британской внешней политики в послевоенный период, по мнению историка П. Кларка, стала привязка «США к будущей безопасности возрождающейся Западной Европы после того, как Восточная Европа окажется под контролем СССР» [660]. Министр иностранных дел Э. Бевин видел в этом основную задачу британской политики послевоенного периода, так уже в 1948 г. был создан Западноевропейский союз, но его жизнеспособность зависела от «трансатлантической составляющей», т.е. участия США. Итогом стало подписание Североатлантического договора в 1949 г., когда британские базы официально приняли размещение ВВС США[661].

Вместе с тем поддержание крепких дружественных отношений с континентальной Европой не входило в круг первостепенных интересов Великобритании. Несомненно, Великобритания поддерживала европейские инициативы, такие как создание «Комитета европейского экономического

[660] Clarke P. Op. cit. P. 234.
[661] Ibid. P. 235-236.

сотрудничества»[662] или «Совета Европы»[663], однако стремилась отстаивать статус независимого государства. Показательно, что в 1950 г. британское правительство отказалось вступить в Европейское сообщество угля и стали, тем самым закрепив приоритет англо-американских отношений и ориентацию на НАТО, а также подтвердив собственное стремление сохранять статус глобальной державы, а не европейского актора[664].

Участие в региональных конфликтах холодной войны, продемонстрировало приверженность этому выбору на практике. В 1950 г. Британия отправила войска в Корею. Экономическая цена оказалась высокой: оборонная программа 1951–1954 гг. оценивалась в 4,7 млрд фунтов стерлингов, что составляло более 10 % ВНП и фактически «остановило на корню» восстановление экономики[665].

Еще более неоднозначным стало участие в войне во Вьетнаме. Несмотря на то, что премьер-министр Г. Вильсон не отправил войска во Вьетнам, правительство оказывало поддержку США. Впрочем, внутри Лейбористской партии даже это вызвало негодование: Национальный союз железнодорожников заявлял, что «раздражен и возмущен тем, что лейбористское правительство должно проводить внешнюю политику тори в поддержку Америки во Вьетнаме», требуя от Вильсона инициировать созыв Женевской конференции 1954 г.[666].

Общественное мнение касательно Войны во Вьетнаме также было неоднозначным. Первый опрос “Gallup” после инцидента в Тонкинском заливе в 1964 г. показал, что 41 % британцев одобряли американские действия, 33 % считали их недопустимыми[667]. Они выражали «беспрекословную лояльность США как

---

[662] Комитет европейского экономического сотрудничества – международная организация, созданная в 1948 г. для координации распределения помощи. Поставляемой по Плану Маршала между странами Западной Европы. Целью комитета было стимулирование экономического восстановления, развитие торговли и промышленности в послевоенной Европе через совместное планирование и сотрудничество между странами-участницами.

[663] Совет Европы – международная организация, созданная в 1949 г. для содействия демократии, правам человека и верховенству закона в Европе. В отличие от Европейского Союза, Совет Европы не занимается экономической интеграцией, а сосредоточен на политическом сотрудничестве и разработке конвенций, включая Европейскую конвенцию о правах человека.

[664] Clarke P. Op. cit. P. 235-236.

[665] Ibid. P. 238.

[666] Ellis S. British public opinion and the Vietnam war // Journal of Transatlantic Studies 2020. № 18. P. 318.

[667] King A. British Public Opinion, 1937–2000: The Gallup Polls. London: Politicos. 2001. P. 152.

ключевому союзнику»[668], считая поддержку Америки обязанностью Британии. Даже после резни в Май Лае министр иностранных дел Дж. Браун заявлял, что «американцев следует поощрять продолжать делать свою роль во Вьетнаме… Почему бы им просто не взяться за дело и не закончить работу?»[669].

Нонконформистская активность против войны во Вьетнаме в Великобритании постепенно набирала силу за счет движения «Новых левых». Центральную роль в этих протестах сыграла «Кампания солидарности с Вьетнамом», лидеры которой организовали первую демонстрацию перед посольством США в Гросвенор-сквер в октябре 1967 г[670]. Однако наибольшую известность движение приобрело в 1968 г., когда в марте и октябре было проведено два крупнейших антивоенных митинга, в каждом из которых участвовали более 100 тыс человек[671]. При этом важно отметить, что участники кампании относились именно к «Новым левым», а не к андеграунду или контркультуре: они действовали в рамках политического протеста, а не культурного или повседневного радикализма.

Параллельно с этим происходила трансформация международного положения Великобритании, связанная с утратой ею статуса метрополии. Принятие в 1949 г. решения о том, что Индия оставалась в составе «Содружества Наций» уже как республика, а британский монарх сохранял лишь символический статус главы огранизации, стало важным прецедентом. Это позволяло формально признавать независимость бывших колоний, но при этом оказывать на них влияние через экономические и культурные проекты[672]. То есть имперская модель власти превратилась в форму «империализма с человеческим лицом»[673] – отказ от колониального контроля при сохранении неформальной зависимости и каналов влияния.

---

[668] В ноябре 1956 г. институт Gallup задал британцам вопрос о том, какая страна, помимо Содружества, является для них «лучшим другом». Большинство респондентов (42%) выбрали США, в то время как Францию поддержали 23%, а СССР лишь 1%. The Gallup International Public Opinion Polls, Great Britain, 1937-1975 V1. Greenwood. P. 393.
[669] Ellis S. Op. cit. P. 318.
[670] Самойлов Н. Ю. Влияние левых идеологий на молодежное движение Великобритании 1960-х гг // Известия АлтГУ. 2016. №2 (90). С 136.
[671] Klimke M. 1968 in Europe: A History of Protest and Activism. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2008. P.130-131.
[672] Singh A. Op. cit. P. 476.
[673] Clarke P. Op. cit. P. 234.

Деколонизация в странах Африки происходила неравномерно. В Гане, Нигерии, Сьерра-Леоне и Уганде процесс прошел относительно мирно[674], но в Кении движение Мау-Мау[675] было подавлено посредством жестоких репрессий[676]. В знаменитой речи о «ветре перемен»[677] премьер Г. Макмиллан признал неизбежность ухода. Речь преследовала несколько целей. Во-первых, она должна была поддержать курс на деколонизацию, которому продолжали сопротивляться империалисты, игнорировавшие рост националистических движений в африканских странах. Во-вторых, Макмиллан открыто осудил расизм режима апартеида в Южной Африке, где власть принадлежала белой Национальной партии. В-третьих, он фактически признал, что Великобритания уже не контролирует упадок империи, а изменившийся международный контекст и нарастающая враждебность к империализму делали этот процесс не только неизбежным, но и отражающим новые реалии мирового порядка. Как отмечает историк П. Тойе, существовала и еще одна задача – противостоять лидерам белого меньшинства, таким как Р. Веленски, премьер-министр колониальной Родезии и Ньясаленда, а также всем сторонникам идеи превосходства белых[678]. Действительно, вера Веленски в расовое превосходство была столь велика, что он заявлял, что коренные африканцы «были бы не более значимыми, чем американские индейцы»[679].

Стоит отметить, что Родезия как раз и является примером того, как интересы белого населения противоречили переходу власти к большинству: так, в ноябре 1965 г. премьер-министр Южной Родезии Я. Смит провозгласил одностороннюю декларацию независимости, стремясь сохранить власть белых. Попытки Г.Вильсона урегулировать конфликт несиловыми методами, например, введением экономических санкций, не увенчались успехом. В результате Родезия оказалась в

---

[674] Babou C. Op. cit. P. 48-49.
[675] Движение Мау-Мау – антиколониальное движение в Кении 1952–1960 гг., выступавшее против британского правления и захвата земель европейскими поселенцами. Оно было основано в основном среди народа кикуйю и использовало партизанскую тактику для борьбы за земельные права, политическую автономию и национальное освобождение.
[676] Babou C. Op. cit. P. 51.
[677] Macmillan H. Speech to Members of both Houses of the Parliament of the Union of South Africa, Cape Town, February 3, 1960. URL: https://web-archives.univ-pau.fr/english/TD2doc1.pdf (дата обращения 23.03.2024).
[678] Toye P. Op. cit. P. 147.
[679] Cross C. Op. cit. P. 336.

международной изоляции, но режим белого меньшинства удерживал власть ещё более десяти лет, пока война и давление ООН не привели в 1980 г. к образованию Зимбабве[680].

К концу 1960-х гг. Великобритания окончательно утратила роль глобальной империи. Стратегия «мягкой деколонизации», основанная на интеграции новых независимых государств в Содружество, позволяла сохранить лишь символическое влияние, но не компенсировала потерю ресурсов и международного веса. Иллюзии великодержавия особенно ярко проявились в Суэцком кризисе 1956 г., когда национализация канала Г. Насером стала ударом по британскому престижу. Премьер Э. Иден попытался ответить военной интервенцией вместе с Францией и Израилем, однако столкнулся с осуждением ООН, расколом в Содружестве и давлением США. Провал операции показал, что Великобритания больше не способна проводить самостоятельную силовую политику[681].

Отношение британцев к деколонизации было противоречивым: так, в 1962 г. опросы “Gallup” фиксировали резкие колебания: если в начале года половина респондентов поддерживала самоуправление колоний[682], то к концу года уже 62% одобряли решение правительства направить в Индию коммерческие войска[683]. Это скорее свидетельствовало не о сочувствии колониям, а о согласии с политикой властей, то есть проявлении вышеупомянутого консенсуса. Подобная двойственность прослеживается и в более ранних материалах. В отчете о массовом наблюдении 1942 г., где британцев просили описать свои чувства к Империи, было зафиксировано «значительное чувство вины по поводу того, как была приобретена Империя и как управлялись колонии»[684]. При этом отмечалось равнодушие касательно судьбы колоний. По мнению Д. Хенди, почетного профессора Университета Сассекса, в данном случае можно набюдать сложный комплекс

---

[680] Law K. Op. cit. P.725.
[681] Clarke P. Op. cit. P. 259-263.
[682] The Gallup International Public Opinion Polls, Great Britain, 1937-1975 V1. Greenwood.P. 623.
[683] Ibid.P. 356.
[684] Hendy D. Public Attitudes // BBC. URL: https://www.bbc.com/historyofthebbc/100-voices/people-nation-empire/public-attitudes (дата обращения 23.03.2024).

желаний: от полуподавленного стремления к исчезновению Империи до опасений ее распада и надежд на ее реформирование[685].

Эта логика «согласия с властью» подтверждается и материалами социологических опросов времен Суэцкого кризиса: в 1954–1957 гг. большинство британцев считали, что египтяне не справятся с управлением каналом[686], и поддержали решение правительства о введении войск[687]. Таким образом, общественное мнение, несмотря на противоречия и эмоциональные колебания, в целом склонялось к поддержке действий кабинета, что и формировало консенсус вокруг проводимой политики. При этом стоит отметить, что на фоне резкого роста миграции из бывших колоний остро встал расовый вопрос, особенно заметный в молодежной среде, что станет отдельным сюжетом при дальнейшем анализе.

«Обуржуазивание». Данная теория в работе Дж. Кларка, С. Холла, Т. Джефферсона и Б. Робертса объяснялась тем, рост благосостояния и начало строительства новых районов подорвали традиционные рабочие сообщества, а сами рабочие стали все больше перенимать нормы среднего класса – от моды и досуга до воспитания детей[688]. Сторонники концепции говорили о том, что с развитием «общества изобилия» формировался новый тип «состоятельного рабочего», который за счет ориентации на семью, стабильность, комфорт и потребление терял свою классовую идентичность[689]. Так, например, социолог Ф. Цвейг отмечал, что солидарность рабочих утратила привлекательность, уступив место индивидуализму и заботе о семье[690].

Однако теория часто подвергалась критике. Так Дж. Голдторп и его коллеги указывали на то, что новая культура потребления не может заменить классовую идентичность, а богатые рабочие ценили прежде всего стабильность и занятость, а не карьерный рост и сближение со средним классом[691]. Действительно, семья оставалась

---

[685] Ibid.
[686] The Gallup International Public Opinion Polls, Great Britain, 1937-1975 V1. Greenwood.P. 383.
[687] Ibid. P. 383,384,391,432.
[688] Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Op. cit. P. 23.
[689] Harvey L. Critical Social Research. London: Unwin Hyman, 1990. P. 149.
[690] Zweig F. The Worker in an Affluent Society. London: Heinemann. 1961. P. 209.
[691] Goldthorpe J. H., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. Op. Cit. P. 73.

главным центром жизни «состоятельных рабочих» [692], однако это не означало пересмотра классовых различий[693]. Скорее, такая установка отражала адаптацию к условиям общества потребления или же, подобно американскому опыту, стремление минимизировать социальную и психологическую тревожность в условиях холодной войны[694].

Автор диссертационного исследования считает, что термин «обуржуазивание» в данном случае не вполне отражает происходившие изменения. Дело в том, что речь шла не столько о сближении рабочих и среднего класса, сколько о более широком явлении – распространении массовой культуры и новых повседневных практик (мода, музыка, досуг) на всё британское общество. Это было напрямую связано с ростом уровня жизни и формированием вышеупомянутого «общества изобилия». В этом смысле гораздо более подходщим термином будет не «обуржуазивание», а либерализация или изменение нравов и культуры повседневности.

В наибольшей степени этим процессам была подвержена молодежь. В данном случае гипотеза социолога Ф. Цвейга о «бесклассовой молодежи»[695] кажется справедливой: молодые люди слушали одни и те же музыкальные группы, смотрели фильмы, посещали бары и потребляли другие схожие культурные продукты. Этот феномен распространялся не только на рабочий и средний классы, но охватывал практически все слои общества, создавая единое молодежное пространство. Действительно, классовые различия стирались под влиянием массовой культуры, в следствие чего формировалась относительно однородная среда, где новые стили, музыкальные вкусы и формы досуга становились общими маркерами принадлежности и молодежной идентичности.

Именно эта «бесклассовая молодежь» стала основной аудиторией, из которой формировались нонконформистские движения конца 1950–1960-х гг., что делает фактор обуржуазивания/либерализации нравов значимым для анализа в рамках диссертационного исследования.

---

[692] Ibid. P. 94,101.
[693] Hoggart R. Op. cit.P. 26.
[694] Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. Op. cit. P. 26.
[695] Zweig F. Op. cit. P.209.

Либерализация нравов в Британии в 1960-е гг. проявлялась прежде всего в изменении семейных и сексуальных практик, росте индивидуальной свободы и пересмотре традиционных моральных норм. В отличие от США, где протест чаще принимал форму открытого противостояния системе, в британском случае он выражался скорее в выходе молодежи из-под контроля родителей и отказе следовать традиционным моделям поведения. Как отмечал П. Кларк, появление феномена «свингующих 1960-х»[696] часто связывали с распространением противозачаточных таблеток, однако исследователи подчеркивали, что изменения в сексуальных практиках начались ещё за десятилетие до этого[697]. Таблетка скорее закрепила уже существующие тенденции, чем вызвала их к жизни.

Так, брак переставал восприниматься как единственная социально приемлемая форма отношений, развод как «социальное клеймо», а сама сексуальность становилась более открытой и обсуждаемой в публичном пространстве. Все это создавало атмосферу культурного сдвига, в которой традиционная мораль уступала место новым, более либеральным нормам. «Половой акт начался в 1963 году» – писал в своем стихотворении поэт Ф. Ларкин[698].

Либерализация нравов усилила разрыв между поколениями: молодежь раньше обретала экономическую самостоятельность благодаря росту зарплат, низким налогам и широким возможностям на рынке труда. Это делало молодых людей менее зависимыми от родителей и давало больше свободы в выборе образа жизни. Данные процессы тесно переплетались с формированием вышеупомянутой массовой культуры. Телевидение, музыка, кино и модные журналы транслировали новые модели поведения, задавая альтернативные ориентиры для молодых британцев. Они воплощали новый стиль жизни и в то же время служили мостом к контркультуре, которая превращала либерализацию нравов в основу более широкого нонконформистского проекта.

---

[696] Термин «свингующие 1960-е» используется для обозначения культурных и социальных трансформаций второй половины 1960-х гг. в Великобритании, прежде всего в Лондоне, связанных с либерализацией нравов, ростом молодежной культуры и развитием индустрии моды и развлечений.
[697] Clarke P. Op.cit. P. 291.
[698] Larkin P. Annus Mirabilis. 1967. URL: https://thepoetryhour.com/poems/annus-mirabilis/ (дата обращения 23.03.2025).

Однако важно отметить, что авторы теории трех факторов («изобилие», «консенсус», «обуржуазивание») практически не учитывали еще один ключевой элемент, повлиявший на формирование андеграундных течений. Речь идет о создании и распространении ядерного оружия, которое стало одним из главных символов угрозы послевоенного мира. Осознание возможности глобальной катастрофы оказало сильное воздействие на мировоззрение молодежи, стимулировав развитие новых форм культурного протеста, пацифистских движений и поиск альтернативной идентичности. Именно этот фактор следует рассматривать как важную часть исторического контекста и «окружающей среды долгих шестидесятых» [699].

Как уже было сказано при характеристике послевоенного «консенсуса», в этот период Великобритания была вынуждена отказаться от возможности активно участвовать в строительстве новой Европы. Вместо чего основная ставка была сделана на сближение с США и мировое влияние. Для этого, по мнению правительства, было необходимо разработать собственное ядерное оружие. Испытание первой британской водородной бомбы, созданной под руководством физика У. Пенни, состоялось в 1957 г. В том же году министр обороны Д. Сэндис представил «Белую книгу по обороне»[700], где определялось будущее вооруженных сил Великобритании. В документе предусматривалась отмена всеобщей воинской повинности, сокращение расходов и реорганизацию армии и авиации с учетом новых реалий, а также делался акцент на развитие ракетных вооружений, включая ядерное. В пункте 21 отмечалось: «В то время как имеющиеся ресурсы должны быть по возможности сосредоточены на создании активных сил сдерживания, было бы неправильно не принять некоторые меры предосторожности для минимизации последствий ядерного нападения, если сдерживающие средства не смогут

[699] В данном случае автор также использует теорию «обстановки и окружающей среды». Роговцева А.С. Феномен «психоделического ренессанса» в современных США // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. С. 109–123.
[700] Ministry of Defence, Defence: Outline of Future Policy, Cmnd. 124. London: HMSO. 1957.

предотвратить войну»[701]. Таким образом, документ закреплял ядерное оружие как главный инструмент сдерживания в случае возможного вторжения СССР.

Однако в британском обществе нарастало беспокойство касательно угрозы ядерной войны. Особенно тревожным фактором стали сообщения о радиационных авариях на заводе в Уиндскейле[702]. Представитель андеграунда Дж. Наттал писал, что население Великобритании разделилось на тех, кто достиг зрелости к моменту атомных бомбардировок японских городов, и тех, кто не знал жизни без этой угрозы. Первые продолжали жить в рамках традиционных ценностей стабильности, а молодежь, выросшая под тенью ядерного гриба, воспринимала будущее как нечто эфемерное, а традиционные институты – семью, церковь, правительство как утратившие моральный авторитет: «Учитель, судья, политик, преподаватель или даже любящий родитель больше не могли направлять молодежь» [703]. Они считали старшее поколение лицемерным: «Папа был лжецом. Он лгал о войне, и он лгал о сексе. Он лгал о бомбе, и он лгал о будущем» [704].

По мнению Наттала, именно угроза ядерного Армагеддона[705] стала объединяющим фактором для молодых представителей среднего и рабочего классов: «Давление ограничений, предшествующее ядерному самоубийству, ускорило биологический рефлекс, заставляющий левый элемент в молодом среднем классе объединяться с преступным элементом в молодом рабочем классе для повторного утверждения жизни посредством оргий и насилия». Этот страх был превращен в энергию протеста, став одним из факторов формирования британского андеграунда[706].

Одной из форм антиядерного движения стала «Кампания за ядерное разоружение», созданная в 1958 г. Это движение было ближе к «Новым левым», чем

---

[701] Ibid. P. 2.
[702] В октябре 1957 г. на заводе по переработке плутония в Уиндскейле (Селлафилд, графство Камбрия) произошел пожар в одном из реакторов, приведший к выбросу большого количества радиоактивных веществ. Хотя катастрофа стала крупнейшей радиационной аварией в истории Великобритании, правительство тогда минимизировало её масштабы в публичных сообщениях, чтобы избежать паники и сохранить доверие к национальной ядерной программе. Подробнее см. Weart S. Nuclear Fear: A History of Images. Cambridge: Harvard University Press. 1989. P. 288.
[703] Nuttall J. Op. cit. P. 19.
[704] Ibid. P. 21.
[705] Ibid. P. 19.
[706] Ibid. P. 9.

к контркультуре, объединяло разные слои британского населения от творческой интеллигенции до студентов и рабочих. «Кампанию» поддерживали такие известные деятели, как философ Б. Рассел, романист Дж. Пристли, историк А. Тейлор и писатель Дж. Осборн. Их слоган – «Запретить бомбу» стал мощным символом протеста, а логотип движения «Пацифик» –одной из самых узнаваемых эмблем 1960-х гг. и международным символом мира. В массовой культуре он закрепился как знак движения хиппи, хотя изначально имел британское происхождение – наглядный пример трансатлантического культурного взаимодействия (Приложение 14).

Показательным эпизодом защиты идей “CND” были чтения битников А. Гинзберга и Г. Корсо в «Обществе Генри Воэна» в 1958 г. Тогда студенты, принимавшие участие в движении, резко отреагировали на поэму Г. Корсо «Бомба». Услышав строки «О, Бомба, я люблю тебя / Я хочу целовать твой лязг и съесть твой шум…»[707], публика освистала автора, обвиняя его в кощунстве[708]. Это ярко показало, что молодежь в Британии была обеспокоена не абстрактными идеями, а вполне реальной угрозой глобального уничтожения, что превращало их страх в часть культуры повседневности.

Также стоит отметить, что мотивы антиядерного и антивоенного протеста проникли и в популярную культуру. Так, участники группы “The Beatles” открыто выражали пацифистскую позицию, считая войны чудовищной ошибкой[709]. Особенно ярко эта позиция проявилась у вокалиста группы Дж. Леннона, который впоследствии стал одним из самых заметных сторонников мира. Вместе со своей женой Й.Оно он организовывал так называемые «постельные демонстрации», целью которых было привлечь внимание к проблеме милитаризма[710]. Его лозунг “War is over, if you want it” (Приложение 15) стал одним из символов пацифистского движения, а сама фигура Леннона – олицетворением культурного протеста против насилия и войны.

---

[707] Corso G. Bomb. URL: https://www.litkicks.com/Texts/Bomb.html (дата обращения 14.08.2024).
[708] Майлз Б. Ук. соч. С. 143
[709] Антология The Beatles. С. 155.
[710] Там же. С. 350.

Таким образом, угроза ядерного уничтожения стала не просто фактором формирования политической и культурной повестки, она стала одной из причин кризиса идентичности британской молодежи и как следствие – основой для формирования андеграунда 1950-х–1960-х гг., объединявшего представителей разных культурных слоев в поиске новых форм самовыражения и протеста.

Как было указано ранее, теория «установки и окружающей среды» предполагает, что коллективные факторы не могут быть единственной причиной отчуждения среди молодежи. Существенную роль играют также факторы, связанные с личными переживаниями, семейными отношениями и ближайшим окружением. Именно на их примере можно понять, как складывалась внутренняя «отчужденность» – последняя причина формирования британского андеграунда.

Важные сведения о влиянии этих индивидуальных факторов на «отчужденность» молодежи можно найти в книге социолога Р. Хоггарта. Он опирался на широкий круг источников – от собственных воспоминаний и социологических исследований до наблюдений за культурой северных индустриальных городов, таких как Лидс и Манчестер[711].

Хоггарт подчеркивал, что молодежь 1950–1960-х гг. жила в условиях культурного перехода: традиционные маркеры идентичности слабели, а новые ценности массовой культуры становились все более привлекательными. Исследователь придерживался гипотезы о «бесклассовой молодежи»: то есть стиль жизни молодежи рабочего класса и среднего класса мало чем отличался, а значит не отличались и общие вызовы, приведшие к внутренней «отчужденности» и к формированию андеграунда[712].

В период «долгих шестидесятых» в британском обществе все отчетливее проявлялся кризис семьи, которая как правило воспринималась как главная опора стабильности и конформистского порядка. Однако под воздействием массовой культуры, продвигавшей идеи независимости, гедонизма и новый идеал молодого человека, живущего ради себя, а не в интересах семьи, ее ценность стала снижаться.

---

[711] Hoggart R. Op. cit. P. 20.
[712] Ibid. P. 20-21.

В результате нарастало противоречие: старшее поколение продолжало настаивать на традиционных ролях и обязанностях, таких как уважение к старшим и помощь в хозяйстве, тогда как молодежь воспринимала это как пережиток прошлого.

К этому добавлялись психологические аспекты. По мнению Р. Лэйнга, молодежь оказывалась зажатой между экзистенциальной неуверенностью и поиском автономии. То есть семейные ожидания, давление норм и необходимость адаптации к новым социальным структурам вызывали чувство неуверенности и внутреннего конфликта[713].

Так формировался поколенческий разрыв. Молодые люди оказались между двумя культурными мирами: традиционным, ориентированным на семейные и классовые ценности, и новой массовой культурой, нацеленной на индивидуализм и потребление. Дома молодежь следовала старым традициям, а школа и общество требовало адаптации к новым нормам. Это раздвоение усиливало чувство личной изоляции и утраты единства с самим собой[714]. В итоге «отчужденность» становилась общим фактором вне зависимости от социального происхождения, что и создало предпосылки для зарождения массовых андеграундных течений.

Таким образом, формирование британского андеграунда стало следствием сложного переплетения индивидуальных психологических установок, экзистенциальной тревожности и масштабных социальных трансформаций, происходивших в послевоенной Великобритании. Все вышеупомянутые факторы – исторический контекст, общество изобилия, кризис семейных ценностей, страх перед ядерным уничтожением, подорвали доверие к традиционным институтам: семье, церкви, государству, школе, и стимулировали поиск новых форм идентичности. В этом контексте британский андеграунд 1960-х гг. можно рассматривать как ответ поколения «не знавшего будущего» на вызовы эпохи и поколенческий конфликт, отраженный в поиске новых форм самовыражения и создании альтернативной культурной среды.

---

[713] Laing R. The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. London: Penguin Books, 1990. P.24.
[714] Hoggart R. Op. cit. P. 242; Laing R. Op. cit. P.49.

2.2. Литературное движение «Разгневанных молодых людей»

«Новый, безродный, безверный класс», лишенный манер и морали[715]; «подлые, злобные и завистливые... отбросы»[716] – так отзывались в медийном пространстве о новом литературном движении.

«Разгневанные молодые люди» – группа писателей, расцвет деятельности которых приходится на 1950-е гг[717]. Они были молодыми интеллектуалами с университетским образованием, которые либо временно не имели работы, либо занимали низкооплачиваемую должность, не соответствующую их завышенным амбициям. Так, разочарование от несбывшихся надежд касательно будущего заставило их обратить свой взор на социальные и политические изменения в послевоенной Англии – несовершенство системы, «тиранию хорошего вкуса» и жесткую классовую структуру[718]. Они критиковали лицемерие общества, его стагнацию и поверхностность. Работа, по их мнению, превратилась во «время, проведенное в рабстве», а общественные институты представлялись им бессмысленными, так как не обеспечивали личностного роста[719].

Как отмечал Филдман, поколение этих авторов было готово «найти свое место в новой Англии, созданной парламентской революцией, однако они обнаружили, что им некуда идти»[720]. Поэтому «разгневанные молодые люди» видели причину всех проблем именно в правительстве, а также во всех, кто имел больше власти, чем они. Писатели отражали это в своих произведениях, изображая беспомощность людей в мире, где власть и ресурсы сосредоточены в руках ограниченного круга лиц.

---

[715] Mambrol N. Analysis of Kingsley Amis's Novels // Literary Theory and Criticism. June 2, 2019. URL: https://literariness.org/2019/06/02/analysis-of-kingsley-amiss-novels/ (дата обращения 08.11.24).
[716] Tynan K. The Voice of the Young // The Guardian. June 19, 1955. URL: https://www.theguardian.com/books/1956/may/13/stage (дата обращения 08.11.24).
[717] Ritchie H. The Anger That Never Was // The Times. May 18, 1985.
[718] Oxford Guide to British and American Culture / Ed. by Crowther J., Kavanagh K. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 37.
[719] Feldman G., Gartenberg M. Introduction // Protest. The Beat Generation and The Angry Young Men. / Ed. by Feldman G., Gartenberg M. London: Panther Books, 1959. P.10.
[720] Ibid. P. 10.

Стоит отметить, что даже при беглом прочтении произведений и биографий писателей, относящихся к движению, создается впечатление, что термин «разгневанные молодые люди» не совсем отражал реальные взгляды авторов и главных героев и, в целом, не очень им подходил. Само название было придумано журналистами, а точнее заимствовано из книги Л. Пола «Разгневанный молодой человек» 1951 г., в которой рассказывалось о новом типе молодежи в политике, о безработице 1930-х гг., и о левых взглядах среди тех, кто только что покинул стены университетов. По мнению Филдмана, «своими скрытыми, а иногда и явными нападками на марксизм они (писатели 1950-х гг. – *прим. А.Р.*) значительно отдаляют себя от социалистического идеализма»[721], что также подтверждает неуместность названия. Схожей точки зрения придерживался и британский историк А. Марвик, подчеркивавший, что «Движение было мертво, но оно выражало последовательную точку зрения [...]; Разгневанные молодые люди всегда были чем-то вроде изобретения средств массовой информации, но за этой фантазией скрывались подлинные сдвиги в британской культуре»[722].

Уровень абсурдности осознавали и сами участники движения, отрицая этот ярлык и считая его упрощением. Дж. Осборн – самый известный писатель из движения «разгневанных», чей стиль действительно считался агрессивным, в отличие от всех остальных, видел в этом термине больше маркетинговую уловку, чем глубокую характеристику[723].

«Разгневанные» как литературное движение испытали влияние американских литературных традиций лишь частично, поскольку в их стиле отсутствуют черты, характерные для работ их американских современников, кроме, пожалуй, социального реализма. Но и он отличался от американского образца, например, от книги Н. Мейлера «Нагие и Мертвые» или от «Смерти коммивояжера» А. Миллера. Британских «разгневанных» мало интересовала экспериментальная литература. Журналисты “Life” называли их литературными консерваторами: «Они сочли бы

[721] Ibid. P.15.
[722] Marwick A. Op.cit. P. 72-73.
[723] Carpenter H. Op. cit. P. 11.

творчество поколения битников нелепым. Они склонны рассматривать Кафку, Джойса, Кокто, Фолкнера и им подобных как музейные экспонаты. <…> Их интересует не метафизическая реальность, а то, на что можно посмотреть и что можно подержать в руках. “Самые важные вопросы, которые я задаю себе”, – говорит К. Эмис, – это “Как я собираюсь оплатить счет за электричество?”»[724].

Реализм британских «разгневанных» также опирался на литературные традиции XIX в. В их произведениях акцентировалось внимание на деталях повседневной жизни и социальных, классовых конфликтах. Критики подчеркивали, что эти романы «иллюстрируют постоянные социальные стрессы в английской жизни, продолжая традиции английского романа»[725], заключавшиеся в пристальном внимании авторов к социальным изменениям, бытовым деталям и моральным конфликтам. Именно эта традиция делала британскую литературу своеобразным зеркалом общества и инструментом анализа социальных трансформаций. Также стоит отметить, что «разгневанные молодые люди» черпали вдохновение в реальности своего времени и были связаны с движением поэтов 1950-х гг., стремившихся к простоте форм и содержаний, например, Ф. Ларкин. Эти авторы отвергали модернизм и элитарность, подчеркивая социальную направленность своих произведений. Именно тот факт, что «разгневанные молодые люди» оказались наименее подвержены трансатлантическому влиянию, делает их наиболее «национальными» представителями британского андеграунда. Данное обстоятельство позволяет автору диссертации рассматривать это движение как один из ключевых элементов британской части исследования и расценивать их *стремление к реализму и независимость стиля* как отличительную особенность, лежавшую в основе их литературной и национальной идентичности.

Основными представителями движения стали писатели Дж. Осборн, К. Эмис, Дж. Уэйн, А. Силлитоу и Дж. Брейн. В их произведениях можно увидеть новый тип героя, который с подачи одного из представителей «разгневанных», К.

---

[724] Why Britain's Most Talked about Writers of // LIFE. May 26, 1958. URL: https://books.google.ru/books?id=vVMEAAAAMBAJ&pg=PA138&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 08.11.24).

[725] Feldman G., Gartenberg M. Op. cit. P.15.

Уилсона, стал называться «аутсайдером»[726]. Он жесткий, грубый, неуклюжий, плохо одет и неумыт. Он является врагом фальшивой «культуры» и всего притворного. Яркими примерами такого героя можно считать Дж. Диксона из «Счастливчика Джима» и Дж. Лэмптона из «Пути наверх», которые борются за правду, не принимают «буржуазных иллюзий»[727], а также скептически относятся к социальным и политическим идеалам, часто не вызывая симпатии у читателя.

Критик Дж. Холлоуэй указывал, что новый тип героя, представленный в произведениях «разгневанных молодых людей», следует воспринимать скорее как антигероя. Хэллоуэй отмечал: «Герой “Счастливчика Джима” может быть груб и плохо одет, но он человечен и тактичен в мире, где большинство людей “вырезают из бумаги”. Он получает более интересную работу, девушку из высшего класса, а его неуклюжесть внушает страх: это настоящая движущая сила, она прибывает»[728]. Холлоуэй отмечал, что, хотя такие герои подчеркивали абсурдность существовавших социальных норм, их внутренние противоречия и скептицизм зачастую ограничивали их развитие. По мнению Филдмана, «эти персонажи не могут принадлежать ни к одной группе или институту, поскольку их разум внутренне восстает против организованного ханжества»[729].

При этом у Холлоуэйя герои «разгневанных» вызывали симпатию за их стремление к правде и внутреннюю борьбу, особенно в те моменты, когда они пытаются стать частью мира, который критикуют. Например, герои Осборна и Эмиса предпринимали попытку завести романтические отношения. Но их скептицизм часто мешал этому[730]. Однако, судя по отзывам читателей и критиков, многие с мнением Холлоуэйя не согласны[731].

Стоит оговориться, что в отличие от битников, которые писали о себе и не скрывали этого, лирический герой «разгневанных» не всегда был полным

---

[726] Wilson C. The Outsider. London: W. H. Allen. 2001.
[727] Allen W. Review of Lucky Jim // Protest. The Beat Generation and The Angry Young Men. / Ed. by Feldman G., Gartenberg M. London: Panther Books, 1959. P. 339-340.
[728] Holloway J. Tank in the Stalls: Notes on the School of Anger// Protest. The Beat Generation and The Angry Young Men. / Ed. by Feldman G., Gartenberg M. London: Panther Books, 1959. P. 365-366.
[729] Feldman G., Gartenberg M. Op. cit. P. 10.
[730] Holloway J. Op. cit. P. 369.
[731] Outline of The Rise and Fall of the Angry Young Men. URL: https://www.colinwilsonworld.net/the-angry-young-men (дата обращения 08.11.24).

отражением писателя, уподобляясь ему лишь отчасти. В этой связи, автор диссертации прибегнул к теории импликатур, которая строится на различии между тем «что сказано» и тем, «что имелось в виду»[732]. Это позволило верифицировать факторы, повлиявшие на формирование их литературного стиля и избираемых тем.

Основным объединяющим элементом для представителей движения «разгневанных молодых людей» является их *ненависть к конформизму*, направленная преимущественно против привилегированных слоев общества. Однако, в отличие от представителей американских контркультурных движений, стремившихся дистанцироваться от конформистского общества, «разгневанные» демонстрировали желание интегрироваться в мир власти и капитала и найти в нем свое место. Тем не менее, их попытки неизменно наталкивались на сопротивление, что лишь усиливало их разочарование и неприятие общества.

Эта озлобленность находила выражение в идее собственной «нонконформистской исключительности», которая проявлялась в двух формах. Первая – интеллектуальная исключительность, выраженная в высокомерном отношении к окружающим, основанном на принципе «это не вы не хотите взаимодействовать со мной, а я не хочу связываться с вами». Вторая – материальная исключительность, когда вчерашний «отчужденный», ранее униженный представитель рабочего класса или интеллигенции, внезапно обретал больше власти и богатства, чем те, кого он ранее считал привилегированными.

Ярким примером первого является Дж. Портер, главный герой пьесы Дж. Осборна «Оглянись во гневе». 25-летний мужчина, живущий в маленькой квартире в Средней Англии и имеющий небольшой бизнес. Джимми – продукт эпохи социальных перемен и классовых конфликтов. Он представляет собой сочетание искренности, едкости, эмоциональной неустойчивости и постоянного внутреннего гнева. Его презрение к буржуазным ценностям и стремление к справедливости сталкиваются с неуверенностью в собственной значимости, и, вместе с тем, с чрезмерными амбициями. Он отвергает конформистское общество, но его агрессия и

[732] Грайс Г. Ук. соч. С. 223.

сарказм часто направлены на близких людей. Джимми одновременно хочет любви и понимания, но из-за своей жестокости и неспособности на компромисс разрушает любые отношения. Интересен тот факт, что Дж. Портер был самым автобиографичным среди персонажей произведений «разгневанных». Более того, сама история не являлась полностью выдуманной – в основе лежали напряженные и протеворечивые отношения автора с его женой П. Лейн[733].

Что касается идеи исключительности, то ее он доказывает путем оскорбления других, называя Клиффа «невеждой» и «крестьянином»[734] – в метафорическом смысле человека, которому не хватает знаний и опыта. Затем в вербальную цепочку оскорблений добавляется «валлиец»[735], что демонстрирует презрительное отношение не только к тем, кто ниже Джимми по статусу, но и к тем, кто не является англичанами. При этом сам Джимми не ощущает себя достаточно образованным, и это ущемляет его самолюбие. Ударение на “you” в одной из строк[736] демонстрирует, что он сам чувствует себя невеждой, а принижение окружающих заставляет его чувствовать себя лучше, особенно если они на самом деле выше него по социальному статусу, как Эллисон.

В той же строке Джимми использует слово «крестьянин» во второй раз, чтобы начать атаку на Элисон[737]. В данном случае – в буквальном смысле: Джимми просит подтвердить Элисон, что она не принадлежит к крестьянскому сословию. На протяжении всей пьесы Джимми использует происхождение Элисон против нее. Утверждение, с которого он начинает, заключается в том, что Элисон безмозглая только потому, что она принадлежит к привилегированному классу. Об этом свидетельствуют фразы: «У нее уже много лет нет ни одной мысли»[738] или «бремя

---

[733] Sierz A. Look back in anguish // The Spectator. March 31, 2018. URL: https://www.spectator.co.uk/article/look-back-in-anguish/ (дата обращения 08.06.2025).
[734] JIMMY: Well, you are ignorant. You're just a peasant // Osborne J. Op. cit. P.2.
[735] JIMMY: DO that again, you Welsh ruffian, and I'll pull your ears off // Ibid. P.3.
[736] JIMMY: I've just read three whole columns on the English Novel. Half of it's in French. Do the Sunday papers make you feel ignorant? // Ibid. P.2.
[737] “JIMMY: Well, you are ignorant. You're just a peasant. (To Alison.) What about you? You're not a peasant, are you?”. Ibid. P.2.
[738] “JIMMY: Can't think! (Throws the paper back at him.) She hasn't had a thought for years! Have you?”. Ibid. P.3.

белой женщины»[739], то есть женщины привилегированного сословия не могут иметь своего мнения.

Джимми также обращается к еще одному важному диалогическому приему/импликатуре, чтобы расширить рамки своей атаки на Элисон. Он апеллирует к тому, что называют «общими предложениями»[740]: к убеждениям или моральным принципам, лежащим в основе «конформистского» дискурса, не называя их прямо. Речь идет о том, что жены должны поддерживать своих мужей и быть внимательными к ним. Он обвиняет Эллисон в том, что ей скучны его разговоры, а она, как его жена, должна быть всегда заинтересована. Этот намек можно увидеть в именах, которые он выбирает для обращения к себе и к ней, подчеркивая супружеские отношения – «старый Портер/миссис Портер»[741], уничижительное «моя жена»[742]. Его тон жесток и саркастичен, как будто он считает, что у него есть основания обвинять ее в невыполнении своих обязательств, в то время как он выполняет свои. Помимо иллюстрации техники подразумеваемых предложений этот диалог демонстрирует противоречия в идеологии Джимми: он порицает Эллисон за нарушение условностей буржуазного института брака, которые сам постоянно осуждает и порицает. Это является ярким примером существования двоемыслия «разгневанных»: *они недовольны существующим положением дел, но не готовы отречься от конформистских представлений о мире и обществе, они борются с системой, отчаянно желая стать ее частью.*

Примером второго типа «нонконформистской исключительности» является главный герой романа «Счастливчик Джим» – молодой преподаватель истории, испытывающий чувство отчуждения в академической среде. Судьба главного героя частично повторяет судьбу автора, для которого академическая иерархия также имела важное значение. К. Эмис окончил Оксфордский университет и в 1949–1961 гг. работал преподавателем в Уэльском университете в Суонси, что отразилось в его

---

[739] “JIMMY: Well, she can talk, can't she? You can talk, can't you? You can express an opinion. Or does the White Woman's Burden make it impossible to think?”. Ibid. P.2.
[740] Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7 (1–4). P. 24.
[741] “Old Porter talks, and everyone turns over and goes to sleep. And Mrs. Porter gets 'em all going with the first yawn”. Ibid. P.2.
[742] “JIMMY: Why don't you get my wife to explain it to you?”. Ibid. P.3.

критическом отношении к академической среде, как и в сатирическом изображении лицемерия и классовой иерархии в «Счастливчике Джиме».

В отличие от Дж. Портера, открыто выражающего презрение к более привилегированным людям, например, к родителям Элисон, неприятие Диксоном лицемерия окружающих, в частности заведующего кафедрой истории Уэлча, от чьего расположения зависит его карьера, проявляется в более скрытой форме. Его критика выражается через саркастические внутренние монологи, замечания и скрытую агрессию, которая лингвистически находит отражение в нарушении максим общения (количества, качества, релевантности и способа), т.е. принципов, которые участники коммуникации обычно соблюдают для эффективного взаимодействия [743].

Максима количества в рамках теории импликатур предполагает, что эффективное общение требует максимальной информативности при оптимальном количестве данных (ни больше, ни меньше). Диксон нарушает эту максиму двумя способами: во-первых, он часто отвечает излишне кратко, что формально сохраняет вежливость, но фактически демонстрирует отказ от активного участия в беседе[744] или раскрытия дополнительной информации[745]. Во-вторых, он может намеренно использовать слишком длинные реплики, чтобы подчеркнуть бессмысленность диалога, выразить недовольство или скрыть презрение под слоем иронии[746]. Это позволяет Диксону избегать прямой конфронтации, сохраняя внутреннюю оппозицию к лицемерию академической среды, в центре которой находятся профессор Уэлч и его сын Бертран – герои, благодаря которым как раз и

---

[743]Fowler R. Linguistic Criticism. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 106.

[744] “Pretty girl, that Christine Whatshername,’ Margaret said.
‘Yes, isn’t she?’
‘Wonderful figure she’s got, hasn’t she?’
‘Yes.’
‘Not often you get a figure as good as that with a goodlooking face.’
‘No,’ Dixon tensed himself for the inevitable qualification.
‘Pity she’s so refained, though. Margaret hesitated, then decided to gloss this epithet. ‘I don’t like women of that age who try to act the gracious lady. Bit of a prig, too.” // Amis K. Op. cit. P. 44.

[745] “Aren’t you going to stay for the P. Hacine Pricker?’
‘Shan’t be long, Professor. I just think I’ll...’ Dixon made some gestures meant to be indecipherable. ‘I’ll be back.”. Ibid. P. 53.

[746] “Oh dear,’ Dixon said with a smile, ‘I’m afraid that’s rather a tall order. Explain my conduct; now that is asking some thing. I can’t think of anybody who’d be quite equal to that task.’ He was watching Bertrand closely, filing away the news of this latest blow from Johns - who else could it be? - for later pondering and appropriate action.”. Ibid. P. 206.

демонстрируется социальное напряжение между классами: Уэлч имеет власть, несмотря на явное отсутствие компетентности, что вызывает презрение у Диксона.

Максима качества, согласно которой необходимо высказываться только о том, что знаешь, также часто нарушается Диксоном во избежание открытого конфликта. Ярким примером такого нарушения можно рассматривать его разговор с профессором Уэлчем о статье под названием «Воздействие экономических факторов на развитие судостроительного мастерства в период с 1450 по 1485 г.». Диксон сам считает эту публикацию худшей из возможных: «Это было превосходное название. В нем, как в зеркале, отразилась пустота и бессодержательность самой статьи, вся эта похоронная процессия смертельно скучных фактов, однообразно нанизанных друг на друга, и тот псевдонаучный свет, который они проливали на псевдонаучные проблемы. Диксону приходилось читать и перелистывать десятки подобных статей, но его собственная казалась ему хуже всех – столько в ней было педантичного самодовольства»[747]. Однако, вместо того чтобы выразить свои истинные мысли, Диксон соглашается с Уэлчем и подстраивается под его восприятие, отвечая: «Это именно то…»[748], предоставляя возможность профессору завершить мысль вместо себя: «…что надо»[749]. Такое поведение демонстрирует нежелание Джима вступать в открытую дискуссию, которая может привести к конфронтации, если он скажет правду о своем отношении к статье и к предложенным Уэлчем направлениям академической деятельности в целом.

Нарушение максимы качества может также проявляться через импликатуры, когда слова Диксона воспринимаются как искренние (чаще всего это похвала), хотя его внутренний монолог раскрывает истинное, пренебрежительное отношение. Пример – его размышление о попытках профессора Уэлча оценить «культурный уровень» Диксона: «Недди[750] хочет меня испытать, проверить, насколько я поддаюсь культурному воздействию, так сказать, и выяснить таким образом, гожусь ли я для

---

[747] Ibid. P. 15-16.
[748] Ibid. P. 15-16.
[749] Ibid. P. 15-16.
[750] Уменьшительно-ласкательная форма имени профессора Уэлча служит показателем ироничного отношения Диксона к нему: находясь ниже по социальному и профессиональному статусу, герой внутренне стремится утвердиться за счет символического «смотрения сверху вниз» и снисходительности, даже если это проявляется лишь в его мыслях.

преподавания в университете. Ведь если человек не в состоянии отличить флейту от флажолета, значит, он недостоин посвящать студентов в тайны стоимости коров во времена Эдуарда III»[751]. Саркастический комментарий Диксона намекает на абсурдность увлечений Уэлча и их слабую связь с преподаванием истории. Однако на поверхности эти замечания воспринимаются как одобрение академической строгости и демонстрируют формальное соответствие требованиям вежливого общения.

Максима релевантности, требующая придерживаться обсуждаемой темы, часто нарушается Диксоном в диалогах с Маргарет, коллегой по университету. После тяжелой эмоциональной травмы, связанной с разрывом с ее бывшим возлюбленным Кэчпоулом и последующей попыткой самоубийства, Маргарет пытается обсудить свои чувства и чувства Диксона. Она пытается эмоционально привязать его к себе, вынуждая поддерживать разговоры на личные темы. Диксон, в свою очередь, испытывает чувство ответственности за ее эмоциональное состояние и не решается открыто выразить свое негодование или усталость от таких отношений. В результате он сознательно уклоняется от прямого обсуждения[752]

Максима способа, предполагающая ясность и недвусмысленность в высказываниях, также часто нарушается Диксоном в его отношениях с мистером Уэлчем и Бертраном. Подобно нарушению максимы качества, Диксон намеренно прибегает к сарказму и двусмысленным формулировкам, говоря то, во что сам не верит. Однако в данном случае он использует этот прием не только для сокрытия своего личного презрения к коллегам, но и как средство осуждения социального лицемерия и классовых привилегий. Диксон часто скрывает свои истинные мысли за поверхностно корректными, но саркастически окрашенными высказываниями, чтобы подчеркнуть бессмысленность и неискренность тех, кто занимает привилегированные позиции. Это отражает внутренний конфликт между его

---

[751] Amis K. Op. cit. P. 24.

[752] ‘How close we seem to be tonight, James.’ A fat-faced man on the other side of her turned and stared at her. ‘All the barriers are down at last, aren’t they?’ she asked.
Finding this unanswerable, Dixon gazed at her, slowly nodding his head, half expecting a round of applause from some invisible auditorium. What wouldn’t he give for a fierce purging draught of fury or contempt, a really efficient worming from the sense of responsibility? // Ibid. P. 25.

ценностями и необходимостью выживать в академической среде, где такие фигуры, как семья Уэлчей, доминируют без особых заслуг. Например, когда мистер Уэлч обсуждает предстоящий концерт, стараясь подчеркнуть свой «утонченный» вкус, Диксон размышляет: «Как это он ухитрился стать профессором истории, хотя бы в таком провинциальном университете? Опубликовал какую-то работу? Нет. Проявил какой-то необычайный педагогический талант? Нет, нет с прописной и курсивом! Что же в таком случае ему помогло?»[753].

Этот внутренний монолог высмеивает приоритеты привилегированного класса, где внешняя форма и ничем не подкрепленная репутация ценятся выше реальных достижений. Таким образом, нарушение максимы способа в речи Диксона становится инструментом социального протеста, позволяющим ему выразить свое негодование, оставаясь в рамках приличий и не вызывая реакции, которая могла бы негативно отразиться на его карьере.

Автор диссертации отнесла Джимми ко второй группе «нонконформистской исключительности», поскольку он сумел обрести преимущество над семьей Уэлчей. Внезапное предложение сменить карьеру и перейти в прибыльный издательский бизнес, которым заведовал отец его девушки Кристины, предоставляет Диксону возможность выйти из положения социального аутсайдера и занять более высокое профессиональную и социальную ступень. В отличие от семьи Уэлчей, чья привилегия основана на классовой принадлежности, успех Диксона определяется его личными качествами и способностью адаптироваться. Этот переход символизирует его победу над лицемерием и социальной несправедливостью академической среды.

Подобно восстанию Ч. Ламли против ценностей среднего класса в «Спеши вниз» Дж. Уэйна, также члена движения «разгневанных», протест Диксона против неискренности академической среды завершается его приспособлением к обществу и частичным принятием его ценностей. Критик Н. Мамбрул отмечал, что, оставаясь внутри системы, Диксон может пытаться изменить ее изнутри[754]. Однако, с точки зрения автора диссертации, борьба Диксона направлена не на системный сдвиг, а на

---

[753] Ibid. P. 8.
[754] Mambrol N. Op. cit.

улучшение собственного положения. Его интеграция в мир денег и власти отражает индивидуальный успех, а не широкую борьбу с устоявшейся классовой системой, которую он отвергает, но не стремится радикально преобразовать.

Поэтому истинная цель «разгневанных» состоит не в трансформации социальных структур или реформировании классовых и образовательных систем, а в изменении жизни конкретного человека – автора или героя. Таким образом, *индивидуализм*, а точнее эгоизм, присущий представителям этого движения и главным героям их произведений, можно рассматривать как их отличительную черту. Их протест против системы направлен не на изменение ее принципов, а на попытку утвердиться в ее рамках, что подчеркивает внутренние противоречия и ограниченность их стремлений.

2.3. Тедди-бои и формирование андеграунда

«Эти разъяренные люди, кажется, живут в каком-то коллективном сне»[755], – именно так один из представителей британского андеграунда Дж. Наттал охарактеризовал одно из первых поколений британской молодежи, которое открыто противопоставило себя обществу. Движение тедди-боев, возникшее в Великобритании в 1950-х гг., стало символом протеста, эстетизированной агрессии и поиска идентичности.

Тедди-боев действительно называют первым массовым проявлением молодежной «отчужденности». Растущая урбанизация внутри городов, массовые переселения и ослабление межличностных связей, четкое классовое разделение, невозможность вертикальной мобильности – все это стало причиной возникновения кризиса идентичности, нашедшего выход в чувстве раздражения и принимавшего форму иррационального протеста. Дж. Наттал описывал это так: «Нашей первой реакцией, насколько я помню, был формализованный стоицизм, который мы позаимствовали у фарцовщиков, у демобилизованных солдат и у персонажей голливудских фильмов и преобразовали в романтизм жесткости и агрессии, а впоследствии носили как доспехи»[756].

Как и в случае с «разгневанными», термин «тедди-бои» был не самоназванием, а ярлыком, придуманным 23 сентября 1953 г. журналистами британской газеты “Daily Express”[757], чтобы обозначить молодежь, которая носила одежду в эдвардианском стиле. Помимо того, что наименование было попыткой высмеять представителей движения или принизить их значимость, этот ярлык явно указывал на их происхождение: тедди – это прозвище, которое король Эдуард VII получил на кокни – традиционном городском диалекте рабочего класса восточного

[755] Nuttall J. Op. cit. P.2.
[756] Ibid. P. 10.
[757] The Edwardian Teddy Boy. Welcome. URL: https://www.edwardianteddyboy.com/index-2.html (дата обращения 18.09.2024).

Лондона, особенно районов Ист-Энда[758]. Однако по мере роста известности движения, его участники начали использовать это название как часть своей идентичности, придавая ему новый смысл, связанный с принадлежностью к сообществу: «Принятие термина стало выражением противопоставления себя общественным нормам, что совпадало с их стремлением сломать традиционные представления о морали и стиле жизни»[759].

Причастность к сообществу вообще занимала центральное место у представителей тедди-боев. В отличие от американских контркультур, отличавшихся инклюзивностью, и «разгневанных молодых людей», чье существование как организованного движения вообще сомнительно, тедди- бои формировали закрытые сообщества с жесткой внутренней структурой. Как и любая околомаргинальная и околопреступная мужская группа они придавали большое значение сплоченности и сохранению уникальной идентичности, создавая своеобразный «секретный мир». В основе него лежала система кодов, включающая нормы поведения и стиль. Эти элементы не только помогали участникам дистанцироваться от общества, но и служили инструментами для различения «своих» и «чужих». Нарушение этих правил воспринималось как угроза целостности группы и вызывало ответную реакцию. Претендентов, неспособных соответствовать установленным нормам, жестко наказывали, что подчеркивало исключительность внутри сообщества[760].

Движение тедди охватывало не только лондонские окраины, но и получило широкое распространение в других британских городах. Так, одним из представителей этого андеграундного течения в Ливерпуле был Дж. Леннон – участник группы “The Beatles”. В своих интервью он упоминал о принадлежности к уличной банде, которая занималась мелким воровством в магазинах и последующим сбытом краденного. Кроме того, он вспоминал о старших тедди, работавших в доках, чья деятельность включала участие в уличных драках и торговле контрабандой[761]. Другой член группы Р. Старр, проживавший в районе, прилегавшем к докам, также

[758] Chenoune F. A History of Men's Fashion. Paris: Flammarion, 1993. P. 233.
[759] Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Op. cit. P. 13.
[760] Nuttall J. Op. cit. P. 20.
[761] Антология The Beatles. С. 6.

сталкивался с подобными проявлениями уличной культуры и состоял в подобной из банд. Он упоминал о массовых драках и случаях хулиганства, свидетелем которых был лично[762].

Хотя тедди традиционно ассоциируется с молодыми парнями, было бы ошибочно рассматривать его как исключительно мужское явление. Среди участников были и женщины, которых называли “Teddy Girls” или «Джуди». Женщины-тедди формировали собственные группы, посещали дискотеки и принимали участие в типичных для молодежи того времени развлечениях. Первое упоминание о “Teddy Girls” в прессе относится к рубликации в “Daily Express” в июне 1954 г.[763]. Они описывались как молодые женщины-бунтари, которые отличались напыщенностью и высокомерием, носили обтягивающие брюки, свитера и яркие носки, а иногда и небольшой кинжал, привлекая внимание мужчин и вызывая зависть у других женщин.[764]. Например, Присцилла, 17-летняя девушка, в октябре 1956 г. в письме в “Daily Mirror” сетовала, что ей как «хорошей девушке» трудно найти парня, в то время как у девушек-тедди их было множество. Редакция дала ей ироничный ответ: «Очевидно, мисс, вам нужно идти в ногу со временем!»[765].

Как и мужчины, женщины-тедди в основном происходили из рабочего класса и неблагополучных районов. Их поведение часто было агрессивным. Однако численность “Teddy Girls” была значительно меньше, чем их мужской части, что, возможно, объясняет их меньшую общественную видимость и отсутствие восприятия их как моральной угрозы[766]. Учитывая этот фактор, в настоящем диссертационном исследовании основное внимание уделяется мужской части андеграунда.

Одной из ключевых особенностей культуры тедди-боев был их уникальный стиль, который выступал своего рода «кодом принадлежности». Он обеспечивал

---

[762] Там же. С. 49-50.
[763] The Edwardian Teddy Boy. Welcome. URL: https://www.edwardianteddyboy.com/index-2.html (дата обращения 18.09.2024).
[764] Ibid.
[765] Daily Mirror. 1956. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000560/19561011/095/0018 (дата обращения 18.09.2024).
[766] Ross S. Youth Culture and the Post-War British Novel: from Teddy Boys to Trainspotting. London: Bloomsbury Academic, 2018. P. 29.

визуальную идентификацию, ту самую «заметность», способствуя дистанцированию от “squares”, и вместе с тем привлекал повышенное внимание прессы и властей. Изначально выбор такого стиля был актом протеста, направленного против социального порядка. В своей статье Р. Кросс подчеркивал традиционность британского общества, где одежда рабочих классов была прежде всего функциональной: будничная рабочая одежда и «воскресный костюм» для особых случаев. Иногда таким «воскресным костюмом» служила школьная форма[767]. Так, член группы “The Beatles” П. Маккартни говорил, что это была его самая шикарная одежда[768]. Стиль тедди-боев, с его перформативной выразительностью стал вызовом этим ограничивающим рамкам и попыткой отвергнуть функциональность, традиционно приписываемую рабочему классу, а также нормальность британского общества в целом.

Как уже отмечалось, тедди черпали вдохновение из эдвардианской моды начала XX в. Ключевым элементом их стиля были удлиненные пиджаки с бархатными воротниками и лацканами. Такие пиджаки часто украшались контрастной отделкой, а образ дополняли зауженные брюки («дудочки»), узкие галстуки-струнки, рубашки пастельных тонов с длинными воротниками[769]. Помимо наследия эдвардианского стиля, для поведения и облика тедди был также характерен британской дендизм, ярким представителем которого был законодетель моды Б. Брамель. Подобно денди, тедди-бои стремились к созданию образа, сочетающего экстравагантность и сдержанность[770]. Их внешний вид ассоциировался с холодной отстраненностью, тщательно выстроенными жестами и безразличным взглядом, который превращал людей в объекты наблюдения[771].

Вопреки ожиданиям, одежда тедди не способствовала их респектабельности, а, напротив, усиливала устрашающий облик. Это обуславливалось не только их поведением или громкими газетными заголовками, привлекавшими внимание к

---

[767] Cross R. Op. cit. P. 216- 220.
[768] Антология The Beatles. С. 19.
[769] Peto M. Observer Picture Archive: Teddy Boys and Teddy Girls // The Guardian. June 19, 1955. URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2018/jun/17/observer-archive-teddy-boys-and-teddy-girls-19-june-1955 (дата обращения 18.09.2024).
[770] Zimmermann M. Op. cit. P. 1- 27.
[771] Claramonte J. La República de los fines. Murcia, Cendeac, 2005. P. 27-28.

массовым дракам и убийствам, но и их связью с преступными традициями, что также находило отражение в их внешнем облике. По мнению автора диссертации, хотя стиль тедди-боев демонстрировал элементы, напоминавшими дендизм, их связь с этой эстетикой была весьма условной. Карнавальность и подчеркнутая перформативность образа резко контрастировали с грубыми чертами их лиц. Более очевидную преемственность можно обнаружить в традициях криминального мира и маргинальных групп, где использование элегантной одежды служило способом утверждения силы и принадлежности к определенной социальной прослойке. В лондонских трущобах долго существовала культура хорошо одетых преступников, среди которых были уличные торговцы, носившие длинные куртки с бархатными воротниками, жилеты с яркими узорами и ботинки, украшенные вышивкой. Кроме того, в их ряды входили «Спивы», банды контрабандистов и мелких преступников, одевашиеся в безупречные костюмы. Именно из этой среды вышли так называемые «Кош-бои» – преступники, чьи эстетические предпочтения впоследствии стали ассоциироваться с тедди.

Так что в данном случае эдвардианский костюм представлял собой символ аристократии другого времени. Подростки, которые выросли в среде, где поколениями носили рабочую практичную одежду, использовали этот стиль для сопротивления конформизму, отстаивая свое право быть своего рода аристократией в трущобах. Ее, как отмечал Г. Дюран, нельзя было бы назвать «унаследованной, королевской или затворнической», посокольку она была «преднамеренно созданной, оформленной и демонстративно выставленной»[772]. Ложный аристократизм транслировался посредством четких правил стиля и поведения, которые участники движения разрабатывали для преодоления скуки и монотонности, характерных для их окружения.

Кроме того, влияние на формирование движения оказал американский джаз и хипстеризм. Создавая свой уникальный стиль, тедди заимствовали элементы в том числе из американской поп-культуры, включая вестерны и фильмы о рок-н-ролле,

[772] Duran G. Dandys extrafinos. Madrid: Papel de fumar, 2011. P. 170.

формируя, как отмечал Шенун культуру «ублюдков»[773]. Из вестернов они позаимствовали тонкий галстук, известный как «Маверик» или «Слим Джим». Из фильмов о рок-н-ролле – выразительные элементы, такие как массивные бакенбарды и разнообразные прически (например, «утиный хвост» или «бостонская»).

Подобное выборочное заимствование особенностей культуры и стиля легко объяснимы. Как отмечал Д. Хебдиге, тедди-бои перерабатывали и реконтекстуализировали предметы повседневного обихода, создавая новые значения, которые подрывали традиции их использования.

Это также соотносится с концепцией “bricolage” (самодельности) К. Леви-Стросса[774]. Данный процесс включал переосмысление и реконструкцию объектов с целью адаптировать их к новой системе значений, где учтены как исходные, так и новые контексты. В условиях ограниченности ресурсов для выражения своей эстетической идентичности тедди-бои создавали одежду, по принципу описанному Р. Бартом: современный художник преобразует обыденные материалы, такие как бумага для коллажей, в произведения искусства[775]. В этом контексте внешний вид каждого из тедди становился своего рода «холстом» для создания визуального произведения искусства, превращая их в эстетически насыщенные образы, которыми когда-то были денди и хипстеры[776]. Актер С. Беркофф, подтверждая это в своей автобиографии, писал: «Костюм был твоей броней, а цвета определяли твое чувство стиля»[777].

Действительно, тедди-бои выстраивали уникальный эстетический мир, заимствуя элементы из различных культурных источников и трансформируя их в соответствии с новой «грамматикой стиля». Каждый представитель делал собственный выбор, выражая индивидуальность через костюм, покупая его в силу нехватки средств с рук или получая от родственников, а потом дополняя уникальными деталями, например, цветовыми акцентами и аксессуарами. Например,

---

[773] Chenoune F. Op. cit. P. 234.
[774] Hebdige D. Op. cit. P. 103.
[775] Barthes R. Op. cit. P. 306.
[776] Melly G. Revolt into Style: The Pop Arts. Oxford, Oxford University Press, 1989. P. 128.
[777] Berkoff S. Free Association. An autobiography. London: Faber & Faber, 1996. P. 32.

П. Маккартни превратил школьную форму в элемент уникального стиля. Он носил перекрашенную спортивную куртку вместо пиджака, выбирал рубашки с мелкими складками, черные зауженные брюки, перекрашенные вручную, и замшевые туфли, унаследованные от старшего брата[778]. Такой подход не только символизировал протест против общественных норм, но и служил мощным инструментом визуального самовыражения.

Действия тедди, направленные на модификацию элементов эдвардианского стиля, а также на интеграцию эстетики рок-н-ролла и западных фильмов, могут быть интерпретированы как пример творческого поиска в создании уникального образа. Поэтому акт апроприации и адаптации стиля дендизма и эдвардизма, осуществляемый тедди, их связь с эстетикой рок-н-ролла и вестернами, можно понимать как акт самоидентификации, отраженный в создании их своеобразного стиля[779]

По свидетельству Дж. Наттала, некоторые полицейские в суде больше внимание обращали на одежду, чем на поступки своих юных подсудимых[780]. Однако, по мнению автора диссертации, «заметность» тедди состояла не столько во внешнем виде, сколько в их поведении, а костюм был, в свою очередь, лишь способом идентификации, как среди своих, так и среди конформистов. Насилие среди тедди было неотъемлемой частью общей тенденции, касающейся молодежной преступности, усилившейся после Второй мировой войны: «Легенда гласит, что в козырьках кепок прятались бритвенные лезвия. Под лацканами пиджаков были заткнуты велосипедные цепи, чтобы ударить противника. Рыболовные крючки маскировались в рукавах с отворотами, что позволяло тедди нанести сокрушительный удар»[781].

Помимо обычных конфликтов среди молодежи, вызванных различными причинами, от неуважения к членам группы до споров из-за романтических

---

[778] Антология The Beatles. С. 39.
[779] Fyvel T. Fashion and Revolt // The subculture reader. / Ed. by Gelder K. Oxon: Routledge, 2005. P. 284.
[780] Nuttall J. Op. cit. P. 120.

[781] Viehe F. Atavistic Culture: The Bête Noire of Social Change // The Forum on Public Policy: A Journal of the Oxford Round Table. 2009. № 1. P. 13.

интересов, вспышки насилия нередко возникали и на расовой почве. Этот аспект являлся одним из ключевых отличий между американской и британской контркультурами: в то время как битники и хиппи защищали права афроамериканцев, британцы в этом отношении были менее открытыми. Причиной стало принятие Закона о британском гражданстве[782]. В соответствии с ним Великобритания предоставила гражданство всем жителям стран Содружества, тем самым фактически открыв им возможность свободно проживать на территории страны. Как и следовало ожидать, уже вскоре после вступления закона в силу значительное число иммигрантов прибыло в Великобританию.

Однако британское общество восприняло это нововведение с настороженностью, опасаясь конкуренции на рынке труда. Подобные настроения разделяли и представители движения тедди-боев, большинство из которых были выходцами из рабочего класса[783]. Однако, в отличие от основной массы недовольных, ограничивавшихся словесным выражением своего несогласия, тедди-бои перешли к активным действиям – они не проявляли уважения к национальному или расовому происхождению приезжих, открыто называя их «нигерами» и устраивая так называемую «охоту на негров»[784] – вооруженные нападения на иммигрантов. Журналист Э. Марр в своей книге «История современной Британии» с иронией прокомментировал отношение значительной части британского общества к иммигрантам того времени: «Во-первых, будьте белыми. Во-вторых, если вы не можете быть белыми, будьте малочисленны. И, в-третьих, если все остальное не помогает, кормите скотов»[785].

Расовая напряженность нарастала в основном с 1949 по 1958 гг. из-за массовых волн иммиграции. В конечном итоге она переросла в беспорядки на расовой почве. Основные столкновения произошли в Ноттингеме, Ноттинг-Хилле и

---

[782] British Nationality Act 1948. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted (дата обращения 08.06.2025).
[783] Hebdige D. Op. cit. P. 51.
[784] Travis A. After 44 Years Secret Papers Reveal Truth About Five Nights of Violence in Notting Hill. // The Guardian. August 24, 2002. URL: https://www.theguardian.com/uk/2002/aug/24/artsandhumanities.nottingh illcarnival2002 (дата обращения 18.09.2024).
[785] В данном случает под «кормите скотов» подразумевается выполнение самой грязной и малооплачиваемой работы. Marr A. Op. Cit. P.195.

у Букингемских ворот в Лондоне. Сообщается, что инициаторами конфликтов выступила белая молодежь из рабочего класса, среди которой большинством были тедди. Их действия против темнокожего населения поддерживались крайне правыми политическими движениями, а некоторые политики открыто выражали неприязнь к этническим меньшинствам. Одной из самых заметных фигур был сэр О. Мосли, основатель Британского союза фашистов, продвигавший лозунг «Сохраним Британию белой». Скептическую позицию по отношению к иммигрантам также занимали члены «Союза за британскую свободу»[786].

Беспорядки вызвали широкий общественный резонанс и активно освещались в прессе, осуждавшей расовое насилие. Многие зачинщики столкновений были арестованы и осуждены. В результате событий 1958 г. британское правительство приняло Закон о расовых отношениях[787], согласно которому была запрещена расовая дискриминация и насилие на расовой почве.

Говоря о причинах криминальной активности движения тедди, исследователи предлагают различные объяснения. Чаще всего это интерпретируют довольно просто: например, кражи со взломом могли быть обусловлены финансовыми трудностями, поскольку высокая стоимость фирменных костюмов в ателье делала их недоступными для большей части молодежи. Кроме того, некоторые представители андеграунда способствовали развитию проституции, что позволяло им получать хороший доход из нелегальных источников. М. Циммерманн предполагал, что вовлечение тедди-боев в преступную деятельность также может быть воспринято как форма протеста против системы оплачиваемого труда. Многие из них в силу недостатка опыта и отсутствия высшего образования могли устроиться только на низкооплачиваемую работу, что делало мелкие кражи, контрабанду и другие нелегальные действия своеобразной альтернативой, противоречащей идеалам трудовой этики[788].

---

[786] Coisins E. The Notting Hill Riots of 1958 // Black Past. June 8, 2010. URL: Available from: https://www.blackpast.org/global-african-history/notting-hill-riots-1958/ (дата обращения 18.09.2024).

[787] Race Relations Act of 1965. URL: https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/relationships/collections1/race-relations-act-1965/race-relations-act-1965/#:~:text=The%20Act%20banned%20racial%20discrimination,or%20national%20origins'%20an%20offence. (дата обращения 08.06.2025).

[788] Zimmermann M. Op. cit.P. 25.

Дж. Наттал, сам принадлежавший к британскому андеграунду, связывал преступное поведение тедди-боев с чувством разочарования и особым «стоическим» отношением к страданиям. По его мнению, насилие могло быть способом почувствовать жизнь через причинение боли другим. Он также упоминал истории об убийствах и актах вандализма, совершенных без явных причин, что можно интерпретировать как попытку оставить след, метафорическое «Здесь был Том/Гарри»[789]. Однако по большей части эти утверждения были лишены документальных подтверждений в виде судебных дел или газетных публикаций, что заставляет рассматривать их скорее как художественные интерпретации, заслуживающие внимания с точки зрения причинно-следственных связей и психологических факторов, но никак не свидетельствующие о реальности. Единственным документально подтвержденным случаем массового девиантного поведения можно считать акты вандализма в кинотеатрах во время показов фильма “Rock Around the Clock”[790] или на концертах Э. Пресли[791].

По мнению автора диссертации, помимо экономической необходимости мотивация тедди-боев к совершению преступлений была связана с психологическими факторами. Для многих вступление в сообщество стало способом компенсировать низкую успеваемость в школе и повысить самооценку. Ценности внутри банды зачастую противопоставлялись общепринятым нормам. Гедонизм, бунт против власти и стремление к адреналину становились альтернативой трезвости, амбициям и конформизму[792]. Таким образом, криминальная активность тедди-боев может рассматриваться как способ утвердить собственную идентичность в условиях социальной маргинализации.

Одной из ключевых характеристик культуры тедди-боев был также их особый язык, который служил средством выражения идентичности, протеста против доминирующих норм и андеграундной принадлежности. Их речь характеризовалась короткими, резкими фразами, насыщенными сленговыми выражениями и часто

[789] Nuttall J. Op. cit. P. 14.
[790] Rock Around the Clock, dir. Sears F., 1956.
[791] Marwick A. Op. cit. P. 67.
[792] Hebdige D. Op. cit. P. 76.

создававшими впечатление легкомысленности и ориентации на простые удовольствия. Например, фраза: «Ага, мы просто в это влезли, сам понимаешь» (“Yeah, we just got involved, you know”) в качестве ответа на вопрос «Вы пошли туда, чтобы устроить неприятности?» (“You went down to make trouble”) демонстрировала стремление представить себя как непричастных к конфликтам. Однако ответы в духе: «Да мы просто шляемся и ржем» (“We just walk around and have a giggle”) или повторение слов «ввязались» (“got involved”), «шляться» (“hang about”), «поржать» (“a little giggle”) могут также свидетельствовать о скрытой агрессии и неискренности[793].

Такие особенности языка были обусловлены как социальным положением тедди-боев (подавляющее большинство говорило с акцентом кокни), так и их стремлением к отделению от общепринятой культуры через простоту и монотонность высказываний. Дж. Наттал отмечал, что выражения вроде «А то!» (“Oh yeah”), «Проваливай» (“Go to hell”), «И че?» (“So what”) превращались в ритуальные клише, символизирующие протест и отказ от норм конформистского общества. Их речь была насыщена агрессивными метафорами, подчеркивающими враждебное отношение к обществу. Например, женщин они могли называть «телка» (“it”) или «бабы» (“dames”), что отражало обезличивание женской половины общества и демонстративную брутальность тедди[794]. Использование языка также служило инструментом социальной исключительности. Обычных людей они называли «крестьяне» (“peasants”)[795], дистанцируясь от консервативного общества. Агрессия и насилие находили отражение в их высказываниях: «Подцепили одного чувака из BBC, он в хлам, еле на ногах стоит, затащили его в подворотню да наваляли как следует» (“Got this R.A.F. bloke, so pissed 'e couldn't move, took 'im up an alley an' beat 'im up”)[796]. Простота и ритмичность таких высказываний передавали их будничное отношение к насилию.

---

[793] Teddy Boys – Interview with Teddy Boys – 25/3/1956. [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=vhFPSMd9F5w&t=4s&ab_channel=psycledelic67 (дата обращения: 06.02.25).
[794] Nuttall J. Op. cit. P. 9.
[795] 1955: Meet the TEDDY BOYS | Special Enquiry | Voice of the People | BBC Archive. [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=EYfQXZ444vo&t=1s&ab_channel=BBCArchive (дата обращения: 06.02.25).
[796] Nuttall J. Op. cit. P. 9.

Частично их сленг заимствовал элементы американской культуры. Например, термин “square”[797] использовался для обозначения консервативных людей, подчеркивая противоположность традиционным ценностям[798]. Заимствования из американских вестернов и фильмов с Э. Пресли отражали их восхищение американской культурой, служили маркером глобальной идентичности и подчеркивали дистанцию от британских традиционных норм.

Тедди-бои стали первой молодежной культурой «долгих шестидесятых», которая эстетизировала «отчужденность», объединяя элементы британской аристократической моды, американской поп-культуры и криминальной жестокости. Их движение возникло стихийно, а коды принадлежности не подвергались осмысленной теоретизации. Однако с ростом влияния американской контркультуры и изменениями в массовой культуре, начавшимися в 1960-е гг., роль тедди-боев стала угасать.

Тедди-бои, воспринимаемые как устаревшие и «слишком респектабельные», потеряли свою актуальность. Тем не менее, их наследие, включающее протест против социальных норм, формирование эстетической идентичности и стиль как выражение бунта, оказало долгосрочное влияние на развитие британского андеграунда, нашедшего отражение в движении модов, для которых отчуждение стало чем-то вроде точки старта. Р. Гослинг писал: «Костюм тедди ушел, уступив место итальянским вещам. Борьба со всеми ними переросла в высокомерие, в уверенность в том, что мы добьемся успеха, с нефтью или без нефти. Мы разбираем обломки и консервные банки и выбираем те, которые пригодятся, расчищаем площадку и копаем фундамент, а затем строим, строим...»[799]. Моды были гораздо более подвержены влиянию американских нонконформистов, и, в свою очередь, также обратное влияние на них, создавая обширную трансатлантическую контркультурную сеть и формируя общее поколение «долгих шестидесятых», о чем пойдет речь в третьей главе.

---

[797] «Square - ячейка, пойманная в ловушку тоталитарных проблем американского общества, обреченная волей-неволей приспосабливаться, если хочет добиться успеха» Мейлер Н. Ук. соч. С.24.
[798] Nuttall J. Op. cit. P. 6.
[799] Gunn T. The Sense of Movement. London: Faber & Faber, 1977. P. 49.

2.4. Реакция британского общества на развитие андеграунда

Для британского общества, как и для американского, характерно конструирование идентичности индивидов через маргинализацию и осуждение протестных социальных групп. В данном параграфе будет рассмотрена общественная реакция на появление британских андеграундных движений – «разгневанных молодых людей» и тедди-боев.

Анализ конформистского ответа на формирование британского андеграунда «долгих шестидесятых» по большей части будет построен в соответствии с принципом, обозначенным в третьем параграфе первой главы: реакция на уровне семьи, общества (включая СМИ и литературные круги) и государства (политические инициативы, законодательные меры и правоприменительная практика). Однако в отношении «разгневанных молодых людей» акцент будет сделан преимущественно на общественном восприятии, поскольку на семейном и государственном уровнях выраженной реакции обнаружено не было. Все представители данного движения были старше 30 лет[800], что исключало вмешательство семьи, а также не были замечены в правонарушениях и не привлекали внимания государственных структур.

Даже на общественном уровне реакция на «разгневанных молодых людей» в целом не была резко отрицательной. Их называли «идеальным воплощением злого духа молодежи Британии» и «поколением, поднявшимся с нуля»[801]. Однако критики указывали на отсутствие целостности внутри самого движения. Так, Л. Фидлер в “Saturday Review” писал, что «разгневанные» представляются как «“блестящие иконоборцы”, но ни один из них не производит впечатления действительно “блестящего”: Тайнан достаточно забавен урывками, Осборн энергично прямолинеен, но остальные просто серьезны и непрозрачны», а их “иконоборчество”

---

[800] Why Britain's. Most Talked about Writers of // Life. May 26 1958. URL: https://books.google.ru/books?id=vVMEAAAAMBAJ&pg=PA138&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 08.11.24).

[801] Held V. Up from Zero // The Reporter. June 12, 1958. P. 39.

сводится к жалобам на бюрократию, монархию и испытания водородной бомбы, перемежаемыми нападками друг на друга»[802].

Этот тезис подтверждается анализом движения во втором параграфе данной главы: «разгневанные молодые люди» действительно отличались разрозненностью, а некоторые исследователи даже ставят под сомнение само существование движения в полном смысле этого слова. В отличие от битников, чья идентичность формировалась через тесные личные связи и совместное творчество, «разгневанные молодые люди» во многом были продуктом внешней интерпретации. Само понятие «разгневанные» возникло не как результат их самоидентификации, а как журналистская конструкция: критики и обозреватели объединили нескольких писателей в одно движение на основе схожести их стиля и тематики произведений. При этом многие из них даже не были лично знакомы друг с другом, что ещё раз подчеркивает искусственный характер этой группировки.

Это несоответствие отмечалось и в американской прессе. Так журнал “Life” писал: «Название их группы в некотором роде неверно – они не злые в прямом смысле этого слова, не все они молоды и не все мужчины. Но тем не менее участники являются приверженцами нового видения, которое, несомненно, сделало их самым важным литературным явлением послевоенных лет»[803].

В целом, если не углубляться в детали, отношение к британскому андеграунду напоминало восприятие битников в США. Как и последние, «разгневанные молодые люди» вызывали меньше негативной реакции по сравнению с хиппи, поскольку занимались творчеством, а творческие личности априори считались менее маргинальными. Кроме того, сравнительно небольшая численность не позволяла рассматривать их как серьезную угрозу устоявшемуся порядку. Чего нельзя сказать в отношении тедди-боев.

Тедди, аналогично хиппи в американской контркультуре, представляли собой массовое движение с более низким возрастным порогом входа. Их внешний облик и

---

[802] Fiedler L. Road to Shaw // Saturday Review. May 10, 1958. P. 27–29.

[803] Why Britain's. Most Talked about Writers of // Life. May 26, 1958. URL: https://books.google.ru/books?id=vVMEAAAAMBAJ&pg=PA138&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 08.11.24).

поведение служили фактором «заметности», что вызывало острую реакцию со стороны британского общества. Именно они, а не «разгневанные молодые люди», воспринимались как основные представители маргинализированной группы и *«внутренние Другие»* на семейном, медийном и государственном уровнях, прежде всего, вследствие преступной деятельности (кражи, акты насилия и даже убийства). Это способствовало распространению общественной паники: родители не только осуждали представителей движения, но и использовали их образ как средство запугивания детей. Как вспоминал фотограф “Magnum” К. Перкинс, документировавший вторую волну движения тедди-боев в 1970-х гг.: «В каждом городе были свои Теды, которые тусовались на углах улиц, курили и ворчали на людей. Мой отец ругал их и угрожал выдать меня им, если я не буду себя хорошо вести. Может быть, это помогло пробудить мое любопытство, когда я стал старше»[804].

Важно подчеркнуть, что далеко не все представители тедди были связаны с преступностью. Более того, большинство из них просто наслаждались стилем, танцами и другими формами досуга, и в их жизни не было места насилию. Примером может служить мероприятие, организованное в баптистской церкви, где тедди помогали раздавать чай и пирожные, благодарили организаторов и уступали места другим гостям. Преподобный Дж. Бегг, комментируя эту встречу, отметил, что мероприятие прошло в теплой и доброжелательной атмосфере[805]. Однако несмотря на такие примеры позитивного участия тедди в общественной жизни, они подвергались значительной стигматизации. Это было обусловлено рядом факторов: во-первых, желанием СМИ освещать громкие дела – тедди часто представлялись «козлами отпущения» для объяснения роста насилия и социальной нестабильности, а их поступки гиперболизировались для получения отклика от аудитории; во-вторых, культурным шоком – страхом перед новой волной молодежной культуры, что находило

---

[804] Halvin L. Teddy Girls: The Style Subculture That Time Forgot. URL: https://www.anothermag.com/fashion-beauty/8064/teddy-girls-the-style-subculture-that-time-forgot (дата обращения 18.09.2024).
[805] The Sphere. February 27, 1960. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002134/19580428/594/0036 (дата обращения 18.09.2024).

отражение в негативных медианарративах. В результате общественное внимание концентрировалось на асоциальных аспектах поведения тедди, что способствовало их восприятию как маргинальной части андеграунда.

Анализ газетных публикаций демонстрирует значительное внимание к криминальной деятельности тедди-боев. В газетах публиковалось множество статей, посвященных их действиям – от мелкого хулиганства и краж до серьезных преступлений, включая избиения и угрозы. Например, журналисты издания “Shields Daily News” описывали, как по понедельникам в кинотеатре “Rex Cinema” в Норт-Шилдсе дежурила полиция из-за регулярного нарушения порядка группами тедди – шумных протестов против фильмов, хаоса в зале и корридорах[806]. В номере “Peterborough Advertiser” от 28 февраля 1956 г. упоминался юноша, связанный с группой тедди-боев, который был обвинен в угоне нескольких транспортных средств[807], а газета “Birmingham Daily Post” сообщала о двух тедди, обвиненных в демонтаже свинцовой крыши заброшенного замка, что, по их словам, было сделано без злого умысла, поскольку они считали, что имущество ничье[808]. В свою очередь, в декабрьсяких номерах “Daily Mirror” за 1957 г. продолжал тиражироваться криминальный образ тедди путем освещения случаев подобных нападению их группы из двадцати человек на восемнадцатилетнего юношу. Пострадавший был жестоко избит и оставлен без сознания на дороге, где его позже переехал автомобиль[809].

Таким образом, посредством освещения участия тедди в антиобщественных действиях пресса активно формировала общественное восприятие данного движения. Журналистские материалы нередко опирались на преувеличения и стереотипы, что способствовало дальнейшему распространению негативного образа тедди-боев, в том числе через кинематограф. Первым фильмом, затронувшим данную

---

[806] Shields Daily News. October 4, 1955. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002077/19551004/050/0006 (дата обращения 18.09.2024).
[807] Peterborough Advertiser. February 28, 1956. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001630/19560228/036/0003 (дата обращения 18.09.2024).
[808] Birmingham Daily Post. May 23, 1958. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002134/19580523/149/0007 (дата обращения 18.09.2024).
[809] Daily Mirror. December, 1957. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000560/19571216/015/0003 (дата обращения 18.09.2024).

проблему, можно считать “The Blue Lamp”[810]. В картине фигурировала сцена убийства, точнее, стрельбы, спровоцированной подростком, что в некоторой степени предвосхищало дело Бентли/Крейга, произошедшее тремя годами позже. По этой причине фильм часто рассматривается как значимая веха в истории британского кинематографа. Впоследствии вышли и другие фильмы, такие как “Cosh Boy”[811] и “Violent Playground”[812], объединенные общей тематикой роста подростковой преступности. В некоторых из этих картин предпринималась попытка представить моральные аспекты данного явления, однако, по мнению исследователей, это не оказало значительного влияния на саму культуру тедди-боев[813].

На государственном уровне рост молодежной преступности, ассоциируемой с тедди, вызвал значительный резонанс, породив дискуссии о возможных мерах противодействия. Предложенные способы решения проблемы варьировались от консервативных до экстравагантных. Среди наиболее жестких мер предлагались тяжелый труд и порка розгами. Институт регби для женщин призывал к использованию ремня (“slipper”)[814], бывший главный прокурор Великобритании Х. Шоукросс предлагал наказание для родителей за поведение их детей[815], а в “Daily Mirror” писали, что необходимо ввести «новый национальный вид спорта – лазание по гравийным карьерам»[816]. Подобная ремарка, по мнению автора, была жесткой иронией и отсылала к реальным практикам молодежного досуга: подростки нередко проводили время на пустырях и заброшенных карьерах, что воспринималось взрослыми как символ их праздности и девиантности. В данном контексте предложение «узаконить» подобные занятия в качестве национального вида спорта представляло собой саркастическую формулу по типу «не можешь победить – возглавь».

---

[810] The Blue Lamp, dir. Basil Dearden,1950.
[811] Cosh Boy (released in the United States as The Slasher), dir. Lewis Gilbert, 1953.
[812] Violent Playground, dir. Basil Dearden, 1958.
[813] Hebdige D. Op. cit. P. 26-27.
[814] Вид порки, заключающийся в ударах по ягодицам туфлей или «тапочками». Раньше это была распространенная форма телесного наказания.
[815] Décharné M. Op. cit. P. 159.
[816] Ibid. P. 160.

Некоторые инициативы носили менее радикальный характер: один из представителей власти в сфере образования Ланкашира предлагал чтение «хорошо подобранных стихов» в молодежных клубах, а владелец танцевального зала в Лутоне организовывал танцевальные конкурсы в качестве способа вовлечения молодежи в общественную жизнь[817].

Однако на практике власти использовали классические методы контроля за ситуацией – от превентивных мер, направленных на предотвращение возможных беспорядков, до жесткого наказания, применяемого после совершения преступлений. В декабрьском номере “Sussex Agricultural Express” от 1955 г. был описан случай о том, как полиция Льюиса готовилась к прибытию тедди из Брайтона с целью предотвращения возможных беспорядков[818]. Иногда подобные меры были лишними, так как мероприятия проходили без инцидентов. Однако распространенные в СМИ сенсационные нарративы лишь укрепляли образ представителей тедди как угрозы общественному порядку.

По этой причине все судебные процессы, связанные с тедди, привлекали пристальное внимание британского общества. Одним из наиболее известных случаев стало убийство полицейского, совершенное подростками: 19-летним Д. Бентли и его 16-летним сообщником К. Крейгом.

Несмотря на сомнения в дееспособности Бентли, чей умственный возраст оценивался на уровне десятилетнего ребенка[819], он был признан виновным в убийстве и приговорен к смертной казни. Более того, на момент совершения преступления он уже находился под арестом, что ставило под вопрос его непосредственное участие в убийстве. Однако приговор был приведен в исполнение 28 января 1953 г., вызвав широкий общественный резонанс. Позже эта история была экранизирована в фильме “Let Him Have It”[820], ставшем символом судебных ошибок и несправедливости правосудия. Другой громкий случай произошел в июле 1953 г., когда двадцатилетний

---

[817] Ibid. 175.
[818] Sussex Agricultural Express. April 22, 1955. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000271/19551223/160/0007 (дата обращения 18.09.2024).
[819] Ferris R., Lord J. Teddy Boys: A Concise History. Wrea Green: Milo Books, 2012. P. 19.
[820] Let Him Have It, dir. Peter Medak. 1991.

М. Дэвис смертельно ранил семнадцатилетнего Дж. Бекли во время драки между двумя группами тедди. Дэвис нанес Бекли удар ножом в момент, когда тот пытался сбежать с места конфликта[821]. Все эти судебные разбирательства стали своего рода «показательной поркой», демонстрировавшей жесткость правоприменительной практики по отношению к данному движению.

***

Подводя итоги второй главы, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, формирование британского андеграунда в 1950–1960-е гг. стало результатом наложения целого комплекса факторов. На индивидуальном уровне ключевыми были кризис идентичности, экзистенциальная тревожность и стремление к автономии в условиях разрыва с родительским поколением. Эти переживания усиливались коллективными факторами: ядерная угроза, невозможность вертикальной мобильности в условиях сохранявшейся классовой системы, а также внутреннее отчуждение, вызванное противоречием между идеологией послевоенного «общества изобилия» и реальным опытом. Эти обстоятельства способствовали отстранению молодежи от традиционных общественных институтов и ее обращению к новым формам коллективной идентичности, воплощенным в музыкальных, художественных и протестных практиках.

Во-вторых, движение «разгневанных молодых людей» иллюстрирует двойственную природу андеграунда: с одной стороны, их творчество отразило обостренное чувство отчужденности и кризис идентичности послевоенной интеллектуальной молодежи; с другой – движение не обладало внутренним единством и возникло скорее как медиаконструкция, навязанная журналистами. Несмотря на это, их критика конформизма, материализма и классовой структуры легла в основу ценностной базы более поздних британских андеграундных течений.

В-третьих, тедди-бои как массовое молодежное движение стали объектом общественного неприятия со стороны конформистского большинства, обеспокоенного их влиянием на нормы воспитания и социального поведения. Их

[821] Ferris R., Lord J. Op. cit. P. 26.

внешний облик, эдвардианский стиль и поведенческие паттерны, с одной стороны, служили способом самоидентификации внутри сообщества, а с другой, использовались для стигматизации внутри британского социума. Это способствовало закреплению негативных стереотипов и ассоциации движения с молодежной преступностью, что в итоге привело к маргинализации движения в публичном пространстве.

В-четвертых, для британского андеграунда 1950-х гг. характерно отсутствие четкой границы между культурным и политическим протестом: разделение на контркультуру и «Новых левых» еще не сформировалось. Представители молодежных течений этого периода не стремились к полному «выпадению из системы», а искали в ней собственное пространство для самореализации и досуга. Их протест выражался не в попытке разрушить существующие институты, а в стремлении адаптировать их под новые ценности и опыт послевоенного поколения, что предопределило специфику развития британского андеграунда в «предтрансатлантический» период.

Глава 3. Коллективный портрет представителей контркультурных движений в США и Великобритании во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг.

3.1. Репертуар идей в трансатлантическом дискурсе контркультур: от американских хиппи до британских модов

Контркультура 1960-х гг. обладала высокой степенью адаптивности к различным социальным и культурным контекстам, что предопределило ее широкое распространение как в США, так и за их пределами. Ключевую роль в этом процессе сыграли механизмы культурного трансфера, анализу которых и посвящен настоящий параграф. Однако, прежде чем к нему приступить, необходимо суммировать характерные особенности американской исходной культуры и британской культуры-реципиента в компаративном контексте, чтобы определить, какие идеи были полностью заимствованы британским андеграундом, какие подверглись адаптации, а какие оказались отвергнутыми.

В основе мировоззренческих установок американских битников лежала идея свободы самовыражения как формы повседневного протеста против жестких норм конформистского общества. Это находило отражение в их творчестве, образе жизни, сексуальной ориентации, религиозных предпочтениях и иных аспектах их идентичности. Столкнувшись с неприятием со стороны доминировавшего общества, они сознательно отказались от попыток изменить его, предпочитая создать собственное сообщество с альтернативными ценностями и активно его оберегать. Это оказало влияние на механизмы включения новых участников в контркультуру на раннем этапе ее развития. Хиппи, в свою очередь, радикализировали и довели до предела ценностные ориентиры битников, которых считали примером для подражания. Сексуальная революция трансформировалась в концепцию свободной любви и расширенных семей, буддизм эволюционировал в движение «Нью-Эйдж» с выраженным восточным влиянием, а перформативность приобрела форму

визуального протеста. Принципиальным отличием стало смещение акцента с литературы на визуальные формы искусства – кино, плакатное искусство и коллажи, уличные перформансы, что особенно ярко проявилось в организации массовых фестивалей.

В отличие от США, где контркультура зародилась в среде студентов престижных университетов и представителей среднего класса, сознательно маргинализировавших себя, а затем распространилась на более широкие социальные слои – то есть движение развивалось «сверху вниз», в Великобритании андеграундные течения формировались преимущественно среди рабочей молодежи и низшего среднего класса. Через приобщение к дорогому досугу и одежды они стремились приблизиться к ценностям среднего класса, что отражало вектор развития «снизу вверх». Таким образом, ключевое различие заключалось в направлении социальной динамики внутри американских и британских культурных движений, но вместе с тем они испытывали схожее чувство отчуждения и разделяли ценности, обусловленные развитием общества потребления и индустрии развлечений. Еще одним отличием от США стало обособленное развитие андеграундных течений в Великобритании. Если битники оказали значительное влияние на последующие поколения контркультурных движений (хиппи), «разгневанные молодые люди» не стали ролевыми моделями для тедди-боев, по крайней мере, об этом не упоминается в источниках. Автор диссертации объясняет это двумя основными причинами: во-первых, «разгневанные» изначально представляли собой разрозненное явление и часто критиковали друг друга, что не позволило им сформировать целостную идейную базу, адаптируемую к массовому формату, как это произошло с битниками. Более того, их активность была относительно кратковременной. Во-вторых, молодежь из рабочих кварталов, принадлежавшая к культуре тедди-боев, состояла преимущественно из подростков 14–17 лет, которые вряд ли проявляли серьезный интерес к литературному наследию «разгневанных».

Однако, несмотря на отсутствие явных признаков прямого влияния «разгневанных» на тедди, обе группы столкнулись со схожим кругом проблем,

актуальных для британской молодежи того времени. Среди них – классовая система, ограниченные возможности для социальной мобильности, отчужденность и чувство несправедливости по отношению к своему положению, ненависть к конформизму. Таким образом, говорить о преемственности было бы не вполне корректно, в виду отсутствия неоспоримых подтверждений. Вместе с тем, можно утверждать, что обе группы существовали в одном социокультурном контексте и проявляли схожие протестные настроения.

Среди ключевых отличий британской протестной культуры от американской была их связь с конформистским обществом. Несмотря на отчужденность, межпоколенческий конфликт и формирование идентичности через противополагание существующему обществу, британский андеграунд не стремился к созданию замкнутых, автономных сообществ, ориентированных исключительно на внутренние связи. Именно поэтому британские нонконформисты чаще воспринимаются как субкультура, нежели как полноценное контркультурное движение. Они не только работали и обучались в рамках существующей системы, но и вопреки протестным установкам принимали активное участие в потребительской экономике, тем самым поддерживая ее. Их протестные действия, вызывавшие общественное осуждение и воспринимаемые как девиантное поведение, концентрировались исключительно на нерабочем времени. В отличие от этого, американская контркультура интегрировала протестные идеи во все аспекты жизни, включая трудовую и социальную сферу, что формировало принципиально иную модель повседневного протеста. Это различие, безусловно, оказало влияние на форму и степень восприятия американских идей британской аудиторией.

Говоря о границах анализа, следует подчеркнуть, что в Великобритании существовали сообщества, которые восприняли американскую контркультуру в ее изначальном виде. В университетской среде, например, существовали британские битники, один из которых познакомил Дж. Леннона с бензедрином[822]. Однако

[822] Антология The Beatles. С. 64.

подобные явления носили скорее частный характер и встречались по всей Европе, иногда будучи инициированы иммигрантами из США.

Тем не менее, если рассматривать не отдельные случаи, а массовую культуру, можно заметить, что значительная часть ключевых идей, связанных с американским контркультурным протестом, практически не подверглись рецепции в силу определенных национальных причин: например, аппелирование к опыту коренных американцев, увлечение религиозными практиками в стиле бит-дзен и «Нью-Эйдж», а также инклюзивность и защита прав меньшинств.

Однако самым ярким примером культурного сопротивления британцев является то, что идеи американского “dropping out”: создание коммун и автономных сообществ, дистанцированных от системы, не получили широкого распространения в Великобритании. Напротив, британский андеграундный протест во многом сохранял связь с обществом, против которого выступал, что впоследствии привело к «поглощению» протестных настроений массовой культурой. В этой связи особого внимания заслуживает коммерциализация контркультуры и ее трансформация в элемент поп-культуры, особенно в музыкальной сфере. Данный процесс стал одной из ключевых особенностей британского андеграунда второй половины 1960-х гг., который впоследствии вернулся в США в рамках так называемого «Британского вторжения», что способствовало дальнейшей интеграции протестных культурных элементов в пространство общепринятой культуры.

Таким образом, ключевая идея американской контркультуры – стремление к всеобъемлющей свободе в Великобритании была воспринята фрагментарно и лишь в тех сферах, где протестные настроения имели благодатную почву для развития. В политическом измерении это проявлялось в антивоенных и антиядерных движениях, а также в осмыслении классовых различий, тогда как в культуре особое значение приобрели формы самовыражения через искусство, моду и музыку, что и определило специфику трансфера контркультур США в Великобританию и появлению движения модов.

Будучи во многом продуктом культурного трансфера, а не британским феноменом в прямом смысле, в самой Великобритании оно воспринималось как

нечто радикально новое. В период с 1964 по 1967 гг. мода и эстетика модов стремительно распространялись через телепередачи, фильмы, прессу, а также товары для молодежи: пластинки, одежду, аксессуары. Их стиль, основанный на сочетании андогинности и яркой «пластмассовой» эстетики, бросал вызов устоявшимся гендерным и сексуальным нормам. Более того, именно он предвосхитил процессы коммерциализации контркультуры, которые в конце 1960-х гг. стали частью молодежной сцены[823].

Важно, что моды сохранили тенденцию к распространению движения «снизу вверх»: происходя из рабочего и низшего среднего класса и имея скромные доходы, они формировали образ «идеальной жизни» – клубы, музыка, дорогие покупки и вечеринки до утра. Значимым элементом стиля стала культура потребления амфетаминов: они придавали энергию, поддерживали в ритме бесконечных развлечений, но приводили к зависимости, физическому истощению и эмоциональной нестабильности. Эта напряженность между воображаемым образом и реальной жизнью отразилась в музыке. Песни групп “The Who” и “The Rolling Stones” выражали поколенческую одержимость процессом старения и страх потерять энергию молодости «Какая обуза – старость» – писали “The Rolling Stones” в песне “Mother’s Little Helper”[824].

Таким образом, моды не только сами придали импульс трансатлантической популяризации молодежных движений, но и, как уже отмечалось, были продуктом культурного трансфера. Их стиль и мировоззренческие установки во многом формировались под влиянием американской контркультуры, что обеспечило преемственность между поколениями. Подтверждая эту мысль, представитель движения С. Спаркс вспоминал: «Мод во многом был неправильно понят. Его часто воспринимают как сугубо рабочее движение, связанное со скутерами и предшествующее скинхедам, но это ошибочная точка зрения. До того, как моды

[823] Hebdige D. The Meaning of Mod // Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain / Ed. by Hall S., Jefferson T. London: Routledge, 1993. P. 90 – 92.
[824] The Rolling Stones. Mother’s Little Helper. URL: https://genius.com/The-rolling-stones-mothers-little-helper-lyrics (дата обращения 15.03.2024).

были коммерциализированы, они фактически представляли собой продолжение битнической традиции»[825].

В рамках данного диссертационного исследования особый интерес представляет заявленная связь модов с битниками. Внешне британские моды, одетые в изысканные костюмы и ездившие на итальянских «Веспах», мало чем напоминали представителей «разбитого поколения». Однако преемственность между этими движениями проявлялась не столько в визуальном облике, сколько в эстетических и культурных ориентирах. В современном публицистическом дискурсе утвердилось мнение, что первые представители модов восприняли от битников элементы экзистенциализма и характерную мрачность, что выражалось, например, в их увлечении итальянским реализмом в кино, кул-джазом, блюзом и ранним рок-н-роллом[826]. В то же время предшественники модов, тедди-бои, также демонстрировали пессимистичное отношение к окружающей действительности, придерживались, как отмечал Дж. Наттал, «формализованного стоицизма» и проявляли интерес к тем же музыкальным жанрам. В этом случае влияние американской культуры на британский андеграунд можно считать общим, однако при этом не стоит однозначно утверждать, что именно битники стали первоисточником вдохновения для модов.

Несомненно, американская культура оказала реальное влияние на формирование британских молодежных движений. Более того, в послевоенной Великобритании США воспринимались как страна, ориентированная на молодежь, во многом потому, что именно оттуда поступал основной поток поп-культурных продуктов, рассчитанных на подростковую аудиторию; например, фильмы студии “Disney” и мелодрамы с Дж. Дином и М. Монро. Дж. Леннон, описывая свое юношеское восприятие Америки, говорил: «Все лучшее было американским», приводя в качестве примеров такие повседневные вещи, как Кока-Кола и кетчуп “Heinz”[827].

---

[825] Hewitt P. Op. cit. P. 65.
[826] Бровин В. Амфетамин, джаз и скутеры – все, что нужно знать о субкультуре модов // Disgusting Men. 15.06.2017. URL: https://disgustingmen.com/history/mods-jazz-scooters-drugs (дата обращения 18.09.2024).
[827] Антология The Beatles. С. 8.

Музыкальные жанры, например, соул, рок-н-ролл и джаз, также пришли из США и сыграли ключевую роль в формировании музыкальных предпочтений британской молодежи. Хотя эти стили не всегда представляли собой принципиально новые направления, они воспринимались как экзотичные и позволяли слушателям мысленно выйти за пределы своей привычной среды. Как отмечал британский историк музыки Д. Хэслэм, посещение клуба, где манчестерские музыканты исполняли чикагский блюз, создавало эффект «погружения в инокультурный опыт» без необходимости покидать Англию[828]. Молодые британцы начала 1960-х гг., возможно, не всегда полностью понимали тексты афроамериканских джазменов начала XX в. (например, термин “mojo”[829]). Однако им было близко эмоциональное содержание музыки, передававшей широкий спектр чувств – от гнева и желания до меланхолии и искупления. И для них это становилось способом пережить уникальный опыт.

Поскольку крупные вещательные каналы, такие как BBC, в значительной степени ориентировались на вкусы старшего поколения, альтернативной средой для распространения новой музыки стали клубы и кофейни. В отличие от пабов в таких заведениях не продавали алкоголь, что позволяло подросткам посещать их без возрастных ограничений. В культовых местах, например, в лондонском Сохо, “Club 700” в Манчестере или “The Casbah” в Ливерпуле, молодежь могла слушать ранний рок-н-ролл, наблюдая за выступлениями таких исполнителей как Т. Стил или К.Ричард.

Особо почитаемой фигурой для британской молодежи стал Э. Пресли. Дж. Наттал, анализируя его влияние на тедди-боев, отмечал, что «Пресли сочетал в себе гламур шоу-бизнеса с музыкой, основанной на переработанном кантри-блюзе. Он был эффектным, вызывающе сексуальным, моложавым и энергичным, играя в стилистике буги-вуги <…> Подростковая аудитория реагировала не только

[828] Haslam D. Manchester: The Story of a Pop Cult City. London: Fourth Estate, 2000. P. 97.
[829] Mojo - термин в джазе, означающий притягательность, сексуальность.

возбужденно, но и с благодарностью, ведь он обнажил тайное и стал иконой глобального масштаба»[830].

Влияние Пресли признавали и представители мод-культуры. Например, участники “The Beatles” нередко говорили о своей любви к творчеству Элвиса, особенно к его ранним записям, сделанным до военной службы, и часто включали их в свой репертуар на начальном этапе карьеры, когда исполняли каверы. Они стремились к такому же уровню славы, каким обладал американский исполнитель, и возможность встретиться с ним вызвала у них неподдельный восторг. Тем не менее, сама встреча оказалась далека от их ожиданий: Элвис сидел на диване, пассивно переключал каналы на телевизоре, слушал музыку и выглядел скорее усталым стариком, чем яркой рок-звездой[831]. Восхищение “The Beatles” окончательно сменилось разочарованием, когда стало известно, что Элвис использовал свои связи в ФБР и в аппарате президента Р. Никсона, чтобы продемонстрировать пагубное влияние группы на молодежь. Причиной стали обвинения в употреблении наркотиков, хотя сам Пресли также их употреблял. Члены группы подозревали, что настоящей мотивацией Элвиса стало желание устранить потенциальных конкурентов, способных затмить его популярность в США[832].

Параллельно развивалась и джазовая сцена. В Лондоне культовыми местами для поклонников джаза стали клубы “The Flamingo”, “The Marquee” и “Ronnie Scott’s”. В Ливерпуле в 1957 г. открылся “Cavern Club”, который сначала считался джазовым заведением, но позже стал центром рок-н-ролльной сцены. Именно здесь “The Beatles” дали более 250 концертов, исполняя кавер-версии американских хитов, например песню “Kansas City” группы “Little Willie Littlefield” и композицию “Money” группы “Barrett Strong”[833]. Особыми фанатами джаза и блюза были члены группы “Rolling Stones”. Причем любовь к американской музыке темнокожих им привили их родители, ставя им пластинки Э. Фиджеральд, Б. Холли,

---

[830] Nuttall J. Op. cit. P. 18.
[831] Антология The Beatles.С. 193-194.
[832] Ibid. С. 195.
[833] DuNoyer P. Liverpool: Wondrous Place. London: Virgin Books, 2002. P. 18-19.

М. Уотерса и др. Это демонстрирует неоднозначность реакции конформистского поколения на популярность американской музыки в Великобритании. Пока некоторые родители ратовали за запрет навязанных музыкальных предпочтений, другие – всячески поощряли новые увлечения.

Это соответствовало общим музыкальным тенденциям среди британской молодежи того времени. Несмотря на уже существовавшую любовь к афроамериканской музыке, включая джаз и рок-н-ролл, активное исполнение кавер-версий американских хитов подчеркивало возросшую значимость жанров R&B и соул для британской музыкальной сцены. В тот период ритм-н-блюз по-прежнему оставался стилем, доминирующим среди афроамериканских исполнителей, однако многие британские группы стремились приблизиться к аутентичному звучанию афроамериканского блюза и адаптировать его эмоциональную насыщенность и социальную направленность в британских реалиях. Как отмечал Р. Долтри, фронтмен группы “The Who”, музыка привлекала британскую молодежь тем, что «она вдохновлялась социальной борьбой».

В то время рабочий класс Англии в значительной степени отождествлял себя с темнокожими американцами, а блюз, по мнению Долтри, нес в себе «элемент ярости из андеграунда»[834]. Именно в силу этого идейного сходства у британцев получилось создать новую форму джаза, оставив неизменной смысловую составляющую и проблематику, затрагиваемую известными джазменами. Это, в свою очередь, привело к реактуализации данного направления и, по свидетельству К. Ричардза, позволило британцам вернуть в США их собственное музыкальное наследие[835].

Помимо взаимосвязей в сфере джаза и рок-н-ролла, можно также отметить влияние американской культуры в области искусства, особенно в связи увлечения поп-артом. Это направление стерло границы между искусством и коммерцией, активно используя образы массовой культуры и рекламные изображения. Ведущей фигурой американского поп-арта был Э. Уорхол – художник, режиссер и

[834] Feldman C. ‘We are the Mods’. P. 96.
[835] Ричардс К. Ук. соч. С. 225.

организатор перформансов, который имел прочные дружеские связи как с представителями американской контркультуры, так и с британским андеграундом. Однако, несмотря на его образ жизни, включавший многие характерные черты контркультурной элиты (употребление наркотиков, гомосексуальность, творческая самореализация), он не был частью контркультурного движения и не разделял идеологических установок и принципов жизни, характерных для битников и хиппи, что ставило его в особую позицию по отношению к движению.

Поп-арт изначально не ограничивался исключительно изобразительным искусством: в США его влияние прослеживалось как в работах художника Дж. Джонса, в фильмах Э. Уорхола, а также в творчестве группы “Velvet Underground”. Однако именно в Великобритании это направление наиболее полно реализовалось в музыкальной сфере. Причем началось все с лекций по истории и теории искусства в университетах. Вокалист британской группы “Kinks” Р. Дэвис отмечал, что на мировом уровне для поп-арта было характерно включение массовых визуальных образов и коммерческих продуктов в искусство. Однако в работах британских художников находили отражение другие аспекты 1940-х-1950- гг., например, одиночество городской жизни[836]. В частности Дэвис сам не разделял увлечения «яркими цветами и безумными ракурсами» поп-арта, считая, что его собственные рисунки, напротив, передавали ощущение пустоты, изоляции и безысходности послевоенного урбанистического мира[837] Это отразилось и в музыке группы “The Kinks”: в то время как они экспериментировали с искаженными гитарными звуками, передающими индустриальный шум, в их текстах присутствовала ностальгия по традиционной Британии и рабочим сообществам.

П. Таунсенд из группы “The Who” также вдохновлялся поп-артом. Будучи студентом Колледжа искусств Илинга, он посещал лекции Г. Мецгера и М. Сесила. Мецгер продвигал концепцию, отражавшую глобальные деструктивные тенденции, например, угрозу ядерной войны, что было актуально для британского общества того времени. Его перформансы включали уничтожение произведений искусства в

[836] Firth S., Horne H. Art into Pop. London: Methuen. 1988. P. 73.
[837] Davies R. X-Ray. London: Viking, 1994. P. 79.

знак протеста. М. Сесил, в свою очередь, экспериментировал с музыкой, создавал новые звуки путем разрезания бас-гитарной деки. Существует версия, что идеи поп-арта и, в частности, деструктивного искусства, с которыми Таунсенд познакомился во время лекций, вдохновили его на знаменитое разбивание гитар во время концертов “The Who”[838]. Однако сам музыкант в интервью журналу “Rolling Stone” пояснял, что первый случай был случайным: он слишком высоко поднял инструмент, и гитара ударилась о низкий потолок. Реакция аудитории на этот эпизод оказалась настолько мощной, что Таунсенд осознал потенциал подобного действия как сценического приема. Впоследствии он начал намеренно разбивать гитары, даже если не испытывал к этому особого желания[839].

Увлечение Таунсенда поп-артом, произошло потому, что в нем он увидел новую эстетику повседневной жизни. Он осознал, что даже самые банальные элементы: рекламные вывески, дорожные знаки, шрифты на печатных машинках могут восприниматься как объекты искусства[840]. Эта концепция перекликалась с идеей битников о жизни как произведении искусства.

На самом деле “The Who” можно считать одними из главных амбассадоров поп-арта на британской музыкальной сцене, наряду с художником П. Блейком, создавшим культовую обложку для “Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band” группы “The Beatles” (Приложение 16). Их альбом “The Who Sell Out”, вышедший в 1967 г. (Приложение 17) является яркой иллюстрацией этого направления, отражая маркетинговый дух, присущий движению модов. На обложке пластинки изображены участники группы, рекламирующие как реальные, так и вымышленные продукты, например, дезодорант “Odorono” и консервированные бобы “Heinz”, что отсылает к концепции присвоения рекламы поп-артом и коммерциализации искусства.

Эта идея прослеживается и в музыкальном наполнении альбома: дорожки соединены псевдорекламными вставками, имитирующими объявления, которые

---

[838] Feldman C. ‘We are the Mods’. P. 102.
[839] Веннер Я., Леви Дж. Ук. соч. С. 15-17.
[840] Maltz D. British Aestheticism and the Urban Working Classes, 1870-1900. N. Y.: Palgrave Macmillan. 2005. P. 3.

транслировались на неофициальных радиостанциях Лондона. Они транслировали молодежную музыку, такую как джаз и рок-н-ролл, однако были закрыты в 1967 г., поскольку воспринимались властями как угроза государственной радиовещательной монополии BBC.

Таунсенд объяснял, что идея “The Who Sell Out” родилась не столько после того, как группа записала джингл для Кока-Колы, сколько под влиянием наставника “The Who”, П. Мидена: «Пит Миден научил меня наблюдать за публикой, замечать, как они одеваются, и затем переносить это на сцену. Тогда зрители думают, что ты один из них, что ты ведешь их за собой… но на самом деле все наоборот», – вспоминал он. «Это дешевый трюк, но он работал для нас какое-то время»[841]. В этом проекте Таунсенд использовал эстетику модов, превращая ее в инструмент критической рефлексии над коммерциализацией культуры, которая к концу «долгих шестидесятых» стала также частью и контркультурных движений.

Говоря об американской контркультуре, стоит подчеркнуть, что четкие трансатлантические связи внутри хиппи/битников и движений британского андеграунда становятся наиболее заметными ближе к концу десятилетия, начиная с 1966-1967 гг. Именно тогда радикализация молодежных протестных движений проявилась наиболее остро, а традиционные представления о власти, социальных институтах и методах борьбы все чаще подвергались сомнению. В значительной степени это было связано с войной во Вьетнаме, которая вызывала возмущение не только в США, но и в Великобритании.

Британская молодежь бурно протестовала против войны во Вьетнаме, и кульминацией этого протестного движения стала «Битва на Гросвенор-сквер», в ходе которой были арестованы около 300 человек. В результате столкновений 86 человек обратились за медицинской помощью, а 50, включая 25 полицейских, были госпитализированы. Один из них получил серьезную травму позвоночника[842]. Эти протесты объединили молодежь из разных стран. Британские СМИ публиковали

---

[841] Story of the Who. DVD. Directed by Murray Lerner. Universal City, CA: Universal Pictures, 2007.

[842] 300 arrested after Vietnam protest // The Guardian. March 18, 1968. URL: https://www.theguardian.com/theguardian/2010/mar/18/vietnam-war-protests-london-trafalgarsquare (дата обращения 18.09.2024).

воспоминания участников антивоенных акций не только из Великобритании, но и из США, Испании и других государств[843]. «Битва на Гросвенор-сквер» вызвала широкий общественный резонанс. Однако, в отличие от США, демонстрантов не ассоциировали с хиппи, а основное внимание уделяли их действиям, а не внешнему виду.

Со временем эстетика хиппи стала альтернативой существовавшим в Великобритании молодежным движениям. В отличие от британского андеграунда американская хиппи-сцена тяготела к более мягкому, естественному образу, который выражался в использовании бархатных тканей, расклешенных брюк, индийских узоров и общем влиянии фолка и психоделического рока. Путешествия по так называемой «хиппи-тропе» через Лондон и Париж в Марокко, Непал, Индию и другие страны также способствовали дальнейшему распространению этого образа.

В отличие от модов, которые предпочитали амфетамины для создания эффекта бодрости и ускоренного ритма жизни (как и битники), хиппи отдавали предпочтение марихуане и ЛСД, способствовавшим расслаблению и медитативным состояниям. Их досуг перестал быть ориентирован на танцы в ночных клубах, а сместился в сторону более созерцательной активности – они проводили время на диванах с мягкими подушками, расписанными узорами пейсли, слушая психоделическую музыку и размышляя о смысле жизни. Для них отказ от амфетаминов был не просто предпочтением, а частью философии, отрицающей участие в гонке жизни.

Действительно, некоторые моды восприняли новые тенденции положительно, отказавшись от эстетики строгих линий, пластиковых интерьеров и переориентировавшись на расслабленную эстетику хиппи. Однако несмотря на стилистическую притягательность хиппи, представители британского андеграунда не всегда понимали, какой смысл за этим скрывается. Так, в журнале “Honey” в 1967 г. было опубликовано размышление о новой музыкальной культуре, в котором автор пытался разобраться, в чем заключается суть психоделической сцены: «Психоделика! Что это такое? Это новый вид музыки. Когда ты ее слышишь, от тебя

---

[843] 1968: I remember being terrified // BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/witness/march/17/newsid_4090000/4090886.stm (дата обращения 18.09.2024).

ожидается “фрик-аут”, то есть спонтанная реакция... Хотя какая именно – никто толком не знает. Тем не менее, проводятся вечеринки “Freak Out”, но сложно сказать, что там происходит, ведь все зависит от того, как “фрик-аутеры” откликаются на психоделическую музыку. Хотя сама идея пришла из Америки, сейчас в Великобритании психоделическое звучание осваивают три группы: “The Yardbirds”, “John’s Children” и ‘The Fingers”»[844].

В этот же период трансформация затронула и самих представителей британской музыкальной сцены. Например, “The Beatles”, выпустившие в 1967 г. альбом “Sgt. Pepper’s Lonely Hearts Club Band”, сменили свой внешний облик: музыканты отрастили усы и бакенбарды, а их сценические костюмы стали более экстравагантными. Уже упомянутая группа “Yardbirds”, известная своим энергичным ритм-н-блюзовым звучанием, в том же году начала осваивать психоделическую тематику в альбоме “Little Games”. “John’s Children” также переняли хаотичное звучание, характерное для новой сцены. Даже “Small Faces”, являвшиеся символом мод-культуры, не избежали влияния хиппи-движения, что особенно проявилось в их хите “Itchycoo Park” 1967 г.

Причину вытеснения модов хиппи, по мнению автора диссертации, можно объяснить в первую очередь простотой воплощения элементов нового стиля и образа. Эстетика хиппи изначально строилась на принципах “bricolage” (как и стиль тедди) и не требовала чрезвычайных усилий для воспроизведения. В отличие от тщательно продуманного и дорогостоящего стиля модов образ хиппи был доступен каждому, что способствовало его широкой популярности. Дополнительное объяснение предложил С. Коэн. По его мнению, моды никогда не обладали достаточной самобытностью, чтобы сохранить преемственность поколений. Со временем это привело к их вытеснению более масштабным движением, чьи идеи и внешний облик легче адаптировались к новым реалиям.

Однако внутри британского общества движение хиппи, несмотря на свою адаптивность, периодически оставалось отвергаемым явлением. Дело в том, что в

---

[844] Informers: Psychedelic! // Honey. February, 1967. P. 46.

национальной культуре, будь то среди «разгневанных молодых людей» или тедди, отсутствовали характерные для хиппи элементы, такие как отказ от структурированного общества, коммунальный образ жизни и свободная любовь. В результате это породило ответную реакцию, выразившуюся в возрождении национальных символов и возвращении к традиционным стилям. Данный процесс можно рассматривать как своеобразный культурный иммунитет, когда британское общество, подвергшееся влиянию идей извне, попыталось сохранить свою идентичность, переосмысливая и актуализируя собственные традиции. Некоторые моды, например, категорически отвергали психоделическую музыку и продолжали искать редкие пластинки в стилях соул и ритм-н-блюз, что впоследствии вылилось в появление музыкального стиля “Northern Soul”. Один из известных диджеев того времени Ф. Сакс вспоминал: «Мы начали играть более быструю музыку, и так родился “Northern Soul”»[845].

Наиболее ярким примером отторжения американской контркультуры «долгих шестидесятых» стало возрождение исконно британских образов, связанных с национальными традициями и историческим наследием, как делала группа “The Kinks”. Это позволяло, с одной стороны, провести символический мост между имперским прошлым Великобритании и ее современной культурой, основанной на новых модных течениях, а с другой, противопоставить национальное американскому. Одним из первых проявлений такого подхода в мод-культуре стало активное использование национальной символики – эмблем с изображением британского флага “Union Jack” и знака Королевских военно-воздушных сил. Эти элементы появлялись на куртках модов (заимствованных у американских военных) и на их мотороллерах, что подчеркивало своеобразную диалектику любви и ненависти к собственной стране[846] и свидетельствовало о стремлении сообщества переосмыслить национальную идентичность, создавая «другую Англию»[847], т.е. ту,

---

[845] Small Faces Under Review. Quincey, Ill.: Video Music World, 2005.
[846] Hebdige D. Op. cit. P. 1-4, 124.
[847] Malvern J. MoD Takes Aim at Mods in Battle for Target Symbol // The Times. November 18, 2003. URL: https://www.thetimes.com/best-law-firms/profile-legal/article/mod-takes-aim-at-mods-in-battle-for-target-symbol-wvz9llqhsql?region=global (дата обращения 18.09.2024).

где молодежь из низших слоев общества не чувствовала бы себя отчужденной, а, напротив, находила свое место в общей культуре[848]. Как подчеркивали сами представители движения: «Ваша Англия – это наша Англия. Та же самая, но гораздо веселее!»[849]. И в этом модам помогал образ «другой Америки», который работал на их идентичность. Пиком данного процесса можно считать начало 1970-х гг., когда произошел частичный возврат к традициям, заложенным еще тедди-боями, что нашло свое выражение в появлении движения скинхедов.

Скинхеды, чей стиль включал рабочую одежду – подтяжки, джинсы, жилеты, тяжелые ботинки и короткие стрижки, сформировали образ наиболее сурового и антиромантического молодежного движения своего времени. Однако в отличие от тедди-боев, которые стремились дистанцироваться от своего рабочего происхождения и приблизиться к образу жизни среднего класса, скинхеды, напротив, подчеркивали свою связь с рабочей средой, формируя сплоченную субкультурную группу с выраженной идентичностью. Скинхеды тяготели не к богемным элементам андерграунда, а к локальным сообществам, в том числе футбольным фанатским группировкам, а также поддерживали политиков радикальной направленности, например, Э. Пауэлла, прославившегося своей речью «Реки крови», где он критиковал иммиграцию из стран Содружества и закон о борьбе с расовой дискриминацией[850]. Их агрессивные выступления против представителей этнических меньшинств напоминали насильственные действия тедди-боев в ходе беспорядков в Ноттинг-Хилле 1958 г. Музыкальные предпочтения скинхедов также отличали их от предшествующих контркультурных движений: вместо психоделического рока они отдавали предпочтение регги, ска и более ритмичным, устойчивым формам рок-музыки.

Процесс социальных преобразований в Великобритании в 1960–1970-е гг. стал настолько значительным, что в ряде сфер страна опередила даже США. Принятие

---

[848] MoD’s Battle Over RAF Symbol // BBC News, November 20, 2003. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/england/3222616.stm (дата обращения 18.09.2024).
[849] Goodrum A. National Fabric: Fashion, Britishness, Globalization. Oxford: Berg, 2005. P. 208.
[850] Enoch Powell's 'Rivers of Blood' speech // The Daily Telegraph. November 6, 2007. URL: https://www.telegraph.co.uk/comment/3643823/Enoch-Powells-Rivers-of-Blood-speech.html (дата обращения 14.05.2024).

«Закона об абортах»[851] и «Закона о планировании семьи»[852] легализовало медицинские практики, ранее находившиеся под запретом, и обеспечило широкое распространение контрацепции. «Закон о разводах»[853] упростил процедуру расторжения брака. Немаловажно и снижение возрастных порогов: «Закон о народном представительстве»[854] установил избирательный возраст с 18 лет, а «Закон о реформе семейного права»[855] снизил возраст совершеннолетия до 18 лет. Эти шаги закрепили новые представления о гражданской и личной свободе, что стало победой молодежного движения в целом, как политически активной его части, так и неполитизированной.

Вместе с тем, вклад именно контркультуры оказался не таким большим, как казалось: повседневные протестные практики битников и хиппи не укоренились в Британии, а свелись во многом к стилистике и эстетическим ориентирам. Однако культурный трансфер не был напрасным: именно Великобритания в итоге превратилась в лидера мировой музыкальной индустрии, став эпицентром глобальных инноваций в мире искусства.

Примечательно, что британское общество относилось к представителям контркультуры (например, британским хиппи) не как к маргиналам и преступникам, а скорее как к «детям, ищущим себя», поэтому либеральные идеи, исходившие от молодежи, не подверглись жесткой стигматизации. По мнению автора исследования, именно эта открытость британского общества к восприятию новых молодежных ценностей стала одним из факторов, обеспечивших успешное принятие вышеупомянутых реформ.

---

[851] Abortion Act of 1967. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/contents (дата обращения 14.05.2024).

[852] National Health Service (Family Planning) Act of 1967. URL: https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/relationships/collections1/parliament-and-the-1960s/national-health-service-family-planning-act/ (дата обращения 14.05.2024).

[853] Divorce Reform Act of 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/55/contents/enacted (дата обращения 14.05.2024).

[854] The Representation of the People Act of 1969. (Commencement) Order of 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/1969/630/pdfs/uksi_19690630_en.pdf (дата обращения 14.05.2024).

[855] Family Law Reform Act of 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/46 (дата обращения 14.05.2024).

3.2. Сеть национальных и трансатлантических взаимодействий американских контркультур

Агенты трансфера – люди, способствующие перемещению и распространению идей из одной среды в другую, заслуживают особого внимания, поскольку именно они определяют, какие идеи будут переданы, в какой форме, в какой момент и по каким причинам. Именно это является целью данного параграфа – проследить каким образом связи между агентами/акторами повлияли на развитие и распространение идей американской контркультуры в трансатлантическом контексте.

Однако стоит отметить, что в рамках данного диссертационного исследования невозможно ограничиться только двусторонними связями между американскими контркультурами и британским андеграундом. Для полноценного понимания развития контркультуры и формирования поколения «долгих шестидесятых» необходимо рассматривать более сложную и многослойную сеть взаимосвязей между ее представителями. Исследование должно начинаться именно с сети акторов внутри США, поскольку там зародились ключевые идеи, впоследствии адаптированные в других культурных контекстах.

Также необходимо прояснить способ отбора акторов для анализа и построения сети поскольку контркультурные движения были разнородными по составу участников и многочисленными. К концу 1960-х гг. хиппи основали тысячи коммун и сообществ почти в каждом крупном городе, и путешествовали автостопом по стране и по всему миру – от Марракеша до Кабула и Катманду. «К началу 1970-х гг. около 3 миллионов человек почувствовали себя частью контркультуры»[856]. Это усложняет процесс анализа, и автор рискует прийти к выводу, схожему с мнением французского социолога Дж. Пажи: «в результате не получается ни одного

[856] Anderson T. Op. cit. P. 18.

“поколения 68-го”», поскольку это явление оказывается слишком фрагментированным для однозначной интерпретации[857].

Поэтому в данной части исследования автор диссертации берет за основу вывод, к которому она пришла в первой главе, согласно которому, внутри этих движений существовала дифференциация. Она отделяет «элиту» контркультуры, т.е. тех, кто занимался теоретическим осмыслением контркультуры, популяризацией наркотиков, организацией фестивалей и других мероприятий, от рядовых участников, которых социолог Ш. Каван назвала “simply living ones”[858]. Первая группа хотя и была меньшей по численности, оставила гораздо более значительное культурное и интеллектуальное наследие. Именно их переписка, мемуары, дневники и биографии могут рассматриваться как основной источник для составления сети «своих», а также анализа и интерпретации «поколения долгих шестидесятых». Более того, именно эта группа может претендовать на роль главных представителей данного поколения, создавая его идеологические и культурные контуры.

В первой главе при помощи теории «установки и окружающей среды» была выделена единая траектория «отчужденных» молодых людей, которые впоследствии стали основой контркультуры и движения новых левых. Эта траектория затрагивала период детства и юношества, до поступления в университет. В студенческий период уже действовала *интеллектуальная сеть*. Она представляет собой группы людей, объединенных общими идеями, которые оказывают влияние на принадлежность к тому или иному «лагерю» – контркультуре или «Новым левым». В данном иследовании для автора представляет интерес выбор в пользу контркультуры.

Для удобства при построении контркультурной интеллектуальной сети было решено условно разделить ее на три периода:

1. *Период Нью-Йорка*, пролог, характеризующийся влиянием битников, раннего джазового авангарда и литературных течений. Этот период заложил основу эстетики

[857] Pagis J. Op. cit. P. 284.
[858] Cavan S. Op. cit. P. 33.

и философии американской контркультуры, ее протестных настроений и поисков идентичности.

2. *Период Сан-Франциско* – эпоха «Сан-Францисского ренессанса» и расцвета движения хиппи. В это время контркультура приобретает массовый характер, формируется идеология любви, пацифизма, экологичности, а также расширяется влияние искусства и психоделической музыки. Сан-Франциско становится эпицентром контркультурной активности в США.

3. *Транснациональный период*, когда сеть распространяется за пределы США, охватывая Великобританию и другие страны. Это время ознаменовано тесным взаимодействием американской и британской контркультур, формированием новых художественных и музыкальных течений (например, «британское вторжение» и фестивали), а также глобализацией контркультурного движения.

Несмотря на то, что хронологические рамки данного диссертационного исследования охватывают период начиная со второй половины 1950-х гг., по мнению автора, для более четкого понимания генезиса контркультуры необходимо обратиться к более раннему этапу. Так, *«нью-йоркский» период* (~1943 – 1954 гг.) рассматривается как пролог к формированию контркультуры, в частности, «разбитого поколения». Он ознаменовался встречей ключевых фигур – А. Гинзберга, У. Берроуза, Дж. Керуака.

Параллельно формировалась сеть контркультурных «ролевых моделей», которые, не будучи непосредственными участниками движения, оказали значительное влияние на формирование мировоззрения и творческого пути представителей контркультуры, т. е. центральных фигур сети. Авторская карта «вдохновителей» позволяет рассматривать контркультуру как сеть взаимовлияний между мыслителями, определившими интеллектуальный ландшафт середины XX в. (Приложение 19). Их связь непосредственно с представителями контркультуры будет видна на следующих картах, посвященных этапам развития движения, где акторы-«вдохновители» будут показаны во взаимодействии с контркультурными фигурами.

Так, при формировании идейной основы движения «лидеры» контркультур обращались помимо всего прочего к европейской интеллектуальной традиции: философии экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), модернизму (С. Беккет), творчеству Л.-Ф. Селина и психоанализу В. Райха, а также к психоделическим концепциям, развиваемым О. Хаксли и А. Хоффманом. Тем самым контркультура вобрала в себя широкий спектр европейских идей, интерпретировав их через коллективный национальный и субъективный опыт и превратив в систему ориентиров, основанных на критике конформизма.

Отдельно стоит отметить университеты, которые играли важную роль в формировании нонконформистских настроений. В данном случае их можно рассматривать как своеобразные «узловые точки сети» -места, где пересекаются траектории множества контркультурных акторов, поскольку само нахождение в университетской среде способствовало увеличению количества социальных связей конкретного представителя.

Однако, включение университетов в эту категорию требует осторожности. Дело в том, что, вопреки распространенному мнению выбор идейной ориентации не всегда связан с направленностью факультета. Хотя творческие факультеты часто ассоциировались с контркультурой (как, например, факультет кинематографии в Беркли[859]), а гуманитарные, такие как юриспруденция или история, с «Новыми левыми», решающим фактором становились связи внутри сети и привлекательность продвигаемых идей. Например, А. Гинзберг учился на юридическом факультете, но благодаря своим знакомствам с писателями и поэтами сделал выбор в пользу контркультуры, а идея массового рабочего или студенческого движения не вызывала у него интереса. Сам он так объяснял свои предпочтения: «Они повторяют те же унылые ссоры и конфликты за власть тридцатых и сороковых годов, профсоюзное движение, троцкизм и так далее. Я считаю, что их надо освятить, отбросить, найти свой центр, включиться, и прежде всего избегать массовых движений, массового лидерства, массовых последователей»[860].

---

[859] Бискинд П. Беспечные ездоки, бешеные быки. М.: АСТ, 2007.С. 38-39.
[860] San Francisco Oracle. February 1967. Vol. 1 No. 7. P. 3.

Следовательно, при выборе между контркультурой и «Новыми левыми», личные связи и идейные предпочтения имеют б*о*льшее значение, чем общее направление обучения, а преподаватели играют роль акторов, оказывающих влияние на формирование контркультурных настроений.

Берроуз также может в теории считаться одной из «ролевых моделей», поскольку благодаря своему возрасту и интеллектуальному багажу, он выступал наставником для Гинзберга и Керуака. Он познакомил с кодексами Майя, работами В. Райха[861], О. Шпенглера, А. Коржибски[862] и Л. Селина, с которым он встретился в Париже в 1958 г.[863]. Однако, учитывая важность его вклада не только для битников, но и для последующих поколений, и того факта, что его роль выходит за рамки простого посредничества, Берроуз справедливо включен в число центральных фигур контркультурной сети, а не только в категорию «ролевых моделей».

Также стоит отметить, что центрами распространения контркультуры кроме университетов стали бары и кофейни при книжных магазинах в определенных городских районах, где пересекались жизненные и творческие траектории представителей контркультуры и происходил обмен идеями. Это будет актуально для всех периодов развития контркультуры, хотя позже в этот список добавятся также музыкальные фестивали. В качестве примеров можно назвать бары в “Greenwich Village”, например, «Сан-Ремо». Там битники познакомились с влиятельными фигурами нью-йоркской богемы, например, Б. Кеком[864] (Приложение 18), А. Розенбергом[865], а также писателями А. Хэррингтоном[866] и Дж. Клеллоном Холмсом[867]. Частыми посетительницами подобных заведений были яркие

---

[861] Берроуз У. Письма. С. 69.
[862] Там же. С. 24.
[863] First Meetings // National Screw. April, 1977. URL: https://realitystudio.org/images/bibliographic_bunker/mens_mags/pdf/1977.04.national-screw.pdf (дата обращения 19.05.2025).
[864] Представитель богемы Нью Йорка, в доме которого часто битники проводили свои вечеринки и чтения ранней поэзии. Встречается на страницах книги Керуака «Подземные» под именем Фриц Николас.
[865] Художник и музыкант, воплощение идеала хипстера 1950-х гг.
[866] Писатель, автор романов «Бессмертный», «Психопаты» и др. Встречается на страницах книги Керуака «На дороге» под именем Хэл Хингем // A Tribute to Alan Harrington. The Author of 'The Immortalist' Failed to Defeat Death, But He Left Behind a Legacy of Love and Respect. URL: https://www.tucsonweekly.com/tw/07-03-97/feat.htm (дата обращения 31.05.2025).
[867] Писатель, автор романа «Марш», скорее наблюдатель и друг битников, чем полноценный участник движения. Именно он впервые произнес название «разбитое поколение» (“beat generation”) // Charters A. The Portable Beat Reader. P. XIX.

представительницы богемы, которых Керуак и Гинзберг описывали как «очень красивых еврейских девушек, увлеченных Э. Паундом, шитьем, амфетаминами, наркотиками и бибопом»[868]. И здесь же битники впервые встретились с Г. Корсо, автором поэмы «Бомба», и А. Ансеном, что стало знаковым событием для всего движения.

Однако сеть взаимодействий распространялась не только в литературных кругах, но и между миром писателей и музыкантов. Битники были знакомы с выдающимися джазменами своего времени Ч. Паркером, А. Коном, З. Симсом и др., что укрепляло связь с культурой бибопа и хипстеров и оказало значительное влияние на ритмику и стиль их творчества. Гинзберг и Керуак описывали посетителей «Сан-Ремо» как своего рода контркультурный авангард, «Подземцев», подчеркнув стремление к мистическому поиску и свободе, отсылая к «человеку из подполья» Достоевского[869].

Так, в «нью-йоркский» или прологовый этап контркультуры движение представляло собой небольшой круг друзей и единомышленников, объединенных личными связями, общими эстетическими установками и стремлением к подлинному самовыражению. Это наглядно отражено на представленном графике (Приложение 20), демонстрирующем замкнутую структуру раннего контркультурного сообщества, в центре которого находились А. Гинзберг и Дж. Керуак (У. Берроуз в 1945 г. уехал в Техас и наслаждался жизнью фермера).

На данном графике также видны точки соприкосновения между поколением «вдохновителей» и ранними контркультурными акторами: здесь автор учитывает не только личные контакты и переписку, но и влияние идей, почерпнутых из их произведений.

Таким образом, прологовый («нью-йоркский») период представляет собой некий первый этап сетевой самоорганизации, когда на основе личных и творческих контактов формируются устойчивые связи будущего контркультурного движения. Вместе с тем данный период отличался малочисленностью участников и

---

[868] Ginsberg A. Journals: Early Fifties – Early Sixties. P. 17.
[869] Ibid.

отсутствием цельной философской платформы, что не позволяет рассматривать его как самостоятельный этап развития контркультуры, как массового движения.

Утверждение о том, что личные привязанности играли ключевую роль в жизни и формировании контркультурного сообщества, не является преувеличением. Даже переход ко *второму периоду формирования контркультуры* был напрямую связан с личной жизнью его членов. Глубокое чувство А. Гинзберга к Н. Кэссиди[870] стало одной из причин, побудивших Гинзберга отправиться на западное побережье – в Сан-Франциско. Этот шаг не только ознаменовал смену географического центра, но и открыл новый этап в развитии движения, способствуя дальнейшему расширению сети своих и формированию новых идейных основ.

Примерная дата начала данного периода – лето 1954 г., поскольку письмо Гинзберга с первым впечатлением о Сан-Франциско датировано 10 июля 1954 г. К этому времени в городе уже сформировалась особое литературное сообщество, связанное с именем поэта К. Рексрота. Именно знакомство с К. Рексротом позволило битникам влиться в литературные круги западного побережья, что сделало его ключевым актором второго этапа – неким связующим звеном между уже существовавшей в Сан-Франциско поэтической сценой и будущей контркультурной элитой. Благодаря ему битники смогли установить связи с профессором Р. Витт-Диамант и поэтом Р. Дунканом, членами поэтического кружка в Государственном университете Сан-Франциско, профессорами из Беркли, где Гинзберг потом получил степень и работал преподавателем, редакторами газеты “San Francisco Chronicle”, работниками различных издательств, например, “New Directions Publishing”, “City Lights” и “Grove Press”, где представители «разбитого поколения» позже издавали свои произведения. Эти связи сыграли значительную роль в интеграции битников в литературную и издательскую среду Сан-Франциско, которая впоследствии стала центральной площадкой для формирования и распространения их идей и помогла им зарабатывать на своем деле.

[870] Ginsberg A. The Letters of Allen Ginsberg. P. 41.

Вышеперечисленные деятели также способствовали популяризации идей битников, организовывая для них мероприятия и арендуя помещения. В этой связи можно вспомнить чтения в галерее “Six”, где выступали А. Гинзберг, М. Макклюр, К. Рексрот, Ф. Уэйлен, Ф. Ламантия и Г. Снайдер. Однако «очарование» Рексрота новым движением было недолгим. Уже к середине 1960-х гг. его симпатия сменилась разочарованием, вызванным постоянным пьянством битников и употреблением ими запрещенных веществ. Именно поэтому в рамках данной сети он выступает лишь как «ролевая модель», а не непосредственный участник.

Тем не менее, очередная пересборка сети и выпадение одного из ключевых акторов, связывавших старую и новую литературные школы Сан-Франциско, не остановили процесс ее формирования. Напротив, популярность контркультуры продолжала расти, способствуя ее дальнейшей популяризации. Важную роль в этом процессе играл обмен репутационным капиталом: более общительные и медийно активные авторы упоминали в интервью своих менее публичных коллег, а также отправляли журналистам их работы для ознакомления. Примером подобного продвижения может служить переписка А. Гинзберга с журналисткой К. Кизер, писавшей о зарождающейся литературной сцене Сан-Франциско. В своих письмах Гинзберг не только объяснял смысл своих произведений – «Вопля» и «Сутры Подсолнуха», но и активно продвигал работы других авторов, таких как Дж. Керуак, Г. Корсо, М. Маклюр и другие[871].

Показательным эпизодом влияния Гинзберга на судьбу молодых и неизвестных поэтов является его переписка с тетей Х. Лицки, у которой он запрашивал контакты Солтмана, сотрудника полиции, с целью добиться досрочного освобождения Р. Бремсера – поэта, чьи работы показались ему перспективными. В письме Гинзберг отмечал: «Он пишет чрезвычайно обнадеживающие, энергичные, дикие стихи, определенно одаренный человек – ему не следует ошиваться в исправительной колонии Бордентауна»[872]. Это подтверждает, что на данном этапе (с середины 1950-х по начало 1960-х гг.) личные связи по-прежнему оставались

[871] Ginsberg A. The Letters of Allen Ginsberg. P. 194.
[872] Ibid. P. 250.

основным способом интеграции в контркультурную сеть. Но в целом, уже в этот период движение претерпевало трансформацию. Из сферы, направленной преимущественно на литературное самовыражение, оно постепенно эволюционировало в полноценный «стиль жизни», который укоренился на западном побережье и распространился на всю территорию США. Данный феномен был напрямую связан в том числе и с переходом от битников к хиппи и радикализацией их идей, а также с историческим контекстом.

Распространение движения хиппи, пришедшееся на второй этап развития контркультуры, сопровождалось стремительным ростом числа ее представителей, а, следовательно, расширением круга акторов: от конктретных людей до коммун, которые стали т.н. *non-human actors*. Идейное влияние и взаимодействие нескольких индивидов в таком объединении формирует целостную коллективную идентичность. Поэтому «Проказники», «Диггеры», «Свободная земля», «Ангелы ада» и иные подобные сообщества целесообразно рассматривать как коллективный актор. Это объясняется не только их многочисленностью и постоянной пересборкой группы, но и их внутренней идеологической целостностью, поскольку все участники, как правило, придерживались схожих взглядов на ключевые вопросы бытия. В результате внутри коммуны идентичность ее членов становилась коллективной, а индивидуальные биографии стирались.

На графике, построенном по тому же принципу, что и карта «вдохновителей», визуализируются внутренние связи между коллективными акторами контркультуры. Он показывает, как различные коммуны и сообщества образовывали собственную сеть взаимовлияний, для свободного циркулирования идей и практик. Связи между этими коллективными акторами и конкретными представителями контркультуры проявятся на следующем этапе анализа (Приложение 21).

Одним из самых ярких примеров коммуны как коллективного актора являются «Веселые проказники», которые фактически стали первой крупной хиппи-коммуной. Благодаря им и их лидеру К. Кизи произошла символическая передача «факела» от битников к хиппи в момент, когда Н. Кэссиди сел за руль автобуса «Далше» из Сан-Франциско в Нью-Йорк и повторил маршрут из книги «На

дороге»[873]. Однако связь проказников с битниками, которые к тому времени приобрели статус «элиты» для следующего поколения, требует более детального анализа.

Члены «Проказников», в частности К. Кизи, были знакомы с А. Гинзбергом и Дж. Керуаком. Они посещали собрания на Перри-Лейн и были поклонниками творчества друг друга. Керуак называл Кизи «новым великим американским прозаиком» после выхода «Пролетая над гнездом кукушки»[874]. Однако, если Гинзберг, благодаря своей открытости ко всему новому, позже принял правила игры «Проказников», Керуак увидел в Кизи и его последователях черты хиппи, которые в конце 1960-х гг. описывал как инфантильные и вызывающие у него отторжение, если «Керуак был старой, давно взошедшей звездой. Кизи был новой яркой кометой, бешено мчащейся Бог знает куда», – писал Т. Вулф[875]. Это свидетельствует о том, что хиппи считали Кизи битником[876], однако среди представителей «разбитого поколения», он не фигурировал как часть «общества своих», в силу ярко выраженных «хипповых» черт, которые проявлялись в его внешнем виде и поведении.

Это нахождение Кизи в пограничном контркультурном пространстве подтверждает общую гипотезу о том, что во второй период формирования поколения «долгих шестидесятых» контркультура не была однородна и представлена только хиппи, как считали конформисты. Негласное разделение все-таки существовало: писатели и поэты автоматически причислялись к битникам вне зависимости от их взглядов и возводились в ранг элит. В качестве еще одого примера можно привести поэтессу Д. Ди Приму, которая считалась представительницей бит-течения, хотя она и пропагандировала идеи хиппи и впоследствии стала членом коммуны «Диггеры». В свою очередь, Дж. Моррисон был принят в битническую среду, публиковался и писал в похожей стилистике, однако широкую известность он приобрел прежде всего, как музыкант в жанре «кислотного рока». Именно это

[873] Вулф Т. Ук. соч. С. 9.
[874] Там же С. 26.
[875] Там же С. 52.
[876] Там же С. 4.

определило его восприятие в массовом сознании не как представителя бит-поколения, а как одного из символов движения хиппи.

Приведенные примеры свидетельствовали о демократизации входа в контркультуру: если ранее принадлежность к движению определялась только через личные связи, то теперь она могла зависеть от рода деятельности или принадлежности к определенной группе, объединенной общими целями. В тот период таким объединяющим фактором становились психоделическая и коммунальная составляющие контркультуры. Это способствовало расширению сети через вхождение новых членов в состав коммун как коллективных акторов и налаживание связей между различными акторами. Например, «Диггеры» под руководством Э. Грогана, который восхищался К. Кизи, переняли у «Проказников» перформативные практики, например, «Систему Координат». Она представляла собой массивную, девятифутовую раму, сквозь которую предлагалось пройти прохожим, «чтобы все оказались в одной системе координат»[877]. Другим важным связующим звеном стало участие Б. Грэхэма из «Труппы Пантомимы Сан-Франциско» в организации «Кислотных тестов», что обеспечило более широкий охват аудитории и превратило их в масштабное культурное явление[878]. Байкеры из «Ангелов Ада» также постепенно вовлекались в контркультурную среду, в частности, через участие в фестивалях хиппи, где для многих из них состоялся первый психоделический опыт[879].

Однако наиболее показательным примером связи различных контркультурных групп стала поездка «Проказников» в Миллбрук и знакомство К. Кизи с Р. Алпертом и Т. Лири, что продемонстрировало существование в США на тот момент двух параллельно развивающихся психоделических сцен. Первой была «психоделия в стиле Проказников»[880], характеризующаяся полной свободой, то есть отсутствием контроля над употреблением психоактивных веществ, второй – «психоделия в стиле Лиги Духовного Развития», некомерческой организации,

[877] Там же С. 181.
[878] Там же С. 128.
[879] Там же С. 87.
[880] Там же С. 145.

главой которой был Т. Лири. Ключевым отличием «психоделии Лиги Духовного Развития» была правильная подготовка к переживанию психоделического опыта, от места, где будет проходить сессия, до психологического состояния путешественника. И хотя подход Лиги оставался недостаточно регулируемым, чтобы получить одобрение FDA и государственное финансирование, уровень осознанности в нем был значительно выше, чем у «Проказников».

Несмотря на то, что Р. Алперт посещал Кизи в Пало-Альто и принимал участие в психоделических сессиях на раннем этапе, когда они еще не приобрели характер «массового помешательства», впоследствии отношения между «Проказниками» и «Лигой» ухудшились. Причиной этого стали принципиальные разногласия в отношении самой идеи психоделического движения, его целевой аудитории и перспектив дальнейшего развития.

Лигу часто ассоциировали с буддизмом и бит-дзен. Лири носил белые одеяния, стилизованные под буддийские рясы[881], помещение для медитаций было украшено индийскими тканями и подушками[882], а основой для его книги «Психоделический опыт» послужила Тибетская книга мертвых. Весь этот антураж выглядел изысканно и дорого, что стало поводом для иронии со стороны «Проказников». Вот как они отзывались о способе употребления психоделиков «в стиле Лиги»: «Кислоту следует принимать в некоей спокойной, привлекательной обстановке, в доме или квартире, убранной подлинно добротными вещами (гобеленами в турецком стиле, греческими коврами из козлиной шкуры, дорогими голубоватыми кувшинами и залитой мягким рассеянным светом. Однако никаких круглых бумажных японских фонариков, только полотняные китайские абажуры без кисточек – словом, в идеале требуется уединенное богемное загородное пристанище стоимостью тысяч этак в шестьдесят в год, с “Реквиемом” Моцарта, льющимся с литургической торжественностью из аппаратуры высшего класса. “Настрой” означал душевный настрой. Готовиться к приобретению опыта следует с помощью размышлений о состоянии своей души, о том, что вы надеетесь познать, чего достичь во время этого путешествия в

[881] San Francisco Oracle. February 1967. Vol. 1 No. 7.
[882] Мецнер Р. Из Гарварда в Сихуатанехо // Форте Р. Ук. соч. С. 79.

собственную внутреннюю сущность. Кроме того, вам необходим руководитель, который уже принимал ЛСД и знаком с каждой стадией приобретения опыта, руководитель, которого вы знаете, которому доверяете»[883].

Из этого следует, что члены Лиги стремились эстетизировать употребление психоделиков и представить само движение как феномен, созданный элитами для элит, среди которых были писатели, поэты, психиатры, теологи и другие представители интеллектуальных кругов[884]. В то время как «Проказникам» не нужно было дополнительных теорий и дорогих антуражей, они выступали за максимально демократизированный психоделический опыт, доступный каждому и настаивали на том, что каждый должен пережить его в той форме, в которой ему суждено его испытать[885]. Более того, некоторые участники даже не знали, что употребляют ЛСД, поскольку он подмешивался в специальные «электропрохладительные напитки».

Именно на этом принципиальном разногласии между «элитарным опытом», доступным избранным, и «демократическим опытом» для всех и строилась личная неприязнь между лидерами данных сообществ, что, в свою очередь, предопределило конфликт и между самими группами. Лири и Алперт воспринимали «Проказников» как «безумцев», чьи действия, по их мнению, могли привести к окончательному запрету наркотиков и дискредитации психоделического движения: «тех того и гляди постигнет какая-нибудь катастрофа, какое-нибудь массовое наркотическое безумие, за которое сможет ухватиться пресса, и тогда психеделическое движение будет похоронено навеки. За ними пристально следила полиция, однако она мало что могла поделать, если не считать случайных арестов за хранение марихуаны, поскольку в ту пору еще не было закона, запрещающего ЛСД»[886]. «Проказники», в свою очередь, презрительно отзывались о сторонниках «Лиги», называя их «сборищем чопорных людишек»[887].

---

[883] Вулф Т. Ук. соч. С. 117.
[884] Форте Р. Ук. соч. С. 40.
[885] Вулф Т. Ук. соч. С. 117.
[886] Там же С. 126.
[887] Там же С. 54.

Это еще раз подтверждает неоднородность контркультуры и опровергает мнение ее представителей и исследователей о том, что в движениях «долгих шестидесятых» отсутствовали лидеры, а существовали лишь организаторы, выполнявшие технические функции. Лидеры хиппи обладали не только особым статусом, но и уникальной эстетикой, отличающимся подходом к употреблению психоделиков, который подчеркивал исключительное положение «лидеров», создавая дистанцию между ними и остальными участниками движения, для которых больше подходил гедонизм и «Кислотные тесты».

Еще одним коллективным актором, имевшим значительное влияние, стали музыкальные группы, которые вопринимались поклонниками как целлостный коллектив с единым идейным кредо. Подобно коммунам они формировали коллективную идентичность, объединяя различные идейные траектории и выстраивая связи с другими акторами. Однако в отличие от истории коммун, зачастую слабо задокументированной, биографии членов известных музыкальных групп хорошо изучены, а их идеи активно распространялись через тексты песен, интервью и мемуары. Это делает возможным при необходимости выделить индивидуальный вклад каждого участника. Однако поскольку влияние на формирование культурного облика поколения оказывала группа как единое целое, расщепление ее на отдельные элементы в рамках данного диссертационного исследования представляется автору избыточным.

Подобно писателям музыканты автоматически входили в контркультурную элиту вне зависимости от качества их творчества. Это расширяет границы контркультурной элиты и свидетельствует о дальнейшем снижении порога входа. Их творчество переставало ограничиваться искусством слова (литературой, журналистикой, включая публикации в нонконформистских изданиях или гонзо-журналистику в духе Х. Томпсона). Ключевым фактором становилось любое творческое самовыражение – музыка, литература, кино, изобразительное искусство и другие формы творческой деятельности могли стать «билетом» в число «элиты» движения. Это, в свою очередь, формировало своего рода «кредит доверия»:

поклонники безоговорочно принимали идеи своих кумиров, не подвергая их критической рефлексии.

Вместе с тем, несмотря на расширение порога входа в контркультуру, практика включения в сеть через личные связи и знакомства никуда не исчезла, что отчетливо прослеживается и в музыкальной среде. Этот процесс проявлялся как на внутреннем уровне – группы формировались на основе дружеских связей, когда один музыкант предлагал другому создать коллектив, а затем они совместно искали недостающих участников, так и на внешнем, где популяризация группы и организация выступлений осуществлялись через уже состоявшихся и более влиятельных друзей. В данном случае можно увидеть продолжение тенденции, характерной для литературной среды: аналогично тому, как А. Гинзберг продвигал начинающих писателей и поэтов, используя свою репутацию, более успешные представители помогали новым группам выйти на сцену.

Одним из ярких примеров такого взаимодействия, которое объединяло музыкальную и литературную элиту контркультуры, стало становление группы “Grateful Dead”. Ее лидер Дж. Гарсия был тесно связан с К. Кизи еще со времен вечеринок на Перри-Лейн. В «Электропрохладительном кислотном тесте» он описывал как «люмпен-битник[888], которого приходилось вышвыривать на улицу, когда они являлись без приглашения на перри-лейнские вечеринки»[889].

Именно благодаря К. Кизи группа “Grateful Dead” закрепилась на контркультурной сцене, поскольку он пригласил их выступить на «Кислотных тестах» в качестве хедлайнеров. Без углубления в музыкальные особенности их творчества, о которых автор диссертации упоминала в первой главе, следует отметить, что особенности звучания музыки, характерные для «долгих шестидесятых», восходят именно к выступлениям “Grateful Dead” на «Кислотных тестах». Этот факт еще больше укрепил позиции группы в качестве неотъемлемой части контркультурной элиты.

---

[888] Та категория последователей битников, ведущих маргинальный образ жизни по образу и подобию Н. Кэссиди.
[889] Вулф Т. Ук. соч. С. 119.

Таким образом, к концу второго этапа контркультура превратилась в сложную и разветвленную сеть, объединявшую представителей разных сфер деятельности. Несмотря на разнообразие участников, движение сохраняло внутреннюю целостность, основанную на идее создания альтернативного сообщества и новых форм культурного взаимодействия.
На графике видно, что структура контркультурной среды становится более плотной: усиливаются связи между индивидуальными акторами, музыкальными группами и коммунами, между которыми активно циркулируют идеи и символы (Приложение 22). При этом уже прослеживается определенная иерархия: ключевые фигуры с наибольшим числом связей (купные круги) формируют своего рода «центры притяжения» идей, откуда импульсы расходятся к менее значимым участникам сети (круги поменьше). Однако этот процесс не был односторонним: на периферии происходила адаптация и переосмысление идей, что способствовало постоянному обновлению и внутренней динамике контркультуры.

Третий, трансатлантический этап контркультуры, сохраняет ключевые черты предыдущих двух: четкое разделение элиты и остальных участников движения (где элита определяется по критерию творческой деятельности), функционирование коллективных non-human actors (коммун, музыкальных групп, творческих сообществ) наравне с личностями, а также значительное влияние индивидуальных связей и знакомств. Примерно ко второй половине 1960-х гг. американская контркультура окончательно сформировалась идейно, объединив все ключевые элементы, о которых говорилось в первой главе: приверженность восточной философии, коммунализм, идеи свободной любви, употребление психоделиков и т.д. Этот этап знаменуется выходом контркультуры «долгих шестидесятых» за пределы Соединенных Штатов и ее распространением на другие страны, прежде всего на Великобританию.

В отличие от битнической культуры, имевшей более сложную систему входа, хиппи изначально формировались как массовое явление, способное вписаться в различные культурные и социальные контексты. Период хиппи в Великобритании характеризуется еще большей чем в США демократизацией доступа в

контркультурную среду: чтобы считаться британским хиппи, достаточно было соответствовать стилю и внутреннему ощущению принадлежности к движению, но попадание в контркультурную элиту также требовало активной творческой деятельности и распространения идей ненасилия, равенства, пацифизма и любви. В большинстве своем британская нонконформистская элита была музыкальной. Это означало, что на данном этапе музыканты и связанные с ними акторы будут иметь гораздо большее влияние на массовую аудиторию, чем все остальные – писатели, поэты, художники и тд.

Университеты и в этом случае играли роль «узловых точек сети». Если в период битников учебные заведения все еще были оплотом консерватизма и маккартизма, то ближе к концу 1960-х гг., они стали центрами борьбы за свободу слова, контркультурных и политических протестов. Часто из стен университетов выходили те, кого позже будут причислять к числу нонконформистской элиты[890]. Например, выпускниками Беркли являются Дж. Моррисон, фронтмен “The Doors”, и Г. Слик, вокалистка “Jefferson Airplane”. Это позволяет рассматривать университеты как важные контркультурные центры, пространства для формирования интеллектуальных и культурных сообществ в трансатлантическом контексте.

Среди тех, кто наводил трансатлантические контркультурные мосты, становясь агентами трансфера, следует, прежде всего, назвать С. Аузли (Оусли). Он совмещал множество творческих профессий: работал стейдж-дизайнером, организатором концертов и фестивалей, звукорежиссером, что особенно важно, учитывая выход музыкальной индустрии на первый план в данный период. Однако наибольшую известность и влияние в контркультурной среде он приобрел благодаря иной деятельности: Аузли был подпольным химиком и руководителем лаборатории, где его команда производила ЛСД. Первоначально они ориентировались на формулу чистого ЛСД, выпускаемого швейцарской компанией “Sandoz”, которая на тот момент легально производила препарат «Делизид»[891]. Однако после запрета ЛСД на

[890] Кубышкин А. И. Ук. соч. С. 124.
[891] Делизид – лекарственный препарат, содержащий ЛСД.

законодательном уровне версия вещества Аузли приобрела огромную популярность, способствуя дальнейшему распространению психоделического опыта среди представителей контркультуры.

Создание Аузли собственной лаборатории по производству ЛСД стало прямым продолжением его деятельности по популяризации психоделиков в Беркли. Разработанная им и его командой версия ЛСД получила широкое распространение не только в США[892], но и за пределами страны[893]. В воспоминаниях многих известных представителей американской интеллектуальной элиты второй половины 1960-х гг. он чаще всего фигурирует не как звукорежиссер или организатор концертов, а именно как производитель и дистрибьютор ЛСД. Однако сам Аузли утверждал, что его роль в этом процессе преувеличена. По его словам, за три года было произведено около 500 гр. вещества[894], что составляет приблизительно от 2,5 до 5 млн. доз по современным меркам. Однако, учитывая, что в 1960-е гг. дозировки были значительно выше, реальное количество доз, по его оценке, не превышало 1 млн.[895]. Часть ЛСД раздавалась бесплатно, часть продавалась для финансирования контркультурного движения.

Важно другое, что именно Аузли познакомил “The Beatles” с ЛСД, привезя им вещество собственного производства. Влияние ЛСД, а также характерное «кислотное звучание» “Grateful Dead” (которое Аузли, вероятно, давал им послушать, поскольку был звукорежиссером группы), вдохновили их не только на создание таких альбомов, как “Revolver”, “Rubber Soul” и “Sgt. Pepper’s Lonely Hearts Club Band”, но и на повторение автобусного путешествия «Веселых проказников». Как пишет Вулф: «В начале 1967 г. у “The Beatles” возник потрясающий замысел. Они раздобыли огромный школьный автобус, набились в него, затащив туда тридцать девять друзей, и покатили, раскачиваясь, через всю британскую сельскую местность с очумевшими от кислоты тыквами. Они намеревались... снять фильм»[896].

---

[892] Хопкинс Дж., Шугерман Д. Ук. соч. С.101.
[893] Вулф Т. Ук. соч. С. 108.
[894] Лири глазами Оусли. Интервью с Оусли Стэнли, взятое Робертом Форте // Форте Р. Ук. соч. С. 140.
[895] Вулф Т. Ук. соч. С. 108.
[896] Там же С. Р.34.

В 1967 г. “The Beatles” действительно выпустили фильм “Magical Mystery Tour”[897], показанный на канале BBC. Проект создавался спонтанно, почти без сценария и исключительно на энтузиазме участников группы. П. Маккартни позже вспоминал: «Я всем объяснял: “Мы будем снимать фильм по ходу дела, но не беспокойтесь – так и задумано”. Мне пришлось все время объяснять это. Это и было нашим сценарием. Мы понимали, что снимаем не обычную картину, а фильм шестидесятых, в котором появится человек-яйцо и еще много чего странного»[898].

Такой подход к созданию фильма, его структура и визуальные образы действительно были близки к стилистике психоделического кино того времени, а музыкальное оформление альбома напоминало звучание “Grateful Dead”[899] или “Jefferson Airplane”[900], с которыми музыканты к тому моменту уже были знакомы. Однако в источниках, посвященных “The Beatles”, Аузли не упоминается. По свидетельству участников группы, первое знакомство с ЛСД произошло по инициативе их дантиста, который добавил им его в напитки. Подобный метод «знакомства» с ЛСД был вполне в стиле «Проказников» с их «электропрохладительным напитком» и в целом можно предположить, что Аузли был тем намым «дантистом» и автором идеи фильма.

Говоря о подтвержденной связи творчества “The Beatles” с американской психоделической сценой, стоит упомянуть те песни, где это прослеживается наиболее ярко: например, слова композиции “She Said She Said”[901] были придуманы после разговора с П. Фондой[902], известным актером и режиссером, принимавшем участив в фильмах «Трип»[903] и «Беспечный ездок»[904], а строки песни “Tomorrow Never Knows” Дж. Леннон написал после прочтения «Психоделического опыта» Т.Лири[905].

---

[897] Magical Mystery Tour, dir. Knowless B. 1967.
[898] Антология The Beatles. С. 285.
[899] Битлз познакомились с “Grateful Dead” в 1964 году // Там же. С. 156.
[900] Там же. С. 261.
[901] The Beatles. She Said She Said. URL: https://genius.com/The-beatles-she-said-she-said-lyrics (дата обращения 15.03.2024).
[902] Антология The Beatles. С. 192.
[903] The Trip, dir. Roger Corman, 1967.
[904] Easy Rider, dir. Dennis Hopper, 1969.
[905] Речь идет о строках “Turn off your mind, relax and float downstream. It is not dying; it is not dying” // The Beatles. Tomorrow Never Knows. URL: https://genius.com/The-beatles-tomorrow-never-knows-lyrics (дата обращения 15.03.2024).

Отдельного упоминания заслуживает песня “Come Together”[906], первоначально задуманная как гимн предвыборной кампании Т. Лири[907]. Данная кампания стала первой попыткой хиппи трансформировать свой утопический проект в политическую реальность, однако продлилась недолго и завершилась неудачей. Лири объявил о своем решении баллотироваться на пост губернатора Калифорнии 19 мая 1969 г. против Р. Рейгана, сразу после оправдания по обвинению в хранении марихуаны. В интервью “The Montreal Gazette” он утверждал: «Я собираюсь победить на следующих выборах в 1970 г., потому что люди устали от традиционной политики»[908]. Его лозунг “Come together — join the party” можно интерпретировать двояко: как приглашение «вступить в партию» и одновременно как призыв «присоединиться к вечеринке», что отражало гедонистическое мировосприятие хиппи (Приложение 23).

Предвыборные обещания Лири во многом воспроизводили черты утопического проекта контркультуры – эксцентричные, радикальные и невыполнимые. Изначально он заявлял о намерении предложить решения по десяти ключевым проблемам Калифорнии, однако за все время кампании дал лишь два интервью – в “The Village Voice” и в вышеупомянутую “The Montreal Gazette”. В последней он раскрывал то, что он считал «ключевыми проблемами»: он предлагал легализовать марихуану и ввести ежегодную лицензию в 1000 долларов для производителей[909]. Полученные средства предлагалось передавать полиции и правоконсервативным силам, чтобы «они не мешали людям». Как и в вышеупомянутом утопическом проекте Лири обещал в течение пяти лет отказаться от денежного обращения и перейти к бартерной системе. Кроме того, Лири утверждал, что Калифорнией следует управлять как «успешной корпорацией», которая должна приносить прибыль и выплачивать «дивиденды» жителям штата[910]. Отдельно Лири заявлял о намерении переделать губернаторский особняк, объясняя

---

[906] The Beatles. Come Together. URL*:* https://genius.com/The-beatles-come-together-lyrics *(*дата обращения 15.03.2024).
[907] Эшер П. The Beatles от A до Z: необычное путешествие в наследие «ливерпульской четверки». М.: Бомбора, 2022. С. 49.
[908] The Montreal Gazette May 31,1969.
[909] Leary Ruling May Ease Pot Laws // The Village Voice. May 22, 1969.
[910] The Montreal Gazette, May 31,1969.

это тем, что он и его жена на протяжении полугода жили в шалаше, и им очень понравилось[911]. Однако подобные высказывания вряд ли следует воспринимать буквально: скорее, это был ироничный выпад в сторону действующего губернатора Калифорнии Р. Рейгана, который был известен своими резкими заявлениями в адрес хиппи. По мнению автора исследования, здесь Лири высмеивал как традиционный политический истеблишмент, так и консервативный образ жизни его главного соперника-республиканца.

Однако кампания быстро завершилась: уже в январе 1970 г. Лири вновь был осужден за хранение марихуаны, что сделало продолжение политической борьбы невозможным. Вопрос о том, воспринимал ли он свою кампанию всерьез или же рассматривал ее как политический перформанс, остается открытым. Автор диссертационного исследования склонна рассматривать ее в качестве акции-протеста, направленного на привлечение внимания к контркультуре, нежели реальную попытку победить на выборах. Не случайно выбор на роль авторов главной песни кампании пал на Дж. Леннона и Й. Оно, чья популярность в тот момент достигала апогея и могла обеспечить максимальный резонанс.

Возвращаясь к “The Beatles”, стоит также отметить одну из самых известных «психоделических» песен “Lucy In The Sky With Diamonds”, которая, по свидетельству членов группы, таковой не является. Как вспоминал П. Маккартни, история ее написания началась с детского рисунка Джулиана Леннона, названного «Люси в небе с алмазами». П. Маккартни и Дж. Леннон были настолько вдохновлены этим названием, что начали намеренно выдумывать самые причудливые образы, которые только могли прийти им в голову: «Мы даже не заметили, что из букв в названии песни складывается аббревиатура ЛСД, пока нам на это не указали»[912].

“The Beatles” имели огромное влияние не только на британское, но и на американское общество того времени, что говорит о взаимовлиянии американских и британских контркультурных сцен. Их популярность достигала такого масштаба,

---

[911] Ibid.
[912] Антология The Beatles. С. 252-253.

что награждение их орденом Британской империи в 1965 г. стало не просто государственной наградой, а знаком признания их культурного статуса. Причем Дж. Леннон от награды отказался в знак протеста против войн и милитаризма. Примечательно, что К. Ричардсом, гитаристом группы “The Rolling Stones”, этот акт признания воспринял как попытку истеблишмента сделать “The Beatles” выразителями их точки зрения. «Если власти в ком-то чувствуют непокорность они разбираются с ними двумя способами. Один способ – втянуть, другой – расплющить. “Beatles” им пришлось оставить в покое, потому что раньше их уже приласкали медалями. А нам достался молоток»[913], – вспоминал гитарист.

В контексте развития контркультуры это демонстрирует огромную дистанцию контркультурной элиты от рядовых ее членов, и наделение «верхушки» настолько огромной символической властью, что даже истеблишмент не смог это игнорировать. И в случае с “The Beatles” это не всегда шло на пользу. СМИ и публика часто приписывали их песням значения, которых сами участники группы в них не вкладывали, а каждое заявление интерпретировалось с чрезмерной серьезностью. Такая реакция со стороны как конформистской, так и контркультурной части общества приводила к полярным сдвигам в восприятии группы – от невероятной любви до резкой критики и даже враждебности. Это хорошо иллюстрирует роль контркультрурной элиты не только как признанных творческих личностей, но и как культурных маркеров, оказывавших влияние на трансформацию общественных настроений и эстетических ориентиров по обе стороны Атлантики.

В качестве примеров можно привести несколько случаев. Первый был связан с песней “Hey Jude”, и он демонстрирует, как недопонимание могло вызвать национальный и культурный конфликт. Тогда П. Маккартни, не зная об оскорбительной коннотации слова “Jude”, нацарапал его на стене дома, имея в виду название их песни. По его словам, он не знал о связи этого слова с антисиметизмом

[913] Ричардс К. Ук.соч. С. 317.

и Холокостом, когда в нацистской Германии, закрашивали окна домов, в которых жили евреи и писали на них “Juden Raus” («Евреи – вон!»), и принес извинения[914].

Второй случай связан с высказыванием Дж. Леннона о том, что “The Beatles” «популярнее Иисуса»[915]. Фраза была вырвана из контекста, а оригинальная речь была посвящена общему упадку интереса к церкви среди молодежи. И эта проблема действительно волновала фронтмена группы, который вырос в религиозной семье. Однако в «библейском поясе» США эти слова вызвали шквал критики, массовое сожжение пластинок и угрозы в адрес членов группы. Особенно активными были члены возродившегося «Ку-клукс-клана». В конце концов под давлением менеджера группы Леннон принес свои извинения и каждый член группы осознал, что любое их слово могло быть интерпретировано как угодно, и они могли оказаться в эпицентре культурных и идеологических столкновений эпохи[916].

Третий эпизод, хотя и не был напрямую связан с “The Beatles”, стал трагическим напоминанием о том, как интерпретация искусства может быть вырвана из контекста и превращена в инструмент насилия. Речь идет о случае с Ч. Мэнсоном, который, будучи вдохновлен песнями “The Beatles”, в особенности альбомом “The White Album”, приписал им апокалиптический смысл. Он считал, что композиции, в частности “Helter Skelter”, содержат зашифрованные послания, предсказывающие грядущую расовую войну и призывающие к насилию[917]. Эта паранойя и искаженная интерпретация творчества группы стали частью мотивации для серии жестоких убийств, совершенных его «Семьей». Впоследствии сам факт, что музыка “The Beatles” использовалась как оправдание для насилия, стал шоком и для общественности, и для них самих. Это трагическое событие обнажило страшную истину: любые, даже самые светлые идеи, могут быть искажены, особенно в умах людей, склонных к мании или психопатов.

---

[914] Антология The Beatles. С. 306-307.
[915] Cleave M. How does a Beatle live? John Lennon lives like this // Evening Standard. March 4, 1966. URL: https://www.beatlesbible.com/1966/03/04/how-does-a-beatle-live-by-maureen-cleave/ (дата обращения 18.09.2024).
[916] Антология The Beatles. С. 232-233.
[917] Bugliosi V., Gentry C. Helter Skelter: The True Story of the Manson Murders. N. Y.: W. W. Norton & Company, 1974. P. 158.

Указанные эпизоды свидетельствуют о масштабах влияния контркультурной элиты и об их уникальной роли в общественных дебатах. В этот период такие группы как “The Beatles” были не просто рок-музыкантами, они являлись акторами, рождавшими новые смыслы, вольно или невольно провоцировавшими полемику о религии, идентичности, памяти, свободе и будущем, уготованном для общества того времени. Участники группы, в свою очередь, прекрасно осознавали собственную роль в контексте контркультуры 1960-х гг. Они понимали, что принадлежат к своеобразной элите этого движения и оказывают мощное влияние на молодежь, для которых их музыка, внешний вид и взгляды становились образцом. И в отличие от контркультурной элиты прошлых этапов они этого не скрывали[918]. Например, Дж. Леннон неоднократно отмечал в интервью, что “The Beatles” осознавали степень своего влияния и стремились направить его во благо. Он хотел, чтобы хиппи переняли у них хотя бы что-то положительное, например, «вышли за пределы кислоты» и обратились к медитации[919], а также придерживались идеологии ненасилия в противостоянии системе[920].

К. Ричардс заявил, что как только британские исполнители попадали в США, они переставали считаться своими на родине[921]. Автор диссертации не вполне согласна с тем, что британские поклонники переставали слушать композиции музыкантов после их туров в США. Напротив, они поддерживали национальных исполнителей, которым удалось стать частью общего контркультурного движения и оказать влияние на американскую аудиторию, как когда-то Элвис оказал влияние на них самих. К слову, их было не так много. Помимо “The Beatles” можно назвать “The Rolling Stones”, которые являются центром британской части сети, которую строит автор.

Однако в высказывании Ричардса заложен и еще один смысл: после выступлений в США, испытав на себе влияние уже существовавшей в США национальной контркультурной элиты, британские исполнители зачастую менялись

---

[918] Хопкинс Дж., Шугерман Д. Ук. соч. С. 241.
[919] Антология The Beatles. С. 272.
[920] Там же. С. 309-311.
[921] Ричардс К. Ук. соч. С. 233.

внешне, трансформировали собственные идеи и творческие подходы, вызывая непонимание у привыкшей к прежним образам британской аудитории. Однако с трансформацией контркультурной верхушки постепенно происходило и изменение поколения 1960-х гг. в целом. Многие идеи упрощались, чтобы быть более доступными для массовой аудитории, а стилистическое разнообразие постепенно уступало место узнаваемым образам и символам.

Нонконформизм стал прежде всего модным молодежным направлением, связанным со стилем и эстетикой, а не с протестом против системы. Это упрощение мы можем наблюдать как раз во время третьего этапа развития контркультуры, когда в Сан-Франциско появляется «богема выходного дня», или при переходе протеста против общества потребления в русло потребительской самой системы, когда многие hand-made вещи, связанные с хиппи, начали производиться в огромных масштабах и продаваться по всей Америке. Даже контркультурная музыка, выражавшая радикальные идеи, стала частью музыкальной индустрии и начала восприниматься как коммерческий продукт.

Продюссеры не скрывали, что ради популярности и получения сверхприбыли в творчество различных групп намеренно интегрируются темы, близкие представителям контркультуры – психоделический опыт, идеи свободы и любви. И даже если члены группы были искренни в проявлении своих контркультурных воззрений, они все равно стремились продать свое творчество подороже и вступали в полемику с продюссерами ради более высоких отчислений с продаж пластинок, что шло вразрез с общим непринятием экономической системы, построенной на денежной выгоде.

Общая коммерциализация контркультуры была заметна в том числе и применительно к музыкальным фестивалям, которые являлись одной из наиболее важных «узловых точек сети», поскольку они объединяли (хоть и на непродолжительное время) огромное количество людей. Благодаря одному выступлению или появлению на фестивале в разы увеличивалось количество социальных связей отдельно взятого актора и существенно расширялась контркультурная сеть.

В контексте коммерциализации контркультуры интересным является кейс, связанный с оплатой выступлений на «Вудстоке» и “Human Be-in”, который проходил двумя годами ранее. Оба фестиваля позиционировались как воплощение главных идей хиппи. Однако если на “Human Be-in” все выступали бесплатно, пропагандируя главенство идейной составляющей над экономической[922], то на Вудстоке Дж. Хендрикс получил за выступление $18,000, “Jefferson Airplane” – $7,500, а “Grateful Dead” – $2,500[923], что в целом нарушало идею о непринятии «коммерческого» и о равенстве внутри движения.

К концу третьего периода контркультурная сеть значительно расширилась и усложнилась: в нее входили отдельные представители контркультур, коммуны, музыкальные группы, издательства и другие акторы, формируя обширную и многослойную структуру. «Узлами» этой сети были не только университеты и бары, традиционно ассоциировавшиеся с интеллектуальной богемой, но и музыкальные фестивали, ставшие пространствами массового притяжения и каналами распространения контркультурных смыслов в рамках уже более широкой аудитории. На данном этапе сеть приобретает по-настоящему трансатлантический характер: британские акторы уже не действуют обособленно, а взаимодействуют с американскими, адаптируя контркультурные идеи к собственному социальному и культурному контексту и одновременно возвращая в США переосмысленные формы этих идей. Такой двусторонний обмен символизирует переход от одностороннего влияния к полноценному межкультурному диалогу, в котором трансатлантическое пространство становится единым полем циркуляции смыслов, практик и символов. При этом наибольшее влияние продолжают оказывать фигуры, первого и второго этапа развития контркультуры, они обозначены более крупными узлами на графике, символизирующими большее количество внутрисетевых связей и их устойчивое идейное и организационное лидерство в рамках движения (Приложение 24).

---

[922] Kielty M. 55 Years Ago: Hippies ‘Turn on, Tune in, Drop out’ at Human Be-In // Ultimate Classic Rock, January 14, 2022. URL: https://ultimateclassicrock.com/human-be-in/ (дата обращения 18.09.2024).

[923] Find Out How Much Each Artist Was Paid at Woodstock in 1969 // Live for Live Music. April 21, 2019. URL: https://liveforlivemusic.com/news/find-out-how-much-each-artist-was-paid-at-woodstock (дата обращения 18.09.2024).

Однако, несмотря на рост и разнообразие форм, контркультура сохраняла социальную избирательность, о которой автор упоминала в первой главе как об одном из отличий от «Новых левых». Центральное место в элите по-прежнему занимали преимущественно белые мужчины среднего класса, не столь ущемленные социально, чтобы искать пространство в политическом активизме. Женщины в контркультуре чаще оказывались на периферии, что во многом объяснялось как патриархальными установками внутри самих сообществ, так и образом, создаваемым средствами массовой информации. Даже такие фигуры, как Й. Оно, уже известные в кругах авангардного искусства, воспринимались широкой публикой прежде всего через призму отношений с мужчинами, в данном случае с Дж. Ленноном. Подобная ситуация характерна и для участниц музыкальных групп: например, М. Филлипс из группы “The Mamas & the Papas” воспринималась скорее как «украшение» группы, чем как самостоятельная творческая личность. Исключением из этого правила можно считать вокалистку Дж. Джоплин, чья независимость и успех объяснялись как уникальным талантом, харизмой и вокальной силой, так и «маскулинным образом».

Показательно и практически полное отсутствие афроамериканцев в контркультурной элите. Их участие в общей протестной культуре выражалось прежде всего через музыку, но темы, затрагиваемые в композициях, были ближе к движению за гражданские права и «Новым левым». Так творчество Н. Симон, М. Гэя или К. Мэйфилда концентрировалось на социальной критике и антивоенной тематике, но не на идее «выпадания из общества», которая оставалась базовым принципом контркультурной практики.

Таким образом, несмотря на растущую фрагментацию и усложнение структуры, идейное ядро контркультуры продолжало формироваться преимущественно белыми творческими мужчинами: писателями, музыкантами, философами и художниками, часто действовавшими при поддержке продюсеров. Однако с расширением числа акторов и географии движения сложные философские и социальные концепты упрощались, трансформируясь в визуальные коды, лозунги и стилевые элементы, что обеспечивало массовость, но ослабляло идейную глубину.

Это упрощение в сочетании с коммерциализацией движения привело к тому, что прежние принципы оказались неприменимыми в условиях массовости и культурного многообразия. Символом этого разрыва стал Хейт-Эшбери: из утопического центра хиппи-движения он постепенно превратился в район, населенный маргиналами и преступниками, вызывая разочарование у тех, кто ранее воспринимал его как модель альтернативного будущего[924].

Однако это нельзя назвать общим крахом контркультуры. Идеи, транслируемые контркультурной элитой, претерпели некоторые изменения, но общая модель «элиты» сохранялась. К их мнению все также прислушивались, но только ключевой теперь стала не идея «выпасть из общества», а найти в нем свое место и быть счастливым. А для тех, кто не был согласен, существовало множество людей, которые так и не смогли справиться с последствиями «долгих шестидесятых», в частности, с наркозависимостью, переросшей из кислотной перепросла в героиновую.

Тем не менее, именно это упрощение общего идейного многообразия сыграло важную роль в сохранении наследия контркультуры. Тот факт, что множество молодых людей по всему миру впервые познакомились с контркультурными идеями через искусство и стиль сам по себе является свидетельством эффективности поп-культуры в распространении и адаптации контркультурных ценностей, о которых массовая публика вспоминает и по сей день.

Таким образом стоит повторить, что в контркультуре существует важное противоречие, связанное с внутренней организацией движения. Несмотря на распространенное мнение о равенстве и отказе от иерархии, на самом деле внутри контркультурного сообщества существовала существовала четко выраженная «элита», причем ее формирование и расширение сознательно культивировалось изнутри – то есть «элита» хиппи самостоятельно устанавливала правила принадложности к сообществу и определеяла порог входа и придерживалась определенной «элитарной эстетики». Наиболее важным фактором были личные

[924] Антология The Beatles. С. 267-268.

связи – только благодаря знакомству с видными представителями сообщества обеспечивалась возможность доступа в наиболее престижные круги контркультуры и определялся уровень признания в нонконформистской среде.

Помимо этого, на основе сетевого анализа можно выделить несколько обязательных характеристик, которыми должен обладать «идеальный представитель контркультурной элиты»:

1. *Высшее образование.* Высшее образование в контексте контркультурных движений воспринималось довольно утилитарно: университет рассматривался скорее не как пространство академического знания и интеллектуальной рефлексии, а как площадка для получения культурных и материальных ресурсов, и, конечно, как «узел нонконформистской сети». Университетские кампусы становились центрами контркультурного и политического нетворкинга, где формировались новые формы молодежной идентичности.

2. *Возрастной ценз.* Наибольший авторитет в движении, как правило, приобретали мужчины старше 25 лет. Однако этот факт вряд ли объяснялся личностными/психологическими характеристиками, поскольку многие из представителей до того, как стать популярными и зарабатывать на своей деятельности, долгое время находились на финансовом обеспечении родителей. Гораздо более значимыми были, по мнению автора диссертационного исследования, социальные факторы: жизненный и протестный опыт, а также, конечно, наличие большого круга друзей-нонконформистов, что формировало символический капитал, позволявший претендовать на лидерство в контркультурной среде.

3. *Социальная структура.* В отличие от «Новых левых», в рядах которых важную роль играли феминистки, представители расовых меньшинств и интеллектуалы, ориентированные на политический активизм, контркультурная элита складывалась преимущественно из белой молодежи среднего класса. Это придавало движению особую социальную избирательность, которая на практике ограничивала доступ к «элите» и задавала ее границы.

4. *Творческая самореализация.* Принадлежность к элите была тесно связана с творчеством – литературой, музыкой, живописью, театром или другими видами

искусства. Творчество рассматривалось не только как форма самовыражения и способ сублимировать своит переживания, но и как средство коллективной идентификации и культурного влияния.

5. *“Dropping out”.* Одним из ключевых принципов являлся отказ от традиционных социальных институтов и норм («выпадание» из общества), заключавшийся в отрицании необходимости учиться, работать и следовать установленным правилам. Однако сетевой анализ показывает, что чем выше человек находился в иерархии контркультуры, тем более избирательно он мог трактовать этот принцип, совмещая его с элементами участия в «официальной» культуре, например, читая платные лекции даже работая преподавателем в университете.

6. *Религиозно-философские практики и особое отношение к психоделикам.* Принадлежность к контркультурной элите предполагало обращение к буддизму или к религиям коренных американцев, что обеспечивало «духовный фундамент» для контркультуры. Особое значение имело отношение к психоделикам, которое попагандировалось, в частности, в «Лиге духовного развития»: их использование допускалось только в рамках ритуала и только при соблюдении всех правил «установки и окружающей среды». Для лидеров и интеллектуальной элиты бесконтрольное употребление наркотиков, например, в рамках «Кислотных тестов» считалось недопустимым, однако они не возражали против подобной практики среди рядовых участников движения.

7. *Осмысление идеологических постулатов.* Внутри контркультурной элиты особое значение придавалось переосмыслению уже существующих идей, что служило способом поддержания интеллектуальной и духовной легитимности движения. При этом критика или отказ от участия в дальнейшем развитии контркультурного дискурса не приветствовался, поскольку это могло подорвать коллективную идентичность, или даже привести к символическому «исключению» из сообщества. Характерным примером является ситуация с Дж. Керуаком, которого не приняли в круг хиппи как из-за прямой критики постулатов, так и из-за отсутствия вовлеченности в их идеологическое переосмысление.

8. *Вклад в общее дело.* Признание в качестве члена элиты было невозможно без активного вклада в развитие контркультуры – участие в организации фестивалей, создании коммун, издании альтернативной прессы и произведений контркультурной направленности или других формах деятельности, направленных на поддержание движения в целом.

Таким образом, анализ внутренней структуры контркультурного сообщества показывает, что движение не соответствовало принципам, заявленным в собственном утопическом проекте. Элита сознательно вырабатывала и поддерживала правила принадлежности, механизмы стратификации и нормы поведения, задавая границы допустимого внутри сообщества. В этом смысле контркультура, по мнению автора диссертационного исследования, предстает не столько как «альтернативный» социальный мир, сколько как относительно замкнутая система, которая воспроизводила, пусть неосознанно, и в менее конформистском плане, логику доминирующего общества, включая механизмы иерархизации, контроля и наказания за несоблюдение правил.

3.3. Наследие американских контркультур от современников к современности

Хиппи неизменно привлекают внимание представителей современной популярной культуры. Однако их образ зачастую стереотипизирован. И это вполне объяснимо: движение хиппи – многогранное и противоречивое явление. В целом в поп-культуре можно выделить два четких направления восприятия, связанных с хиппи: с одной стороны – ностальгический образ, ассоциирующийся с идеалами свободы, любви, молодости и искусства; с другой – маргинальный, включающий в себя темы антисанитарии, бедности и наркотической зависимости. Эта двойственность начала формироваться сразу после окончания «долгих шестидесятых». Примерами такой поляризации служат, с одной стороны, романтизированный мюзикл «Волосы»[925], киноверсия которого вышла в 1979 г, а с другой – мрачный и критичный взгляд на упадок культуры 1960-х гг. в фильме «Таксист» М. Скорсезе 1976 г[926].

Подобная двойственность восприятия схожа с теорией селективной памяти/забвения. В рамках данного подхода, как указывает А. Ассман, коллективное сознание сохраняет не эпоху в целом, а лишь те ее элементы, которые оказываются важными в пределах определенных «рамок памяти»[927]. Они проходят через субъективные фильтры восприятия, формируя так называемую «активную память»[928]. Все, что в нее не попадает, не стирается полностью, а переходит в пассивное состояние. Это своеобразный архив, который становится востребованным при изменении социальных и культурных условий[929]. Это происходит через «места памяти» – символические и ритуальные формы, способные пересобирать коллективное восприятие[930]. В контексте данного диссертационного исследования

---

[925] Hair, dir Miloš Forman, 1979.
[926] Taxi Driver, dir. Martin Scorsese, 1976.
[927] Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 39.
[928] Ассман А. Забвение истории - одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019 (2-е изд.). С. 40.
[929] Там же.
[930] Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. №. 26. P. 7–24.

образ хиппи представляет собой многослойную мемориальную конструкцию, которую можно воспринимать по-разному. Поэтому каждый человек обращает внимание на одни элементы и вытесняет другие.

Такими «местами памяти» является не только конкретные пространства и «узловые точки сети», но и формы «видимости и заметности» – стиль, эстетика, определенные отличительные черты. Даже само слово «хиппи», стало узнаваемым символом эпохи. Несмотря на то, что представители движения стали использовать это название лишь ближе к концу «долгих шестидесятых», в современном восприятии оно неизменно вызывает один из двух вышеупомянутых образов. Чаще всего встречается именно второй – маргинализированная картина упадка.

Степень маргинализации хиппи в современном культурном дискурсе во многом зависит от характера самого артефакта и позиции его создателя. Одним из наиболее ярких примеров репрезентации хиппи в кино последних лет стал фильм К. Тарантино «Однажды в Голливуде»[931]. При всей своей любви к культурному наследию 1960-х гг. и уважении к эстетике той эпохи, Тарантино, тем не менее внес свой вклад в дальнейшую маргинализацию образа хиппи. Это проявляется как на визуальном, так и на смысловом уровне: зрителю демонстрируют ужасные условия жизни на ранчо, например, грязь и крысы, а также пугающий внешний вид хиппи. Стоит обратить внимание также и на звуковую драматургию: в сценах с участием представителей контркультуры исчезают практически все фоновые шумы, создавая ощущение тревожности. Лексика героев подчеркивает их отношение к движению. Так, персонаж Р. Далтон ни разу не упоминает слово «хиппи» без эпитета “fucking”. Он с отвращением отвергает даже намек на «элементы заметности» движения, называя их «мусор» (“junk”) . Однако ключевым моментом, по мнению автора диссертации, становится выбор самой истории. Тарантино сознательно обращается к одному из самых мрачных эпизодов «долгих шестидесятых» – убийству на Голливудских холмах. Используя коллективную память об этом событии и выстраивая негативный образ «Семьи», режиссер тем самым трансформирует всю

[931] Once Upon a Time in... Hollywood, dir. Quentin Tarantino, 2019.

контркультуру в глазах зрителя в источник угрозы. Главные герои фильма, демонстрируют презрение к хиппи и выступают в роли палачей, жестоко убивая тех, кто был в реальности жесток к невинным людям. Тем самым создается однозначный нарратив: хиппи – это *«Другие»,* опасные, истребляемые без сожаления.

Аналогичная логика прослеживается и в другом знаковом культурном артефакте – мультсериале “South Park”, в эпизоде “Die Hippie, Die”[932]. Уже с первых сцен хиппи представлены как социальные паразиты: «Здравствуйте, мэм. Я работаю над очисткой района от паразитов. <…> Боюсь, у вас могут быть хиппи»[933], – говорит главный герой Э. Картман, изображенный в костюме охотника за привидениями. Ассоциация хиппи с тараканами подчеркивается тем, что они скрываются на чердаках и в стенах, то есть незаметны, но при этом присутствуют везде. Однако особый интерес представляет не отношение Картмана, оно ожидаемо презрительное и гипертрофированное, а то, как хиппи воспринимаются другими персонажами.

В начале эпизода хиппи кажутся вдохновляющими для главных героев, учеников начальной школы, Стэна, Кайла и Кенни: они критикуют капитализм, апеллируя к своим знаниям, полученным в университете. Герои увлекаются их риторикой и присоединяются к сообществу. Но по мере развития сюжета становится очевидно: хиппи в мультсериале символизируют не перемены, а инертность. За их протестностью нет реальных действий, а их идейная основа не предоставляет ничего нового. Со временем это осознают и сами дети. При этом родители главного героя, вспоминая свою молодость, признаются, что тоже принадлежали к этому сообществу, и эти воспоминания вызывают у них скорее отвращение, чем ностальгию. Причем визуально прошлое и настоящее сливаются – архивные кадры с «Вудстока» используются как будто в реальном времени, подчеркивая, что за десятилетия ничего не изменилось. Все те же лозунги, тот же утопизм.

---

[932] South Park. Die Hippie, Die. TV-series episode. Season 9, episode 2. Dir. Trey Parker. Originally aired March 16, 2005. Comedy Central.
[933] Ibid.

В вышеупомянутых продуктах популярной культуры акцент делается не только на прямое указание на сообщество хиппи, но и на определенные аспекты «заметности» – одежде, поведении и отказе от конформистских норм. Авторы в данном случае намеренно подчеркивают их отличие и формируют гиперболизированный, карикатурный образ, связанный с неспособностью адаптироваться к современному миру. Подобная репрезентация очень похожа на то, как хиппи воспринимались их конформистски настроенными современниками.

Паралельно в массовой культуре элементы эстетики хиппи могут использоваться и без прямого упоминания самого движения. Прототипы, основанные на типичных аспектах «заметности» хиппи нередко становятся объектами иронии или маргинализации. Такие визуальные и поведенческие паттерны играют роль культурных клише, позволяющих легко распознать и упростить сложный и многослойный образ контркультурного наследия, сводя его к набору комичных или нелепых характеристик.

Примером мягкой формы маргинализации и иронии над образом хиппи в популярной культуре можно считать персонажа Ф. Буффе из сериала «Друзья»[934]. Хотя само слово «хиппи» в ее адрес в сериале не употребляется, ее хиппи-образ легко считывается: она не ест мясо, бесплатно играет на гитаре в кофейне, предпочитает свободный, расслабленный стиль одежды, пропагандирует идеи ненасилия, сомневается в рациональности (например, в теории эволюции) и часто не может подстроиться под требования общества.

Несмотря на доброе отношение к героине, именно ее персонаж часто становится объектом легкого подтрунивания, как со стороны ее друзей, так и со стороны аудитории. Это можно назвать «мягкой иронией» популярной культуры: признание права на то, чтобы отличаться от других, которое одновременно маркирует это «отличие» как отклонение от нормы.

Как показывают результаты социологических опросов и интервью, подобные образы закладывают четкие культурные паттерны. Один из респондентов в

[934] Friends, dir David Crane, Martha Kauffman. USA: Warner Bros. Television; NBC, 1994–2004.

исследовании Р. Ван Гог, говоря об образах хиппи и вегетарианцах в современном медиаполе, отметил: «босоногих людей, которые живут в какой-то ужасной старой комнате, не включают отопление <...> – не всегда позитивные»[935]. Прямое сравнение между Фиби и другими героинями сериала особенно показательно: «Подумайте, например, о Рейчел. Она типичная красивая, серьезная, приятная женщина, и ее не делают вегетарианкой, понимаете? Это всегда должен быть тот странный человек (Фиби – *прим. А.Р.*)»[936].

В отдельных случаях связи с хиппи минимальна, но смысловое наследие контркультуры сохраняется. Например, персонаж Лебовски (Чувак), главный герой фильма «Большой Лебовски»[937] – типичный «поздний хиппи»: безработный, бедный философ с отрешенным взглядом, в котором, несмотря на все это, видны черты поколения «долгих шестидесятых» – сознательный отказ от работы, материального успеха и пацифизм. Особенно показательна сцена его диалога с другим Лебовски – богатым, успешным человеком, в данном случае, выступающем символом системы и конформистских ценностей. «Ваша революция закончилась, мистер Лебовски. Найдите работу», – говорит миллионер, тем самым подводя черту под поколением хиппи как несостоявшимся утопическим проектом.

Таким образом, можно сделать вывод, что в популярной культуре более-менее целостный образ хиппи, как правило, либо маргинализируется, либо превращается в ироничный нарратив, противопоставляющий «утопизм» 1960-х гг. прагматизму современного общества. Даже когда фигуры «бывших хиппи» вызывают симпатию, они почти всегда изображаются как «потерянные», устаревшие и странные, а, следовательно, не нашедшие места в обществе. Однако если разложить этот образ на отдельные элементы, то можно увидеть совершенно другую картину. Определенные черты, принадлежавшие хиппи как контркультурному движению, были взяты из политического и идейного контекста и

---

[935] Van Gogh R., Walrave M. Modernized Hippies and Extreme Eco-Warriors. A Qualitative Study on Young Adults' Pro-Environmental Views through the Lens of the Prototype Willingness Model // European Journal of Health Comunication. 2024. Vol. 5 №. 4. Special Issue on Planetary Health. P. 64.
[936] Ibid.
[937] The Big Lebowski, dir. Joel Coen, 1998.

интегрированы в современную повседневность. В результате эти черты стали частью тиражируемой популярной культуры, зачастую не ассоциируясь с самим понятием «хиппи» и не вызывая негатива, как в случае с вышеупомянутыми образами.

Объяснение этому феномену можно найти в теории «деполитизации культуры», предложенной британской исследовательницей А. Макробби. Несмотря на то, что она применяет ее к феминистскому дискурсу в нонконформистских движениях[938], теория вполне подходит и для анализа контркультуры в целом. Согласно Макробби, деполитизация начинается ровно в момент коммерциализации. То есть потребление внутри субкультуры/контркультуры – покупка одежды, музыки на носителях или атрибутики, становится точкой соприкосновения контркультурного дискурса и общепринятой культуры. В этот момент контркультура теряет свою идейную, протестную заряженность и превращается в стилизованный продукт, адаптированный под массовый рынок, эстетизируется, упрощается и теряет посыл, связанный с сопротивлением конформистским нормам[939].

Если говорить о хиппи, то элементы обмена, купли-продажи и тиражирования появляются в ранние годы движения: например, еще лидеры контркультур в начале 1960-х гг. говорили о том, что можно зарабатывать себе на жизнь путем продажи hand-made товаров. Однако ярко выраженная коммерциализация видна на третьем этапе развития трансатлантической контркультурной сети, то есть в конце «долгих шестидесятых», когда протест полностью нивелируется массовым потреблением. С этого момента можно говорить о постепенном переходе от идеологической автономии к альтернативной эстетике общепринятой культуры.

Сегодня мы наблюдаем то, как отдельные элементы контркультуры, теряя свой протестный потенциал, активно тиражируются в массовой культуре. Эти практики по-прежнему вызывают интерес, но уже как «нормальные» или даже

---

[938] McRobbie, A. Settling Accounts with Subcultures: A Feminist Critique // Screen Education. 1980. № 39. P. 16–34.
[939] Ibid. P. 412-413.

«престижные» формы поведения, полностью вписанные в существующую нормативно-ценностную систему.

Одним из таких элементов контркультурного наследия являются *психоделические наркотики*, потребителями которых становятся представители хип-хоп культуры, трейдеры с Уолл-стрит, финансисты и обычные люди, стремящиеся улучшить свое здоровье и получить новые знания. Современные популяризаторы психоделиков – это успешные предприниматели и специалисты в области высоких технологий. Например, в Кремниевой долине распространен микродозинг ЛСД и псилоцибиновых грибов, который, по словам его сторонников, помогает повышать концентрацию и продуктивность[940].

Этот новый виток популярности психоделиков напрямую связан с наследием хиппи. В теоретическом плане влияние психоделической философии хиппи проявилось в работе Т. Лири, вышедшей в 1994 г.[941], где он рассматривал связь между психоделическим опытом (ощущением единства со всем миром) и созданием «Всемирной паутины». На практике большинство основателей компьютерной индустрии если не были напрямую связаны с движением хиппи, то точно были знакомы с теорией психоделиков. Об этом в интервью, посвященном памяти Лири, говорил Дж. Ланьер – ученый, композитор, художник и один из пионеров виртуальной реальности. Он подчеркивал, что почти все ключевые фигуры индустрии IT имели хипповое прошлое и испытывали влияние психоделического движения. Единственным исключением, по его мнению, можно считать разве что Б. Гейтса, который хоть и контактировал с хиппи, но с самого начала отличался от них. Однако в целом влияние психоделиков на развитие цифровых технологий было огромным: среди их сторонников назывались такие имена, как М. Капор, С. Джобс и другие[942].

Вместе с легитимацией психоделических наркотиков в обществе посредством того, что их использует более серьезная аудитория, происходит и

---

[940] Solon O. Under pressure, Silicon Valley workers turn to LSD microdosing // Wired. August 8, 2016. URL: https://www.wired.co.uk/article/lsd-microdosing-drugs-silicon-valley (дата обращения: 23.12.2021).
[941] Leary T. Chaos & Cyber Culture / Ed. by M. Horowitz and V. Marshall. Berkeley, CA: Ronin Publishing, 1994.
[942] Слово от контрольной группы. Интервью, взятое Робертом Форте у Джейрона Ланьера // Форте Р. Ук. соч. С. 66.

постепенная их институанализация, что напрямую связано с деятельностью «Междисциплинарной ассоциации психоделических исследований» (“MAPS”). Основанная в 1986 г. психологом Р. Доблином, эта некоммерческая организация финансируется за счет пожертвований частных лиц и фондов. “MAPS” помогает ученым получать финансирование и одобрение регулирующих органов для исследований психоделиков, таких как ЛСД, псилоцибин, ДМТ, мескалин и МДМА. В финансовых отчетах организация указана как некоммерческая и освобожденная от налогов в соответствии с разделом 501(c)(3) Налогового кодекса США[943]. Это позволяет ей не платить налог на прибыль и принимать пожертвования. Однако еще более важной является ее активная деятельность в сфере государственной политики. Дело в том, что “MAPS” тесно сотрудничает с «Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США» и аналогичными органами других стран, проводя и финансируя исследования психоделиков в Израиле, Иордании, Канаде, Швейцарии, Новой Зеландии и Мексике. Таким образом, организация не только развивает научные исследования, но и способствует «дипломатии для науки», о чем регулярно информирует аудиторию через СМИ, включая “Forbes”[944], “New York Times”[945] и “Washington Post”[946]. Помимо этого, “MAPS” занимается лоббированием изменений в наркополитике. Согласно финансовому отчету за 2022 г., организация потратила $9,000 на контракт с Дж. Любеки – военным и автором законодательных инициатив.

В настоящее время члены “MAPS” выступают за «создание справедливой и гуманной наркополитики, которая учитывает достоинство и права людей, употребляющих психоделики и другие вещества, избавляя их от страха и

---

[943] Организация 501(c)(3) - американская корпорация, трест или организация другого типа, освобожденная от федерального подоходного налога США. Exemption requirements - 501(c)(3) organizations // IRS. URL: https://www.irs.gov/charities-non-profits/charitable-organizations/exemption-requirements-501c3-organizations (дата обращения 12.06.2025).

[944] De Angelo A. Setback or Opportunity? FDA Rejects MDMA for PTSD // Forbes. August 28, 2024. https://www.forbes.com/sites/andrewdeangelo/2024/08/28/setback-or-opportunity-fda-rejects-mdma-for-ptsd/ (дата обращения: 11.02.2025).

[945] Weed for PTSD? Eager for Better Cfnabis Science // New York Times. November 20, 2024. URL: https://www.nytimes.com/2024/11/20/us/marijuana-ptsd-cannabis-science-fda-study.html (дата обращения: 11.02.2025).

[946] Gilbert D. Psychedelic pioneer is unfazed about MDMA’s prospects, despite FDA setback // Washington Post. August 27, 2024. URL: https://www.washingtonpost.com/business/2024/08/27/ecstasy-mdma-fda-pyschedelic-medicine/ (дата обращения: 11.02.2025).

стигматизации». Организация призывает к осмысленному и честному обсуждению этой темы не только на уровне отдельных людей, но и на уровне общества в целом[947]. Важной частью сотрудничества “MAPS” с FDA является государственная поддержка финансирования клинических испытаний психоделиков, особенно в контексте лечения ПТСР у ветеранов[948]. В рамках «Закона о разрешении на национальную оборону» 2024 г. Министерство обороны США одобрило финансирование исследований психоделиков для лечения посттравматического стрессового расстройства, черепно-мозговых травм и депрессии[949]. Кроме того, «Национальный институт здравоохранения» открыл финансирование для изучения психоделической терапии хронической боли у пожилых людей[950]. Этот сдвиг в научной базе и сопутствующие изменения в федеральной политике свидетельствуют о растущей готовности пересматривать устоявшиеся представления о наркотических веществах.

Однако апогеем пересмотра маргинализированных аспектов контркультурного наследия, связанного с наркотиками, можно считать декриминализацию медицинского и рекреационного использования психоделиков и марихуаны. В настоящее время каннабис легализован для медицинского использования в 39 из 50 штатов США и для рекреационного – в 24 штатах (Приложение 25). Кроме того, начиная с 2024 г., Управление по борьбе с наркотиками инициировало процесс пересмотра статуса каннабиса с возможным его переводом из Списка I в менее строгий Список III[951].

Движение за декриминализацию псилоцибина в США началось в 2019 г., когда Денвер, штат Колорадо, стал первым городом, отменившим уголовное

---

[947]Changing Policy // MAPS. URL: https://maps.org/changing-policy/ (дата обращения: 11.02.2025).

[948] Herrington A. Biden Signs Defense Spending Bill Funding Psychedelic Research // Forbes. December 27, 2023. URL: https://www.forbes.com/sites/ajherrington/2023/12/27/biden-signs-defense-spending-bill-funding-psychedelic-research/ (дата обращения: 11.02.2025).

[949] Curtis G. VA-funded psychedelic therapy trials for PTSD could save lives, veteran organization says // Fox 13 News. March 14, 2024. URL: https://www.fox13news.com/news/va-funded-psychedelic-therapy-trials-for-ptsd-could-save-lives-veteran-organization-says (дата обращения: 11.02.2025).

[950] Safety and Early Eficacy Studies of Psychedelic-Assisted Therapy for Chronic Pain in Older Adults (UG3/UH3 Clinical Trial Required) // Department of Health and Human Services. Grants. URL: https://grants.nih.gov/grants/guide/rfa-files/RFA-AG-25-004.html (дата обращения: 11.02.2025).

[951] Miller Z., Goodmam J., Mustian J. Whitehurst L. US poised to ease restrictions on marijuana in historic shift, but it’ll remain controlled substance // AP News. May 1, 2024. URL: https://apnews.com/article/marijuana-biden-dea-criminal-justice-pot-f833a8dae6ceb31a8658a5d65832a3b8 (дата обращения: 11.02.2025).

преследование за его использование. Вскоре за этим последовала декриминализация псилоцибина в Окленде и Санта-Крусе в 2019 и 2020 гг. соответственно. Правительство Беркли, одного из городов, известных как родина хиппи 1960-х, также декриминализировало психоделики. Далее нововведения распространились на Вашингтон, округ Колумбия в 2020 г., а затем на несколько городов Массачусетса, включая Сомервилл, Кембридж и Нортгемптон в 2021 г. В октябре 2021 г. Сиэтл, крупнейший город в этом списке, также присоединился к движению, за ним последовал Детройт в ноябре 2021 г. На уровне штатов Орегон стал первым в 2020 г., когда был принят законопроект, который не только декриминализировал псилоцибин, но и легализовал его контролируемое использование[952]. В 2022 г. аналогичная мера была одобрена в Колорадо[953]. Несмотря на эти изменения на уровне отдельных штатов и городов, на федеральном уровне псилоцибин по-прежнему остается незаконным в соответствии с законодательством США. Полную картину изменений можно проследить на карте законодательных инициатив (Приложение 26)[954].

Таким образом, по мере изменения общественного дискурса психоделики постепенно утратили ассоциацию с образом хиппи и маргинальной культурой. Благодаря усилиям “MAPS” в научной и законотворческой сферах они все чаще стали восприниматься не как часть бунтарского прошлого, а как вещества с потенциально терапевтическим эффектом. В результате психоделики вышли за пределы памяти о контркультуре «долгих шестидесятых» и заняли место в современном культурном и политическом поле.

Еще одним важным наследием хиппии стало современное *экологическое сознание*. Сегодня, когда человечество сталкивается с масштабными экологическими вызовами, возможно даже более острыми, чем в 1960-е гг.,

---

[952] Naftulin J. Oregon First Ever State to Legalize Psylicybin fot Terapeutic Use // Business Insider. November 5, 2020. URL: https://www.businessinsider.com/oregon-first-ever-state-to-legalize-psilocybin-for-therapeutic-use-2020-11 (дата обращения: 11.02.2025).

[953] Brown J. Colorado becomes second state to legalize “magic mushrooms” // Colorado Sun. November 9, 2022. URL: https://coloradosun.com/2022/11/09/proposition-122-colorado-results-psilocybin-mushrooms-2/ (дата обращения: 11.02.2025).

[954] Psychedelic Legalization & Decriminalization Tracker // Psychedelic Alpha. URL: https://psychedelicalpha.com/data/psychedelic-laws (дата обращения: 11.02.2025).

экологическое мышление снова выходит на первый план. Отказ США от «Парижского соглашения»[955], вызвавший волну критики со стороны экологов[956], ученых[957], представителей бизнеса[958] и широкой общественности[959], стал ярким примером актуальности экологической тематики в политической повестке начала XXI в.

Современные проявления этого сознания по-прежнему связаны с психоделическим опытом. Так, существует феномен «мессианских» путешествий – состояний, в которых индивид переживает личностное прозрение и осознает свою миссию по спасению мира, в частности в сфере экологии. Техноэколог Р. Дойл, к примеру, предлагает включать проэкологические установки в психоделические практики, чтобы углубить связь человека с природой и усилить мотивацию к действиям против климатического кризиса[960].

Наследие хиппи в экоповестке также состоит в стериотипизации образа «защитника природы» – его внешнего вида, поведения и даже политического выбора. Так, голландские исследователи в 2024 г., основываясь на серии глубинных интервью, выделила наряду с образом «эко-воинов», например, Г. Тунберг или А. Де Вевер, отдельный архетип «модернизированных хиппи». Участники ее фокус-группы, несмотря на ироничное отношение к традиционному образу хиппи, обнимающих деревья и носящих одежду из секонд-хенда, все же признают его устойчивость и узнаваемость, пусть и в несколько трансформированной форме.

---

[955] Парижское соглашение по климату – это международный договор, принятый в 2015 г., направленный на ограничение глобального потепления значительно ниже 2 °C и стремление к пределу в 1,5 °C. Он обязывает страны разрабатывать планы по снижению выбросов парниковых газов и предпринимать другие мере по борьбе с изменением климата // ООН. URL: https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement (дата обращения 12.06.2025).

[956] Hayden M. Democrats, environmentalists blast idea US could leave the Paris accord // ABC News. May 31, 2017. URL: https://abcnews.go.com/Politics/politicians-environmental-groups-react-idea-us-leave-paris/story?id=47744197 (дата обращения: 23.12.2021).

[957] Tollefson J. How scientists reacted to the US leaving the Paris climate agreement // Nature. June 2, 2017. URL: https://www.nature.com/articles/nature.2017.22098 (дата обращения: 23.12.2021).

[958] Etherington D. Elon Musk leaving Trump advisory councils following Paris agreement withdrawal // TechCrunch+. June 1, 2017. URL: https://techcrunch.com/2017/06/01/elon-musk-leaving-trump-advisory-councils-following-paris-agreement-withdrawal/ (дата обращения: 23.12.2021).

[959] Clement S. Post-ABC poll: Nearly 6 in 10 oppose Trump scrapping Paris agreement. // Washington Post. June 5, 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/news/energy-environment/wp/2017/06/05/post-abc-poll-nearly-6-in-10-oppose-trump-scrapping-paris-agreement/ (дата обращения: 23.12.2021).

[960] Psychedelics Make Us Human: An Interview with Techno-Ecologist Richard Doyle // Vice. June 21, 2011. URL: https://www.vice.com/en/article/533dy5/psychedelics-make-us-human-an-interview-with-the-mind-bending-techno-ecologic-scholar-richard-doyle (дата обращения: 23.12.2021).

Современные «хиппи» больше не ассоциируются исключительно с наивной романтикой и маргинальностью. Их образ претерпел эволюцию: теперь он связан с экологичным образом жизни, «зелеными» интерьерами, одеждой из переработанных материалов, передвижением на велосипеде и другими эко-привычками. Эти характеристики сочетаются с восприятием таких людей как эмпатичных, открытых, но иногда – странных или неряшливых. При этом, как показали интервью, за этим образом скрывается как ироничная дистанция, так и определенное восхищение, если не зависть. Один из респондентов признался: «Я сразу вспоминаю семью с грузовым велосипедом из Антверпена… Они выращивают свои овощи, у них есть огород и компостная куча. Это немного кажется пародией… но втайне я тоже хочу быть таким. Не буду лгать»[961].

Подобные исследования представляют особую ценность для диссертационного исследования, поскольку они подтверждают устойчивость хиппи-образа и его влияние за пределами Соединенных Штатов. Так, респонденты, опрошенные авторами, были выходцами из Нидерландов, что свидетельствует о транснациональном характере контркультурного наследия. В то же время американские исследователи рассматривают этот феномен преимущественно через призму маркетинга и потребительского поведения. Однако, что примечательно, приходят к схожим заключениям относительно сохраняющегося символического экозначения «модернизированного хиппи» в массовом сознании[962].

В США современный образ хиппи включает в себя вегетарианство, употребление фермерских продуктов и покупку одежды в секонд-хенде. Однако, как отмечают респонденты, следование подобному образу жизни сопряжено с финансовыми трудностями. Продукты местного производства, особенно органические, часто оказываются значительно дороже массовых товаров из супермаркетов. Один из участников исследования замечает: «Быть полностью безвредным для окружающей среды – это дорого, поэтому нужно обладать достаточными средствами, чтобы позволить себе такой образ жизни». Другой

[961]Van Gogh R., Walrave M. Op. cit. P. 64.
[962] Ibid.

добавляет: «Если бы у меня были все деньги в мире, я бы покупал только местные, выращенные на траве продукты у фермеров, которые действительно заботятся о животных. Но, очевидно, я не могу жить в пузыре... Я часто иду на компромисс между тем, что мне нравится, и тем, что доступно. Думаю, мы все же проделали большую работу, чтобы совместить наши идеалы с реальностью финансовых ограничений»[963].

Таким образом, мы снова сталкиваемся с феноменом стереотипизации образа хиппи, когда визуальный и поведенческий архетип подменяет собой богатую идеологическую и философскую основу контркультуры 1960-х гг., упрощая ее до узнаваемого, но поверхностного шаблона, легко воспроизводимого в массовой культуре. Интересно, что в контексте психоделиков подобного упрощения не произошло: напротив, цифровая эпоха и усилия по легитимации психоделических веществ в медицинском и научном дискурсе США придали этому образу новые, более глубинные и многослойные характеристики. В итоге фигура «экологически сознательного гражданина» в общественных репрезентациях нередко наследует черты контркультурной эпохи шестидесятых, даже несмотря на то, что современные активисты действуют в совершенно ином политическом, технологическом и культурном контексте и обладают другими признаками «видимости», т.е. они уже не выглядят как хиппи.

Стиль хиппи, в свою очередь, представляет собой отдельный аспект контркультурного наследия, который особенно сильно подвергся стереотипизации. Поскольку он явно выделялся на фоне конформистской моды, он быстро стал объектом внимания как со стороны истеблишмента модной индустрии, так и со стороны широкой публики. Однако вдохновлялись чаще всего не аутентичным, эклектичным и многослойным обликом хиппи, а его отдельными элементами – мотивами бохо и этники. Именно они со временем стали регулярно появляться на модных подиумах и обложках глянцевых журналов, вытеснив из визуального поля более радикальные или вызывающие компоненты оригинального стиля.

---

[963] Barnhart M., Mish J., Hippies, Hummer Owners, and People Like Me: Stereotyping as a Means of Reconciling Ethical Consumption Values with the DSP // Journal of Macromarketing. 2016. Vol. 37, № 1. P. 9-10.

Одним из ярких примеров институционализации и эстетического признания стиля хиппи стала коллекция И. Сен Лорана 1969 г. (Приложение 27). Дизайнер представил модели в нарядах, вдохновленных этническими мотивами: лоскутные платья, соломенные шляпы, яркие принты и детали в народном стиле – все это напоминало образ, ранее ассоциировавшийся с хиппи. На тот момент общественное мнение о представителях сообщества оставалось скорее негативным: их воспринимали как неряшливых, полуголых маргиналов и наркоманов. Однако благодаря высокой моде и изысканному переосмыслению уличного стиля отношение постепенно стало меняться[964]. Одной из ключевых фигур в этом процессе стала Твигги – культовая модель эпохи, которая хоть и не принадлежала к движению хиппи, не раз появлялась в образах, навеянных их эстетикой, и открыто говорила о том, что адаптирует подобные элементы в свой повседневный гардероб (Приложение 28). Вскоре характерные черты хиппи-стиля начали появляться на обложках модных журналов, что окончательно легитимизировало его и дало старт его дальнейшему распространению в массовой культуре.

В 1991 г. К. Лагерфельд представил для Fendi коллекцию под названием «Хиппи в мехах», в которой неожиданно объединил, казалось бы, противоположные элементы – богемный дух хиппи и роскошные меховые изделия, которые были табуированы среди настоящих представителей контркультуры (Приложение 29). Этот шаг сам по себе был жестом провокации, особенно с учетом того, что мех всегда вызывал ожесточенную критику со стороны экологов и зоозащитников. Существуют предположения, что она могла быть своеобразной ироничной репликой в адрес И. Сен-Лорана, с которым у Лагерфельда были напряженные отношения. Однако официального подтверждения этому не было. Сам Лагерфельд в промо-видео к коллекции кратко охарактеризовал эту концепцию фразой: «Только мои хиппи могут носить меха».

Модный дом “Roberto Cavalli”, напротив, на протяжении долгого времени последовательно и осознанно интегрирует в свои коллекции мотивы,

---

[964] Кожушко Д., Иващенко Я. Диалогичность современного костюма: развитие, направления и специфика этнического стиля // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2016. № 1. С. 91-97.

заимствованные из хиппи-эстетики. Особого внимания заслуживает его коллекция 2017 г. под названием “Hippie Chic”. В ней были использованы характерные для стиля хиппи элементы: воздушные юбки, анималистичные узоры, техника пэчворк, обилие бисера и яркая палитра цветов (Приложение 30). Оба дизайнера – и Кавалли, и Лагерфельд, открыто указывали на источник вдохновения, включая упоминание хиппи в название своих коллекций. Это подчеркивает, как стиль, возникший в качестве формы протеста, был принят и переосмыслен в рамках высокой моды, став ее неотъемлемой частью[965].

Если говорить о массовом потребителе, то влияние хиппи на современные тренды не всегда прослеживается напрямую, хотя о хиппи-эстетике до сих пор пишут историки моды. Причина кроется в том, что сам стиль хиппи чрезвычайно эклектичен, а его элементы со временем слились с другими направлениями, например, с этническим стилем, который хиппи не придумали, а лишь популяризировали. Более того, на его основе сформировался стиль бохо, воспринимающийся сегодня как самостоятельное модное течение.

Ключевым фактором, способствующим сохранению интереса к хиппи-эстетике, стало распространение винтажной моды. Современный тренд на винтаж предполагает не просто покупку старой одежды, но и интерес к ее истории, к культурному контексту, в котором она возникла. Именно это, по мнению автора диссертации, и следует считать главным элементом «стиля» хиппи – не внешние атрибуты в виде бохо или этнических мотивов, а философия бережного отношения к вещам, отказ от перепроизводства и гиперпотребления, а также стремление к осмысленности в моде и стиле жизни.

Данные принципы естественным образом нашли свое продолжение в современном тренде на устойчивую моду, которая во многом наследует хиппи-подход к заботе о природе через переработку, повторное использование и предпочтение экологичных материалов при производстве одежды. Хиппи

---

[965] Кадошникова Д. Контркультура в моде: влияние культуры хиппи на современную моду // CLIO MODERNA-3: исторический опыт развития стран Запада и Востока в новое и новейшее время: сборник материалов международной научной конференции 18 ноября 2023 г., Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: УрГПУ, 2024. С. 58-63.

изначально были экономны: они покупали одежду на блошиных рынках, носили вещи из секонд-хенда, шили и чинили одежду самостоятельно, не заботясь о безупречности исполнения. Такие элементы, как лоскутное шитье, ручная вышивка и винтажные находки, сегодня ассоциируются с принципами экологичности, а значит, стиль хиппи можно считать одним из ранних примеров устойчивой моды.

В XXI в. идея экологичной моды все чаще становится частью популярной культуры. Так, в 2007 г. состоялась первая в мире «зеленая неделя моды». На ней свои экологичные коллекции представили такие бренды как “Versace”, “Calvin Klein” и “Yves Saint Laurent”, тем самым формируя современные модные тренды. Дизайнер С. Маккартни еще в 2001 г. заявила о своей приверженности этичным и экологичным подходам, отказавшись от использования кожи и меха. Однако стоит отметить, что продукция таких брендов часто остается недоступной широкой аудитории из-за высокой стоимости.

В то же время некоторые представители быстрой моды, например, “H&M”, “SVILU” и другие начали выпуск ограниченных коллекций экологичной одежды. Японский бренд “UNIQLO” с 2006 г. реализует инициативу по переработке вещей и их передаче в лагеря беженцев, что также отражает стремление индустрии к более ответственному потреблению[966].

***

Подводя итоги третьей главы, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, трансатлантическое влияние США на Великобританию действительно имело место, однако было фрагментарным: британская аудитория не восприняла философскую и социальную глубину американской контркультуры, особенно идеи автономных сообществ и альтернативного образа жизни, восходящие к битнической традиции. Эти компоненты оказались неприменимыми в британском контексте.

Во-вторых, британская рецепция происходила преимущественно через визуальные и музыкальные формы: идеи американских хиппи были переосмыслены

[966] Jony A., Islam M., Tabassum T., Jhumu M., Nizam M. Influence of 1960’s Hippie Counterculture in Contemporary Fashion // International Journal of Textile and Fashion Technology (IJTFT). 2017. Vol. 7, No. 4. P. 11–20.

как стиль, эстетика и направление в искусстве, а не как целостное движение. Такая модель заимствования повторяла более ранний механизм восприятия американской массовой культуры, характерный еще для эпохи тедди-боев.

В-третьих, по мере развития контркультура в трансатлантическом пространстве превратилась в сложную и многоуровневую сеть, охватывающую как индивидуальных участников, так и коллективные формы, от коммун до музыкальных групп. Ее структура строилась вокруг различных узловых точек: от университетов и баров, связанных с богемой, до крупных музыкальных фестивалей, ставших площадками для массового выражения и распространения контркультурных идей. Несмотря на расширение и комерциализацию сети, основное влияние продолжали оказывать творческие лидеры-музыканты, писатели и художники, формировавшие ценностную и идейную рамку движения.

В-четвертых, по мере роста масштабов и числа участников сеть утратила внутреннюю целостность, а единая идейная основа начала размываться. Первоначальные концепции упростились, трансформировавшись в стилизованные образы и лозунги, адаптированные для широкой аудитории. В сочетании с усиливающейся коммерциализацией это привело к тому, что ранние универсальные установки стали неприменимы в условиях массовости и разнообразия.

В-пятых, обратный трансфер адаптированных британских форм в США привел к важному нововведению – коммерциализации контркультуры. Протест как таковой начал связываться с экономическими структурами: от поп-арта до музыкальной индустрии, которая из платформы самовыражения превратилась в коммерчески ориентированную систему с четкой иерархией акторов. Это шло вразрез с изначальными антикапиталистическими установками радикальных групп вроде «Диггеров».

В-шестых, образ хиппи в массовом сознании продолжает сохранять противоречивость: целостное восприятие образа активирует негативные стереотипы (безработный, оторванный от общества маргинал), унаследованные от конформистской риторики второй половины XX в. Однако, при разложении этого образа на отдельные элементы становится очевидно, что многие из них

(экологическая сознательность, практики устойчивого потребления, интерес к телесным и психотерапевтическим практикам) стали частью повседневной культуры. Более того, даже такие маргинализированные элементы контркультуры, как использование психоделиков, сегодня проходят институционализацию и рассматриваются как потенциально полезные инструменты в области медицины и психотерапии. Это свидетельствует о глубокой трансформации, но не исчезновении контркультурных идей в XXI в.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, идентичность общества «долгих шестидесятых» в США формировалась посредством противополагания Я-Другой. Нонконформисты осознанно противопоставляли себя пуританским установкам и социальным нормам «тихих 1950-х», которые характеризовались расцветом общества потребления, господством традиционных семейных ценностей и консервативной религиозности. В поисках новых смыслов и форм бытия представители протестных контркультур обращались к альтернативным системам ценностей – буддизму, шаманским практикам коренных американцев, наследию европейской богемы. Параллельно белое конформистское большинство противополагало себя маргинальным нонконформистам, преувеличивая степень их радикальности и угрозу «привычному укладу» и тем самым укрепляя представление о собственном мировоззрении как о доминирующем и единственно легитимном.

Во-вторых, несмотря на сохраняющееся в историографии стремление объединить контркультуру с политическим радикализмом 1960-х гг. (рабочими и студенческими протестами), между ними существовали принципиальные различия. «Новые левые» были ориентированы на политический активизм: они стремились реформировать существовавшую систему, изменить институты власти, добиться прав для расовых меньшинств и женщин, а также социальной справедливости легальными методами. Их протест носил ярко выраженный политический характер, подкреплялся программами действий и объединял различные социальные группы – студентов, рабочих, интеллектуалов, представителей расовых меньшинств и женщин.

В свою очередь, контркультура представляла собой преимущественно моральный и повседневный протест. Ее представители сознательно отказывались от

участия в системе, не пытаясь ее реформировать: они отвергали образование, работу, буржуазную модель семьи и пригородный быт, вместо этого выбирая жизнь в коммунах, духовные практики, путешествия в Индию, бедность как альтернативу комфорту и бездумному потреблению. Их протест выражался не в лозунгах или политических программах, а в стиле жизни, в попытке создать собственную реальность за пределами доминировавшей культуры. Более того, отношение представителей контркультуры к политике сводилось к превращению ее в перформанс, где само участие становилось ироничным жестом (например, баллотирование Тимоти Лири в губернаторы Калифорнии). Именно поэтому они не смогли объединиться с «Новыми левыми», которые рассматривали протест как инструмент реальных социальных изменений.

Наконец, контркультура оставалась социально избирательной. В «элиту» входила преимущественно белая молодежь среднего класса, обладавшая ресурсами для «добровольного выпадания» из общества и не настолько социально ущемленная, чтобы встроиться в политический протест. «Элита» была закрытым сообществом, определявшим правила принадлежности, нормы поведения и санкции за несоответствие.

В-третьих, разведение «Новых левых» и контркультуры имеет принципиальное значение для исследования истории протестных движений XX в. в целом, поскольку позволяет вывести контркультуру из «тени» политического активизма и придать ей самостоятельно историческое звучание. Несмотря на отказ от политической борьбы в прямом смысле, ее представители заложили ценностные и культурные основания будущих социально-политических трансформаций, изменив представления о свободе, индивидуализме и общественных нормах. Их вклад заключался в переопределении самой идеи свободы, в пересмотре норм повседневности и в создании новых форм коллективной идентичности – элементов, которые впоследствии стали неотъемлемой частью общественного дискурса.

В-четвертых, сравнивая коллективные факторы, оказавшие влияние на зарождение нонконформистских настроений (например, холодная война, страхи ядерного Апокаипсиса, Война во Вьетнаме, рост недоверия к государственным

институтам в целом), и индивидуальные (утрата близких в годы Второй мировой войны, страх призыва, переживание одиночества, последствия гиперопеки и дефицита отцовского внимания), можно сделать вывод о том, что вторые, обусловленные психологическими и семейными травмами, оказывались не менее (а иногда и более) значимыми для формирования контркультурных установок. На фоне внешне благополучного общества изобилия, воспевающего стабильность и «нормы приличия», молодежь воспринимала доминирующую культуру как лживую и отчуждающую. Это и становилось мотивом для «выпадания» из системы (“dropping out”) и стремления к созданию альтернативного сообщества, построенного на основе принципов безусловного принятия, эмоциональной близости и доверия. Следовательно, контркультурный протест был не только реакцией на политические и социальные конфликты эпохи, но и попыткой преодоления личного кризиса идентичности, порожденного послевоенным поколенческим разломом.

В-пятых, контркультура «долгих шестидесятых» не являлась единым монолитным движением – это было сложное, внутренне противоречивое сообщество с разнообразными формами самовыражения и идейными расхождениями. Группы отличались друг от друга степенью радикальности и социально-политической вовлеченности, образом жизни и духовными ориентирами. Пока одни уходили в медитации и психоделический опыт, другие строили экономически замкнутые коммуны, а третьи использовали контркультуру как пространство музыкальной и личной свободы.

Кроме того, важную роль играли личные связи и неформальные сети: выбор между принадлежностью к контркультуре или к «Новым левым» зачастую определялся дружбой, любовными отношениями, участием в совместных проектах – от организации фестивалей и акций до коллективного проживания, и издания книг. Эти связи становились основным механизмом распространения идей и расширения сообщества. При этом, несмотря на декларируемый антиавторитаризм, внутри движения складывалась своя элита, состоящая из писателей, музыкантов, философов, которые, отрицая лидерский статус, обладали авторитетом и фактически направляли развитие движения. Таким образом, вопреки заявленному идеалу

равенства контркультура воспроизводила классические внутренние структуры власти и авторитета, пусть и в измененной и менее конформистской форме.

В-шестых, благодаря формированию коллективной биографии представителей контркультурной элиты была предложена новая периодизация развития американской контркультуры. Первый этап, условно обозначенный как *«прологовый»* или *«нью-йоркский»* (1943–1954), был связан с формированием богемной среды в барах и кофейнях «Гринвич-Виллидж», недалеко от Колумбийского университета, где учились основатели бит-движения – А. Гинзберг, Дж. Керуак и У. Берроуз. Второй этап – *«сан-францисский»* (1954–1964) начался с переезда Гинзберга на западное побережье и ознаменовался ростом влияния битников, расширением сети акторов и формированием хиппи-сообщества. Третий этап, *«трансатлантический»*, пришелся на вторую половину 1960-х гг., когда, с одной стороны, началось активное проникновение британского культурного влияния в США («Британское вторжение»), а с другой – благодаря «тропе хиппи» и другим формам межкультурного взаимодействия американские идеи начали распространяться в Европе. Завершением этого этапа и всей классической фазы контркультуры можно считать наступление так называемого «похмелья 1970-х» примерно в 1973 г.

В-седьмых, американская контркультура была воспринята британским обществом не как цельное протестное движение, а фрагментарно. Философия построения автономных сообществ, постоянного перемещения («рюкзачная революция»), отказа от традиционной семьи, свободной любви и гомосексуальности как формами протеста остались за пределами восприятия британской молодежи. Причина заключалась в том, что все вышеперечисленное стало порождением американского социокультурного контекста, а в британском обществе для формирования протеста подобного рода отсутствовала почва.

Вместо этого американская контркультура была воспринята как эстетическое направление через музыку, моду, визуальные образы и стала для британской молодежи средством самовыражения посредством стиля, а не социальных или политических взглядов. Подобный механизм рецепции наблюдался и ранее, в 1950-

е гг., когда тедди-бои заимствовали американскую культуру преимущественно через внешние формы: джаз, рок-н-ролл и тонкие галстуки.

В-восьмых, анализ структуры контркультурной сети показывает, что наибольшим авторитетом продолжали пользоваться представители первой и, частично, второй волны: ранние битники, Т. Лири, коммуна «Веселые проказники», а также “The Beatles” как первая музыкальная группа, осуществлявшая трансатлантический трансфер. Именно эти акторы заложили идейную основу контркультуры. Представители «новой элиты» третьего этапа, несмотря на широкую известность среди массовой аудитории, в большинстве своем не вносили принципиально новых идей, в лучшем случае транслируя существовавшие концепции. Иногда они и вовсе отходили от философской составляющей, превратив контркультуру в пространство гедонизма и отказавшись от глубокой социальной рефлексии.

В целом, проведённое диссертационное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения контркультуры в пространственном и временном измерении. Одним из направлений может стать анализ преемственности между нонконформистами «долгих шестидесятых» и последующими протестными движениями в США, Великобритании и других странах. Характерным примером здесь является Франция после событий мая 1968 г., где политические радикалы обратились к американским контркультурным протестным практикам. Это ярко проявилось на страницах журнала “Actuel”, публиковавшем произведения битников, хиппи и радикальных феминисток (например, “SCUM Manifesto” В. Соланос).

Не менее перспективным направлением представляется изучение культурных трансферов, связанных с восприятием американо-британского контркультурного протестного дискурса в СССР. Влияние западных практик ощущалось в молодежной среде периода «оттепели» и «застоя», что позволяет выявить транснациональные механизмы циркуляции идей и символов, а также степень их адаптации в принципиально иных социально-политических и культурных условиях.

Кроме того, значительным потенциалом для будущих исследователей обладает изучение наследия контркультуры и двойственности его восприятия,

затронутое в конце третьей главы. С одной стороны, в массовом и общественном дискурсе по-прежнему сохраняется маргинализированный образ хиппи, ассоциируемый с наркотиками, промискуитетом и отказом от трудовой и семейной этики. Этот стереотип, сложившийся ещё в конце 1960-х гг. в рамках конформистского нарратива, устойчиво воспроизводится в культуре и публичной риторике. С другой стороны, многие практики, характерные для контркультурного протеста, были деполитизированы и интегрированы в либеральный мейнстрим, например, экологическая повестка, идеи устойчивого потребления, сексуальная свобода, пересмотр семейных ролей и даже использование психоактивных веществ в терапевтических целях.

Список источников и литературы

I.1. Архивные материалы из оцифрованных коллекций

1. Allen Ginsberg papers, 1937-2017 // Stanford University. URL: https://searchworks.stanford.edu/view/4084385
2. Diane Di Prima Papers, 1955-2008 // University Libraries URL: https://finding-aids.lib.unc.edu/catalog/12002
3. Digger Archives URL: https://www.diggers.org/top_entry.htm
4. “Family’s” Archives, 1969-1973. URL: https://www.cielodrive.com/index.php
5. William S. Burroughs’s Archives. URL: https://realitystudio.org/

I.2. Опубликованные источники официального происхождения

I.2.1. Законы и подзаконные акты

6. Билль о правах ветеранов. 1944 // Национальные архивы США. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/servicemens-readjustment-act#:~:text=Signed%20into%20law%20by%20President,WWII%20and%20later%20military%20conflicts. (Дата обращения: 20.02.2024).
7. Меры по борьбе с изменением климата // ООН URL: https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement (дата обращения 12.06.2025).
8. 10 U.S. Code § 925. Art. 125. Sodomy. URL: http://web.archive.org/web/20140103034229/http://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/925 (дата обращения 07.04.2024).
9. Abortion Act of 1967. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/contents (дата обращения 14.05.2024).
10. British Nationality Act of 1948. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted (дата обращения 08.06.2025).
11. Civil Rights Act of 1964. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act (дата обращения 12.01.2025).

12. Constitution of the United States // The United States Senate. URL: https://www.senate.gov/about/origins-foundations/senate-and-constitution/constitution.htm (дата обращения 04.05.2025).
13. Controlled Substances Act of 1971. URL: https://www.naabt.org/documents/controlled-substances-act.pdf (дата обращения: 14.02.2024).
14. Divorce Reform Act of 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/55/contents/enacted (дата обращения 14.05.2024).
15. Drug Scheduling // United States Drug Enforcement Administration. URL: https://www.dea.gov/drug-scheduling (дата обращения 07.04.2020).
16. Executive Order 10450. 1953, 18 FR 2489, 3 CFR, 1949-1953. Comp., p. 936. URL: https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/10450.html (дата обращения 07.04.2020).
17. Exemption requirements. 501(c)(3) organizations // IRS. URL: https://www.irs.gov/charities-non-profits/charitable-organizations/exemption-requirements-501c3-organizations (дата обращения 12.06.2025).
18. Family Law Reform Act of 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/46 (дата обращения 14.05.2024).
19. Higher Education Act of 1965. P.L. 89–329; Approved November 8, 1965 URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-765/pdf/COMPS-765.pdf (дата обращения 18.03.24).
20. Internal Security Act of 1950 // U.S. Statutes at Large, 81st Cong., II Sess., Chp. 1024. P. 987-1031.
21. Marihuana Tax Act of 1937. URL: https://www.druglibrary.org/schaffer/hemp/taxact/mjtaxact.htm (дата обращения: 14.02.2024).
22. Ministry of Defence, Defence: Outline of Future Policy, Cmnd. 124. London: HMSO. 1957.

23. National Health Service (Family Planning) Act of 1967. URL: https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/relationships/collections1/parliament-and-the-1960s/national-health-service-family-planning-act/ (дата обращения 14.05.2024).
24. Psychedelic Legalization & Decriminalization Tracker // Psychedelic Alpha URL: https://psychedelicalpha.com/data/psychedelic-laws (дата обращения: 11.02.2025).
25. Race Relations Act of 1965. URL: https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/relationships/collections1/race-relations-act-1965/race-relations-act-1965/#:~:text=The%20Act%20banned%20racial%20discrimination,or%20national%20origins'%20an%20offence. (дата обращения 08.06.2025).
26. Selective Service and Graduate Enrollments // ERIC. URL: https://eric.ed.gov/?id=ED027817 (Дата обращения 12.01.2025).
27. The Narcotic Control Act of 1956. URL: https://komornlaw.com/the-narcotic-control-act-of-1956/ (дата обращения: 14.02.2024).
28. The National Plan URL: https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/sixties-britain/national-plan/ (дата обращения 23.03. 2024).
29. The Representation of the People Act. 1969. (Commencement) Order of 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/1969/630/pdfs/uksi_19690630_en.pdf (дата обращения 14.05.2024).
30. U.S. Sentencing Commission Comment Letter // MAPS. URL: https://maps.org/2024/07/18/u-s-sentencing-commission-comment-letter/ (дата обращения: 11.02.2025).
31. Voting Rights Act of 1965. URL https://www.archives.gov/milestone-documents/voting-rights-act (Дата обращения 12.01.2025).

I.2.2. Выступления государственных и публичных лиц

32. The American Presidency Project**.** URL: https://www.presidency.ucsb.edu/ (дата обращения: 06.02.2025).

33. Kennedy J. Cuban Missile Crisis Address. October 22, 1962 URL: https://loveman.sdsu.edu/docs/1962Kennedy_missilecrisisspeech.pdf (дата обращения 04.05.2025).
34. King M.L. Letter from Birmingham Jail. Aug. 1963. URL: https://www.csuchico.edu/iege/_assets/documents/susi-letter-from-birmingham-jail.pdf (Дата обращения 12.01.2025).
35. Macmillan H. A speech given on the 20th July in Bedford at a Conservative Party rally to mark 25 years' service by Mr Lennox-Boyd as MP for Mid-Bedfordshire. 1957.
36. Macmillan H. Speech to Members of both Houses of the Parliament of the Union of South Africa, Cape Town, 3 February 1960. URL: https://web-archives.univ-pau.fr/english/TD2doc1.pdf (дата обращения 23.03.2024).
37. Nixon R. Remarks at the National 4-H Congress, Chicago, Illinois. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-national-4-h-congress-chicago-illinois (дата обращения: 06.02.2025).
38. Powell E. 'Rivers of Blood' speech // The Daily Telegraph. November 6, 2007. URL: https://www.telegraph.co.uk/comment/3643823/Enoch-Powells-Rivers-of-Blood-speech.html (дата обращения 14.05.2024).
39. Ronald Reagan slams the hippies [видеозапись] // YouTube. Режим доступа: https://youtu.be/yfg9WL6j5V4?si=DrLTZFSGJh2-RTd4 (дата обращения 08.04.24).

I.2.3. Судебные прецеденты

40. Beauharnais v. People, 343 U.S. 1952.
41. Boston Trial of Naked Lunch URL: https://realitystudio.org/texts/naked-lunch/trial/ (дата обращения: 28.05.2023).
42. Commonwealth v. Gordon, 66 Pa. D. & C. 1949.
43. Cornell Law School. Engel v. Vitale. 1962. // Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/engel_v._vitale_(1962) (дата обращения: 28.05.2023).
44. Dennis v. United States, 341 U.S. 494. 1951.

45. Jim Morrison Hearing transcript. URL: https://www.slideshare.net/slideshow/jim-morrison-hearing-transcript/10065685#52 (дата обращения 16.04.24).
46. Loving v. Virginia, 388 U.S. 1. 1967.
47. People of the State of California v. Lawrence Ferlinghetti. Howl Obscenity Trial. October 3, 1957.
48. People of the State of California vs. Charles Manson, Susan Atkins, Leslie Van Houten and Patricia Krenwinkel. Case No. A253156. Vol. 1-209 // CieloDrive. URL: https://www.cielodrive.com/people-v-manson-atkins-van-houten-krenwinkel.php (дата обращения: 28.05.2023).
49. People of the State of California vs. Ronald Davis, State of California Superior Court, Appellate Department No. 1177. December 27,1966.
50. Roe v. Wade, 410 U.S. 113. 1973. // Justia. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/ (дата обращения: 28.05.2023).
51. Roth vs. United States, 354 U.S. 1957.
52. Winters v. People, 333 U.S. 1948.

I.2.4. Информационно-методические и пропагандистские материалы

53. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. American Psychiatric Association. 1952. 132 p.
54. Homosexuality and Citizenship in Florida. Florida Legislative Investigation Committee. 1964. 52 p.
55. Miner's Ten Commandments / H. Eastman, del.; Anthony & Baker // Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/item/2011661688/ (дата обращения 15.03.2024).
56. Official U.S. Government Booklet. Survival Under Atomic Attack. Washington: Government Printing Office. 1950. 32 p.

I.3.Источники личного происхождения

I.3.1. Мемуары, дневники и переписка

57. Антология The Beatles. М.: Росмэн, 2002. 376 с.
58. Берроуз У. Письма / Сост. и ред. О. Харрис. М.: АСТ, 2011. 828 с.
59. Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест. СпБ: Аркадия, 2018. 496 с.

60. Ричардс К. Жизнь. М.: Corpus, 2012. 784 с.
61. Berkoff S. Free Association. An autobiography. London: Faber & Faber, 1996. 440 p.
62. Cassady C. Heart Beat: My Life with Jack and Neal. Berkeley. CA: Creative Arts Book Co, 1978. 93p.
63. Cassady N. Collected Letters, 1944–1967 / Ed. by Moore D. N. Y.: Penguin Books, 2005. 512 p.
64. Davies R. X-Ray. London: Viking, 1994. 420 p.
65. Ginsberg A. Journals: Early Fifties – Early Sixties. / Ed. by Ball G, N. Y.: Grove Press, 1977. 302 p.
66. Ginsberg A. The Letters of Allen Ginsberg / Ed. by Morgan B. N. Y.: Da Capo Press, 2008. 468 p.
67. Home Free Home: A History of Two Open-Door California Communes. URL: https://www.diggers.org/homefree/hfh_int.html (дата обращения 15.09.2024).
68. Kerouac J. Nobody's Wife: The Smart Aleck and the King of Beats. N.Y.: Creative Arts Book Co, 2000. 216 p.
69. Kerouac J. Selected Letters, 1940–1956 / Ed. by Charters A. N. Y.: Viking, 1995. 629 p.
70. Kerouac J. Selected Letters, Volume 2: 1957–1969 / Ed. by Charters A. N. Y.: Viking, 1999. 608 p.
71. Riordan J., Prochnicky J. Break On Through: The Life and Death of Jim Morrison. N. Y.: Avon Books, 1991. 544 p.
72. The Rolling Stones. According to the Rolling Stones. London: Chronicle Books, 2003. 360 p.

I.3.2. Интервью

73. Веннер Я., Леви Дж. Великие интервью журнала Rolling Stone за 40 лет. М.: Пальмира, 2019. 512 с.
74. Могутин Я. Три часа в постели с «пидором-индивидуалистом». Интервью с Алленом Гинзбергом. // Могутин Я. 30 интервью. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 11-40.

75. Одье Д. Интервью с Уильямом Берроузом. Владимир: АСТ; Астрель; ВКТ, 2011. 320 с.
76. Тимоти Лири про LSD // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=fNhi-wZdzbI (дата обращения 08.10.24).
77. 1955: Meet the TEDDY BOYS | Special Enquiry | Voice of the People | BBC Archive. // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=EYfQXZ444vo&t=1s&ab_channel=BBCArchive (дата обращения: 06.02.25).
78. Allen Ginsberg Interview // Allen Ginsberg papers, 1937-2017 // Stanford University. URL: https://searchworks.stanford.edu/view/hc400xz5743
79. Allen Ginsberg with Allen Young, Gay Sunshine Interview. Bolinas. CA: Grey Fox, 1974. 74 p.
80. Charles Fowler about the war // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=OMnSlP-Kero&t=395s&ab_channel=KWLF (Дата обращения 12.01.2025).
81. Firing Line with William F. Buckley Jr.: The Hippies. // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=BYgv7ur8ipg (дата обращения 27.01.25).
82. Interview with Diane Di Prima. Folder 1024 // University Libraries. URL: https://dc.lib.unc.edu/cdm/search/collection/12002/searchterm/folder_1024!12002/field/all!all/mode/exact!exact/conn/and!and/order/relatid (дата обращения 27.01.25).
83. Ken Kesey takes the Grateful Dead on a field trip. // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=COEcwtnr5Gc&feature=youtu.be (дата обращения 08.10.24).
84. Meltzer D. San Francisco Beat: Talking with the Poets. San Francisco: City Lights Publishers, 2001. 425p.
85. Teddy Boys – Interview with Teddy Boys – 25/3/1956. // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=vhFPSMd9F5w&t=4s&ab_channel=psycledelic67 (дата обращения: 06.02.25).
86. Voices from the Love Generation. / Ed. by Wolf L. Boston: Little, Brown and Company, 1968. 283 p.

I.4. Публицистика и труды современников

87. Мейлер Н. Белый негр. Поверхностные размышления о хипстере. М.: Ад Марнингем Пресс, 2015. 127 с.
88. Подгорец Н. Незнайки из богемы // Керуак Д. На дороге. Мэгги Кэссиди. Эссе. Иваново: Просодия, 2002. С. 16-30.
89. Форте Р. Тимоти Лири. Искушение будущим. М.: Ультра. Культура, 1999. 448 с.
90. Фридан Б. Загадка Женственности. М.: Прогресс, Литера, 1993. 496 с.
91. Allen W. Review of Lucky Jim // Protest. The Beat Generation and The Angry Young Men. / Ed. by Feldman G., Gartenberg M. London: Panther Books, 1959. P. 339-341.
92. Gitlin T. The Sixties: Years of Hope, Days of Rage. N. Y.: Bantam Books, 1993. 544 p.
93. Hewitt P. The Sharper Word: A Mod Anthology. London: Helter Skelter Publishing, 2010. 224 p.
94. Holloway J. Tank in the Stalls: Notes on the School of Anger // Protest. The Beat Generation and The Angry Young Men. / Ed. by Feldman G., Gartenberg M. London: Panther Books, 1959. P. 364-371.
95. Nuttall J. Bomb Culture. London: Paladin, 1970. 252 p.
96. Tribute to Alan Harrington. The Author of 'The Immortalist' Failed to Defeat Death, But He Left Behind a Legacy of Love and Respect. URL: https://www.tucsonweekly.com/tw/07-03-97/feat.htm (дата обращения 31.05.2025).

I.5. Периодические издания

1. Birmingham Daily Post.
2. Business Insider.
3. Daily Mirror.
4. Evening Standard.
5. Forbes.
6. Guardian.
7. Harpers Magazine.
8. Harvard Crimson.
9. Honey.

10. Houston Chronicle.
11. Life.
12. London OZ.
13. Look Magazine.
14. Los Angeles Times.
15. Mad.
16. Montreal Gazette.
17. National Screw.
18. Nature.
19. New York Times.
20. Peterborough Advertiser.
21. Playboy.
22. Ramparts.
23. Reporter.
24. San Francisco Chronicle.
25. San Francisco Examiner.
26. San Francisco Oracle.
27. Saturday Review.
28. Shields Daily News.
29. Spectator.
30. Sphere.
31. Sunday People.
32. Sussex Agricultural Express.
33. TechCrunch+.
34. Time Magazine.
35. Times.
36. Village Voice
37. Vice.
38. Washington Post.

I.6. Социологические опросы

39. BRC Census Population Analysis, 2013-2019. URL: http://blackrockcitycensus.org/index.html#whatis (дата обращения: 24.12.2021).

40. Crabtree S. The Gallup Brain: Americans and the Korean War // Gallup. February 4, 2003. URL: https://news.gallup.com/poll/7741/gallup-brain-americans-korean-war.aspx (дата обращения 04.05.2025).

41. Gallup International Public Opinion Polls, Great Britain, 1937-1975 V1. Greenwood. 784 p.

42. Kennedy Library Releases New Report on Cuban Missile Crisis- Study Documents Impact of Crisis on American Public Opinion // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. October 16, 2002. URL: https://www.jfklibrary.org/about-us/news-and-press/press-releases/kennedy-library-releases-new-report-on-cuban-missile-crisis-study-documents-impact-of-crisis-on-amer (дата обращения 04.05.2025).

43. Poll Results on American Attitudes Toward War on Drugs // ACLU. June 9, 2021. URL: https://www.aclu.org/documents/poll-results-american-attitudes-toward-war-drugs (дата обращения: 11.02.2025).

44. Racial Disparities in Stops by the DC Metropolitan Police Department // ACLU DC, June 16, 2020. URL: https://www.acludc.org/en/racial-disparities-stops-metropolitan-police-department-2020-data-update (дата обращения: 11.02.2025).

45. Saad L. Gallup Vault: 1969 College Students' Resistance to Vietnam // Gallup March 16, 2018. URL: https://news.gallup.com/vault/230501/gallup-vault-1969-college-students-resistance-vietnam.aspx (дата обращения 12.01.2025).

46. Saad L. Gallup Vault: Americans Not Keen on A-Bomb During Korean War // Gallup. August 17, 2017. URL: https://news.gallup.com/vault/216317/gallup-vault-americans-not-keen-bomb-during-korean-war.aspx (дата обращения 04.05.2025).

47. Swift A. Support for Legal Marijuana Use Up to 60% in U.S. // Gallup URL: https://news.gallup.com/poll/196550/support-legal-marijuana.aspx (дата обращения: 14.02.2024).

I.7. Художественная литература

48. Берроуз У. Голый завтрак. М.: АСТ, 2017. 320 с.

49. Берроуз У. Гомосек // Джанки. Письма Яхе. Гомосек: Романы. М.: АСТ, 2005. С. 273-381.
50. Берроуз У. Джанки. М.: АСТ, 2018. 222 с.
51. Берроуз У. Письма Яхе // Джанки. Письма Яхе. Гомосек: Романы. М.: АСТ, 2005. С. 201-270.
52. Кастанеда К. Учение дона Хуана: Путь знания индейцев яки. Отдельная реальность. М.: ООО Книжное издательство «София», 2022. 416 с.
53. Керуак Дж. Бродяги Дхармы // Видения Жерара. Бродяги Дхармы. Биг-Сур. М.: Просодия. 2002. С. 103 – 290.
54. Керуак Дж. В дороге. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 413 с.
55. Кизи К. Пролетая над гнездом кукушки. М.: Эксмо, 2022. 320 с.
56. Томпсон Х. Страх и отвращение в Лас-Вегасе. М.: АСТ, 2014. 320 с
57. Amis K. Lucky Jim. London: Penguin Books, 1954. 256 p.
58. Cassady N. The First Third and Other Writings. San Francisco: City Lights Books, 1971. 157 p.
59. Corso G. Bomb. URL: https://www.litkicks.com/Texts/Bomb.html (дата обращения 14.08.2024).
60. Ginsberg A. Howl // Ginsberg A. Howl and Other Poems. San-Francisco: City Lights Pocket Poets, No. 4. 1959. P. 9-21.
61. Ginsberg A. Kaddish // Ginsberg A. Kaddish and Other Poems. San Francisco: City Lights Books, 1961. P. 7-37
62. Ginsberg A. The Green Automobile. URL: https://cafebeatnik.wordpress.com/2012/08/02/allen-ginsberg-the-green-automobile/ (дата обращения 13.05.2024).
63. Osborne J. Look Back in Anger. London: Penguin Books, 1982. 96 p.
64. Prima D. Memoirs of a Beatnik. San Francisco: Last Gasp, 1988. 138 p.
65. Sillitoe A Saturday Night and Sunday Morning. London: W. H. Allen, 1958. 216 p.
66. Wilson C. The Outsider. London: W. H. Allen, 2001. 336 p.
67. Wilson S. The Man in the Gray Flannel Suit. N. Y.: Simon and Schuster, 1955. 304 p.
68. Wylie P. Tomorrow! (Beyond Armageddon). Ca: Bison Books, 2009. 384 p.

I.8. Тексты песен

69. The Beatles. Tomorrow Never Knows, 1966.
70. The Beatles. Come Together, 1969.
71. The Beatles. She Said She Said, 1966.
72. The Beatles. Lucy in the Sky with Diamonds, 1967.
73. Grateful Dead. The Golden Road (To Unlimited Devotion), 1967.
74. Grateful Dead. The Eleven, 1969.
75. Lundberg V. An Open Letter to My Teenage Son, 1967.
76. The Rolling Stones. Mother’s Little Helper, 1966.

I.9. Визуальные источники

77. A Date with Judy #78. Aug/Sept 1960.
78. The Adventures of Jerry Lewis #58. May/June 1960.
79. The Adventures of Jerry Lewis #59. July/Aug 1960.
80. The Adventures of Jerry Lewis #62. Jan./Feb. 1961.
81. The Adventures of Bob Hope #72. Dec. 1961/Jan. 1962.
82. The Many Loves of Dobie Gillis #1. May/June 1960.
83. The Many Loves of Dobie Gillis #4. Nov/Dec 1960.

I.10. Аудиовизуальные источники

84. Allen Ginsberg reading Howl, San Francisco, 1956. // Allen Ginsberg papers, 1937-2017 // Stanford University. URL: https://searchworks.stanford.edu/view/wn480hx4227 (дата обращения 19.09.2024).
85. Big Lebowski, dir. Joel Coen, 1998.
86. Blue Lamp, dir. Basil Dearden 1950.
87. Breakfast at Tiffany's, dir. Blake Edwards, 1961.
88. Cosh Boy, dir. Lewis Gilbert, 1953.
89. Duck and Cover. Bert The Turtle. 1951. URL: https://www.youtube.com/watch?v=IKqXu-5jw60&t=45s&ab_channel=NuclearVault (дата обращения 04.05.2025).
90. Easy Rider, dir. Dennis Hopper, 1969.

91. Friends, dir David Crane, Martha Kauffman. USA: Warner Bros. Television; NBC, 1994–2004.
92. Gentlemen Prefer Blondes, dir. Howard Hawks, 1953.
93. Hair, dir Miloš Forman, 1979.
94. Jailhouse Rock, dir. Richard Thorpe, 1957.
95. Let Him Have It, dir. Peter Medak, 1991.
96. Magical Mystery Tour, dir. The Beatles 1967.
97. My Fair Lady, dir. George Cukor, 1964.
98. Once Upon a Time in... Hollywood, dir. Quentin Tarantino, 2019.
99. Rock Around the Clock, dir. Fred Sears, 1956.
100. Roman Holiday, dir. William Wyler, 1953.
101. Small Faces Under Review. Quincey, Ill.: Video Music World, 2005.
102. Some Like It Hot, dir. Billy Wilder, 1959.
103. South Park. Die Hippie, Die. TV-series episode. Season 9, episode 2, dir. Trey Parker. Originally aired March 16, 2005. Comedy Central.
104. Story of the Who, dir. Murray Lerner. Universal City, CA: Universal Pictures, 2007.
105. Taxi Driver, dir. Martin Scorsese, 1976.
106. Trip, dir. Roger Corman, 1967.
107. Violent Playground, dir. Basil Dearden, 1958.

I.11. Статистические материалы

108. Cambridge Economic History of Modern Britain. “The Welfare State, Income and Living Standards”. URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/the-cambridge-economic-history-of-modern-britain/the-welfare-state-income-and-living-standards/36F8A01E01C065BF996ECF99255FEE90 (дата обращения 08.11.24).
109. Dataset: Earnings time series of median gross weekly earnings from 1968 to 2023 // Office for National Statistics, 01 November 2023. URL: https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/earningsandworkinghours/datasets/earningstimeseriesofmediangrossweeklyearningsfrom1968to2022 (дата обращения 23.02.2024).

110. Financial Reports // MAPS. URL: https://maps.org/fiscal/ (дата обращения: 11.02.2022).

111. House of Commons. Communities and Local Government Committee: Local Government Finance. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmselect/cmcomloc/173/17305.htm (дата обращения 08.11.24).

112. CAEW. “The Future of Tax and Public Spending: Graphic – 70 Years of Public Spending”. URL: https://www.icaew.com/insights/insights-specials/the-future-of-tax-and-public-spending/Graphic-70-years-of-public-spending (дата обращения 08.11.24).

113. Journal of Social Policy. Public Spending and Social Policy: The United Kingdom 1950–1977. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-social-policy/article/abs/public-spending-and-social-policy-the-united-kingdom-19501977/4BE47C25A881F27F6995E0AFACCF28DD (дата обращения 08.11.24).

114. Parliamentary Research Briefings. “The Welfare State”. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-111/RP 99-111.pdf (дата обращения 08.11.24).

II. Литература

115. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

116. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

117. Байчоров А. От «разбитого» поколения к контркультуре: (парадоксы молодежного протеста в США). Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. 142 с.

118. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

119. Баталов Э. «Новые левые» и Герберт Маркузе. М.: Знание, 1970. 74 с.

120. Бискинд П. Беспечные ездоки, бешеные быки. М.: АСТ, 2007. 640 с.

121. Бодров О., Закиров А. Путешествие «Далше» летом 1964 года и его значение в процессе смены субкультур США // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 291-304.

122. Бодров О., Закиров А. Уличный театр «Мим труппа Сан-Франциско» как духовная реакция молодежина социально-политическую реальность США 1960–1970-х гг // Диалог со временем. 2024. Вып. 87. С. 309-324.

123. Бодров О., Храмов И. Идейная эволюция организации «Студенты за демократическое общество» в США в 1960-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 4 (102). URL: https://history.jes.su/s207987840014384-1-1/

124. Бодров О.В., Закиров А.В. Контркультура 1960-х и рождение Underground Press в США // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 1. URL: https://rusus.jes.su/s207054760014716-4-1/

125. Большаков В. Бунт в тупике? Очерки с идеологического фронта. М.: Молодая гвардия, 1973. 365 с.

126. Борзов А. В. Американские церкви и маккартизм // Американский ежегодник. 2017. М., 2018. С. 157–176.

127. Брычков А. Молодая Америка. М.: Молодая гвардия, 1971. 254 с.

128. Брычков А. Молодежь США: от нигилизма к политике. М.: Молодая гвардия, 1974. 146 с.

129. Вайнен Р. Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 627 с.

130. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

131. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–238.

132. Громова И. Леонтьева В.Н. Контркультура как адаптивный механизм трансляции социального опыта // Социс. 1991. № 10. С. 78-87.

133. Давыдов Ю., Роднянская И. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М.: Наука, 1980. 264 с.

134. Давыдов Ю. Контркультура и кризис социализации молодежи в условиях «общества потребления». // Социс. 1977. №3. С. 78-87.

135. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 893 с.

136. Загвоздкина Е. Изменение в ценностной системе американских СМИ 1960-х гг.: на примере репрезентации “разбитого поколения” в журналах LIFE, TIME и газете The New York Times: дис. канд. журн. наук: 10.01.10. - МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2017. 181 с.

137. Загвоздкина Е. Репрезентация «Разбитого поколения» в журналах «Лайф» и «Тайм» // МедиаАльманах Факультета журналистики МГУ Имени М.В. Ломоносова. 2017. № 1. С. 90-101.

138. Загвоздкина Е. Репрезентация «Разбитого поколения» в журнале «ЛАЙФ» в конце 1950-х – начале 1970-х гг. // Вестник Московского Университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 1. С. 24-39.

139. Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН: Фонд “Предизентский центр Б.Н. Ельцина”, 2011. 671 с.

140. Иванян Э.А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007. 432 с.

141. Иконникова С.Н. Их судьбы: (социол. заметки о молодежи США) / С.Н. Иконникова; О-во “Знание” РСФСР, Ленингр. организация. Ленинград: ЛГИК, 1968. 39 с.

142. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. 352 с.

143. Кадошникова Д. Контркультура в моде: влияние культуры хиппи на современную моду // CLIO MODERNA-3: исторический опыт развития стран Запада и Востока в новое и новейшее время: сборник материалов международной

научной конференции 18 ноября 2023 г., Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: УрГПУ, 2024. С. 58-63.

144. Кожушко Д., Иващенко Я. Диалогичность современного костюма: развитие, направления и специфика этнического стиля // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2016. № 1. С. 91-97.

145. Кон И. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений» // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 3. С. 27-39.

146. Кубышкин А. И. Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества: Монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 280 с.

147. Лаврецкий И. Эрнесто Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 1973. 196 с.

148. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.

149. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

150. Лири Т., Мецнер Р., Олперт Р. Психоделический опыт: руководство на основе «Тибетской книги мертвых». Киев: Ника-Центр, 2003. 244 с.

151. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 23–27.

152. Майлз Б. Бит Отель: Гинзберг, Берроуз и Корсо в Париже, 1957–1963. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 327 с.

153. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000. 164 с.

154. Могутин Я., Шаталов А. Битники: История болезни // Берроуз У. Голый Завтрак. М.: Глагол, 1994. С. 7-24.

155. Мюшембле Р. Оргазм, или любовные утехи на Западе. История наслаждения с XVI века до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.

156. Нитобург Э. Борец против расизма, за мир и социальную справедливость// Кинг М.Л. Есть у меня мечта. М.: Издательство «Наука», 1970. С. 179–223.

157. Нитобург Э.Л Афроамериканцы США, XX век: этноисторический очерк. М.: Наука, 2009. 581 с.

158. Новиков М. Д. Интерпретация политики маккартизма в советской и российской исторической науке. СПб., 2017. 114 с.

159. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ, 2008. 347 с.

160. Пленков О. Революция 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СпБ: Владимир Даль, 2023. 473 с.

161. Райх В. Сексуальная революция. М.: Профит стайл; Серебряные нити, 2016. 324 с.

162. Роговцева А. С. Деятельность Междисциплинарной ассоциации психоделических исследований как пример современной научной дипломатии США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 4 (114). URL: https://history.jes.su/s207987840021119-9-1/.

163. Роговцева А. С. Исследование телесности в контексте контркультурных движений США: динамика и конформистский ответ // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 2 (148). URL: https://history.jes.su/s207987840034838-0-1/.

164. Роговцева А.С. Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятых» в трансатлантическом контексте // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 116–133.

165. Роговцева А.С. Феномен «психоделического ренессанса» в современных США // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. С. 109–123.

166. Розенталь, Э. Хиппи и другие // Новый мир. 1971. №7. С. 182-204.

167. Рошак Т. Истоки контркультуры. М.: АСТ, 2014. 384 с.

168. Самойлов Н. Ю. Влияние левых идеологий на молодежное движение Великобритании 1960-х гг // Известия АлтГУ. 2016. №2 (90). С 134-138.

169. Стуруа М. Брожение. М.: Молодая гвардия, 1971. 224 с.

170. Супоницкая И. М. Общество против Джозефа Маккарти // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 135–147.

171. Уэйд С. Мишель Фуко в Долине Смерти. Как великий философ триповал в Калифорнии. М.: Рипол Классик, 2020. 192 с.

172. Федорова И. Гедонизм как принцип контркультуры // Этика и эстетика. Киев, 1983. Вып. 26. С. 122-128.

173. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

174. Хаустов Д. Берроуз, который взорвался. М.: Индивидуум, 2024. 319 с.

175. Хаустов Д. Битники. Великий отказ или Путешествие в поисках Америки. М.: РИПОЛ классик, 2021. 298 с.

176. Хопкинс Дж., Шугерман Д. Никто из нас не выйдет отсюда живым. Спб.: Амфора, 2008. 477 с.

177. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.

178. Эшер П. The Beatles от A до Z: необычное путешествие в наследие «ливерпульской четверки». М.: Бомбора, 2022. 352 с.

179. A History of Our Time: Readings on Postwar America / Ed. by Chafe W., Sitkoff H., Bailey B. N. Y.: Oxford University Press, 2008. 484 p.

180. Anderson C. One Person, No Vote: How Voter Suppression Is Destroying Our Democracy. London: Bloomsbury Publishing, 2018. 288 p.

181. Anderson T. The Movement and the Sixties. Protest in America from Greensboro to Wounded Knee. N. Y.: Oxford University Press, 1995. 544 p.

182. Babou C. Decolonization or National Liberation: Debating the End of British Colonial Rule in Africa // The Annals of the American Academy of Political and Social Science 2010. Vol. 632(1). P. 41-54.

183. Barnhart M., Mish J., Hippies, Hummer Owners, and People Like Me: Stereotyping as a Means of Reconciling Ethical Consumption Values with the DSP // Journal of Macromarketing. 2016. Vol. 37(1). P. 1-15.

184. Barthes R. The Fashion System. Berkeley: University of California Press, 1990. 351 p.

185. Bates M. The Wars We Took to Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1996. 340 p.

186. Beamish T., Molotch H., Flacks R. Who supports the troops? Vietnam, the Gulf War, and the making of collective memory // Social Problems. 1995. Vol. 42(3). P. 344-360.

187. Bernard J. Class Organization in an Era of Abundance. Transactions of the Third World Congress of Sociology. 1956. Vol. 3. P. 26-31.

188. Bird K. Sherwin M. American Prometheus: The Triumph and Tragedy of J. Robert Oppenheimer. N. Y.: Knopf, 2005. 784 p.

189. Bishop T. “The Struggle to Sell Survival”: Family Fallout Shelters and the Limits of Consumer Citizenship // Modern American History. 2019. Vol. 2, Iss. 2. P. 117 – 138

190. Blauner R. Alienation and Freedom: The Factory Worker and His Industry. Chicago: University of Chicago Press, 1964. 260 p.

191. Blight J., Brenner Ph. Sad and Luminous Days: Cuba's Struggle with the Superpowers after the Missile Crisis. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2002. 352 p.

192. Bourdieu P. Classement, déclassement, reclassement // Actes de la recherche en sciences sociales. 1978. Vol 24. P. 2-22.

193. Bourdieu P. L’Illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. Vol. 63. P. 69-72.

194. Bradley C. The Behavior of Children Receiving Benzedrinen // American Journal of Psychiatry, November 1937. №. 94. P. 577–581.

195. Brands H. The Age of Gold: The California Gold Rush and the New American Dream. N. Y.: Anchor, 2003. 592 p.

196. Brechin G. Imperial San Francisco, With a New Preface: Urban Power, Earthly Ruin. Berkeley: University of California Press, 2006. 437p.

197. Breines W. Young, Neand Miserable: Growing Up Female in the Fifties. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 261p.

198. Breward C. Style and Subversion: Postwar Poses and the Neo-Edwardian Suit in Mid-Twentieth Century Britain // Gender History. 2002. P. 560-583.

199. Brick H. Age of Contradiction: American Thought and Culture in the 1960s. N. Y.: Twayne Publishers, 2001. 272 p.

200. Brinkley D. America in the Truman and Eisenhower Years // Beat Culture: the 1950s and Beyond / Ed. by Van Minnen C., Van der Bent J. Elteren M. Amsterdam: VU University Press, 1999.

201. Bugliosi V., Gentry C. Helter Skelter: The True Story of the Manson Murders. New York: W. W. Norton & Company, 1974. 925 p.

202. Calder A. The People's War. London: Pimlico, 1992. 656 p.

203. Carmona C. Keeping the Beat: The Practice of a Beat Movement. Doctoral (Philosophy) Dissertation. Texas A&M University, 2012. 271 p.

204. Carpenter H. The angry young men: a literary comedy of the 1950s. London: Penguin Books, 2002. 256 p.

205. Cavallo D. A Fiction of the Past: The Sixties in American History. N. Y.: St. Martin's Press, 2001. 288p.

206. Cavan S. Hippies of the Haight. MO: New Critics Press Inc., 1972. 213 p.

207. Charters A. The Portable Beat Reader. N. Y.: Penguin Books, 2003. 678 p.

208. Chenoune F. A History of Men's Fashion. Paris: Flammarion, 1993. 336 p.

209. Claramonte J. La República de los fines. Murcia: Cendeac, 2005. 256 p.

210. Clarke P. Hope and Glory: Britain 1900-2000. London: Penguin, 2004. 512 p.

211. Cole R Industrial Balladry, Mass Culture and the politics of Realism in Cold War Britain. The Journal of Musicology. 2017. Vol. 34(3) P. 354–390.

212. Coyote P. Sleeping Where I Fall, Washington D.C.: Counterpoint, 2009. 400 p.

213. Cross R. The Teddy boy as scapegoat // Men's Fashion Reader. N. Y.: Fairchild Books. 1998. P. 214-230.

214. Cross C. The Fall of the British Empire. London: Hodder & Stoughton Limited, 1968. 380 p.

215. Cumings B. The Korean War: A History. N.Y.: Random House Publishing Group, 2011.320 p.

216. Davidson M. The San Francisco Renaissance: Poetics and Community at Midcentury. N. Y.: Cambridge University Press, 1991. 268 p.

217. De Benedetti C. An American Ordeal: The Antiwar Movement of the Vietnam Era. Syracuse: Syracuse University Press. 1991. 512 p.

218. Décharné M. Teddy Boys: Post-War Britain and the First Youth Revolution. London: Profile Books Ltd, 2024. 336 p

219. Didion J. Slouching Towards Bethlehem. N. Y.: Dell Publishing, 1968. 256 p.

220. Dimascio A., Klerman G. Experimental human psychopharmacology: The role of non-drug factors // The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy / Ed. by Sarwer-Foner G. J. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1960. P. 56–97.

221. Doyle M. The Haight-Ashbury Diggers and the Cultural Politics of Utopia, 1965-1968. Doctoral (Philosophy) Dissertation. Cornell University. 1997. 352 p.

222. Duncan R., Smith M. The Power of Comics: History, Form and Culture. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2009. 356 p.

223. DuNoyer P. Liverpool: Wondrous Place. London: Virgin Books, 2002. 400 p.

224. Duran G. Dandys extrafinos. Madrid: Papel de fumar, 2011. 244 p.

225. Eaklor V. Queer America: A GLBT History of the 20th Century. London: Greenwood Press, 2008. 312 p.

226. Ellis S. British public opinion and the Vietnam war // Journal of Transatlantic Studies. 2020. № 18. P. 314 - 332.

227. Farber D. The Age of Great Dreams: America in the 1960s. N. Y.: Hill and Wang, 1994. 296 p.

228. Fejes F. Gay Rights and Moral Panic: the Origins of America's Debate on Homosexuality. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. 290 p.

229. Feldman C. ‘We are the Mods’: A Transnational History of a Youth Culture. Doctoral (Philosophy) Dissertation. University of Pittsburgh, 2009. 619 p.

230. Ferris R., Lord J. Teddy Boys: A Concise History. Wrea Green: Milo Books, 2012. 132 p.

231. Firth S., Horne H. Art into Pop. London: Methuen, 1988. 208 p.

232. Fitzgerald F. My Lost City & Other Autobiographical Essays: My Lost City, The Crack-Up, Pasting It Together, Handle with Care, Afternoon of an Author, Early Success & My Generation. London: Cambridge University Press, 2005. 57 p.

233. Flacks R. Youth and Social Change. Chicago: Markham, 1971. 147 p.

234. Fowler R. Linguistic Criticism. Oxford: Oxford University Press, 1986. 212 p.

235. Fyvel, T. Fashion and Revolt // The subculture reader/ Ed. by Gelder K. London: Routledge, 2005. 599 p.

236. Gaddis J. The Cold War. A New History. N.Y.: The Penguin Press, 2005. 254 p.

237. Gaddis J. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y.: McGraw-Hill Education, 1990. 360 p.

238. Galbraith J. The Affluent Society. Boston: Houghton Mifflin, 1998. 288 p.

239. Godfrey B. Urban Development and Redevelopment in San Francisco // Geographical Review. 1997. Vol. 87, No. 3. P. 309-333.

240. Goldthorpe J. H., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. The Affluent Worker in the Class Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 248 p.

241. Goodrum A. National Fabric: Fashion, Britishness, Globalization. Oxford: Berg, 2005. 256 p.

242. Green, J. All Dressed Up: The Sixties and the Counterculture. London: Vintage UK, 1999. 496 p.

243. Gunn T. The Sense of Movement. London: Faber & Faber, 1977. 64 p.

244. Halberstam D. The Best and the Brightest. N.Y.: Ballantine Books, 1993. 720 p.

245. Haldeman D. The practice and ethics of sexual orientation conversion therapy // J Consult Clin Psychol. 1994. Vol. 62 (2). P. 221-227.

246. Hallin D. The Uncensored War: the Media and Vietnam. N.Y.: Oxford University Press, 1986. 293 p.

247. Hamon H., Rotman P. Génération tome 1: Les années de rêve, Paris: Seuil, 1987. 616 p.

248. Hamon H., Rotman P. Génération tome 2: Les années de poudre, Paris: Seuil, 1988. 704 p.

249. Harrington M. The Other America: Poverty in the United States. N. Y.: Macmillan, 1997. 254 p.

250. Harvey, L. Critical Social Research. London: Unwin Hyman, 1990. 256 p.

251. Haslam D. Manchester: The Story of a Pop Cult City. London: Fourth Estate, 2000. 352 p.

252. Heal D., Smith S., Gosden J., Nutt D. Amphetamine, past and present - a pharmacological and clinical perspective // J Psychopharmacol. 2013. Vol. 27(6). P. 479-496.

253. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. N. Y.: Routledge, 1991. 195 p.

254. Hoggart R. The Uses of Literacy. London: Chatto and Windus. 1957. 384 p.

255. Howard J. The Flowering of the Hippie Movement // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1969. Vol. 382, Protest in the Sixties. P. 43-55.

256. Imagine Nation: The American Counterculture of the 1960s and ‘70s / Ed. by Braunstein P., Doyle M., N.Y.: Routledge, 2002. 322 p.

257. Johnson R. Lenore Kandel’s the Love Book: Psychededlic Poetics, Cosmic Erotica, and the Sexual Politics in the Mid-Sixties Counterculture // Reconstructing the Beats / Ed. by Skerl J. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2004. P. 89-104.

258. Jones J. Use My Name: Jack Kerouac’s Forgotten Families. Ontario: ECW Press, 1999. 184p.

259. Jony A., Islam M., Tabassum T., Jhumu M., Nizam M. Influence of 1960’s Hippie Counterculture in Contemporary Fashion // International Journal of Textile and Fashion Technology (IJTFT). 2017. Vol. 7, No. 4. P. 11–20.

260. Kamieński L. Shooting Up: A Short History of Drugs and War. Oxford: Oxford University Press, 2016. 381p.

261. Keniston K. The Uncommitted: Alienated Youth in American Society. N. Y.: Harcourt, Brace & World, 1965. 500 p.

262. Kennedy R. Interracial Intimacies: Sex, Marriage, Identity, and Adoption. N. Y.: Pantheon Books, 2003. 688 p.

263. King A. British Public Opinion, 1937–2000: The Gallup Polls. London: Politicos, 2001. 320 p.

264. Klimke M. 1968 in Europe: A History of Protest and Activism. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2008. 352 p.

265. Korn H. Student Activism and Protest San Francisco. N. Y.: Jossey-Bass, 1970. 265 p.

266. Labov, W., Waletzky, J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience, Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7 (1–4). P. 3–38.

267. Laing R. D. The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. London: Penguin Books, 1990. 224 p.

268. Law K. Pattern, Puzzle, and Peculiarity: Rhodesia's UDI and Decolonisation in Southern Africa. The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2017. Vol. 45(5). P. 721–728.

269. Leary T. Chaos & Cyber Culture // Ed. by Horowitz M., Marshall V. Berkeley, CA: Ronin Publishing, 1994. 272 p.

270. Leary T. The Politics of Ecstasy. N. Y.: Ronin Publishing, 1998. 221 p.

271. Lee M., Shlain B. Acid Dreams. N. Y.: Grove Press, 1992. 384p.

272. Lee R. The Beats: Authorships, Legacies. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 248 p.

273. Lifton R. Home from the War: Vietnam Veterans, Neither Victims nor Executioners. N. Y.: Simon & Schuster, 1973. 478 p.

274. Lydenberg R. Word Cultures: Radical Theory and Practice in William S. Burroughs' Fiction. Urbana: University of Illinois Press, 1987. 224p.

275. MacFarlane S. The Hippie Narrative: A Literary Perspective on the Counterculture. Jefferson, NC: McFarland and Co. Inc., 2007. 263 p.

276. Maher P. Kerouac: The Definitive Biography. N. Y.: Taylor Trade, 2004. 484p.

277. Maltz D. British Aestheticism and the Urban Working Classes, 1870-1900. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. 300 p.

278. Marr A. A History of Modern Britain. London: Pan Macmillan, 2009. 640 p.

279. Martinez M. Countering the Counterculture: Rereading Postwar American Dissent from Jack Kerouac to Tomas Rivera. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2003. 360 p.

280. Marwick A. The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy, and the United States, c.1958–c.1974. N. Y.: Oxford University Press, 1998. 903 p.

281. Massey D., Denton N. American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 312 p.

282. Mauger G. Gauchisme, contre-culture et néo-libéralisme: pour une histoire de la génération de Mai 68'// L'identité politique, Paris: PUF, 1994, P. 216-217.

283. May E. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. N. Y.: Basic Books, 2008. 320 p.

284. May T. The Economic and Social History of Britain, 1760–1970. London: Longman, 1987. 442 p.

285. McAdam D. Freedom summer, N. Y.: Oxford University Press, 1988. 368 p.

286. McNally D. Desolate Angel: Jack Kerouac, the Beat Generation, and America. N.Y.: Random House, 2003. 416 p.

287. McRobbie, A. Settling Accounts with Subcultures: A Feminist Critique // Screen Education. 1980. № 39. P. 16–34

288. McRobbie, A. Shut Up and Dance: Youth Culture and Changing Modes of Femininity // Cultural Studies. 1993. Vol. 7, No. 3. P. 406–426.

289. Meier A, Rudwick E. Along the Color Line: Explorations in the Black Experience. Urbana: Univ. Ill. Press, 1976. 404 p.

290. Melly G. Revolt into Style: The Pop Arts. Oxford: Oxford University Press, 1989. 288 p.

291. Mentre F. Les générations sociales, Paris: Éditions Bossard, 1920. 299 p.

292. Miles B. Hippie. N. Y.: Sterling, 2004. 384 p.

293. Miles B. London Calling: A Countercultural History of London since 1945. London: Atlantic Books, 2010. 480 p.

294. Moran L. Winston Churchill: The Struggle for Survival 1940-1965. London: Sphere, 1968. 864 p.

295. Morris A. A Retrospective on the Civil Rights Movement: Political and Intellectual Landmarks // Annual Review of Sociology, 1999. Vol. 25, P. 517-539

296. Morris A. The Origins of the Civil Rights Movement: Black Communities Organizing for Change. N. Y.: Free Press, 1984. 354 p.

297. Newmeyer J., Johnson R. The heroin epidemic in San Francisco: estimates of incidence and prevalence // Int J Addict. 1976. Vol. 11(3). P. 417-438.

298. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. No. 26. P. 7–24.

299. Outline of The Rise and Fall of the Angry Young Men. URL: https://www.colinwilsonworld.net/the-angry-young-men (дата обращения 08.11.24).

300. Oxford Guide to British and American Culture / Ed. by Crowther J., Kavanagh K. Oxford: Oxford University Press, 1999. 644 p.

301. Pagis J. May ’68: Shaping Political Generations. Protest and Social Movements. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 325 p.

302. Perry C. The Haight-Ashbury. A History. N. Y.: Vintage Books, 1985. 306 p.

303. Peters N. The Beat Generation and San Francisco's Culture of Dissent // Reclaiming San Francisco: History, Politics, Culture. San Francisco: City Lights Books, 1998. C. 157–170.

304. Pinto-Duschinsky M. Bread and Circuses: The Conservatives in Office, 1951-64 / The Age of Affluence. / Ed. by Bogdanor V., Skidelsky R. London: Macmillan Papermac. 1970. P. 55-77.

305. Protest. The Beat Generation and The Angry Young Men. / Ed. by Feldman G., Gartenberg M. London: Panther Books, 1959. 319 p.

306. Quarter J. The student movement of the sixties. Toronto: The Ontario Institute for studies in education. 1972. 138 p.

307. Raskin J. American Scream: Allen Ginsberg's Howl and the Making of the Beat Generation. Berkeley: University of California Press, 2004. 320 p.

308. Reich C. The Greening of America: How the Youth Revolution is Trying to Make America Livable. N. Y.: Random House, 1970. 347 p.

309. Ren Tan H., Wang T. McCarthyism, Media, and Political Repression: Evidence from Hollywood // NBER Working Paper. 2025. № 32682. 75 p.

310. Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain / Ed. by Hall S., Jefferson T. London: Routledge, 1993. 285 p.

311. Rogoff I. Terra Firma. London: Routledge, 2000. 216 p.

312. Ross S. Youth Culture and the Post-War British Novel: from Teddy Boys to Trainspotting. London: Bloomsbury Academic, 2018. 288 p.

313. Rossinow D. The New Left in the Counterculture: Hypothesis and Evidence // Radical History Review. 1997. Vol. 67. P. 79–120.

314. Rothstein R. The Color of Law: A Forgotten History of How Our Government Segregated America. N.Y.: Liveright, 2017. 336 p.

315. Schaller M., Schulzinger R., Anderson K. Present Tense: The United States Since 1945. Third Edition, Boston: Houghton Mifflin, 2003. 576 p.

316. Schreker E. Many Are the Crimes: McCarthyism in America, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. 573 p.

317. Shakouchi Y. The Stereotypes of the Beatniks and Hip Consumerism: A Study of Mad Magazine in the Late 1950s and 1960s. The Journal of Popular Culture. 2015. Vol. 48(6). P. 1270–1286.

318. Sheehan N. A Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam. N.Y.: Vintage, 1988. 862 p.

319. Silos J. “Everybody get together”: The sixties counterculture and public space, 1964-1967 Doctoral (Philosophy in History) Dissertation. the University of New Hampshire, 2003. 226 p.

320. Singh A. Keeping India in the Commonwealth: British Political and Military Aims, 1947-49 // Journal of Contemporary History. 1985. Vol. 20, No. 3, P. 469-481.

321. Small M. The impact of the antiwar movement on Lyndon Johnson, 1965-1968: a preliminary report // The Vietnam Antiwar Movement / Ed. by Hixson W. N. Y.: Garland, 2000. P. 1-22.

322. Spates J. Counterculture and Dominant Culture Values: A Cross-National Analysis of the Underground Press and Dominant Culture Magazines // American Sociological Review, 1976. Vol. 41. P. 868-883.

323. Spates J., Levin J. Beats, Hippies, the Hip generation, and the American Middle Class: an Analysis of Values // International Social Science Journal. 1972. Vol. 24 No. 2. P. 326-353.

324. Starr C. 'I Want to Be with My Own Kind': Individual Resistance and Collective Action in the Beat Counterculture, in Reconstructing the Beats/ Ed. by Skerl J. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2004. P. 41 – 54.

325. Stone S. Hippies from A to Z: Their Sex, Drugs, Music and Impact on Society from the Sixties to the Present. Silver City: Hip Inc., 1999. 176 p.

326. Strain C. The Long Sixties: America, 1954–1973. N. Y.: Wiley-Blackwell, 2016. 224 p.

327. The Age of Affluence. / Ed. by Bogdanor V., Skidelsky R. London: Macmillan Papermac, 1970. 352 p.

328. The Beats: Authorships, Legacies / Ed. by Polley J. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. 256 p.

329. The Transatlantic Sixties: Europe and the United States in the Counterculture Decade / Ed. by Kosc G., Juncker C., Monteith S., Waldschmidt-Nelson B. N.Y.: Transcript Publishing, 2013. 322 p.

330. Theado M. Understanding Jack Kerouac. Columbia: University of South Carolina Press, 2000. 200 p.

331. Toye P. Words of Change: The Rhetoric of Commonwealth, Common Market and Cold War, 1961–3 // The Wind of Change: Harold Macmillan and British Decolonization. Basingstoke: Palgrave, 2013. P. 140-158.

332. Trebitsch M. Voyages autour de la revolution / Les années 68. Le temps de la contestation. / Ed. by Dreyfus-Armand G., Frank R., Lévy M., Zancarini-Fournel M., Brussels: Éditions Complexe, 2000. 525 p.

333. Van Gogh R., Walrave M. Modernized Hippies and Extreme Eco-Warriors. A Qualitative Study on Young Adults' Pro-Environmental Views through the Lens of the

Prototype Willingness Model // European Journal of health Comunication. 2024. Vol. 5 No. 4. Special Issue on Planetary Health. P. 51-76.

334. Viehe F. Atavistic Culture: The Bête Noire of Social Change // The Forum on Public Policy: A Journal of the Oxford Round Table. 2009. Vol. 2009, №. 1. P. 1–28.

335. Weart S. Nuclear Fear: A History of Images. Cambridge: Harvard University Press, 1989. 522 p.

336. Wells T. The War Within: America's Battle Over Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1994. 706 p.

337. Whitfield S. The Culture of the Cold War. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. 261 p.

338. Woodward J. Industrial Organization: Theory and Practice. London: Oxford University Press, 1958. 281 p.

339. Wrobel D. Movement and Adjustment in Twentieth-Century Western Writing //Pacific Historical Review. 2003. Vol. 72 No. 3. P. 393-404.

340. Yinger J. M. Countercultures: The Promise and the Peril of a World Turned Upside Down. N. Y.: The Free Press, 1982. 371 p.

341. Zimmerman N. Counterculture Kaleidoscope: Musical and Cultural Perspective on Late Sixties San Francisco. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. 240 p.

342. Zimmermann, M. Diálogos entre moda e rua: Teddy Boys: de subcultura a cultura de massa // Ponto Urbe. 2012. No. 11. P. 1- 27.

343. Zinberg N. Drug, Set, and Setting: The Basis for Controlled Intoxicant Use. New Haven: Yale University Press, 1984. 159 p.

344. Zweig, F. The Worker in an Affluent Society. London: Heinemann, 1961. 535 p.

Приложения

Приложение 1.

Схема 1. Семья.

Посвящена влиянию семейных отношений на формирование личности «отчужденных» молодых людей, с акцентом на доминирующую роль матери, отсутствие отцовской фигуры, а также особую динамику семейной привязанности.

Схема 2. Ранние годы

Преобладание воспоминаний, связанных с **«оральностью»**, — тема потребления, питания, заботы. «Отчужденные молодые люди» часто вспоминают процесс кормления и проблемы, связанные с ним: отравления, несварения, «муки гастрита». Интересен тот факт, что положительные воспоминания по этой теме практически отсутствуют.

Преобладание женщин в ранних воспоминаниях также является характерной чертой. Постоянное присутствие женского образа в жизни — мать, тётушка, бабушка, подруги — формирует значительную часть воспоминаний. Мужской образ либо совсем отсутствует (детство некоторых из опрошенных пришлось на Вторую мировую войну, и отцы участвовали в боевых действиях), либо игнорируется.

Схема 3. Школьные годы

«Отчужденные молодые люди» быстро осознали своё **интеллектуальное превосходство над сверстниками.** Им было проще выполнять задания, что вызывало симпатию и одобрение со стороны преподавателей.

Коммуникативные навыки у «отчужденных молодых людей» были **недостаточно развиты** вследствие отсутствия интереса к взаимодействию с ровесниками и участию в командных видах спорта, таких как бейсбол и футбол. В их самоописаниях детства часто встречаются выражения «слегка застенчивый», «интровертированный», «необщительный», что указывает на их склонность к домашнему времяпрепровождению и, возможно, чрезмерную привязанность к матери. Они действительно предпочитали (или считали, что предпочитают) возвращаться домой после школы, чтобы читать или играть в одиночестве.

Схема 2. Ранние годы.

Отражены особенности раннего детского опыта, связанные с телесностью, заботой и восприятием взрослых (особенно женщин), формирующих базовые эмоциональные и гендерные установки.

Схема 3. Школьные годы.

Рассматривается школьный период как этап углубляющегося отчуждения, обусловленного интеллектуальной изоляцией, слабо развитыми коммуникативными навыками и сознательным отказом от групповой социализации.

Схема 4 Пубертатный период и отношения с противоположным полом

Подростковый период у «социально изолированных молодых людей» часто ассоциируется с **новыми и неизвестными ощущениями**, которые они стремились направить **в конструктивное русло** через дисциплину и чтение книг. Это способствовало увеличению их интеллектуального разрыва с ровесниками.

Именно в этот период некоторые «отчужденные молодые люди» предпринимали попытки привлечь внимание через совершение административных правонарушений, таких как распитие алкоголя в общественных местах и мелкое хулиганство. Важно отметить, что воспоминания о реакции родителей, школьной администрации и полиции для них были более значимыми, чем воспоминания о самом проступке.

Сексуальность сама по себе была особенно тревожным аспектом в жизни для этих молодых людей. Отсутствие сексуального образования и особые религиозные догмы породили чувство вины за мастурбацию, сексуальные фантазии и некоторые сексуальные действия.
Сексуальные фантазии отчужденных как в раннем подростковом возрасте, так и позже, в студенческие годы, имеют характерное качество, напоминающее об акценте на "оральности" в раннем детстве. В своих эротических фантазиях, как и в реальном сексуальном поведении, эти молодые люди избегают проявления инициативы. Чаще всего эта “пассивность” в фантазиях и действиях проявляется в выборе партнера - она должна быть намного старше.

Схема 4. Пубертатный период и отношения с противоположным полом.

Анализируются переживания сексуальности, сложности в эмоциональной и телесной близости, а также напряжение, возникающее при столкновении с гендерными и социальными ожиданиями в подростковом возрасте.

Приложение 2

К. Кизи, Р. Род. Плакат «Сможете ли вы пройти кислотный тест?», посвящтнный вечеринкам коммуны «Веселые проказники». Из оцифрованной архивной коллекции С. Шертлифа – сына Л. Шертлифа (также известного как Р. Род).

Приложение 3

"WORST" NOVEL OF THE YEAR

On The Road

Jack Kerouac's book was a sick example of how the other half (the half-baked half) lives. It became the bible of the "Beat Generation," a group of idiots who stay up all night listening to jazz records and poetry. As these cats never get any sleep, you can guess why they're "beat."

Материал «“Худший” роман года», посвященный роману Дж. Керуака «На дороге», из статьи «Первая ежегодная премия журнала “Mad” за антизаслуги 1958 г.». Журнал Mad, март 1959 г.

Приложение 4.

Выпуски комикса «Приключения Джерри Льюиса» (“The Adventures of Jerry Lewis”), посвященные персонажу Бит Нику (слева направо) № 58, май–июнь 1960 г.; № 59, июль–август 1960 г.; № 62, январь–февраль 1961 г.

Приложение 5.

Комикс «Свидание с Джуди» (“A Date With Judy”) № 78, август-сентябрь 1960 г.

Приложение 6.

Комикс «Успех Добби Гиллиса» (“The Many Loves of Dobie Gillis”) № 4, ноябрь-декабрь 1960 г.

Приложение 7.

Комикс «Приключения Боба Хоупа» (“The Adventures of Bob Hope”) № 72, декабрь 1961-январь 1962 г.

Приложение 8.

Перевод Геттисбергского послания А. Линкольна на язык битников. Журнал Mad, № 49, сентябрь 1959 г.

Приложение 9.

Комикс «Успех Добби Гиллиса» (“The Many Loves of Dobie Gillis”) № 1, май-июнь 1960 г.

Приложение 10.

Продолжительность жизни в Великобритании с 1901 по 2021 гг. // Parliamentary Research Briefings. “The Welfare State”. P. 8. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-111/RP99-111.pdf

Приложение 11.

Строительство новых домов в Великобритании с 1946 по 2016 гг.// House of Commons. Communities and Local Government Committee: Local Government Finance. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmselect/cmcomloc/173/17305.htm (дата обращения 08.11.24).

Строительство новых домов в Великобритании с 1900 по 1990 гг.// Parliamentary Research Briefings. The Welfare State. P. 8. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-111/RP99-111.pdf (дата обращения 08.11.24).

Приложение 12.

Количество учеников средней школы на одного учителя с полной занятостью в Великобритании с 1909 по 1997 год

Примечания: 1946-1950 годы не включают Шотландию.

Данные за годы первой и Второй мировой войны отсутствуют.

Количество обучающихся в Великобритании с 1909 по 1996 гг. // Parliamentary Research Briefings. The Welfare State. P. 10. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-111/RP99-111.pdf (дата обращения 08.11.24).

Приложение 13.

Показатели государственных расходов Великобритании со времен Второй мировой войны // ICAEW. The Future of Tax and Public Spending: Graphic - 70 Years of Public Spending. URL: https://www.icaew.com/insights/insights-specials/the-future-of-tax-and-public-spending/Graphic-70-years-of-public-spending (дата обращения 08.11.24).

Приложение 14.

Знак «Пацифик». Изначально он использовался как символ «Кампании за ядерное разоружение» (CND) и отражал конкретный политический контекст борьбы против ядерного оружия (слева). В 1960-е гг. тот же знак был переосмыслен хиппи как универсальный символ пацифизма, любви и контркультурных ценностей (справа).

Приложение 15.

Слоган Джона Леннона и Йоко Оно “War Is Over (If You Want It)” был частью их антивоенной кампании, начатой в 1969 г. Он был посвящен протесту против войны во Вьетнаме и выражал веру в силу коллективного сознания и желания людей прекратить вооруженные конфликты.

Приложение 16.

Обложка альбома “Sgt. Pepper’s Lonely Hearts Club Band” (1967). Авторы идеи – П. Блейк, британский поп-арт художник, его жена художница Дж. Хоуэрд и фотограф М. Купер.

Идея заключалась в том, что группа как бы выступает перед «аудиторией» выдающихся людей прошлого и настоящего

Приложение 17.

Обложка альбома “The Who Sell Out” (1967). Авторы идеи – арт директор Д. Кинг, карикатурист Р. Лоу и фотограф Д. Монтгомери.

Приложение 18.

Подпись под фото: *Билл Кек в своей квартире в Нижнем Ист-Сайде примерно в 1953 г., один из выдающихся ПОДЗЕМНЫХ (Фриц Николс); он вошел в КНИГУ СНОВ Дж. К. как Дик Бек. За окном, выходящим на Бауэри и Ист 2-й Стрит, кладбище, он написал «Любовь - это лаймово-зеленое дерево», последняя строка стихотворения, выглядывающая наружу, 1953 год. Аллен Гинзберг*

Из оцифрованной архивной коллекции поместья А. Гинзберга / Национальная галерея искусств.

Приложение 19.

Сеть «вдохновителей» представителей контркультуры - преподаватели, писатели, философы и др., чьи взгляды и личные практики сформировали идеологическую основу нонконформистского образа жизни в США. Авторская карта включает фигуры, оказавшие влияние как в начальный период становления контркультуры, так и в последующие этапы ее эволюции.

Приложение 20.

Карта первого этапа развития контркультурных движений (~1943–1954 гг.). Ядро составляли писатели, музыканты и представители бедной, но образованной богемы Нью-Йорка. Основным узлом этой сети были бары и клубы Гринвич-Виллидж, выполнявшие функцию пространств творческого и интеллектуального обмена. В то же время британский андеграунд формировался параллельно и изолированно, в виде сообщества «разгневанных молодых людей», не связанного напрямую с американской средой.

Приложение 21.

Сеть non-human actors включает коммуны и музыкальные группы, поскольку они представляют не индивидуальные фигуры, а формы коллективного сознания, действующие как субъекты, транслирующие ключевые ценности контркультуры.

Приложение 22.

Карта второго этапа развития контркультуры (~1955–1964(5) гг.) демонстрирует расширение сети: к кругу битников присоединяются новые акторы, формируются коммуны и возникает музыкальная сцена как важный элемент тиражирования нонконформистских идей. География движения также выходит за пределы США, однако связи фрагментарны и недостаточно устойчивы, чтобы говорить о полноценном трансатлантическом влиянии на этом этапе, как США на Великобританию, так и в обратную сторону.

Приложение 23.

Наклейка «Направляйся к миру», выпущенная в период предвыборной кампании Тимоти Лири на пост губернатора Калифорнии в 1969 г.

Официальный плакат предвыборной кампании - «Come Together Join the Party», «Тимоти Лири – губернатор Калифорнии».

Приложение 24.

Карта третьего этапа развития контркультуры демонстрирует многоуровневость сети к концу «долгих шестидесятых». Она объединяет индивидуальных акторов (писателей, философов, музыкантов) и коллективные формы – коммуны и музыкальные группы как non-human actors. Размер узлов отражает степень вовлеченности: центральное место занимают А. Гинзберг, У. Берроуз, Т. Лири, Дж. Керуак, “The Beatles” и коммуна «Веселые проказники», что подтверждает сохранявшийся авторитет первых представителей контркультуры.

Приложение 25.

Декриминализация марихуаны в США

Приложение 26.

Декриминализация психоделиков в США

Приложение 27.

Вечерний костюм “Yves Saint Laurent” из разноцветной шелковой органзы, атласа и тафты, (1969). Юбка сделана в стиле «пэчворк», т.е. из кусков ткани. Подобное решение представляло собой не только кутюрный эксперимент с формой и фактурой, но и очевидную аллюзию на эстетику хиппи, для которой характерно повторное использование, что симвозизирует отказ от перепроизводства и гиперпотребления.

Приложение 28.

Фото Твигги в костюме в стиле хиппи на фоне пригородных домов в 1967 г., было одним из первых примеров интеграции элементов хиппи-эстетики в пространство высокой моды и коммерческой рекламы.

Приложение 29.

Коллекция “Fendi” осень-зима 1991 г. Модным домом тогда руководил К. Лагерфельд. Здесь образы хиппи были переосмыслены через использование меха и кожи (что настоящему стилю хиппи было не свойственно).

Приложение 30.

Коллекция “Roberto Cavalli Resort” 2017 г. в стиле “boho-chic”, где была использована хиппи-эстетика.